

*По следам
загадочных
зверей*

Бернар
Эйвельманс

Бернар Эйвельманс
ПО СЛЕДАМ ЗАГАДОЧНЫХ ЗВЕРЕЙ
(Bernard Heuvelmans, «Sur la piste des betes ignorees», 1955)

Перевод с французского: И. Алчеев, Н. Непомнящий, П. Траннуа
Первое издание: «Вокруг света», 1994 (под заголовком «Следы невиданных зверей»), второе изд. – «Вече», 2000 (под заголовком «Тайны загадочных зверей»).

Творчество известного бельгийского зоолога Бернара Эйвельманса совершенно незнакомо отечественному читателю. Между тем он написал более десятка увлекательных книг о гигантских морских змеях и кракенах, динозаврах и «снежных людях». Ученый много путешествовал, в его досье – десятки тысяч свидетельств о невиданных животных со всех континентов. Книга предназначена для всех, кому не безразличны поиск неведомого, тайны природы.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ
От редакции журнала «Вокруг света»

Книги – как люди – они стареют, но не теряют при этом своей привлекательности и становятся еще более мудрыми и интересными собеседниками. Книги Бернара Эйвельманса – в особенности. Имя этого удивительного человека известно у нас в стране немногим, лишь тем, кто увлечен поисками неведомых доселе форм жизни, тем, кто мечтает о приключениях и открытиях. «Следы невиданных зверей» – главная книга этого знаменитого бельгийского криптозоолога, материалы для которой он собирал много лет (всего Эйвельманс написал около десятка увлекательных книг). Она посвящена не разгаданным до сих пор тайнам зоологии, поискам и находкам новых видов живых существ.

Эйвельманса справедливо называют «отцом криптозоологии», впервые – среди зоологов! – во весь голос заявившем о том, что на нашей планете существуют уголки с неведомыми до сих пор формами жизни. У ученого сегодня много последователей. Это ученики из его школы – школы изучения непознанного.

Журнал на протяжении своей более чем 130-летней истории много раз писал о поисках и открытиях таинственных животных. Можно вспомнить хотя бы дневники геолога В. Твердохлебова, опубликованные в начале 50-годов, когда о криптозоологии и знать никто не знал, – о встречах с загадочным существом, напоминающим плезиозавра, в озерах Якутии; заметки советских специалистов, встречавшихся в Западной Африке с огромным волосатым крокодилом; поиски О. Куваевым и В. Орловым гигантского доисторического медведя-арктодуса на Чукотке, нашедший отражение на страницах журнала; истории о морском змее, которого видели рыбаки и военные моряки в самых разных уголках мирового океана; наблюдения за «снежным человеком» отечественных криптозоологов, последователей неутомимого бельгийца... И, наконец, журнал печатал отрывки из этой книги Эйвельманса, написанной достаточно давно, но не утратившей достоверности в наши дни. Сегодня, например, похоже, подтверждается гипотеза ученого о существовании в Африке так называемого «третьего антропоида» – крупной человекообразной обезьяны, живущей в джунглях наряду с шимпанзе и гориллой. Или о том, что в Западной Африке обитают карликовые лесные слоны, взрослые особи которых по размерам не превышают шестимесячных слонят. Экспедиции, возвращающиеся из дальних уголков планеты, приносят сведения о новых видах животного мира, до сих пор неведомых науке.

Издавая эту книгу, редакция журнала «Вокруг света» очень хочет показать, что исследование нашей планеты не окончено, «белые пятна» еще ждут своих исследователей-криптозоологов, которые, кстати, нередко приходят в редакцию с самыми различными идеями и проектами о новых увлекательных экспедициях в разные уголки нашей страны, в пустыни и джунгли, горы и глубины океана... Словом, дело Эйвельманса живет!

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
Предисловие ко второму изданию

Все ли так безнадежно?

Одна из наиболее волнующих тайн просвещенного XX века — загадочные животные, якобы существующие на самом деле. Время от времени то тут, то там встречаются снежного человека, из воды шотландского озера Лох-Несс выныривает голова плезиозавра, по джунглям Индонезии бродит «маленький народец», хорошо известный знатокам туземного фольклора... К сообщениям подобного рода можно было бы отнести как к безобидной выдумке, не возникни на их основе криптозоология — дисциплина, рассматривающая мифических и вымерших животных как реальность наших дней. Приверженцы считают ее наукой, «настоящие» же зоологи, как правило, просто не принимают всерьез — и не без оснований. Но с сугубо научных позиций — действительно ли в криптозоологии нет ничего, кроме обычного для модных современных псевдонаук шарлатанства?

Несколько зоологических фактов

...В 1819 году великий Кювье заявил, что фауна позвоночных изучена полностью, и предложил дальнейшие сообщения об их новых видах считать заведомой фальшивкой. С тех пор открыты лесной слон, окапи, веретенovidная антилопа, горная горилла... И еще с десятков видов, в том числе знаменитая кистеперая рыба, в незапамятные времена давшая начало наземным позвоночным. О ней свидетельствовали лишь палеонтологические данные — и вот оказалось, что один из видов кистеперых рыб здравствует до сих пор!

...Сравнительно недавно кракены считались легендой. Теперь этих гигантских головоногих моллюсков ловят, препарируют и изучают.

...Стеллерова корова, манат, дюгонь. Последние два вида редки, первый — вымер или почти вымер. Многие ученые полагают, что именно они послужили прототипом сирен и русалок, хотя и не поют, а довольно неприятно вопят. Выходит, миф — не совсем миф?..

Несколько криптозоологических артефактов

...В 1961 году зоолог Робер Ле Серрек, плывая на лодке в окрестностях австралийского Большого Барьерного рифа, заснял грозную тень, вдруг всплывшую из глубин к самой поверхности воды. Что это — по фотографии определить трудновато. Сам Ле Серрек уверен, что поймал в объектив плакодерму — гигантскую панцирную рыбу, вымершую, по официальным данным, еще в девоне (!), но доказать это не может.

...Летом 1989-го, будучи в национальном парке Керинчи-Себ-лат на Суматре, британская журналистка Дебора Мартин впервые услышала от местных жителей про орангпендеков — «маленьких людей», обитающих будто бы в джунглях. В сентябре того же года она сама увидела их следы, весьма похожие на человеческие. С тех пор Дебора настойчиво ищет орангпендеков, ради чего снарядила долгосрочную экспедицию. Увы, таинственный лесной народец явно не жаждет встреч с прессой: по уверениям журналистки-энтузиастки, лишь изредка в зарослях лиан мелькают перед ней и ее коллегами существа, соответствующие словесному портрету типичного орангпендека, — коренастые, чуть выше метра, сплошь покрытые черно-бурой шерстью, с гривастыми головами. Пока не удалось не только установить их видовую принадлежность, но даже сфотографировать. Есть только портрет одного из них, собственноручно исполненный Деборой с натуры.

...В 1994 году американский биолог Дэвид Орен, выпускник Гарварда, снарядил экспедицию в Амазонию с целью поиска мапингуари — южноамериканского фольклорного страшилища. Знал он о нем со слов местных индейцев. Согласно их описанию, мапингуари — крупных размеров одноглазый зверь, покрытый рыжей шерстью, ходит на двух ногах, пасть до самого брюха свисает. Чудовище весьма агрессивное и жертвам своим откусывает головы, а спасаясь от погони, выпускает в преследователей струи зловонных газов (откуда — не конкретизировано).

Вот одно из свидетельств. Некий сборщик каучука охотился в лесу. Вдруг он услышал за спиной рычание, обернулся — и обомлел: огромное существо диковинного вида стояло на задних лапах и ревели во весь голос. Туземец не растерялся и выстрелил, животное упало... и тут воздух наполнился таким зловонием, что охотник кинулся наутек. Несколько часов он бродил по лесу, содрогаясь от омерзения, потом все же вернулся к туше и отрезал переднюю лапу. Но трофей так

«благодаря», что пришлось его выбросить в лесу.

По описанию Орен заключил, что мапингуари – не что иное, как гигантские ленивцы, вымершие несколько тысяч лет назад (!). Ученый отправился в джунгли, сопровождаемый десятком индейцев, – все они вооружились винтовками, стрелявшими ампулами со снотворным, и противоязми. Больше месяца маленький отряд бродил по сельве. Ни одного существа, хоть отдаленно соответствующего словесному портрету, встретить не удалось. Материал, собранный экспедицией, включал лишь пучок рыжей шерсти и около 9 кг помета неустановленного происхождения.

...В 1966 г. в одной из пещер Австралии нашли труп сумчатого волка, подозрительно «новый» с виду и демонстрирующий признаки активного разложения. Находку незамедлительно подвергли радиоуглеродному анализу. Результат опечалил: возраст останков составляет несколько тысяч лет.

...В 1986 году Ричард Гринуэлл, американский зоолог, председатель Международного общества криптозоологии, будучи в Мексике, слышал множество рассказов об онце – легендарной дикой кошке, напоминающей гепарда. По преданию, одну из особей этого «вида» приручил некогда сам император ацтеков Монтесума. Гринуэлл договорился с индейскими охотниками: если кому-то из них посчастливится изловить кошку живьем или хотя бы подстрелить, пусть проинформирует его. Спустя несколько месяцев Гринуэлл получил телеграмму: подстрелили, труп заморозили, приезжайте. Прибыв на место, ученый первым делом сам осмотрел добычу как зоолог. Перед ним лежала стройная, грациозная самка вполне кошачьего облика, но с очень длинными, отнюдь не кошачьими ногами. Больше всего она походила на пуму, но, кроме упомянутых длинных ног, отличалась от нее наличием горизонтальных полосок на лапах и иной формой черепа. Для надежности диагностики решили подвергнуть экзemplяр современным биохимическим тестам. Оказалось, все-таки пума, хотя и нетипичная.

...В 1968 году некто Хансен, гражданин Соединенных Штатов, демонстрировал публике вмерзшего в лед снежного человека, доставленного к нему в Миннесотту контрабандой из Вьетнама. Восторга зевак можно было бы и не принимать всерьез, если бы находку лично не освидетельствовал авторитетный французский зоолог Бернар Эйвельманс. Он нашел, что экспонат скорее всего подлинный и посему заслуживает внимания, а наружный осмотр позволил ему как опытному морфологу предположить, что перед ним представитель неизвестного вида человека – Эйвельманс даже, что называется, не сходя с места придумал ему название: Homo pongoides. Вскоре хансеновским экспонатом заинтересовалось ФБР; почти сразу же оба – экспонат и сам Хансен – бесследно исчезли...

Если добавить к сказанному общеизвестные сведения о Несси, встречах со снежным человеком и т.д., может сложиться впечатление, что криптозоология – псевдонаучное шоу вроде телекинеза: верят в нее исключительно дилетанты, а опыты – или лучше сказать «фокусы»? – удаются, лишь когда никто не видит. Действительно, кроме кракенов, нет документально подтвержденных криптозоологических удач. Очень много красочных и загадочных историй, еще больше романтики странствий в джунглях – но ни одного описания нового вида животных, удовлетворяющего Международному кодексу зоологической номенклатуры, да что там – ни одного коллекционного экземпляра или хоть фотографии, изображение на которой поддается точной идентификации. Но...

Но мы не случайно упомянули о том, что за человек носит почетный титул «дедушки криптозоологии». Одно дело – британская журналистка, не имеющая профессиональной подготовки, и совсем другое – маститый зоолог, в профессионализме и добросовестности коего нет сомнений. И Эйвельманс отнюдь не единственный биолог-профессионал среди криптозоологов. Филипп Тобиас из ЮАР, один из крупнейших палеоантропологов мира, до самой пенсии увлеченно работал в директорате Криптозоологического общества. А организаторы исследований? Да, конечно, байки и басни рассказывают туземцы, в университетах не обучавшиеся, но экспедиции-то снаряжают ученые! Результат этих экспедиций неизменно нулевой или почти нулевой – вроде бы сие доказывает, что настоящая наука опровергает криптозоологические домыслы как не подкрепляемые фактами. Тогда почему снаряжаются все новые экспедиции, почему организуются в разных странах криптозоологические общества, почему растет число энтузиастов? Правда, многие из них производят впечатление неизлечимых романтиков, жаждущих чудес.

А что, если романтический флер лишь плотно обволакивает общую картину, искажая ее истинный смысл даже для тех, кто ее рисовал? Попробуем на время забыть о том, кто ищет таинственных животных, и поговорим о другом: кого найдут криптозоологи – если найдут?

Десять вопросов и еще один

Естественное недоверие к криптозоологии среднестатистического биолога с классическим образованием можно сформулировать в виде следующих вопросов.

1. Могут ли в принципе существовать животные, которых изучает криптозоология (в дальнейшем для краткости будем именовать их криптозоями)?
2. Если да, почему их так трудно обнаружить?
3. Почему их встречают лишь представители отсталых племен и народностей?
4. Почему криптозоя водятся преимущественно в тропических лесах?
5. Почему современная аппаратура биосферного мониторинга не регистрирует никаких следов криптозоев?
6. Зачем криптозоологи ищут криптозоев?
7. Надо ли вообще их искать? Представляет ли информация о них реальную ценность?
8. Можно ли полагаться на данные тонких анализов при определении видовой принадлежности кандидата в криптозоя?
9. Надо ли охранять криптозоев, заносить их в Красную книгу?
10. Наконец, итоговый вопрос: есть ли в криптозоологии научность и в чем она состоит, если есть?

А поскольку шум вокруг криптозоологии поднимает исключительно пресса, добавим одиннадцатый вопрос: если реальность криптозоев будет неопровержимо доказана — можно ли считать это сенсацией?

Доверяя экспертизе, проверяй себя

Полагаю излишним соблюдать очередность вопросов. Удобнее начать с самого легкого и самого частного, а именно с восьмого. Возникает он потому, что австралийский зоолог (профессионал!) Арнольд М.Дуглас опорочил вывод о возрасте упомянутого трупа сумчатого волка. По мнению ученого, внутрь останков проникли грунтовые воды, которые сбили приборы с толку. Да и странно: тысячелетней давности тушка демонстрирует признаки разложения сейчас?

Здесь налицо явное недоразумение, досадное, но нисколько не умаляющее достоинств радиоуглеродного анализа как метода. Дело в другом: разумно ли в затруднительных случаях ссылаться на современные тонкие (молекулярные) методы как на последнюю инстанцию? Вспомним: зоолог Гринуэлл констатировал ряд признаков, отличающих предполагаемую онцу от пумы, — вполне уважительных с точки зрения систематики, — но немедленно от них отрекся, получив на руки биохимический вердикт.

Между тем с точки зрения классической, официальной, общепризнанной зоологии это неправомечно. Недаром говорил незабвенный Эркуль Пуаро: «Сам я не слишком полагаюсь на всевозможные экспертизы — меня обычно интересует психология, а не сигаретный пепел». Нас же — в данном случае — интересует зоология, а не спектроскопия, спектрометрия etc. Морфологические признаки для современной систематики столь же весомы, сколь и для допотопной, линнеевской. Именно морфологические различия зоологичны, поскольку непосредственно отражают экологическую уникальность каждого вида.

Любой биолог еще на университетской скамье усваивает одну аксиому, которой стоило бы посвятить целый трактат, но за недостатком места ограничимся ее формулировкой: если таксой (вид, род, семейство, отряд и т.д.) выделится, значит, он что-то делает в природе. Что именно делает? На это можно ответить, изучив экологическую нишу таксона: где, чем и как живут его представители. А на чем прежде всего отражаются экологические приспособления, скажем, той же онцы? Разумеется, на ее морфологических признаках, сиречь на наружном и внутреннем строении. Что касается биохимических и прочих «пробирочных» признаков — «притирка» к экологической нише не обязательно потребует их изменения. За доказательствами недалеко ходить. Одно время очень модной стала геносистематика — классификация животных на основе генетического теста. На первых порах, как водится, взахлеб кричали, что это революция в систематике, что традиционные методы классификации можно смело отбросить, и т.д. А при ближайшем рассмотрении оказалось, что иногда какие-нибудь два вида одного рода показывают различия такой же степени, что и два типа (!).

Случались и другие конфузы — видимо, они вообще неизбежны при попытке абсолютизации тонких методов видовой диагностики. А значит, грамотный диагноз

видовой принадлежности пумы-онцы или любого другого криптозоя должен основываться на комплексе морфологических, экологических и, скажем так, молекулярных его признаков. Если последние вызывают сомнения – лучше решить их в пользу морфологии и экологии.

Зачем мы об этом говорим так подробно? Да затем, что отсюда напрямую следует, например, что Гринуэлл явно поторопился признать свое поражение. Все-таки он, скорее, имел дело с неведомой кошкой, чем с «дефектной» пумой. Если длина ног – признак малозначимый, то от полосок на лапах и от формы черепа отмахиваться не следовало – ибо в смысле экологическом они, несомненно, что-то значат. Полоски на лапах могут служить для опознания самцом самки своего вида (и наоборот) – известно, что природа не пренебрегает ни одной возможностью укрепить барьер репродуктивной изоляции, особенно когда два вида – близкая родня меж собой. А уж форму черепа нетрудно связать и с источником питания, и со способом охоты, даже с динамикой суточной активности!

Словом, отрицательный результат молекулярного теста нельзя считать убедительным опровержением реальности криптозоя как вида. А что можно? Вот теперь уместно обсудить первый вопрос:

Существуют ли они?

Вернее, могут ли существовать в принципе – с точки зрения «нормального» зоолога?

Напомним, из кого состоит разношерстная компания криптозоев: во-первых, из мифологических животных; во-вторых, из давно или недавно вымерших. Реальность сказочных чудовищ теоретически не исключена, но лишь в одном смысле: поскольку фантазия людей, в том числе мифотворцев, по определению не выходит за рамки совокупного человеческого опыта, драконы, сирены и прочие возникли, конечно же, не на пустом месте. У них непременно должны быть прототипы в живой природе. Дракон представлялся существом целиком вымышленным, пока палеонтологи не открыли доисторических летающих ящеров; сирен кое-как идентифицировали со стеллеровыми коровами, и т.п. Словом, хотя и с натяжками, но удастся подобрать оригинал, с которого срисован тот или иной сказочный зверь.

Вопрос же о вымерших животных потруднее. По крайней мере, точно известно, что они существовали, и считается доказанным, что теперь исчезли. Но мыслимо ли принимать всерьез хоть одно из подобных доказательств? Пример: 7 сентября 1936 года в зоопарке Хобарта (Тасмания) скончался престарелый Бенджамин, последний якобы представитель сумчатых волков. Следует ли отсюда, что на планете не осталось ни одной пары особей данного вида, способной произвести потомство?

Не только отсюда, но, пожалуй, вовсе не из чего следовать не может. Одному энтомологу случалось картировать места вы플ода комаров – животных несомненно существующих и уж никак не редких. Так вот: даже на открытых взору рисовых полях Каракалпакии полной доскональности гарантировать нельзя. Ну, а где гарантия, что в поисках сумчатых волков прочесаны все мыслимые места их обитания? Не забудем, это же непроходимые заросли, а не рисовые поля!

Кстати, особого внимания заслуживает вопрос о зарослях. Почему-то криптозои подозрительно концентрируются в тропических лесах. Что, если на самом деле их распределение по природным зонам планеты более равномерно? Тогда их можно было бы поискать в любых необитаемых или почти не обжитых людьми местах. Но... большинство таких мест еще менее пригодно для наблюдений, нежели джунгли. С чего начинать поиск криптозоя во льдах Арктики и Антарктики, в неприступных горах, в толще океана? Видимо, с картирования троп, нор, гнезд, лежищ и т.п. Как его проводить? Очевидно, лично прочесать всю местность. Вот и всё – решение задачи разбивается о невыполнимость даже предварительной ее части! Но допустим, экспедиция, ищущая «человека снежного» на Кавказе, добралась туда, где еще не ступала нога человека разумного. Что получится? Пока последний, проклиная все на свете, будет забивать в скалу очередной клин, первый заметит его и, будучи местным жителем, прекрасно приспособленным к незаметному (!) передвижению в знакомых с рождения горах, скроется так технично, что никто из исследователей даже не заметит, что вообще кто-то неведомый был и исчез!

Остается тропический лес. Идеальное место, где живут люди, пусть нецивилизованные, но способные дать первичную информацию – где искать и кого. Откуда они это знают? Почему мапингуари запросто появляются перед охотниками-аборигенами? Да потому, что последние, как и первые, в тропическом лесу свои! Они знают его как свои пять пальцев и умеют по нему передвигаться не хуже самого

заправского криптозоя!

А теперь главное: тропический лес – очень древнее сообщество, мало изменившееся за последние сотни тысяч лет. Поэтому естественно, что якобы вымерших видов там действительно больше, нежели в других природных зонах.

Итак, если подойти к делу научно, ничего невероятного нет ни в самом факте, что где-то еще обитают давно, казалось бы, исчезнувшие с лица Земли твари, ни в том, что «где-то» почти всегда значит «в тропических джунглях», ни в том, наконец, что цивилизованному человеку – ученому, например, – встретить их гораздо труднее, чем туземцу. То есть ответы на вопросы с третьего по пятый нашего списка вполне материалистичны. Понятно также, почему аппаратура биосферного мониторинга не регистрирует следов жизнедеятельности криптозоев. Она ведь работает довольно «грубо», и вдобавок ее использование предполагает точное знание, кого именно мы ищем и каких признаков его присутствия ожидаем. А ежели не знаешь заранее, как интерпретировать то, что выдают приборы, легко не заметить очевидного.

Зачем они прячутся? И от кого? От нас?

А прячутся криптозои виртуозно. Мы хоть и молча условились говорить о них как о реальности, но ни на секунду не забываем, что реальность – то пока иллюзорная. Почти никого ведь не нашли! Все приведенные выше рассуждения доказывают лишь, что поиск в принципе не безнадежен, но практика показывает, что даже туземцам удача улыбается крайне редко!

Мыслимых причин две: а) численность криптозоев исчезающе мала; б) они, повторимся, умело прячутся. Так зачем же? Чтоб охотники не истребили уцелевших? Какая удивительная разумность!

И все же нет.

Разберемся прежде всего в причинах вымирания отдельных видов. Возлагать вину на цивилизацию столь же легко, сколь нелепо. Человек невольно вытесняет либо намеренно истребляет всех, кто конкурирует с ним как с видом, кто борется с ним за существование. Но одни послушно вымирают, а другие – скажем, крысы, тараканы, комары, городские голуби – вытеснению не поддаются. Выходит, человек – не столь уж важный фактор вымирания животных. Что же сбрасывает их, образно говоря, с ковчега эволюции?

Эволюция

Сумчатые волки, стеллеровы коровы, саблезубые тигры и прочие исчезли или почти исчезли оттого, что отыграли свою роль. Конечно, человек – их конкурент, но второстепенный. Главных следует искать там, где они жили: сумчатому волку – в джунглях Тасмании, стеллеровой корове – в море и т.д. Это те, кто делил с ними кров, выжили их.

Иными словами, криптозои суть то, от чего отказалась эволюция. И совершенно неважно, вымерли они 10 000 лет назад или вымрут через 10 000 лет: в обоих случаях они на Земле не жильцы. Они – тупики, эволюции и в дальнейшем не могут служить для нее материалом, потому и оказались вытесненными.

И прячутся криптозои не столько от людей, сколько от тех, кто их, криптозоев, выгнал с праздника жизни, от соседей своих по биоценозу, руководствуясь отнюдь не разумом, которого у них нет и не было, а древнейшим инстинктом самосохранения: только он и помогает им кое-как дожить последние дни.

А отсюда видна истинная ценность криптозоологии. Мы не пожелали заранее считать ее лженаукой и попытались в ней разобраться. То, к чему привели нас известные науке факты в сочетании с логикой, на десятый вопрос – есть ли научность в криптозоологии – позволяет ответить утвердительно. Но научность эта «зарыта» в несколько неожиданном месте.

Зачем они нам?

Повторимся: что такое криптозои как объект научного исследования? Они – виды, от которых отказалась эволюция, ее безнадежные тупики. Значит, польза криптозоологии как дисциплины, их изучающей, состоит в познании неоптимальной физиологии, морфологии, экологии и биохимии, в познании того, как не надо, как не должно быть устроено животное данной группы (рода, семейства, отряда etc.). Очевиден дальнейший выход в биомеханику и бионику: исследование криптозоев с их

позиций поможет понять, как устроены неудачные живые машины. Все это – уникальная информация, которой современная биология не располагает, и только криптозоологические изыскания способны ее дать!

К такому выводу приводит педантичный научный подход. Итак, ясно, зачем криптозоологам объективно надо искать криптозоев. Но они их и так ищут. С той же целью?

Честно говоря, не похоже. Недаром они – романтики. Судя по тому, что они говорят и пишут о себе сами, целей у них две. Первая – сенсация. Криптозоолог, забравшись в непроходимую глушь, хочет прежде всего удивиться сам и удивить остальных: подумайте только, все считали, что такой-то вид вымер, а он до сих пор цел! Вторая цель – сохранить его и впредь.

Но поскольку есть простое объяснение, отчего вымершие виды могли вымереть не до конца, – нет сенсации. А то, что криптозой, пусть до сих пор живые, все равно не жильцы, говорит о бесполезности попыток сохранить их как виды! Тогда организовывать для них заказники и заносить их имена в Красную книгу – занятие не только практически обреченное на неудачу, но и теоретически бессмысленное. Согласитесь, спасти какой-либо таксон, катастрофически вымирающий из-за антропогенного воздействия, но очень важный как материал для дальнейшего эволюционного процесса, – святое дело. Если начнет вымирать род *Andrena* (группа пчел, бурно эволюционирующая сейчас), его стоит взять под защиту. Но мапингуари? В конце концов, не человек его выжил – не человеку и пытаться его уберечь. А хуже мы ему уже не сделаем.

Краткие итоги

В общем и целом получается, что криптозоология, несмотря на свой имидж псевдонауки, по меньшей мере потенциально научна. Если все изложенное выше справедливо, ее очень легко «дорастить» до настоящей науки – для этого ей нужно... как ни парадоксально, прекратить свое существование. По крайней мере, в прежнем качестве дисциплины, претендующей на самостоятельность, какую-то альтернативность и даже эзотеричность. Ибо объективно криптозоологические исследования относятся к самой что ни на есть заурядной зоологии. Более того, незачем даже выделять в ней особый раздел, изучающий криптозоев: все его задачи могут и должны решаться в рамках традиционных зоологических дисциплин – морфологии животных, их экологии, физиологии, биохимии, иммунологии, а также биофизических – биомеханики и бионики.

Не нужно расценивать это соображение как призыв к «криптозоологической революции». Наверняка «онаучивание», «зоологизация» криптозоологии произойдут сами собой по мере накопления фактов – найдут же когда-нибудь всех этих несуществующих зверей, точнее, тех из них, кто все-таки существует! Тогда, правда, криптозоология лишится своего романтического ореола, но так ли уж велика потеря сия, если взамен настоящая наука обогатится целым пластом интереснейших данных!

Часть первая

НЕУГАСИМАЯ СТРАСТЬ К ОТКРЫТИЯМ

Я считаю, что с научной точки зрения отрицать непознанное – это высокомерие. Я не принадлежу к тому типу ученых, которые, сидя в своих кабинетах, заявляют, будто удивительные наблюдения невиданных гигантских животных – чистый вымысел. Уверен, на Земле еще сокрыто множество неизвестных видов животных – великанов и чудовищ.

Из интервью Лоренца Гагенбека, бывшего директора Гамбургского зоопарка

Кто сможет утверждать, что тут или там, в далеких неисследованных краях, не сохранились редкие виды доисторических чудовищ, быть может, даже динозавры?

Из книги знаменитого естествоиспытателя и путешественника Хайатта Веррилла «Загадочные доисторические животные»

Глава 1

ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ – ВОКРУГ НАС!

Весной 1948 года в пустыне штата Нью-Мексико упал и разбился таинственный летательный аппарат. Из-под его обломков были извлечены обгоревшие останки нескольких маленьких человекообразных существ, чей рост не превышал 90 сантиметров. Некоторое время спустя две похожие катастрофы произошли в пустыне штата Аризона.

Из третьего аппарата вытащили целое и невредимое тело одного из находившихся там карликов.

Всякий раз представители ВВС США стремились поспеть на место катастрофы первыми, чтобы подобрать обломки аппаратов и тела тех, кто их пилотировал.

Однако любая секретная информация, как бы тщательно она ни хранилась, все равно однажды становится достоянием гласности. Так в конце концов мир узнал от журналистов правду об этих таинственных происшествиях.

Стало известно, что в американских пустынях приземлились летающие тарелки, прибывшие с другой планеты. Ими управляли невзрачные на вид, обезьяноподобные карлики, и на Землю они, очевидно, прилетели, чтобы шпионить за нами.

Все шестнадцать астронавтов из первого звездолета – увы! – сторели, зато из третьего удалось извлечь не пострадавший труп одного из пришельцев, который отправили на обследование в Фонд Розенвальда в Чикаго. В этих аппаратах были обнаружены несколько хорошо сохранившихся приборов, время от времени воспроизводивших какую-то информацию с помощью идеографических знаков, неизвестных на Земле.

Неужели никто так и не оценил сенсационность этих известий? Кто знает. Как бы то ни было, вскоре в первое сообщение пришлось внести кое-какие поправки: шестнадцать членов экипажа первой тарелки, мол, не сторели, а были взяты в плен! Естественно, правительство пожелало оставить сей факт в тайне, дабы не вызывать панику...

Шпионы-инопланетяне ничего не сказали (видимо, они просто не умели говорить), правда, один из них любезно указал пальцем место на карте Солнечной системы, где была расположена вторая от Солнца планета, Венера. И тут какой-то умный и сметливый землянин предложил поместить пленников в камеру, наполненную углекислотой, чтобы воссоздать подобие венерианской атмосферы. Дабы шпионы-карлики хоть немного ощутили себя как дома!

Представители американских ВВС не спешили опровергнуть сообщения газет и журналов, что лишний раз доказывало достоверность происшедших событий.

Даже сегодня эта таинственная история продолжает волновать многих. Однако ничего удивительного в том нет, ведь мировая печать раструбила о ней на весь белый свет!

Морские змеи и прочие чудовища отошли на второй план.

Человек стремится познать чудо, и его стремление, откровенно говоря, вполне естественно. Кто из нас хоть однажды не мечтал бежать из этого жалкого мира или просто от обыденной жизни? Понятно, что рассчитанные на широкую читательскую аудиторию публикации только еще больше распалют наше воображение. Но чем тогда объяснить тот факт, что нынешние газеты, как правило, уделяют очень мало места – да и то на последних полосах – сообщениям вроде тех, что я выбрал из множества им подобных, которые были опубликованы за последние три года? Это ли не чудо?

«Токио, 11 марта 1952 года (Франс Пресс).

В настоящее время корейские зоологи ведут поиски пятнадцатиметрового морского змея с толщиной тела один метр. Чудовище, вероятно, обитает на острове Пепсон, что в 25 километрах от г. Пусан, где в прошлом году, согласно некоторым предположениям, оно сожрало восемнадцатилетнюю девушку...».

«Лондон, 27 августа 1953 года (Франс Пресс).

Лохнесское чудовище снова дало о себя знать. Рыбаки из Гирвана, что в графстве Айршир, Шотландия, утверждают, будто в устье реки Клайд они видели настоящее морское чудовище примерно десятиметровой длины, с шеей, как у жирафа, головой, как у верблюда, и с четырехметровым хвостом, покрытым шерстью...».

«Йоханнесбург, 17 января 1954 года (Франс Пресс).

По сообщению «Санди таймс», в пустынной области Карру, в Южной Африке, якобы было замечено какое-то доисторическое животное. Упомянутая газета уточняет, что на этой неделе из Йоханнесбурга туда, где несколько водителей автомашин видели странное существо, отправится экспедиция палеонтологов и охотников, чтобы попытаться его отловить. Как заявляют очевидцы, зверь был 3 метра 50 сантиметров в длину, а его туловище заканчивалось огромным хвостом, как у чудовищ, вымерших предположительно несколько миллионов лет назад...».

Совершенно очевидно, что место той или иной публикации в газете определяется не степенью важности заключенной в ней информации, а, скорее, читательским интересом. Следовательно, необходимо признать, что интерес к «морскому змею» и ему подобным (людям-обезьянам, доисторическим чудовищам, гигантским спрутам и прочим диковинным животным) странным образом пропал как у читателей, так и у журналистов.

С тех пор как мы переступили порог атомного века, простого человека, казалось бы, перестали волновать таинственные, не известные современной науке животные, которые, вероятно, прячутся в каких-то отдаленных уголках земного шара. Сегодня наши взгляды устремлены в бесконечные просторы космоса: мы мечтаем о встрече с селенитами; нас волнует вопрос, проводят ли марсиане опыты с атомной энергией; бывает достаточно только одного описания летающих тарелок со шпионами-венерианами на борту, как по нашим спинам начинают бегать мурашки – в предчувствии Неизвестного.

Страх перед Вселенной в человеческом сознании настолько силен, что, когда тому или иному «космическому явлению» находится самое простое объяснение, люди отказываются в него верить. Всем уже давно известно, что в США военные инженеры изучают проблему воздействия больших высот на живые организмы, и с этой целью они запускают в стратосферу ракеты с маленькими обезьянками. Так неужели никому не приходило в голову установить связь между этими экспериментами и падением на землю космических аппаратов с карликовыми гуманоидами на борту?

Почему никто больше не верит в существование фантастических зверей?

Когда в наше время – я знаю по личному опыту – становится известно, что не где-нибудь, а на нашей планете найдено необыкновенное существо, ископаемое или живое, охочие до сенсаций журналисты не удосуживаются даже упомянуть об этом, и лишь иногда на газетные полосы проскальзывает скупая информация о каком-то невероятном открытии, да и то в рубрике «Происшествия». Даже так называемые серьезные газеты, и те молчат. В этом смысле показательно, что простые и даже высокообразованные люди проявили интерес к латимерии, удивительной рыбе, воскресшей из древних эпох, только спустя пятнадцать лет после того, как она была поймана впервые. Разве тогда, в декабре 1938 года, кто-нибудь взял на себя труд осветить это сенсационное событие или хотя бы просто сообщить о нем? Понадобилось выловить с полдюжины других особей этой сохранившейся «ископаемой» рыбы, чтобы весь мир узнал о том, что Парижский национальный музей естественной истории намеревается – де выставить на всеобщее обозрение некоторые из них, дабы газеты и читатели наконец очнулись...

Однако так было не всегда.

В 1900 году мир вдруг охватила невообразимая страсть: всех заинтересовало открытие другого невымершего ископаемого животного – окапи. Среди людей из самых разных слоев общества ходили упорные слухи о том, что в горах Конго обитает порода гигантских горилл. Ученые уже почти допускали реальность существования в Патагонии гигантского земляного ленивца. А история с питекантропом, останки которого были обнаружены на острове Ява, вызвали в салонах не менее горячие споры, чем дело Дрейфуса.

Чем же объясняется явное равнодушие к тайнам зоологии в наши дни?

Быть может, причина в том, что люди потеряли к ним всякий интерес? Разумеется, нет. Стоит подкрепить сообщение о некоем загадочном явлении достоверными фактами, как интерес к нему тут же возрастает. Возьмем историю с латимерией. Бог знает почему, но люди все же проявили интерес к этой страшной рыбе, даже не заслуживающей того, чтобы называться нашим далеким предком.

Разгадка проста: никто больше не хочет верить слухам о невиданных зверях. И у людей для этого есть все основания.

Прежде всего, они научились справедливо подвергать сомнениям иные статьи, избыточные красочными описаниями чего-то невероятного. Слишком часто читателям приходилось негодовать по прочтении сомнительных или искаженных при переводе сообщений, которые в большинстве случаев так ничем и не заканчивались.

Еще совсем недавно одно фотоагентство распространило снимок огромного животного, выброшенного на берег Красного моря неподалеку от Суэца; подпись под фотографией гласила, что это чудовище – «полукит-полумамонт». На снимке было изображено крупное китообразное с большими загнутыми клыками. Один искушенный наблюдатель ничтоже сумняшеся определил, что это самый обыкновенный кит, просто у него из пасти торчали верхнечелюстные кости, что могло быть следствием

несчастливого случая: либо он наскочил на мину, либо попал под винт парохода.

Незадолго до войны газеты и журналы также объявили о том, что в Северной Африке найден живой обезьяночеловек по прозвищу Аззо, и опубликовали его фотографию. На самом деле им оказался жалкий урод-микроцефал, скорее достойный места в уличном балагане, чем в музее естественной истории.

[Любопытно отметить, что сообщения об уродцах всегда следовали веяниям моды. В конце прошлого столетия выставляли на всеобщее обозрение двух идиотов с недоразвитым мозгом — Максими и Бартоло. Их выдавали за «последних из инков»! Можно побиться об заклад, что следующий такой же дегенерат будет представлен марсианином, захваченным в плен при выходе из летающей тарелки. Умение создавать чудовищ сообразно моде — тоже искусство...]

Сообщения такого рода никогда не получали научного подтверждения (и не без оснований!), поэтому понятно, что читатели, пресытившиеся разными небылицами, в конце концов перестали им верить. Последней каплей, переполнившей чашу читательского терпения, стали несколько достопамятных «шуток». Действительно, в делах серьезных иная шутка способна сбить с толку даже самых беспристрастных исследователей. Так, шутливая атмосфера, созданная журналистами вокруг истории с Лохнесским чудовищем, оказалась настолько невыносимой, что ни одна официальная научная комиссия так никогда и не решилась организовать экспедицию на озеро Лох-Несс с целью проведения там систематических исследований. Не исключено, что именно благодаря несерьезному отношению некоторых невежественных борзописцев к этой проблеме одна из величайших зоологических тайн до сих пор осталась неразгаданной.

Все ли мы знаем о нашей планете?

Главную причину такого отношения следует искать в том, что нынче люди глубоко убеждены: на Земле больше не осталось белых пятен.

Бесстрашные путешественники исследовали нашу планету вдоль и поперек. Они даже достигли ее крайних точек — Северного и Южного полюсов. Сегодня на самолете можно без труда попасть в самые недоступные области земного шара. Географических тайн больше не существует. Мы покорили Эверест, пробурили дно в глубоководном желобе близ острова Манданас в Тихом океане... И теперь обратили взоры к далеким, неизведанным космическим мирам. Мы отвернулись от нашей планеты, как от надоевшей игрушки.

Однако нам известны далеко не все тайны Земли. В целом наши знания ограничены лишь самыми общими представлениями о ней. Мы знаем форму и размеры земного шара, очертания и особенности рельефа континентов, характер покрывающей их растительности; в некоторых местах мы даже проникли в глубину земной коры и изучили ее остоу. Мы представляем в общих чертах конфигурацию дна морей и океанов, а также направление их течений. Но может ли биолог утверждать, что он досконально знает анатомию человека, полагаясь только на внешнее описание его тела?

Да, мы открыли все континенты. Но известно ли нам, что скрывается в их глубине, знаем ли мы, что таится в бездне морей и океанов, которой Пьер де Латиль дал очень удачное название — «Второй космос»?..

Белые пустыни Арктики и Антарктики

В этой книге я не собираюсь приглашать вас на летающую тарелку — в гости к венерианам. Цель моя более скромная и вместе с тем более честолюбивая. Я хочу показать вам огромный «ковчег», полный таинственных существ. Все они земного происхождения, однако это не означает, что в них нет ничего фантастического. Потом вам не придется испытывать разочарование, как в случае со «шпионами» с Венеры, когда все вдруг узнали, что они — самые обыкновенные подопытные макаки-резусы. Здесь речь пойдет о существах совершенно невиданных, по крайней мере нетипичных для современной фауны.

Прежде чем выйти на их след, давайте окинем быстрым взглядом различные районы земного шара, где они могут обитать, с учетом того, что об этих местах нам известно немного.

Начнем, пожалуй, с Антарктиды, однако не будем там долго задерживаться, поскольку этот огромный континент крайне негостеприимен. Его площадь составляет 14 миллионов квадратных километров, что в два раза превышает размеры Австралии, его территория равна территории Западной Европы и Соединенных Штатов, вместе

взятых! Примерно две ее трети вообще не изучены. До 1947 года, когда в Антарктиду отправилась экспедиция адмирала Бэрда, были исследованы только несколько участков одной шестой части ее побережья. После этой широкомасштабной операции – беспрецедентной в истории, так как в ней участвовали 4000 человек, – оставалось лишь определить очертания четырехсоткилометровой линии берегов короля Леопольда и принцессы Астрид, граничащих с землей Принцессы Елизаветы. На сегодняшний день в полной мере изучена только узкая полоса антарктического побережья, о рельефе же Антарктиды мы имеем лишь самые общие представления, поскольку ученые, которым неоднократно доводилось облетать ее на самолетах и бывать на Южном полюсе, всегда следовали по давно проложенным маршрутам. Бесспорно, что Антарктида – самая непригодная для жизни земля; из населяющих ее высших позвоночных нам известны, с одной стороны, только киты, косатки и тюлени, а с другой – пингвины и некоторые другие виды плавающих птиц: качурки и поморники. Кроме того, животные Антарктиды, способные передвигаться по суше, никогда не проникают в глубь материка, а всегда остаются в пределах береговой полосы. Поэтому маловероятно, что в центральной части этой земли могут обитать неизвестные виды млекопитающих и птиц.

И все же такая вероятность, какой бы малой она ни была, существует. Не следует забывать, что во время полетов над Землей Уилкса, простирающейся на 180 километров от антарктического побережья сразу же за берегом Кокса, уходящим в глубь материка на 8 километров, спутники Бэрда обнаружили обширную, свободную от снега и льда зону, по размерам ничуть не меньше территории любого департамента Франции. Исследователи, спускавшиеся туда на вертолете, назвали эту зону оазисом Бангера – в честь капитана Бангера, заметившего ее первым; она была сплошь покрыта небольшими озерами, которые сверкали всеми цветами радуги, потому что там росли разноцветные водоросли. На земле, где были сделаны столь поразительные открытия, можно обнаружить все что угодно.

О Гренландии нам известно лишь немногим больше: в районы, лежащие в центральной и северной частях этого острова, никогда не ступала нога европейца. Но ученым не раз случилось облетать их на самолетах почти над самой землей: они ясно различали там греющихся на солнце тюленей, а также белых медведей, забредающих иногда на 100 километров в глубину острова. На этом покрытом снегами и льдами пространстве все видно как на ладони. И это подтверждает мнение великого французского полярного исследователя Поля-Эмиля Виктора, который писал: «Быть может, придет день, когда в неисследованных областях Гренландии обнаружат еще не известные виды животных. Однако следует иметь в виду, что скорее всего они размерами с насекомых».

Таинственный Черный континент

Хотя Африку исследовали как ни один другой материк и исходили, что называется, всю вдоль и поперек, тем не менее для натуралистов она все равно осталась настоящим кладом тайн и загадок; несмотря на то, что единственным малоизученным местом в Африке считаются отдельные участки центральной части Калахари (великой южной пустыни, поросшей кустарниками), там много других районов, обследованных довольно поверхностно.

В числе областей, где могут обитать еще не известные крупные звери, прежде всего надо назвать влажный тропический экваториальный лес, опоясывающий почти всю Африку от Либерии до области Великих озер. Не будем забывать, что именно здесь, в полосе густой, непроходимой растительности, были сделаны шесть величайших географических открытий нашего столетия (все же их можно по пальцам пересчитать!). Но стоит ли тому удивляться? Деревья здесь достигают шестидесятиметровой высоты, а их покрытые густой листвой ветви переплетены так плотно, что образуют своеобразный навес, сквозь который едва проникает солнечный свет. Этот сотканный из зелени свод удерживает испарения и превращает тенистый лес в настоящую парилку. Почва в лесах здесь покрыта сплошной растительностью – высокими травами, огромными листьями и бесчисленными кустарниками. Применительно к экваториальному лесу нельзя сказать, что животные живут «среди» растений – они слиты с ними воедино. Девственный африканский лес являет собой целый мир, средоточие разных форм жизни – некую «биосферу» в полном смысле слова.

«Если кому-либо и удавалось когда-нибудь проникнуть в эту зону, – писал американский естествоиспытатель Герберт Лэнг, – то только, если можно так выразиться, «на крыльях», а птицы, как известно, стараются пролетать эти крайне негостеприимные места как можно быстрее. Многие путешественники, побывавшие во

всех концах Африки, не нашли здесь ничего привлекательного, В самом деле, редкие голые пространства, выступающие, словно одинокие островки, посреди джунглей в западной части Экваториальной Африки, имеют столь суровый, безрадостный вид, что они просто отпугивают любителей развлекательных путешествий. Беспредельность африканских джунглей действительно наводит ужас: они простираются в глубь континента почти на 3000 километров – от побережья Экваториальной Гвинеи до горстового массива Рувензори, что составляет большую часть территории Экваториальной Африки. Несмотря на богатство растительного мира, африканские тропики – самое гиблое место на земле, поскольку из-за нещадно палящего солнца в этом огромном поясе день и ночь стоит убийственная жара, и температура перенасыщенного влагой воздуха здесь никогда не опускается ниже 100° по Фаренгейту (то есть 40° по Цельсию), что делает здешний климат совершенно невыносимым. Над африканскими джунглями постоянно свирепствуют страшные тропические грозы. Суровые условия превратили туземцев в каннибалов, о чем свидетельствуют многочисленные захоронения белых людей, которые со свойственной юности страстью к приключениям отважились проникнуть сюда лишь для того, чтобы найти здесь безвременную смерть».

Назовем также расположенные в сердце Африки горные области Кении и Катанги в Заире, равно как и зоны, сплошь покрытые болотами и озерами, где тоже могут обитать невиданные крупные звери: озера Замбии и Зимбабве, болота Аддара, простирающиеся на 4000 квадратных километров, или бескрайние топи Бахр-эль-Газалья (притока Белого Нила, протекающего по территории Судана), отдельные участки которых еще никому не удалось пройти.

И Восток тоже...

В Азии также есть места, где практически никогда не ступала нога человека, по крайней мере европейца, – это аравийская пустыня Дехна, протянувшаяся от Красного моря до Персидского залива. «Это самая малоизученная пустыня на земном шаре, – писал о Дехне географ Моретт, – о ней известно даже меньше, чем о Северном и Южном полюсах». Эта иссушенная палящим солнцем бесплодная земля, ставшая последним пристанищем древних цивилизаций, в частности сабейской, привлекает в основном археологов.

Естествоиспытателей куда больше интересуют отроги Гималаев, а также северная и юго-восточная долины этого горного массива, ставшего символом исполинского величия природы. Что же касается необъятных просторов сибирской тайги, окруженной поясом холода, то ее безграничная ширь служит ей самой надежной защитой от всякого вторжения извне.

Но самым главным источником зоологических тайн Азии по-прежнему остаются покрытые джунглями тропические зоны, хотя, как многие полагают, они достаточно хорошо изучены: сколько загадок до сих пор сокрыто в центральных областях Индии, Бирмы, Малакки, Борнео и Суматры!

О центральной горной части Новой Гвинеи тоже ничего не известно, кроме того, что там обитают многочисленные племена, в основном пигмеев, живущих, как и прежде, в каменном веке. В 1938 году американский натуралист Ричард Арчибальд случайно обнаружил в западной части острова прекрасно возделанную долину, где проживали 60 тысяч туземцев!

Позднее, в июне 1954 года, в западных долинах Новой Гвинеи с патрульных самолетов заметили несколько неизвестных племен, насчитывающих добрую сотню тысяч туземцев, что по официальным данным составляет треть всего коренного населения острова – папуасов!

Что уж говорить об Австралии, центральные районы которой покрыты песчаными пустынями, солончаками и зарослями колючего кустарника! Более благоприятными для человека здесь считаются поросшие высокими травами и хильми деревцами степи. Лишь нескольким геологам, влекомым стремлением отыскать новые месторождения полезных ископаемых, случалось забредать в глубь этих неведомых мест, и бывало, что по возвращении из странствий они рассказывали о каких-то таинственных зверях, но им никто не верил, потому что принимали их слова за выдумку. Однако все может быть, тем более что некоторые горные хребты Австралии обследовали только с самолетов!

Затерянные миры Зеленого континента

Самым таинственным континентом на земле по праву считается Южная Америка.

По количеству белых пятен на ней можно судить о том, что и в наши дни она изучена мало. На самых подробных картах бассейн Амазонки выглядит как гигантский ломоть швейцарского сыра. Бертран Флорнуа, отдавший большую часть жизни изучению этого района, называет его «огромным лесным царством, раскинувшимся на пять миллионов квадратных километров». Чем объяснить, что Амазония и поныне хранит свои тайны, хотя на ее исследование ушло четыре столетия? «Дело в том, — считает Флорнуа, — что девственный лес всегда встает непреодолимой преградой на пути победоносного шествия прогресса и в считанные часы сводит на нет все усилия человека, направленные на организацию внутри него новых форм жизни. Стоит человеку проложить в зарослях тропу, как она тут же зарастает. Когда летишь над амазонскими джунглями на самолете, такие города, как Белен и Манаус в Бразилии или Икитос в Перу, кажутся прогалинами. А открытые пространства, где живут индейцы, с высоты неразличимы».

Болота, окруженные со всех сторон невысокими холмами и покрытые многоцветным узорчатым ковром пышной растительности, — это ли не идеальное прибежище для самых разных животных?

Следует признать, что за исключением центральной области плато Мату-Гросу нам практически ничего не известно о значительной части территории Колумбии, о том месте, где сходятся границы Венесуэлы и Гайаны, и об отдельных, немалых участках Андской горной цепи. Далеко не полностью исследована и лесная зона Патагонии.

Наконец, в Южной Америке есть место, заслуживающее особого внимания. Не только потому, что там, согласно некоторым предположениям, обитают пигмеи и необыкновенные чудовища, но и по той причине, что оно представляет собой практически неприступный естественный заповедник. Это место расположено у истоков Ориноко.

Там, посреди Гран-Сабаны, труднопроходимых джунглей, возвышаются месы, огромные песчаниковые плато, отделенные от остального мира отвесными остроконечными скалами высотой от 1000 до 3000 метров. Некоторые из этих мес, выступающих, подобно островам, из «зеленого океана», достигают в длину 30 километров и более. О том, что таится за густой растительностью, покрывающей вершины мес, известно очень немного. Тем не менее часть была исследована, и первопроходцы, кроме всего прочего, обнаружили там совершенно новые виды грызунов, похожих на своих собратьев, обитающих в Венесуэльских Андах, в сотнях километров к западу от этих мест! Месы отделились от Анд в незапамятные времена.

Исследование этих плато оказалось занятием небезопасным. В 1937 году летчик и исследователь Джимми Энджел попытался сесть на вершину меса Ауян-Тепуи, «Горы дьявола», но его самолет упал в болото рядом со скалой. Энджелу, однако, удалось извлечь немного пользы из своего героического предприятия, поскольку он смог обследовать местность лишь в радиусе ста метров от болота, где потерпел аварию его самолет. Дело в том, что склоны мес сплошь изрезаны трещинами и расселинами, образующими целую сеть непреодолимых препятствий.

Нам действительно мало что известно о венесуэльской Гран-Сабане — в подтверждение тому достаточно вспомнить, что в пятидесятые годы Джимми Энджел открыл там несколько водопадов, которые по величине в двадцать раз превосходят знаменитый Ниагарский водопад. [Водопад Ауян-Тепуи был назван «водопадом Энджела» — в честь его первооткрывателя. Любопытно отметить, что благодаря ляпсусу, допущенному при переводе названия, его иногда называют «водопадом Ангела» (от английского «angel»)].

Вырываясь из чрева отвесных, полуторакилометровой вышины, скал Ауян-Тепуи, эти гигантские водяные смерчи низвергаются вертикально с высоты 980 метров, что в три раза превышает высоту Эйфелевой башни! Поскольку расщелины, откуда бьют эти громадные струи, почти всегда скрыты облаками, индейцы торепаны когда-то рассказывали конкистадорам, что в их стране есть грозные каскады, которые падают прямо с неба! Однако им, разумеется, никто не верил...

Следовательно, самый крупный в мире водопад был открыт лишь совсем недавно — неужели сей факт не заставит призадуматься скептиков? Как бы там ни было, но если бы вы им сказали, что видели в тех местах бронтозавра, будьте уверены, они бы рассмеялись вам в лицо...

В этой связи приходится часто слышать мнение, будто именно таинственные венесуэльские месы вдохновили Конан Дойла на написание знаменитого романа «Затерянный мир». В книге, как вы помните, английские исследователи открывают отрезанное от остального мира высокое плато, где, кроме прочих «пережитков» прошлого, сохранились все виды гигантских доисторических рептилий, живших на

Земле, в мезозойскую эру. В ответ на вполне понятное недоверие, с каким был воспринят рассказ путешественников по их возвращении на родину, глава экспедиции профессор Челленджер выпускает из клетки живого птеродактиля как очередное доказательство, с которым трудно не согласиться. А создатели экранизации романа пошли еще дальше: согласно их версии Челленджер и его спутники привозят с собой в Лондон живого диплодока, который, разорвав свои путы, принимается сеять ужас в самом сердце английской столицы, правда, к счастью для лондонцев, все кончается тем, что он оказывается в Темзе...

На самом же деле, как явствует из воспоминаний полковника Фосетта, действие романа разворачивается на холмах Рикардо-Франко, лежащих намного южнее, в месте слияния рек Верде и Гуапоре (где сходятся границы Бразилии и Боливии). В отрывке, где Фосетт рассказывает о том, что произошло с ним и его спутниками в октябре 1908 года, когда путешественники умирали с голоду в местах, которые этот английский исследователь с горечью окрестил «отравленной преисподней», мы читаем: «Над нами вздымались ввысь изрезанные глубокими трещинами отвесные скалы Рикардо-Франко, с плоскими, таинственными вершинами. Ничто не могло нарушить тайну этих вершин – ни время, ни человек. Они были покрыты густыми зарослями – казалось, что это настоящий затерянный мир, и воображение заселяло его разными доисторическими существами, которые вполне могли там сохраниться до наших дней. Не знавшие борьбы за существование в постоянно менявшихся условиях, чудовища, жившие на заре человечества, быть может, продолжают жить и поныне, надежно огражденные от остального мира неприступными склонами скал. Во всяком случае, такое предположение выдвинул Конан Дойл после того, как, вернувшись в Лондон, я рассказал ему об этих холмах и показал их фотографии. Тогда-то он и задумал написать роман, действие которого должно было происходить в сердце Южной Америки, и попросил сообщить ему подробные сведения о тех краях, что я и сделал с удовольствием. Так родился его «Затерянный мир», печатавшийся с продолжениями в 1912 году в «Стрэнд мэгэзин», а потом вышедший в свет отдельной книгой, которую ждал огромный успех».

Сколько естествоиспытателей-романтиков и молодых зоологов, жаждавших приключений, мечтали открыть свой «затерянный мир» после прочтения этого удивительнейшего из романов!

Однако наивно полагать, будто для того, чтобы оказаться оторванным от остального мира и избежать жестокой борьбы за выживание, отдельным представителям доисторической фауны понадобилось заточать себя на вершине горы или на каком-нибудь забытом Богом острове. Пристанищем для таких реликтов может быть любой континент, любой крупный остров; Австралию, к примеру, вполне можно назвать «затерянным миром» сумчатых, Мадагаскар – «затерянным миром» лемуринов или царством пернатых, которое некогда процветало. Глухие места, непригодные для жизни многих животных, есть на всех континентах – там-то и могут обитать отдельные виды фауны, приспособившиеся к местным условиям. Девственные чащобы, непроходимые горы, подземелья, песчаные пустыни – на свете еще столько «затерянных миров»! И столько же вероятностей сделать удивительные зоологические открытия!

Terra incognita

В самом деле, для пытливого зоолога вся наша планета – настоящая «terra incognita».

Оставим в стороне ихтиологов и других специалистов, увлеченных поисками невиданных морских животных: фауна океанов, покрывающих три четверти земного шара, настолько богата, а морские глубины так мало изучены, что ихтиологам и иже с ними здесь все карты в руки. Тем более что самые крупные виды морской фауны до сих пор официально не зарегистрированы. Действительно, существование гигантского морского змея – самого легендарного ее представителя – отныне не подвергается никаким сомнениям: единственно пока, еще вызывает споры его видовая принадлежность.

Каждый морской улов может оказаться с «сюрпризом». Так, в результате систематических поисков, проводившихся в 1952 году в водах Калифорнийского залива, удалось выловить не менее 50 неизвестных видов рыб. Однако, чтобы сделать интересные открытия, не обязательно самому заниматься рыбной ловлей. Фактически ихтиологи, описавшие «новые» виды калифорнийских рыб, заметили, что многие из них продавались с лотков на мексиканских рынках!

В дальнейшем мы увидим, что сенсационные находки делаются не только в

«многолюдных» местах. Случалось, что неизвестные виды и роды млекопитающих и птиц удавалось обнаружить... среди экспонатов в музеях естественной истории, а иногда даже в зоологических садах.

Что касается земной фауны и обитателей пресноводных водоемов, можно, вероятно, считать, что они изучены полностью и нам вряд ли удастся отыскать среди них нечто новое. Говоря откровенно, здесь все зависит от размеров искомым животных.

Для энтомолога, например, полем деятельности является весь земной шар. Но чтобы обогатить науку, представителем коей он является, ему бывает достаточно исследовать собственный сад. То же самое можно сказать и о специалистах по изучению других беспозвоночных или обитателей пресноводных водоемов, чьи размеры в целом невелики. Даже отправляясь в глубины карстовых колодцев, подземных пещер и рек, они могут быть уверены: их ждет там много интересного. Находки спелеологов способствовали тому, что в зоологии было создано целое новое направление, цель которого – регистрация и изучение этих открытий.

«Однако, – пишет доктор Морис Бертон, сотрудник Британского музея, – если мы будем довольствоваться малыми видами и станем искать только насекомых, пауков и им подобных, тогда вряд ли стоит пытаться проникнуть в недоступные места: новые малые виды можно найти и в шаге от дверей своего дома».

Поэтому не надо удивляться, что тем, кто в буквальном смысле слова «занят поисками маленьких зверушек», каждый год приносит богатый урожай новых видов и подвидов, среди которых одних только насекомых насчитывается около 5000 разновидностей.

Что касается неизвестных до сих пор видов мелких земных позвоночных, то описывать их случается не так часто, тем не менее это происходит ежегодно десятки раз: порой зоологам удается обнаружить около тридцати редких видов млекопитающих и двух-трех представителей пернатых. Чаще всего это крохотные грызуны, иногда летучие мыши, даже маленькие сумчатые или насекомоядные; гораздо реже встречаются пернатые, и уж совсем редко – рептилии или амфибии.

Но стоит только задаться целью отыскать невиданное животное крупных размеров, как зона поисков значительно сужается, ограничиваясь, главным образом, местами, перечисленными выше. Однако уточним, что, за исключением Антарктиды, малоизученные или совсем не исследованные области составляют одну десятую часть выступающей из воды земной поверхности!

Впрочем, любой человек, которому приходилось хоть немного путешествовать, понимает, что даже в самых известных уголках Земли есть труднодоступные места, могущие служить прибежищем для невиданных зверей. Для европейцев вряд ли можно найти более показательный тому пример, нежели случай, впервые описанный в 1938 году Вилли Леем. В то время часто появлялись сообщения о том, что в Швейцарских и Австрийских Альпах видели «ящерицу» длиной 60–90 сантиметров, которую никому до сих пор так и не удалось поймать...

Альпийский четырехлапый червь

Говоря откровенно, рептилия, которую обыкновенно называют «татцельвурмом» (четырёхлапым червем), – довольно известный представитель альпийских пресмыкающихся. Этот зверь под названием «штолленвурм» (подземный червь) даже значился в «Новом справочнике для любителей природы и охоты», изданном в Баварии в 1836 году. В этой книге имеется забавный рисунок пещерного червя – покрытого чешуей сигарообразного существа с грозной зубастой пастью и недоразвитыми, в виде обрубков лапами.

Но вот что досадно: еще никому не удалось найти и обследовать останки или панцирь этого животного, которое могло бы считаться самой крупной европейской ящерицей.

А в том, что оно существует, не может быть никаких сомнений. В результате исследования, проведенного в 30-х годах местными газетами и научными журналами, были собраны показания шестидесяти очевидцев. Все они в один голос заявляли, что длина тела животного составляла примерно 60–90 сантиметров, оно имело вытянутую форму, а его задняя часть к концу резко суживалась. Спина у зверя имела коричневатый оттенок, а брюхо – бежевый. У него имелся толстый короткий хвост, шеи не было, а на его приплюснутой голове сверкали два огромных шаровидных глаза. Его лапы были такие тонкие и короткие, что кое-кто даже пытался утверждать, будто задние конечности у него вообще отсутствовали. Некоторые уверяли, что он был покрыт чешуей, но этот факт не всегда находил подтверждение.

Во всяком случае, все были единодушны во мнении, что зверь шипел подобно змее.

Иные легенды о «татцельвурме», безусловно, можно подвергнуть сомнению. Особенно те из них, в которых говорится, что он прыгает на 2–3 метра, проявляет не свойственную ящерицам агрессивность и настолько ядовит, что «способен убить человека одним только дыханием».

Однако, разумеется, не все в этих рассказах вымысел. Как-то раз в 1908 году один профессиональный охотник, пользовавшийся полным доверием австрийского приват-советника А. фон Дразеновича, наткнулся на этого зверя под Мурау, что в Верхней Штирии, на высоте 1500 метров. Зверь напоминал гигантского червя длиной 50 и толщиной 8 сантиметров, ко всему прочему у него были четыре короткие лапы. Охотник знал про агрессивный нрав рептилии и, прежде чем к ней приблизиться, извлек из чехла нож. Когда он подошел к зверю, тот прыгнул на него, целясь прямо в лицо. Человек нанес ему несколько сильных ударов ножом, но лезвие с трудом пробивало твердую кожу. Зверь шесть раз кидался на него, но он успешно отражал все его нападения, и лишь после шестого удара раненый «червь» скрылся в узкой расщелине. Несмотря на все усилия, охотнику не удалось выгнать его из убежища, и потом он больше никогда его не видел.

Об этом случае рассказывал фон Дразенович со слов самого очевидца.

Несмотря на то, что имелось предостаточное число свидетельств и все они были схожи, многие люди так и не поверили в существование татцельвурма. Они выдвигали ставшее расхожим предположение, будто это какая-то чумная выдра. А то, что она прыгает или «шипит», точно змея или кошка, так это вполне допустимо. На подобного рода заявления очевидцы — а среди них было немало знатоков местной фауны — отвечали только одно: очень жаль, что кое-кто не в состоянии отличить татцельвурма от обыкновенной выдры.

Скептики другой категории, придумавшие совсем уж никуда не годное объяснение, утверждали, что рассказы о «четырёхлапом черве» не выдерживают никакой критики, поскольку ядовитых ящериц вообще не бывает.

Подобные заявления, в общем, справедливы, однако у этого правила есть два исключения — мексиканский жилатье и американский эскарион, обитающие в Техасе и Аризоне. Эти огромные ящерицы, достигающие 75 сантиметров в длину, вполне оправдывают данное им название — ядозубы: их нижняя челюсть сплошь усеяна ядовитыми зубами. Когда они кусают свою жертву, их зубы, загнутые, точно крючки, впиваются настолько глубоко, что у нее нет никакой возможности вырваться. Для человека укусы ядозуба очень болезненны, но не смертельны.

Приземистый, с коротким толстым хвостом, ядозуб очень похож на татцельвурма, которого австрийский натуралист доктор Николусси, не колеблясь, окрестил «европейским ядозубом».

Урок татцельвурма

Этот австрийский ученый, однако, поторопился с названием, так как видовую принадлежность альпийского чудо-зверя установить с точностью не удалось. По словам одного учителя, тоже австрийца, видевшего это животное в апреле 1929 года во время исследования Темпельмауэрской пещеры, татцельвурм даже не был похож на рептилию. Но пусть он сам расскажет о том, что с ним приключилось: «Одним весенним утром, взяв с собой все необходимое, я отправился в путь и после короткого подъема добрался до вершины Темпельмауэра. Немного передохнув среди скал, я принялся искать вход в пещеру. И вдруг на земле, покрытой слоем перегноя, я заметил какое-то животное с длинным, как у змеи, телом. Его кожа была почти белая, но не чешуйчатая, а гладкая. У него была приплюснутая голова, а спереди из-под туловища торчали две совсем короткие лапы. Зверь словно застыл на месте, но при этом он не сводил с меня своих огромных глаз. Я могу с первого взгляда определить любое из наших животных (я имею в виду любого представителя местной фауны), и тут мне стало ясно: передо мной не известный науке зверь — тот самый татцельвурм. Меня охватило радостное волнение, и в то же время мне было немного страшновато, но я все же попытался поймать зверя, однако... слишком поздно! С проворством ящерицы животное юркнуло в нору, и все мои попытки выманить его оттуда ничем не закончились. Я уверен, мне это не могло почудиться — зверя я видел очень четко.

У «моего» татцельвурма были маленькие, как будто атрофированные, лапы с короткими когтями; длина его тела не превышала 40–45 сантиметров. Скорее всего, татцельвурм — это необычная разновидность саламандры, которая живет в сырых пещерах и редко когда выбирается на свет».

Споры вокруг татцельвурма достигли апогея в 1934 году, когда швейцарский фотограф Балкен заявил, что ему удалось непроизвольно сфотографировать это загадочное существо. Однажды он бродил в окрестностях Майрингена в поисках живописных видов и неожиданно наткнулся на удивительный «предмет», с виду похожий на истлевший ствол дерева. «Да, — подумал он, — снимок должен получиться хоть куда!» Он навел объектив на «предмет», и в тот миг, когда щелкнул затвор, «древесный ствол» вдруг беспокойно зашевелился и обернулся грозной ящерицей. Наш фотограф, разумеется, тотчас же дал тягу... а когда проявил пленку, то так и подскочил от удивления: объектив его фотоаппарата поймал буквально на ходу невиданное животное. На снимке очень четко была видна «рыбья» голова зверя и его злобная морда. Однако рыбы, как всем известно, не имеют привычки лазать по горам.

Немецкий иллюстрированный журнал «Космос» согласился не только немедленно опубликовать эту сенсационную фотографию, но и финансировать «охоту» на знаменитого татцельвурма в местах его обитания. Из-за превратностей погоды — увы! — поиски закончились едва начавшись и оказались безрезультатными. Когда же погода наладилась, читатели обратили свой интерес к другим проблемам, и журнал больше не мог использовать охоту на татцельвурма как выгодную рекламу... Дальнейшие поиски были отложены до лучших времен, о чем остается только сожалеть. Сейчас уже вряд ли стоит подвергать сомнению тот факт, что «четырёхлапый червь» действительно существует: вполне вероятно, что он — европейская разновидность ядозубов или гигантская саламандра, хотя не исключено, что это — совершенно новый вид рептилий. История с татцельвурмом не может не привести на размышления тех, кто воображает, будто зоологам непременно должно быть известно все про все, тем более в стране, где изучен каждый уголок.

Теперь настало время нам отправиться в путешествие вокруг света, поскольку эти «уголки» разбросаны по всему земному шару. С точки зрения зоологии, нас ждет там много интересного. Если и есть какая-то надежда отыскать на нашей планете невиданных зверей, то только в тех местах, куда еще не заглядывал человек. В затерянных мирах? Но затерянные миры — не что иное, как места, которые никто не удосужился как следует изучить.

Глава 2

ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ НАДЕЖДА ОТЫСКАТЬ НЕИЗВЕСТНЫЕ ВИДЫ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ?

Выступая однажды с «Речью касательно теории Земли», барон Жорж Кювье, который затем использовал ее как предисловие к книге «В поисках останков ископаемых животных», сделал крайне опрометчивое заявление: «Сегодня вряд ли можно надеяться на то, что нам удастся отыскать новые виды крупных четвероногих».

Он считал себя большим знатоком современной фауны и был уверен, что все ее представители, в том числе животные новых земель — Америки и Австралии, уже зарегистрированы и описаны. Следовательно, отныне натуралистам надлежало направить все усилия на поиски исчезнувших видов, тем более что к тому времени было обнаружено огромное количество их останков.

Это означало, что зоология вышла из моды, уступив место палеонтологии — новой многообещающей науке! Так уж случилось, что господин барон стал ее основоположником, а он был великим мастером своего дела: мог запросто определить видовую принадлежность ископаемого животного по его истлевшим останкам или восстановить животное целиком по одной только кости или зубу.

Опрометчивое заявление барона Кювье и неожиданная находка Диара

Едва Кювье произнес свою пламенную речь, как в 1819 году его ученик Диар доказал ее полную несостоятельность, прислав ему из Индии рисунок чепрачного тапира со следующей припиской:

«Когда в Баракпуре я впервые увидел тапира, изображение коего я вам высылаю, меня поразило, что о столь крупном животном до сих пор ничего не было известно, тем более что в Азиатском обществе я видел голову точно такого же животного, которую губернатор Баркхар отправил им 2 апреля 1806 года, сообщив при том, что в индийских джунглях тапиров столько же, сколько слонов и носорогов».

На самом деле индийский тапир был известен с давних пор. Под названием «ме» он значился в двух древних китайских словарях, а также в одном трактате по

естественной истории, где о нем говорится следующее: «Ме» похож на медведя. У него маленькая голова и небольшие лапы; его короткая блестящая шерсть покрыта белыми и черными пятнами; некоторые утверждают, что она имеет желтоватый оттенок; другие говорят, что она серовато-белая. У него хобот, как у слона, глаза, как у носорога, хвост, как у коровы, и лапы, как у тигра».

Во многих китайских и японских трудах имелись ко всему прочему и изображения загадочного чепрачного тапира; их можно найти даже в старинных учебниках и детских книжках!

Выходит, что китайские и японские малыши знали о нем куда больше, нежели господин Кювье. Неизвестно, слышал ли он вообще о китайских и японских трактатах по естественной истории. Во всяком случае, будучи прагматиком, он принимал за истину только то, что можно было «потрогать руками», и без разбору подвергал осмеянию все слухи, народные предания и рассказы простых людей, веривших в чудо. Поскольку Кювье не доверял даже сообщениям путешественников, приходившим из далеких стран, его, видно, нисколько не взволновало исследование английского естествоиспытателя Уолфилда о Суматре, вышедшее в 1772 году, где было написано, что на этом острове обитает маленький пятнистый «носорог», внешне очень похожий на тапира. В то же время секретарь резиденции в Бенкулу Марсден довольно точно описал это животное в «Истории Суматры». В 1805 году подробные сведения о нем собрал сэр Стэмфорд Раффиз. Наконец, майор Фаркхар подстрелил одно из этих животных в окрестностях Малакки и в 1816 году представил его описание Азиатскому обществу.

Когда Кювье получил письмо и рисунок Диара, на него вдруг снизошло озарение. И он спешно взялся составлять описание диковинного тапира со странным окрасом, однако было уже поздно. Недоверчивого барона опередили другие.

Гигантская узконосая обезьяна и реликтовый африканский оленек

Индийский тапир был лишь первым в длинном перечне крупных животных, о существовании которых постепенно становилось известно все больше и больше. Однако здесь перечислить всех невозможно. Тогда кого же из них следовало бы назвать в первую очередь? Дело в том, что «величина» — понятие очень растяжимое и относительное, поэтому оно вряд ли может служить основным критерием в нашем выборе. Очевидно, что пакарана — животное совсем не крупное, но в отряде грызунов это настоящий гигант. Среди плотоядных мышей встречаются сушие чудовища, хотя по размерам они не больше лисицы. А бывает и наоборот: африканский оленек, к примеру, мелкое копытное, тем не менее оно с трудом поместилось бы в ванной комнате. Наконец, карликовый гиппопотам выглядит рядом с гигантской крысой подлинным великаном. Поскольку перечень зоологических открытий, сделанных с тех пор, как Кювье вывел свое опрометчивое умозаключение, имеет всего лишь показательное значение, я расскажу о самых впечатляющих из них — иными словами, здесь пойдет речь о животных действительно новых, которых трудно было не заметить.

Так, в 1835 году немецкий естествоиспытатель Рюппель обнаружил в горах на юге абиссинской пустыни самую крупную из узконосых обезьян — геладу (*Theropithecus gelada*). Стоя на задних лапах, этот бабуин совершенно новой разновидности — ноздри у него расположены не на самом конце узкой морды, а чуть выше — может достигать человеческого роста, хотя его задние конечности немного короче ног человека.

Африканский оленек (*Hyemoschus aquaticus*), привезенный из Сьерра-Леоне и описанный в 1840 году Оджилби, — животное само по себе небольшое: его высота в холке не превышает 35 сантиметров. Однако открытие этой малорослой особи копытных в девственных лесах Африки имеет огромное значение, поскольку в наши дни это животное является единственным представителем некогда многочисленной группы копытных, обитавших на территории Европы во второй половине палеогена. По сути говоря, это первый представитель невымерших ископаемых, обнаруженных в новом убежище — обширных влажных лесах Экваториальной Африки.

Карликовый гиппопотам, про которого все забыли

В том же году, когда был обнаружен африканский оленек, имело место другое открытие, получившее полное признание только полвека спустя.

Однажды вице-президент филадельфийской Академии наук доктор Сэмюэл Мортон услышал от одного путешественника, вернувшегося из долгих странствий по Либерии,

что в реках центральной части этой страны обитает маленький гиппопотам размерами не больше среднего нетеля. Туземцы охотились на него, и путешественник, видевший животное не раз, даже пробовал его мясо!

К этому рассказу доктор Мортон отнесся довольно скептически; однако в 1843 году его друг доктор Гохин прислал ему из Монровии несколько черепов каких-то млекопитающих, и он с удивлением заметил, что два из них действительно напоминали черепа гиппопотамов, правда, их размеры были значительно меньше. В 1849 году он описал их и назвал животных, которым они принадлежали, *Hippopotamus liberiensis*, но некоторое время спустя его коллега Джозеф Лейди доказал, что этот «карлик» по многим признакам отличается от обычного гиппопотама и вполне заслуживает того, чтобы его можно было отнести к новому роду «хоропсисов».

Когда о карликовом гиппопотаме стало известно немного больше, оказалось, что за несколько веков до этого некоторые исследователи уже описали его. Вот что сообщал о королевстве Коужа (нынешний район Либерии) голландец доктор Ольферт Даппер, попытавшийся в 1668 году собрать все имевшиеся о Черном континенте сведения в единое «Описание Африки».

«Там встречаются свиньи двух видов – красные, или «коужа», размерами с наших, европейских, и черные, или «коужа квинта», которые намного крупнее наших и при этом опасны: у них очень острые зубы, и они орудуют ими как топорами, перегрызая все, что им ни попадет».

Под первым видом, вероятно, имелась в виду кистеухая свинья (*Potamochoerus porcus*). Что же касается второго, то им, видимо, был карликовый гиппопотам, действительно похожий на черную, словно начищенную ваксой, свинью со страшными зубами. [Лично у меня нет полной уверенности в том, что «коужу квинту» можно отнести к роду «хоропсисов». В самом деле, значительно позже выяснилось, что в восточной Либерии обитает одна из разновидностей свиней – гигантская лесная свинья. Она тоже отличается довольно крупными размерами и также имеет черный окрас.]

Однако перед тем как приступить к поискам следов карликового гиппопотама, упоминавшегося еще в древних научных трудах, ученые вообще предпочли надолго забыть о его существовании. Но ведь были же черепа, которые изучал доктор Мортон, скажете вы... Конечно, и тем не менее скептики полагали, что это доказательство неубедительное. Но давайте лучше послушаем, что об этом сообщает де Еленвиль в своем «Докладе о гиппопотаме»: «Совсем недавно я узнал от г-на Р. Оуэна во время его последнего приезда в Париж, что в прошлом году доктор Мортон описал новый вид маленького гиппопотама, обитающего, вероятно, в Габоне, и назвал его *Hippopotamus minor* [*Hippopotamus minor* – первое название, которое доктор Мортон дал своему «крестнику», но поскольку под ним уже значился маленький ископаемый гиппопотам, он поспешил переименовать его в *Hippopotamus liberiensis*]. Однако, судя по тому, что мне рассказывал г-н Р. Оуэн, череп этого животного, который он видел лично, отличается от черепа обычного гиппопотама только размерами, что, в конце концов, не такое уж большое отличие».

На самом деле череп «хоропсиса» не только почти в два раза меньше черепа обычного гиппопотама, но он еще отличается и рядом признаков, которые можно было бы заметить невооруженным глазом. Впрочем, давайте обратимся к словам Джозефа Лейди, поскольку он изучил этот вопрос обстоятельно:

«Что касается строения верхней части черепа «хоропсиса» и обычного гиппопотама, то различия здесь столь явные, что любой человек, видевший обычного гиппопотама, не задумываясь скажет, что «хоропсиса» никак нельзя отнести к роду гиппопотамов».

Но кто же тогда был этот г-н Р. Оуэн, не заметивший столь очевидного различия? Это сэр Ричард Оуэн, выдающийся английский палеонтолог и ревностный последователь Кювье. Великий анатом, как и его учитель, он славился своей нетерпимостью и недоверием ко всему новому – как и Кювье. Он принадлежал к категории людей, которые отрицают очевидное даже тогда, когда оно находится перед глазами. Как и в случае с Кювье, его слово – увы! – считалось законом.

Примерно в 1870 году молодого карликового гиппопотама, весившего не больше 15 килограммов, доставили из Ливерпуля в Дублин, где он прожил всего несколько недель в местном зоопарке. Спустя двадцать лет Йоханнес Бюттикофер, хранитель Лейденского музея, побывавший в Либерии дважды (с 1879 по 1882 и с 1886 по 1887 годы), сообщил многочисленные подробности о повадках карликового гиппопотама и даже привез с собой останки этого животного, которые, правда, плохо сохранились.

В начале XX века в разных музеях мира выставлялись отдельные фрагменты скелетов не менее 20 особей карликового гиппопотама. И тем не менее многие

натуралисты были убеждены, что «хорописис» – не более чем легенда. Часть их считала, что это самый обычный гиппопотам, только молодой, другие называли его редкостным уродом и сравнивали с карликами, которых показывают на уличных ярмарках. Третьи имели смелость утверждать, что это низкорослая разновидность обыкновенного гиппопотама. А вот каким оригинальным способом оспаривали факт его существования в наше время сотрудники одного музея естественной истории: они просто взяли и поместили небрежно собранный скелет «хорописиса» среди останков ископаемых животных!

Короче говоря, давайте пока считать, что про карликового гиппопотама все забыли, и продолжим дальнейший обзор великих зоологических открытий, вернувшись для этого на несколько лет назад.

Золотой такин и олень-невидимка Шомбургка

В 1850 году английский натуралист Ходжсон, занимавшийся изысканиями на Тибете, получил от некоего майора Дженкинса три шкуры и несколько черепов какого-то животного, похожего на златорунного барана, но, видимо, такого же крупного, как небольшой буйвол! Путешественник дал этому диковинному животному имя *Vadotras taxicolor*. Туземцы мишми называли его «такином», а хамти – «кином». Однако сам Ходжсон, вероятно, его никогда не видел.

Золотой такин, как попросту называют это животное, – одно из самых загадочных существ. Во-первых, потому, что его редко кто видел, хотя это и понятно: он обитает в восточных Гималаях на высоте от 2500 до 4200 метров и самую светлую часть дня проводит в густых зарослях рододендрона и карликового бамбука, лишь с наступлением сумерек он выходит погостить на травянистые горные склоны. А во-вторых, потому, что никто точно не знает, к какому виду жвачных его следует отнести: у него много общего с быком, бараном и антилопой. Так что пока он причислен к роду серн!

Первый такин-самец был доставлен в Европу живым. Дж. К. Уайт принес его в дар Лондонскому зоологическому обществу 28 июня 1909 года, то есть спустя пятьдесят девять лет после того, как он был обнаружен!

Олень Шомбургка (*Rucervus schomburgki*), описанный в 1863 году Блайтом, заслуживает нашего внимания не только потому, что у него сильно разветвлены рога, но и поскольку ни один белый человек не видел это животное в его естественной среде обитания в Таиланде. Поэтому мы можем о нем судить лишь на основании наших наблюдений за редкими особями, содержащимися в зоологических садах: одни из них были выловлены туземцами, а другие родились уже в неволе. Вероятно, нам больше никогда не удастся увидеть этого оленя на воле, так как есть все основания полагать, что некоторое время назад он вымер.

Чудом спасенный олень Давида

С точки зрения вклада в естественные науки, ни одно путешествие не было более удачным, чем экспедиция отца Армана Давида, предпринятая им в 1665 – 1689 годах в центральную часть Восточной Азии, о которой европейцы в то время ничего не знали. Помимо бесчисленного множества новых растений этот знаменитый французский миссионер открыл там три рода крупных млекопитающих, совершенно не известных в Европе.

В 1865 году, во время пребывания в Пекине, уполномоченный представитель французского правительства Жан-Пьер Арман Давид услышал, будто в императорском парке Нан Хайцу, расположенном в нескольких ли к югу от китайской столицы, содержатся какие-то священные животные. [Ли – старинная китайская мера длины, равная приблизительно 567 м.]

Эти слухи не могли не заинтересовать нашего путешественника. Зная, однако, что вход в парк строжайшим образом запрещен, отец Арман Давид перехитрил грозного охранника: он просто-напросто перелез через каменную стену, опоясывавшую «святилище» на протяжении 72 километров и скрывавшую его обитателей от любопытных глаз.

То, что он увидел за оградой, потрясло и взволновало его до крайности: кроме хорошо известных ему животных там находилось крупное стадо – около 120 голов – самых что ни на есть странных оленей. Да и назывались они, как потом узнал святой отец, очень странно – «сеу-пу-шан», что означает «необычные четвероногие». Такое название им дали, видимо, потому, что они были «не как олени», «не как коровы», «не как лошади» и «не как козы».

Но вместе с тем подразумевалось, что с перечисленными четвероногими у них есть нечто общее: строение тела, наличие оленьих рогов, длинного, как у коровы, хвоста, пышной конской гривы и широких козьих копыт...

К счастью для европейцев, у этого таинственного оленя было и другое название, гораздо легче произносимое, — «ми-лу».

Подкупив охранников, отец Давид раздобыл рога «ми-лу» и решил отправить их в Парижский музей, справедливо полагая, что они займут достойное место среди других его экспонатов. На другой год он достал две прекрасные шкуры животного.

Как только в Европе прознали, что в императорском парке под Пекином обитает новый вид оленей, за дело взялись дипломаты.

Многие страны мечтали заполучить это невиданное животное. Благодаря участию китайского министра Хен-Ши первые три «ми-лу» должны были по праву принадлежать Франции. Однако олени не вынесли тягот долгого путешествия в Европу и погибли по пути к ее берегам. Тем не менее их останки попали к Альфонсу Мильне-Эдвардсу, и он описал это животное в 1866 году, окрестив его «оленом Давида».

Олень Давида отличается грациозностью, у него светло-рыжая шерсть, а лоб помечен ярко-белым пятном. Он обладает редкой способностью менять рога два раза в год.

В дальнейшем благодаря неустанным усилиям дипломатов в Европу были завезены и другие особи этого редкого оленя, но его истинная ценность стала известна лишь много времени спустя, когда обнаружилось, что в природе его нет. Никто тогда не мог осознать трагические последствия наводнений 1895 года, когда стихия разрушила в нескольких местах каменную ограду императорского парка и когда «ми-лу», оказавшись на свободе, тотчас же были забиты и съедены голодными людьми. Последний удар, окончательно погубивший «ми-лу», был нанесен в 1900 году во время «боксерского восстания»: мятежники проникли во владения императора и в приступе слепой ярости перебили всех находившихся там бесценных оленей. И только один из них уцелел после этой «варфоломеевской» бойни.

Как потом выяснилось, несколько веков тому назад «ми-лу» были полностью истреблены на севере Китая, где они обитали на болотистых равнинах. И особи, тщательно охранявшиеся в императорском парке, были реликтами!

Но, к счастью, как нам известно, отец Давид однажды «перелез через стену святилища» — и тем самым обратил внимание западного мира на странного оленя с коровьим хвостом. Благодаря его хлопотам несколько особей этого редкого животного удалось доставить в Европу, где они попали в заботливые руки герцога Бэдфорда, который поселил их в садах аббатства Вобурн, в Англии, дабы уберечь вид от полного вымирания.

За полвека чудом спасенное стадо «ми-лу», некогда состоявшее всего из 15 особей, значительно увеличилось, и теперь в нем уже насчитывается свыше 250 голов. Таким образом, появилась возможность переселять оленей Давида и в другие зоопарки мира.

Курноса обезьяна и пятнистый медведь Давида

На китайских вазах и в живописных работах, выполненных на шелковой ткани, иногда можно увидеть существо с голубой мордой, похожее на кривляющегося беса. Как у всякого уважающего себя беса, у этого существа есть хвост, а его грудь имеет огненную окраску, что для исчадия ада вполне естественно. Однако благодаря вздернутому носу оно выглядит совсем не страшным, а напротив — даже очень привлекательным.

Этот странный бес, в существование которого не верил ни один европейский натуралист, — второе крупное зоологическое открытие отца Давида. Если бы стало известно, что китайские художники воплотили в его несколько стилизованном изображении черты обитающей на снежных склонах Тибета обезьяны, будьте уверены, это только укрепило бы сомнения ученых: ведь обезьяны, как полагали они, живут исключительно в теплом климате!

Тем не менее факт остается фактом: этот анахронический примат вполне оправдывает свое прозвище — «снежная обезьяна». Ее действительно можно встретить на высоте свыше 3000 метров.

В 1870 году Мильне-Эдвардс, изучив останки снежной обезьяны, дал ей научное название — *Rhinopithecus roxellanae*, то есть «рокселланов ринопитек». В нем был скрыт намек на вздернутый носик одной невольницы, которая, став супругой турецкого султана Сулеймана II, доказала, что сказки не всегда вымысел. Вряд ли

для обезьяны, которую все принимали за сказочного беса, можно было придумать более удачное название.

Третье зоологическое открытие, бесспорно сенсационное, отец Давид сделал 11 марта 1869 года за чашкой чая со сладостями, которыми его потчевал некий Ли, богатый землевладелец из провинции Сычуань. В доме этого китайца отец Давид увидел странную шкуру с черно-белыми отметинами, принадлежавшую «знаменитому пятнистому медведю», о котором ему приходилось слышать не раз.

Действительно, в провинции Юньнань водился зверь по прозвищу «бей-шун», или «белогрудый медведь», и обитал он, по словам местных жителей, в бамбуковых зарослях на горных склонах. Насколько мне известно, впервые «бей-шун» упоминался в научном трактате времен правления знаменитой династии Тан. Говоря точнее, эта рукопись относится к 621 году н.э., то есть к периоду царствования первого императора из династии Тан.

Убежденный в реальности существования легендарного зверя, отец Давид попросил тамошних охотников добыть ему шкуру пятнистого медведя. Через две недели, 23 марта, его просьба была исполнена. Китайцы поймали маленького «бей-шуна» живым, но для облегчения перевозки были вынуждены его убить. Так впервые европеец стал обладателем шкуры своеобразного животного, именуемого в наши дни большой пандой. Все ее тело имеет белый окрас, за исключением лап, верхней части груди, плеч, ушей, кончика носа – что придает зверю довольно забавный вид, в области вокруг глаз, где мех у нее почти черный. Интересная деталь; у большой панды даже подошвы покрыты шерстью, что не наблюдается ни у одного другого медведя!

1 апреля охотники преподнесли отцу Давиду соответствующий этому дню «подарок», которому могли позавидовать все зоологи мира, – останки взрослой особи неизвестного «медведя».

Спустя неделю счастливый миссионер обзавелся очаровательным зверьком, известным науке под названием «малая панда» (*Ailurus fulgens*). Имя «панда», по-видимому, происходит от местного названия «ниала-понга», что означает «поедатель бамбука». Однако китайцы чаще всего называют этого зверя «хун-хо», или «огненной лисицей». Поскольку ко всему прочему у него еще и кольчатый хвост, англичане иногда называют его «гималайским енотом», что вполне оправданно, так как он действительно является родственником американских енотов.

Можно с уверенностью сказать, что отец Давид совсем не помышлял о том, чтобы установить родственную связь между этим маленьким хитрым зверьком с ярким окрасом и большим пятнистым медведем, шкуру и скелет которого он хранил с особой бережностью.

На протяжении долгого времени этого зверя называли не иначе как «бамбуковым медведем», а зачастую и «медведем Давида». Но, исследовав его зубы и скелет, гениальный Мильне-Эдвардс установил, что он все-таки ближе к енотовым, и дал ему соответствующее научное название – *Ailuropoda melanoleucus*, то есть «пятнистое животное с лапами панды». Было даже время, когда этого зверя называли только «большой пандой», а его младшего собрата с кольчатым хвостом – соответственно «малой пандой».

Однако справедливости и научной точности ради большую панду отца Давида следовало бы назвать «пятнистым ложномедведем провинции Сычуань».

Для полной ясности оставалось только найти этого крупного, как медведь, енота в его естественной среде обитания. Но легче было сказать, чем сделать.

Несколько экспедиций, организованных в районы обитания большой панды, ничем не закончились. Английский генерал Перейра, пересекший Тибетское нагорье из конца в конец, не услышал упоминания об этом характерном звере даже в рассказах местных жителей.

Стоило только обнаружить большую панду, как она вдруг куда-то бесследно исчезала. На протяжении более чем полувека о ней так ничего и не было слышно...

Открытия следуют одно за другим...

Косматый хомяк (*Lophiomys imhausi*), бесспорно, самый яркий представитель отряда грызунов. Его тело, достигающее в длину 40 сантиметров, покрыто длинной черно-белой шерстью, и когда хомяк щенится, у него на спине образуется внушительный хохолок. Тем не менее этот зверек, обитающий в расщелинах скал в горах Восточной Африки, был открыт лишь в 1867 году, и Альфонс Мильне-Эдвардс сразу же его описал. Однако он явно поспешил: чтобы классифицировать грызуна, потребовалось создать целое новое семейство. [По современной классификации –

подсемейство. — Ред.]

Шестью годами позже был обнаружен еще один не менее удивительный грызун — и для него в отряде грызунов понадобилось создавать отдельное семейство. Это *Dinomys branickii*, известный также под не очень распространенным, местным, названием «пакарана». Внешне он похож на сурка, и вид у него не такой впечатляющий, как у косматого хомяка, однако животное обращает на себя внимание размерами: оно достигает в длину 60 сантиметров — почти как фокстерьер!

Хотя это и самый крупный грызун на свете, тем не менее о нем стало известно лишь в 1873 году, да и то далеко не все. Но давайте послушаем профессора Массачусетского университета Уолтера Хендрикса Хоуджа, поскольку он один из немногих, кто изучил его лучше других:

«Этот гигантский грызун обитает во влажных лесах Восточных Анд, протянувшихся от Перу до центральных областей Колумбии. На протяжении долгих лет был известен только один экземпляр пакараны, он был пойман в 1873 году неподалеку от одной гасиенды деревушки Виток, в Перу, расположенной у истоков реки Перене, что по другую сторону Анд, к востоку от Лимы. До 1904 года ученые не проявляли большого интереса к животному, но в том же году двух пакаран видели в Паре, вблизи реки Пурус, в Бразилии.

В 1922 году в горной лесистой местности к востоку от Лимы были пойманы несколько особей, в 1924 году отловили еще двух пакаран, и чуть позже они были доставлены в зоопарки Гамбурга и Лондона. Таким образом, о пакаране мы можем судить лишь на основании наблюдений за пятьюдесятью экземплярами этого крупного грызуна, и не более того. Поскольку нам так ничего больше не удалось о нем узнать, в 1942 году он все еще значился в списках вымерших или находящихся на грани исчезновения млекопитающих Южной Америки!

В самом деле пакарана, видимо, грызун редкий, но не настолько, чтобы его можно было причислить к вымирающим видам. Районы обитания пакараны расположены на поросших лесом, довольно крутых горных склонах — стало быть, это самые труднодоступные и наименее изученные места на земле. Туда ведут редкие тропинки, и до тех пор, пока эта *terra incognita* не будет исследована естествоиспытателями, мы не сможем судить о численности необычного вида грызунов, который может быть достаточно распространенным, о чем нам остается только догадываться, так как встречи с ним случались нечасто».

С другой стороны, с 1869 по 1882 год отряд копытных, включающий в себя самых крупных по нынешним временам животных, пополнился еще шестью неизвестными видами.

В 1869 году английский зоолог Блайт описал новый вид африканской винторогой антилопы — малого куду (*Strepsiceros imberbis*). В 1870 году Суинхоу поведал миру о невиданном роде оленей — китайском водяном олене (*Hydropotes inermis*). На следующий год Мильне-Эдвардс включил в свое собрание описаний животных другие род и вид китайских оленей — хохлатого оленя, самец которого вооружен длинными клыками (*Elaphodus cephalopus*).

Соответственно в 1872 и 1878 годах сэр В. Брук открыл в Африке две разновидности газелей. Первая из них — газель Гранта (*Gasella granti*) — представляет собой всего лишь новый вид рода газелей, а вот вторую — газель Уоллера (*Lithocranius walleri*) — следует рассматривать как представительницу совершенно отдельного рода. Благодаря необычному виду, в частности огромной шее, такой же длинной, как и тело, это животное называли «жирафовой газелью». Она обитает на территории Сомали и Кении, а также на севере Танзании, и среди местных жителей она известна с незапамятных времен как «геренук». Действительно, изображение этой грациозной газели встречается даже на древнеегипетских барельефах, датированных VI тысячелетием до Рождества Христова.

Диковинная зебра президента Гриви и лошадь полковника Пржевальского

Античное и первобытное искусство — богатейшие источники информации, однако зоологи зачастую их недооценивают. Если бы они взяли на себя труд изучить египетские фрески, они бы заметили на них не только необыкновенную жирафовую газель, но и зебру со множеством тонких полос на теле, что примечательно.

В 1860 году шотландский исследователь Джеймс Огастес Грант утверждал, что видел зебру с таким чудным окрасом в Абиссинии, но его рассказ был воспринят с явным недоверием. Принимая во внимание пристрастие шотландцев к виски, многие, как я думаю, посчитали, что Грант страдал временным расстройством зрения и причудливый окрас ему просто привиделся.

Однако некоторое время спустя, в 1882 году, император Абиссинии Менелик I любезно преподнес в дар французскому президенту Жюлю Гриви зебру, в точности похожую на ту, которую описал Грант. Когда животное доставили во Францию, сотрудники зверинца при Парижском ботаническом саду обнаружили по его окрасу и крупным размерам, что перед ними совершенно новый вид зебры! Через несколько дней с бедным животным, изнуренным долгим путешествием, случился апоплексический удар и оно погибло. Но господину Устале хватило этих нескольких дней – и он пополнил реестр мировой фауны еще одним крупным ее представителем – зеброй Гриви (*Dolichohipus grevyi*).

Тем временем в Европу пришло известие о том, что русский исследователь полковник Николай Михайлович Пржевальский открыл в Центральной Азии новый вид лошади. Между прочим заметим: Пржевальский был кавалеристом, и тем не менее он принял это животное, с крупной головой и относительно короткими ногами, за осла. И лишь благодаря настойчивости зоолога Полякова, описавшего животное в 1881 году, его удалось наконец убедить, что это – лошадь, та самая *Equus przewalskii*, которой было суждено обессмертить его имя.

В наши дни это животное – единственная настоящая дикая лошадь, а не одичавшая, как американская. В самом деле, последняя лесная лошадь, другая ее дикая разновидность – тарпан (*Equus gmelini*) – погибла в канун 1879 года на Украине, что лишний раз доказывает исключительную важность находки полковника Пржевальского.

«Маленькие сенсации»

Неизвестные животные, открытые между 1885 и 1896 годами, размерами, в общем, не впечатляют, тем не менее некоторые из них представляют огромный интерес для зоологов.

Как считалось раньше, места обитания длинноязычных крыланов ограничивались восточными склонами Гималаев, однако в 1885 году немецкий естествоиспытатель Пагенстехер обнаружил в Габоне неизвестный род крупных плотоядных летучих мышей и назвал их *Megaloglossus woermanni*.

В 1888 году англичанин Э. Дж. Стерлинг, отправившийся в центральные области Австралии в поисках гигантских ископаемых сумчатых, по его мнению, еще не вымерших, вернулся из экспедиции с невиданным крохотным зверьком, которого аборигены называли «ур-камата»; он очень напоминал обыкновенного садового крота, правда только внешне. На самом деле это был представитель сумчатых, как и все млекопитающие Австралии! В 1891 году Стерлинг назвал его сумчатым кротом (*Notoryctes typhlops*).

Четырьмя годами позже на другом конце света, в горах Колумбии, было обнаружено еще одно сумчатое, но более необычное. Внешне оно напоминало обыкновенную землеройку, тем не менее это был единственный сохранившийся до наших дней представитель некогда широко распространенной группы млекопитающих, населяющих Южную Америку в олигоцен-ый и миоценовый периоды. Судя по строению зубного аппарата, оно объединило в себе признаки сумчатых полипротодонтов, встречающихся в Америке (опоссумы), и сумчатых дипродонтов, обитающих только в Австралии. Этот зверек ведет ночной образ жизни, и о нем мало что известно, поэтому, как полагают многие, у него нет даже названия, однако это неверно, потому что местные жители называют его «секлой». Как бы то ни было, он вполне заслуживает названия *Coenolestes obscurus*, как в 1895 году его окрестил знаменитый английский зоолог Олдфилд Томас. Его повадки по-прежнему остаются для нас загадкой. Некоторое время спустя этот же ученый описал родственный ему вид (*Orolestes inca*), обитающий в горных областях Перу на высоте свыше 4000 метров.

В 1891 году голландец А.А. Хубрехт открыл на Суматре так называемого мохнатого ящера (*Trichomanis hoeveni*). В свое время единственные известные останки этого животного были утеряны, однако впоследствии все же удалось доказать, что это новая разновидность ожерельного теледу, или свиного барсука!

В том же году Олдфилд Томас описал новую представительницу крупных четвероногих – антилопу дибатага (*Anmodorcas clarkei*), которую обычно называют газелью Кларка, так как ее открыл в Сомали спортсмен и естествоиспытатель ВТ. Кларк.

В 1896 году было сделано другое открытие, правда менее впечатляющее: американец К. Дж. Мерриам обнаружил неизвестный род попокатепетльского кролика, а в 1898 году немец П. Матчи и англичанин В. Эде Уинтон одновременно описали новый род африканских летяг (*Zenkerella insignis*). Мы упомянули летающее

млекопитающее отчасти потому, что оно поможет сделать нам плавный переход к разговору о существе в прямом смысле крылатом.

Педанты, разумеется, не преминут заметить, что птице, какой бы большой она ни была, далеко до «крупного четвероногого», и Кювье, мол, никогда не утверждал, что надежда отыскать новые виды крупных птиц в наши дни маловероятна. Да, это так, но если он и не сделал этого, то лишь потому, что был совершенно уверен: такой надежды просто не существует. И тем не менее вряд ли можно найти существо более загадочное, нежели птица: благодаря своей способности взлетать в небо при малейших признаках опасности птицам вовсе не обязательно прятаться, подобно млекопитающим. Поэтому, между прочим, им ничто не мешает иметь яркое разноцветное оперение. Таким образом, редко когда случается обнаружить крупную птицу, к тому же неизвестного вида.

И все же святому отцу Джеффри Уайтхеду повезло: на острове Самар, Филиппины, он подстрелил внушительных размеров хохлатого орла, точнее говоря, гарпию, со множеством весьма характерных особенностей. У нее огромный клюв, которым она разрывает на куски маленьких филиппинских обезьян. В 1896 году английский натуралист Р. Оджилви Грант описал этого кровожадного хищника и дал ему название *Pithecophaga jefferyi*, то есть «поедатель обезьян Джеффри», что, с одной стороны, было справедливо, а с другой – довольно мило, особенно по отношению к преподобному Уайтхеду.

Три таинственных гиганта: медведь кадьяк, белый носорог и горная горилла

Как ни удивительно, но о самом крупном в мире хищнике, гигантском буром медведе (*Ursus beringianus*), обитающем на Камчатке, в Маньчжурии и на Сахалине, белые люди впервые услышали только в 1898 году. По другую сторону Берингова пролива, на Аляске, живет его близкий родственник – медведь кадьяк, у которого много разных названий, в том числе и *Ursus mittendorfi*. Говоря откровенно, систематизация медведей, встречающихся на крайнем севере Америки и северо-востоке Азии, – дело непростое. Однако для нас здесь представляет интерес не столько вопрос систематизации, сколько тот факт, что о существовании огромного бурого медведя, достигающего в длину трех метров и весящего более 700 килограммов, стало известно лишь в конце прошлого столетия. До этого времени самым крупным медведем считался американский гризли (*Ursus horrooilis*), хотя его размеры значительно меньше: он не превышает в длину двух метров, а его вес никогда не бывает свыше полутонны.

Также в 1909 году все узнали о другом крупнейшем, после африканского слона, животном на земле, обитающем в районе, где о его существовании никто не знал. Это белый носорог (*Ceratotherium simum*), область распространения которого, как полагали многие, находится в Южной Африке – к югу от реки Замбези. Он достигает в длину пяти метров, а в высоту – двух метров – это самый крупный из всех носорогов: его вес иногда превышает две тонны. Длина одного из его рогов – того, что побольше – порой достигает полутора метров, а это рост маленького человека!

По правде говоря, белый носорог, как и черный, имеет сероватый окрас: некоторые утверждают, что этим названием он обязан исключительно своей привычке валяться в грязи и пыли, чего в саванне, его естественном месте обитания, предостаточно; благодаря такой процедуре он весь покрывается грязевой коркой, защищающей его от укусов насекомых. А черный носорог обитает в лесистых местностях и сохраняет свою естественную окраску. На самом деле название «белый» происходит от неправильного перевода эпитета «weid», которым буры окрестили это животное. Он образовал от нидерландского «wijd» и соответствует английскому «wide» (широкий), но никак не «white» (белый); он означает, что у этого животного широкая морда, только и всего. Белый носорог отличается от черного главным образом усеченной формой верхней губы, а также широко посаженными ноздрями. Поэтому более всего ему подошли бы названия «курносый носорог» или «усеченногубый носорог», которыми его иногда награждают.

В 1900 году капитан А. Гиббон обнаружил череп белого носорога в Ладо, районе, прилегающем к верхнему Нилу, хотя до этого считалось, что места его обитания расположены на 3000 километров южнее – на юге Бечуаналенда [Ботсвана. – Ред.], в Машоналенде и Матабелеленде [Территория Зимбабве. – Ред.]. Вслед за тем точно такие же черепа были найдены в Ладо и майором Пауэллом-Коттоном, что позволило известному териологу Лидеккеру классифицировать это животное – с учетом некоторых его особенностей – как новый подвид носорогов. Область

распространения этого подвида включает в себя местности, лежащие к северо-востоку от реки Уэле (Бельгийское Конго [На территории современного Заира. – Ред.]) и простирающиеся до англо-египетского Судана [Ныне Республика Судан. – Ред.].

Тот факт, что это гигантское животное оставалось долгое время незамеченным в местах, считавшихся исследованными, кажется удивительным.

Буквально следом за самым крупным из всех носорогов, обнаруженным там, где встретить его никто не ожидал, была открыта самая крупная из всех обезьян – горная горилла. Это произошло в 1901 году. Спустя два года немецкий зоолог Матчи назвал ее *Gorilla beringee* – в честь капитана Беринга, впервые доставившего останки этого гигантского четверорукого с берегов озера Киву.

До этого был известен только один вид горилл – береговая, или западная, горилла (*Gorilla gorilla*), район обитания которой простирается от Габона до Камеруна и Французского Конго [Современная Народная Республика Конго. – Ред.] Тем не менее английский путешественник Дж. Х. Спик еще в 1860 году слышал рассказы жителей Руманики, Руанда, о чудовище, которое «душит женщин». Так, вероятно, впервые европеец узнал о существовании гигантской обезьяны, встречающейся в лесистых горах на востоке Бельгийского Конго.

Действительно, жители этого района рассказывали множество историй о звере, которой на языке киньяруанда они называли «нгаги», а на суахили и кингвана – «нгила». Однако белые люди, уже сорок лет знавшие о существовании габонской гориллы, решительно отказывались верить в подобные «небылицы», и это продолжалось до тех пор, пока фон Беринг не подстрелил первого такого зверя.

Горилла киву в самом деле огромна. Ее рост достигает двух метров – она намного выше береговой гориллы, рост которой не превышает одного метра восьмидесяти сантиметров. Размах шага взрослого самца горной гориллы иногда составляет 2 метра 70 сантиметров, обхват груди – 1 метр 70 сантиметров и бицепсов – 65 сантиметра. Он может весить 200, а то и 250 килограммов.

О гигантской горной горилле ничего не было известно вплоть до начала XX века, а это лишний раз доказывает, что она – существо таинственное.

Диковинный окапи

Тысяча девятисотый год был не только годом французского канкана и художественной почтовой открытки, это было также время выдающихся зоологических открытий. Именно тогда мы узнали о медведе кадьяк, белом носороге Коттона и гигантской горилле, равно как и о другом, не менее удивительном животном, жившем на земле десятки миллионов лет назад и сохранившемся до наших дней, – окапи.

Как считает доктор Морис Бертон, сегодня невозможно себе представить «романтическую атмосферу, царившую вокруг открытия окапи, а также волнение, охватившее ученых, когда стали распространяться неясные слухи о том, что это животное существует, и особенно, когда его поймали».

Дошедшее до нас первое сообщение об окапи было очень коротким – всего три строки в работе Г.М. Стенли, посвященной таинственному Черному континенту, который он за восемнадцать лет исходил из конца в конец. В языковедческих примечаниях к его книге «В джунглях Африки» есть абзац, повествующий о пигмеях вамбутти, живущих в лесах Конго, на берегах реки Итури: «Вамбутти известен осел, которого они называют «атти». Они говорят, что иногда он попадает в их ямы-ловушки. Как ни удивительно, но этот осел питается исключительно листьями».

Не было никаких оснований подвергать сомнению сведения, сообщенные Стенли, которые, в общем, заслуживали доверия, хотя в них и присутствовала определенная доля «авторской фантазии». Впрочем, никто этого и не собирался делать, поскольку читатели не нашли в ней ничего сенсационного. Однако специалисты по конголезской фауне придерживались иного мнения, так как никогда не слышали, чтобы в районе реки Итури водились дикие ослы. И они отнеслись к сообщению Стенли с недоверием. Всем было известно, что единственные лошади, обитающие в Конго, – зебры, но такие животные предпочитают бегать по просторам саванн и никогда не забредают в леса, особенно в густые джунгли, где их могут подстеречь кровожадные пигмеи... И скептики победили.

Тем не менее информация Стенли заинтересовала сэра Гарри Джонстона, губернатора Уганды, который, по его же словам, путешествовал в то время по Конго «отчасти как исследователь, но главным образом как натуралист»; он решил собрать более подробные сведения о таинственном «атти».

Такой исключительный случай представился ему в 1899 году, когда он

перехватил у одного немецкого импресарио труппу пигмеев, которых тот собирался показывать в качестве достопримечательных «животных» на Парижской выставке 1900 года. Он обязался самолично доставить их в родные джунгли, но лишь после того, как они погостят у него в Уганде; через несколько месяцев губернатор и пигмеи стали добрыми друзьями. Как только сэр Гарри научился с помощью переводчика понимать своих гостей, он принялся расспрашивать их о животном, похожем на лошадь, которое обитает в конголезских лесах.

«Они тотчас смекнули, о чем я их спрашиваю, — рассказывает английский исследователь, — и, указав на шкуру зебры и на мула, сказали, что интересующее меня существо называется «окапи» и похоже оно на полосатого, как зебра, мула».

Таким образом, животное, которое, как понял Стенли, называлось «атти», на самом деле имело другое название — «окапи» или «а-апи».

По прибытии в Форт-Мбени, что в «Независимом государстве Конго» [Ныне Республика Заир. — Ред.], сэр Гарри Джонстон продолжит свои изыскания, занявшись расспросами расквартированных там бельгийских офицеров. Сами они никогда не видели живого окапи, однако, по их словам, солдаты, рекрутированные из местных жителей, частенько охотились на него в лесу и убивали копьями. После охоты они приносили его мясо в форт, а шкуру резали на ремни и портупей. Какой-то офицер даже утверждал, что одна такая шкура, совсем свежая, валялась где-то на территории форта, что взволновало нашего исследователя до крайности. К сожалению, оказалось, что ее уже разрезали на куски, но сэру Гарри все же удалось раздобыть пару кусков.

В известном письме от 21 августа 1900 года, адресованном доктору Склаттеру из Лондонского зоологического общества, сэр Гарри Джонстон сообщал о том, что его поиски увенчались определенным успехом. Он писал, что собирается немедленно отправить в Лондон драгоценные куски от изрезанной в клочья шкуры, и при этом добавлял, что бельгийские офицеры обещали достать ему целую шкуру этого животного и переслать ее в Уганду.

«Все это время, — сообщает сэр Джонстон, — у меня была уверенность, что я имею дело с неизвестной разновидностью лошади, и поэтому, когда местные жители показали нам вилкообразные следы копыт какого-то животного, напоминавшие отпечатки копыт лося (антилопы эланда из рода *Taurotragus*), и сказали, что это и есть следы окапи, я не хотел им верить, и у меня сложилось впечатление, будто мы ведем охоту на обыкновенного лося».

Английский натуралист совершил ошибку, не поверив африканцам: если бы он указал в своем письме, что копыта окапи имеют вилкообразную форму, это избавило бы доктора Склаттера от серьезного заблуждения. Когда тот получил куски кожи, добытые сэром Джонстоном, он опрометчиво назвал неизвестное животное *Equus johnstoni*. Однако следует отдать ему справедливость в том, что после родового названия «*Equus*» он из осторожности поставил знак вопроса.

Между тем Карл Эрикссон, шведский офицер, состоявший на службе в бельгийской армии, прислал сэру Гарри Джонстону цельную шкуру и два черепа окапи. Шкура и один из черепов принадлежали молодому самцу.

Мало-помалу по рассказам пигмеев и результатам обследования шкуры и черепов удалось восстановить внешний вид этого животного, которым, уже заинтересовался весь мир.

То было странное животное. Оно походило на мифологическое чудовище, как бы «слепленное» из различных частей тела множества существ. Оно было размерами с лошадь и по форме тела напоминало гигантскую антилопу, но рога были незаметны; зато у него был длинный липкий, точно у муравьеда, язык и огромные, как у осла, уши, и даже крупнее; наконец, его круп и верхняя часть ног были покрыты полосатым рисунком. Хватило одной только детали, чтобы причислить окапи к новому виду зебр! На самом же деле...

«Когда я получил посылку от г-на Эриксона, — рассказывает Гарри Джонстон, — я сразу же понял, что собой представляет окапи; в частности, мне стало ясно, что он — близкий родственник жирафа».

Об этом свидетельствовало все: и форма черепа, и строение зубов, и наличие вилкообразных, как у всех жвачных, копыт. Да, то была разновидность жирафа с короткой шеей — родственник его далеких предков, вымерших в незапамятные времена, самое высокое животное на земле, очень близкое к гел-ладотерии, останки которого Альбер Годри обнаружил в миоценовых отложениях в Греции.

Сэр Гарри отправил свои новые «трофеи» Рэю Ланкастеру в Лондон и предложил назвать животное *Helladotherium tigrinum*. Будучи специалистом Британского музея по сравнительной анатомии, Ланкастер пришел к выводу, что окапи скорее

родственник жирафа, нежели гелладотерия, а точнее, нечто среднее между ними, и в честь его первооткрывателя он предложил назвать это животное *Ocaria johnstoni*.

Впрочем, вскоре было замечено, что в отличие от гелладотерия, напрочь лишенного рогов, у самца окапи, как и у жирафа, имеются короткие рожки, скрытые под кожей и выступающие на лобной части головы. Совершенно очевидно, что окапи принадлежит к многочисленной группе простейших жирафовых, населявших Африку и Азию в миоценовый и плиоценовый периоды. Среди них, кроме гелладотерия, можно выделить самотерия, палеотрага и сиватерия.

Как только вопреки сомнениям многих было с точностью установлено, что окапи существует, случилась странная вещь. Все вдруг задалось целью доказать, что на самом деле окапи был известен еще несколько тысяч лет назад. Целая группа африканистов и египтологов обнаружили, что животное, близкое к окапи, встречалось в наскальных рисунках нового каменного века, на египетских вазах додинастического периода и барельефах времен фараоновых династий. На некоторых рисунках сходство этого животного с окапи просто поражает. В 1935 году географ Р. Перре провел любопытные аналогии между окапи и тремя животными, изображенными на стене одного из каньонов Тассилин-Аджер, известного как уэд Эль-Джерат и расположенного между Форт-Полиньяком и Джанетом. Профессор Леоне заметил, что они напоминали либитерия, дожившего, как известно, до послеледникового периода.

В общем, покуда либитерий вымирал несколько тысяч лет назад в саваннах Сахары и Египта, ныне покрытых песками, окапи скрывался в девственных лесах Семлики и Итури и спокойно дожил до наших дней.

Как и в случае с африканским оленьком, это еще раз доказывает, что африканский влажный тропический лес — идеальное место для сохранения древнейших видов животных. [Спустя несколько лет после открытия окапи было поймано множество живых особей этого вида. Поначалу окапи не могли прижиться в неволе и через два-три месяца погибали. Однако сегодня благодаря заботливому уходу их можно видеть здоровыми и невредимыми во многих зоопарках мира].

Но открытия «живых ископаемых существ» на этом не закончились.

Гигантская лесная свинья

Когда сэр Гарри Джонстон вернулся из Уганды в Англию, он встретился со Стенли, и два исследователя принялись с горячностью обсуждать последнее зоологическое открытие, к которому они оба имели самое прямое отношение.

Стенли заявил собеседнику, что, по его мнению, окапи — это «новое животное среди множества других новых и необыкновенных животных, которых, вероятно, еще предстоит открыть в африканских лесах, представляющих несомненный интерес для исследователей». Он также добавил, что видел в этих лесах «странную гигантскую свинью длиной около двух метров и несколько антилоп совершенно неизвестного вида».

За последние десятилетия прошлого века сделано немало зоологических открытий, что не могло не дать повода для оптимизма. После того как был обнаружен диковинный окапи, ученые стали относиться к рассказам туземцев с куда большим доверием, нежели прежде. Так, в научных кругах вызвали живой интерес слухи двадцатипятилетней давности о том, что в лесах Итури якобы обитает какая-то разновидность гигантского кабана. «Санж», как называли его местные жители, — это лютый зверь, черный, как ночь, и огромный, как носорог... Уточним — как маленький носорог.

Свидетельство Стенли придало этой легенде особый вес.

В 1904 году офицер Британского восточноафриканского стрелкового батальона капитан Р. Мейнертцхаген случайно наткнулся на останки «санжа» — к сожалению, плохо сохранившиеся — на поросших лесом склонах горы Кения. А некоторое время спустя ему удалось добыть череп этого животного, на сей раз убитого в лесах, опоясывающих озеро Виктория.

Теперь стало возможно классифицировать знаменитого гигантского «санжа». Его описал английский зоолог Олдфилд Томас, и он же дал ему название — *Nylochoerus meinertzhageni*, то есть «лесная свинья Мейнертцхагена».

Конечно, этому животному было далеко до носорога, даже маленького, однако еще никто, никогда и нигде не видел кабана столь крупных размеров: высота гигантской лесной свиньи в холке может достигать 1 метра 20 сантиметров, а длина ее тела порой превышает 2 метра 50 сантиметров! Кроме того, еще никому и никогда не доводилось встречать кабана такого густочерного окраса, с такими длинными и мощными клыками, напоминающего по строению черепа представителя ископаемых

свиней: с точки зрения морфологии, он является своего рода связующим звеном между двумя другими африканскими кабанами – кистеухой свиньей и бородавочником.

И снова карликовый гиппопотам...

Не успел ученый мир осознать это волнующее известие, как уже стали распространяться слухи о том, что по другую сторону африканского экваториального леса обитает животное, по внешнему виду похожее на гигантскую лесную свинью. Жители внутренних областей Либерии, в частности, утверждали, что в либерийских джунглях водится «громкая черная свинья», или, как они ее называли, «нигбве». И тут кстати все вспомнили про «кожу квинту», черную свинью, огромную и хищную, которая, как писал еще в 1668 году доктор Ольферт Даппер, встречается в области, лежащей на территории нынешней Либерии.

Иные смельчаки даже высказывали предположение, будто это вовсе не гигантская лесная свинья, а карликовый гиппопотам, тот самый, которого в свое время описал доктор Сэмюэл Мортон, а Джозеф Лейди окрестил «хоропсисом», тот самый, останки которого Бюттикофер когда-то доставил в Европу. Однако оппоненты им отвечали, что «нигбве» – зверь лесной, а гиппопотам по своей природе животное водяное. К тому же, добавляли они, существование карликового гиппопотама как отдельного вида с точностью не установлено.

И вот наконец в 1909 году известный немецкий торговец животными Карл Гагенбек, решивший пролить свет на эту таинственную и запутанную историю, послал в африканские джунгли своего доверенного человека – знаменитого путешественника Ганса Шомбургка.

Когда тот добрался до племен, распространявших слухи о «громкой черной свинье», его миссия было зашла в тупик. Туземцы утверждали, что у «нигбве» очень свирепый нрав, зубы его остры, как ножи, и он может запросто перекусить человека пополам. И они решительно отказывались помогать Шомбургку. Надо быть безумцем, говорили они, чтобы отважиться на охоту за эдаким чудовищем.

Однако исследователю в конце концов удалось убедить их, и 13 июля 1911 года после длительных поисков ему представился случай наблюдать таинственного зверя в джунглях с расстояния десяти шагов. Это животное действительно было похоже на огромную свинью, черную и блестящую, но оно оказалось родственником гиппопотама. Немецкий путешественник был первым белым человеком, увидевшим карликового гиппопотама в его естественной среде обитания.

Тем не менее обстоятельства в то время складывались так, что взять зверя живым не представлялось возможным, а убить его Шомбургк не решился: все считали это животное исчезнувшим или, во всяком случае, чрезвычайно редким. Вероятно, путешественник опасался, что своим выстрелом он может уничтожить одного из последних живых представителей этого вида.

Когда Шомбургк возвратился в Монровию, его рассказ был встречен насмешками. Ему, верно, привиделось. Американские белые туристы и чиновники-негры были единодушны в том, что «нигбве» всего-навсего плод воображения суверенных туземцев, что этот зверь давным-давно исчез с лица Земли и что живет он лишь в легендах.

Как бы то ни было, а Шомбургку оставалось только кусать себе локти, поскольку не могло быть и речи о том, чтобы снова отправиться в джунгли: начинался сезон дождей. Он так и вернулся в Гамбург ни с чем, но будучи уверенным, что «нигбве» вовсе не миф; и в Рождество 1912 года он вновь прибыл в Либерию.

На сей раз удача улыбнулась ему. Убедившись, что этот вид не такой уж редкий, как ему казалось прежде, 28 февраля 1913 года он подстрелил первого «хоропсиса». На другой день ему удалось поймать живого «нигбве», и он обратил внимание на то, что несмотря на страшные зубы этот зверь приручается легче, чем обыкновенный гиппопотам. К тому же от гиппопотама он отличался тем, что весил гораздо меньше, имел более узкую морду и густо-черный окрас. Кроме того, по своим повадкам «нигбве» ближе к кабану, чем к гиппопотаму: он обитает в основном в лесу и к воде выходит только на водопой или для того, чтобы освежиться. У Лейди были все основания причислить его к новому роду «хоропсис», поскольку название *Hurrorotarnus*, означающее «водяная лошадь», не оправданно ни с точки зрения его анатомического строения, ни с точки зрения его повадок. Хотя название «карликовый гиппопотам» и дает о нем кое-какое представление, тем не менее оно имеет всего лишь сравнительное значение и выражает только его родство с гиппопотамом: в таком случае окапи можно было бы назвать «карликовым жирафом».

Через несколько месяцев после первой удачной охоты Ганс Шомбургк привез в Гамбург пять живых карликовых гиппопотамов и одержал таким образом убедительную победу над скептиками. Эти низкорослые животные весили в десять раз меньше обыкновенного гиппопотама! Высота взрослого самца в холке не превышала 75 сантиметров, а длина его тела составляла 1 метр 50 сантиметров. Одним словом, карликовый гиппопотам был меньше гигантской лесной свиньи!

Третий слон

Теперь уже никто не сомневается в том, что карликовый гиппопотам реален, а вот в существование карликового слона многие натуралисты пока еще не верили. Что же собой представляет карликовый слон?

Прежде всего следует сказать, что в конце прошлого века немецкий естествоиспытатель Пауль Матчи сделал очень интересное наблюдение: в Африке обитают два совершенно разных вида слонов! У одного из них уши почти треугольной формы (*Loxodonta africana ohyotis*), а у другого более круглые (*Loxodonta africana cyclotis*). Матчи полагал, что к первому виду относятся восточноафриканские слоны, а ко второму – западноафриканские слоны. Позднее было установлено, что на самом деле оба эти вида распространены по всей Африке, однако остроухий слон чаще встречается в саваннах, а круглоухий – в лесах. С другой стороны, остроухий (степной) слон значительно крупнее круглоухого (лесного): высота первого в холке зачастую достигает 3 метров 50 сантиметров, а иногда и 3 метров 90 сантиметров, тогда как рост второго никогда не превышает трех метров и в основном составляет 2 метра 50 сантиметров. Кроме того, как отмечал майор Офферман, начальник службы одомашнивания слонов в Гангала-на-Бодио, кожа у остроухого слона светлосерая и довольно шероховатая, тогда как у круглоухого она темно-серая и на вид гладкая. Потом, у крупного степного слона бивни ближе к концам расходятся, а у лесного, более мелкого, напротив, сходятся.

Одним словом, как считает Гловер М. Аллен, упомянутые различия позволяют отнести этих слонов к двум разным видам, но никак не подвидам, и по правилам старшинства их следует соответственно называть: *Loxodonta africana* (степной слон) и *Loxodonta cyclotis* (лесной слон).

Тем не менее, как оказалось, эти два вида встречаются не только в своих естественных местах обитания. Так, 19 мая 1938 года доктор Серж Фришкоп, проводивший изыскания на северном берегу озера Эдуард в национальном парке Альберта, в Конго, заметил два небольших стада слонов, пасшихся рядом друг с другом в какой-нибудь сотне метров от его лагеря.

«В одном стаде, – сообщает он, – слоны были крупнее, и кожа у них имела серовато-коричневый окрас; в другом стаде слоны на четверть ниже особей из первого стада, и кожа у них имела темно-коричневый окрас с черноватым оттенком».

Хотя доктору Фришкопу и не удалось подойти к слонам на достаточно близкое расстояние, чтобы получить рассмотреть форму их ушей, тем не менее он был убежден, что особи одного стада принадлежали к виду *L. africana cyclotis*, а другого – к виду *L. africana ohyotis*.

А теперь настало время поговорить о карликовом слоне, которого, по мнению некоторых ученых, следует отнести к третьему виду африканских слонов, более мелких, чем лесные слоны, поскольку их взрослые особи едва достигают в холке двух метров.

Существование карликовых слонов не подлежит сомнению: многие особи этого вида даже содержались в зоопарках – в частности в Антверпене и Нью-Йорке. Однако некоторые зоологи полагают, что нет достаточных оснований рассматривать карликовых слонов в качестве отдельного вида, как, например, их далеких предков, некогда населявших острова Средиземного моря, в частности Мальту. Вполне вероятно, что так называемые карликовые слоны – единичные экземпляры с патологическими отклонениями, родившиеся от нормальных особей, как то случается у людей. Действительно, зачастую бывает нелегко отличить «карлика» от слона другого вида с патологическими отклонениями в росте. Эту проблему можно разрешить, лишь наблюдая за тем, как карликовые слоны производят на свет свое потомство. Или же установив факт существования больших стад низкорослых особей.

Впервые карликового слона описал в 1906 году немецкий натуралист Т. Ноак, исследовавший одну его особь в Нджоле, Габон, и он же дал ему название – *Loxodonta pumilio*.

В 1923 году в тех же местах, неподалеку от озера Нгоби, что в 80 милях к юго-востоку от Фернан-Вазы, «гигантских карликов» наблюдал естествоиспытатель

Хонэдей, а в 1926 году в самом Фернан-Вазе их видел Поль. Наконец, некоторое время спустя профессор Бурдель, один из лучших в мире специалистов по млекопитающим, и Ф. Петте, профессор Парижского музея естественной истории, опубликовали любопытное исследование о карликовом слоне, убитом 11 марта 1948 года в Аломбе, что на побережье Габона, между Либревилем и Порт-Жантилем. То был одинокий самец, и к тому же старый. Его высота в холке едва достигала 1 метра 95 сантиметров.

Как утверждает Л. Бланку, издавший подробные описания млекопитающих Французской Экваториальной Африки, африканцы очень четко отличают габонского карликового слона от крупного. На одном из местных языков крупный слон называется «ангонзорго», а карликовый – «ассада» или «эссада», «эсса-массас» или «эсса-габон» (отец, который маленький). На языке батеке слоны обозначаются под родовым названием «изо» с добавлением к нему соответствующих слов-приставок: «мпани» – если речь идет о крупном слоне, и «мбабаба» или «мба-лама» – если имеется в виду карликовый слон. По наблюдениям Бланку, на теле у карликового слона шерсти больше, чем у обыкновенного. Свою работу, посвященную карликовым слонам, ученый заканчивает следующими словами: «Что касается меня, то теперь я твердо убежден в том, что карликовые слоны действительно существуют; они во многом отличаются от слонов других видов, и хотя их стада никогда не смешиваются, их пути, однако, пересекаются».

Водяной карликовый слон

В Европе истории о карликовом слоне, привезенном из Конго, обрастали самыми невероятными слухами. На самом же деле в этих историях речь шла о маленьких водяных слонах. В 1911 году профессор Труэссар сообщал, что некий г-н Лепти видел стадо из пяти водяных слонов в Towda-Майи, что на северном берегу озера Леопольда II [Ныне Мач-Ндомбе. – Ред.], область Лукени (Бельгийское Конго). Судя по описанию очевидца, у этих животных были поразительно короткие хоботы и уши, зато шеи у них были длиннее, чем у обычных слонов, а рост не превышал двух метров. Завидев людей, «карлики» устремились в воду и поплыли прочь от берега, причем на поверхности торчали только их головы и хоботы.

Доктору Анри Шутедену, директору Музея Конго в Тервюрене (Бельгия), тогда казалось, что Лепти стал «жертвой собственного воображения, а местные жители, как это часто случается с конголезцами, дали волю своей фантазии». Вскоре, однако, ему пришлось изменить свою точку зрения.

Однажды бельгийский лейтенант Франссен задался целью во что бы то ни стало отыскать это таинственное животное и доставить одну из его особей в Тервюренский музей.

«Если это животное существует, – заявил он, – я либо вернусь с ним, либо не вернусь вообще».

Лейтенант Франссен вернулся. Он привез с собой, как и обещал, останки водяного слона, которого поймал после того, как «провел тридцать шесть часов в жидкой грязи». Вот так, просто и без всяких лишних слов, как настоящий герой, поведал он о своих приключениях. На самом же деле, вконец выбившись из сил после изнурительной экспедиции в заросших джунглями болотах, где скрывался карликовый слон, он заразился тяжелой формой тропической лихорадки и вскоре по возвращении в Европу скончался.

В 1924 году, в память об этом человеке, имя которого достойно быть вписанным в мартиролог, посвященный первооткрывателям невиданных животных, отдавшим свои жизни ради науки, доктор Шутеден назвал водяного слона, известного среди местных жителей как «вака-вака», *Loxodonta fransseni*.

Хотя особь, описанная Шутеденом, была самой крупной из всего стада, ее высота в холке составляла только 1 метр 66 сантиметров. Ее бивни имели 65 сантиметров в длину и весили около 43 фунтов.

«Они были значительно длиннее бивней крупного слона одинакового с ним роста», – заключил выдающийся бельгийский зоолог. По мнению Шутедена, необычная форма ушей и наличие двух пальцевидных отростков на конце хобота (тогда как у *L. rufilio* и индийского слона только по одному такому отростку) вполне позволяло причислить карликового слона к новому виду. Сообщения о карликовых слонах приходили и из других областей Бельгийского Конго, однако в них не упоминалось о том, что этим животным свойственны повадки земноводных. В 1932 году майор П. Офферман, о котором уже шла речь, докладывал, что в районе Али (река Уэле) были найдены два карликовых слона высотой 130 и 145 сантиметров, «с длинными, почти

до земли, крепкими бивнями». Местные жители называли их «абе-ле», а крупных слонов – «гембо». Наконец, лейтенант А.-Ж. Жобар, почетный охотник Бельгийского Конго, неоднократно наблюдал карликовых слонов в провинции Лузамбо. По его словам, «данный вид широко распространен в лесах, покрывающих северные области этой провинции; высота этих карликовых слонов в холке, должно быть, не превышает двух метров, и они, видимо, всегда держатся крупными стадами».

Карликовый слон: реальность или миф?

Как полагает американский териолог Гловер М. Аллен, *Loxodonta pumilio* и *Loxodonta fransseni* являются близкими родственниками *Loxodonta cyclotis*. Иными словами, по его мнению, карликовые слоны – это те же самые лесные слоны, только маленького роста. Такое мнение бытовало до 1936 года, однако в наши дни оно полностью опровергнуто, и доказательством тому служит целый ряд наблюдений, приведенных ниже.

Если степного слона довольно легко отличить от его лесного сородича по форме ушей, то карликового отличить от лесного гораздо труднее, так как у них обеих уши имеют округлую форму. Они различаются только по росту. Так, высота в холке взрослого лесного самца не превышает трех метров, а самки – двух метров пятидесяти сантиметров. Это означает, что особи последнего вида, еще не закончившие расти, в частности самки, почти таких же размеров, что и взрослые карликовые слоны. Тем не менее нет сомнений в том, что среди взрослых слонов встречаются особи ниже двух метров. Одна такая особь была завезена в Нью-Йоркский зоопарк, где за ее ростом внимательно следили. Когда же она подросла, оказалось, что ее высота в холке составляет 195 сантиметров, а вес – 1200 килограммов. Тогда как взрослый слон крупной разновидности весит от пяти до семи тонн.

С другой стороны, наблюдения Лепти, лейтенанта Жобара, да и самих туземцев, пользовавшихся доверием Бланку, который знал их довольно хорошо, подтверждают, что карликовые слоны все-таки существуют, они держатся преимущественно небольшими группами, но порой могут объединяться в крупные стада.

Наконец, те из зоологов, кто изучал происхождение низкорослых слонов, могли без труда заметить, что они, в отличие от других своих собратьев, живут в совершенно особых местах.

«В наши дни, – отмечают Бурдель и Петте, – карликовый слон появляется во влажных лесах Африки, в частности в лесных заболоченных местах, главным образом, как «гость», чем он, видимо, и оправдывает свое название – «водяной слон», данное ему туземцами и подхваченное, в свою очередь, некоторыми исследователями».

Таким образом, в Африке, можно сказать, насчитывается три вида слонов, которые определяются по их местам обитания: степной слон – естественно, самый крупный и с большими ушами, что, в общем, типично для жителя саванны; лесной – более мелкий, более темный, с маленькими круглыми ушами; и, наконец, водяной – самый маленький из всех и самый волосатый.

Рост взрослых особей этих трех видов приблизительно составляет от полутора до двух метров – у карликовых слонов, от двух до трех метров – у лесных и от трех до четырех метров – у степных. Таким образом, между размерами всех трех видов прослеживается тесная связь, поэтому отличить один вид от другого бывает очень непросто. Однако отрицать существование карликового слона, даже как подвида *Loxodonta cyclotis*, значит грешить против истины.

Английский охотник на крупного зверя У.Р. Форан, всегда относившийся с предубеждением к естественной истории, даже утверждал, что карликовый слон – миф, придуманный торговцами слоновой костью. Поскольку охотиться разрешалось только на взрослых особей, браконьеры, как он считал, убив молодого слона, выдавали его за «карлика».

К несчастью, такого же мнения придерживались и многие зоологи, о чем остается только сожалеть.

Дракон острова Комодо и «белый флаг» из озера Тунтинь

Итак, более полувека минуло с тех пор, как мы узнали о самом большом из медведей, самой большой из обезьян и о самом большом из носорогов; только в начале нашего столетия нам стало известно, что существует по крайней мере два

самых крупных вида наземных животных – африканские слоны. Лишь немногим позже узнали мы и об одном из гигантов в мире рептилий – комодском драконе, самой крупной из ящериц.

В 1912 году один летчик совершил вынужденную посадку на Комодо, острове длиной 30 и шириной 20 километров, расположенном между островами Сумбава и Флорес, входящими в состав Зондского архипелага. Комодо сплошь покрыт отвесными горами и густой тропической растительностью, а его единственные жители – ссыльные, некогда подданные сумбавского раджи. О своем пребывании в этом крохотном экзотическом мире летчик рассказывал самые удивительные вещи: по его словам, он там видел огромных страшных драконов четырехметровой длины, которые, как утверждали местные жители, пожирают свиней, коз и оленей, а порой нападают на лошадей. Излишне говорить, что никто не поверил ни одному его слову.

Однако некоторое время спустя майор П.А. Суэнс, директор Бутензоргского ботанического сада, доказал, что эти гигантские рептилии все-таки существуют. В декабре 1910 года Суэнс, поставивший себе целью узнать тайну комодских чудовищ, вступил в переписку с управляющим острова Флорес по гражданским делам Ван Стейном Хенсбруком. Жители острова рассказывали этому чиновнику, что на их землях, расположенных в окрестностях Лабуан-Бадио, а также на близлежащем острове Комодо обитает «буая-дарат», то есть «земляной крокодил».

Ван Стейн заинтересовался их сообщениями и твердо решил разузнать как можно больше об этом любопытном звере, а если повезет, то достать одну его особь. Когда дела службы привели его на Комодо, он собрал интересовавшие его сведения у двух местных ловцов жемчуга – Кока и Альдегона. Они оба утверждали, что среди гигантских ящериц встречаются экземпляры шести-, а то и семиметровой длины, а один из них даже похвалялся, что самолично убил несколько таких ящериц.

Во время своего пребывания на Комодо Ван Стейн оказался не столь удачливым, как его новые знакомые, у которых был такой острый глаз. Тем не менее ему удалось достать особь длиной 2 метра 20 сантиметров, шкуру и фотографию которой он отправил майору Суэнсу. В сопроводительном письме он сообщал, что постарается поймать экземпляр покрупнее, хотя сделать это будет непросто: туземцы боялись как смерти зубов этих чудовищ, равно как и ударов их ужасных хвостов.

Тогда Бутензоргский зоологический музей спешно прислал ему в помощь малайского специалиста по отлову животных. Однако Ван Стейна вскоре перевели на Тимор, и он, к сожалению, не смог участвовать в охоте на таинственного дракона, которая на сей раз закончилась удачно. Раджа Ритара предоставил в распоряжение малайца охотников и собак, и тому посчастливилось поймать живьем четырех «земляных драконов», причем два из них оказались довольно неплохими экземплярами: их длина составляла немногим менее трех метров. А некоторое время спустя, по словам Ван Стейна, какой-то сержант Бекер подстрелил особь четырехметровой длины.

В этих чудовищах, свидетелях эпох минувших, майор Суэнс без труда, распознал варанов крупной разновидности. Он описал этот вид в Бюллетене Бутензоргского ботанического сада, назвав его *Varanus komodensis*.

Когда ученые познакомились с гигантской ящерицей поближе, они заметили, что для человека она не представляет ровным счетом никакой опасности, а на лошадей и быков нападает лишь в самых редких случаях. Таким образом, слухи о ее необычной кровожадности были развеяны. Тем не менее в зубы этого огромного хищника попадают свиньи, бараны и маленькие лани. Сегодня комодский дракон содержится во многих зоопарках мира, и все желающие имеют возможность убедиться в его невероятной прожорливости, наблюдая за тем, как он чревоугодничает. В этой связи примечательно, что название «комодо» означает «остров крыс», однако в наши дни на «крысином острове» не осталось ни одной крысы...

Позднее выяснилось, что этот громадный дракон встречается не только на Комодо, но и на крохотных островках Ритья и Падар, лежащих к западу от Флореса. Наконец, стало известно, что об этом звере упоминалось еще в бумагах, относящихся примерно к 1840 году.

Поскольку мы с вами находимся на Востоке, было бы уместно вспомнить о том, что в 1918 году в озере Тунтинь, расположенном в Центральной части Китая и в 1000 километров от устья Янцзы, был обнаружен неизвестный вид пресноводного дельфина. Это было китообразное, совершенно белое тело, длина которого составляла два с половиной метра, у него было вытянутое рыло, напоминавшее одновременно журавлиный клюв и древко флага. Именно поэтому местные жители называли его «пейши», что означает «белый флаг». А американский зоолог Джеррит

С. Миллер окрестил его китайским озерным дельфином (*Lipotes vexillifer*).

Карлики среди гигантских обезьян

Не стоит, однако, полагать, что после того, как был открыт карликовый слон, Африка раскрыла все свои тайны. Ведь еще Аристотель говорил, что на обширных, таинственных просторах Ливии (так древние именовали Африку) то и дело появляется что-нибудь новенькое...

Так, в 1905 году Лидеккер описал новый вид винторогой антилопы – ньялу (*Tragelaphus buxtoni*), обитательницы Абиссинского нагорья.

Следует также отметить, что в первой четверти нынешнего столетия в семействах горилл и шимпанзе случилось «знаменательное событие»: и у тех, и у других появились на свет карликовые особи.

В 1913 году американский зоолог Дэниэл Гиро Эллиот, автор трехтомной монографии о приматах, познакомил нас с первой из них – карликовой гориллой. Ее описание было полностью основано на результатах исследования нескольких останков, привезенных из Габона – из устья Огове, а точнее, из дельты Рембо-Нкоми, с юга Фернан-Ваза; Эллиот назвал ее *Pseudogorilla mayeta*. Признаки этого животного пока еще очень мало изучены. Судя по всему, шерсть у него в основном темно-серая, за исключением головы и плеч, где она имеет светло-коричневый окрас с едва заметным красноватым оттенком. Рост самца карликовой гориллы, очевидно, никогда не превышает 1 метра 40 сантиметров, то есть своими размерами этот самец напоминает самку шимпанзе, тогда как рост взрослых особей двух других подвидов крупных горилл: береговой (*Gorilla gorilla gorilla*) и горной (*Gorilla gorilla beringei*) – соответственно составляет 1 метр 80 сантиметров и около двух метров.

Вот уже сорок лет как мы с вполне понятным нетерпением и любопытством ожидаем новых, более подробных сведений об этом «карлике среди гигантских обезьян», которого, вероятно, еще никто не видел живым. И здесь необходимо отметить следующее: когда-то весь мир отрицал факт существования карликового слона, однако при этом мало кто сомневался в том, что существует карликовая горилла, хотя о ней почти ничего не было известно. Вот вам «настоящая тайна» зоологии.

Что же касается карликового шимпанзе, то он был открыт... в музее! В 1925 году при обследовании кож и скелетов, найденных на левобережье Конго (в том месте, где в нее впадает река Касаи) и доставленных вслед за тем в Тервюренский музей Конго (Бельгия), Эрнст Шварц вдруг обнаружил, что перед ним – останки шимпанзе неизвестной разновидности. По сравнению с другими обезьянами этого вида карликовый шимпанзе довольно мелкий, а его конечности довольно тонкие; у него очень хрупкий скелет (он весит в два раза меньше скелета обычного шимпанзе), а рост на 15 процентов ниже роста обычного шимпанзе (*Pan troglodytes*). Также в нем поражает и то, что его мордочка и уши имеют густо-черный окрас уже с самого рождения, в то время как другие шимпанзе рождаются со светлой кожей на морде и ушах, которая с годами постепенно темнеет.

С тех пор как Шварц сделал свое столь неожиданное открытие, карликового шимпанзе (*Pan paniscus*) наблюдали не только на его родине. Живую особь этого вида профессор Урбен, директор Венсенского зоологического музея, привез в Париж из Французского Конго, то есть с правобережья великой реки Конго. Но, несмотря на неустанную заботу, это маленькое четверорукое существо прожило в Венсенском зоопарке лишь с 1939 по 1940 год. После Второй мировой войны другого карликового шимпанзе некоторое время можно было видеть и в Антверпенском зоопарке.

История таинственных перьев

Карликовый шимпанзе отнюдь не единственное животное, которое было обнаружено в музейных стенах. В том же музее и таким же образом было сделано еще одно, пожалуй, самое сенсационное открытие нашего века! Однако речь здесь пойдет не о каком-то мелком, по сию пору неуловимом четвероногом, а о просто птице, правда крупной, как фазан. Поскольку она тоже обитает в экваториальных лесах Африки – настоящем царстве невиданных зверей, а открытие новых видов пернатых в наши дни – событие поистине знаменательное, эта птица вполне заслуживает нашего внимания.

В 1909 году, покуда Шомбургк охотился на карликового гиппопотама в Либерии, Нью-Йоркское зоологическое общество организовало экспедицию с целью доставки живого окапи в Бронксский зоопарк; в ней приняли участие Герберт Лэнг и

его молодой ученик доктор Джеймс Чепин.

Эта экспедиция потерпела неудачу. Однако ученые вернулись не с пустыми руками. Вместо четвероногого, открытого не так давно, они привезли с собой перья какой-то странной птицы. Ученые заметили это только по возвращении домой, когда стали рассматривать высокие головные уборы туземцев – «сувениры» из Авакуби.

Напрасно обращались они к самым известным специалистам – никто из них так и не смог определить, какой птице принадлежали два рыжих пера в черную полоску, украшавшие, среди прочих, головные уборы туземцев далекого африканского племени. Эту тайну не могли разгадать в течение более чем двадцати лет.

До того самого дня, когда в августе 1936 года Чепин случайно обнаружил похожие перья на чучелах двух птиц, хранившихся в запасниках Музея Конго в Тервюрене. Сначала он не поверил своим глазам, тем более что к одному из чучел была прикреплена табличка: «Молодой *Pavo cristatus*».

Как, неужели павлин обыкновенный? Несомненно, здесь была какая-то ошибка.

На самом же деле, и Чепин легко это доказал, таинственные перья принадлежали неизвестному тогда роду конголезских павлинов, которому он сразу же дал название *Afropavo congensis*. Его описание появилось в 1936 году в «Обзрении африканской флоры и фауны». То было поистине сенсационное событие: наконец удалось точно установить род птицы, открытой еще сорок лет тому назад.

Американскому ученому не давала покоя мысль, что он упустил «жар-птицу», когда находился в тех самых местах, где были пойманы особи, хранившиеся в бельгийском музее. И 19 июля 1937 года он вылетел самолетом в Стэнливилль. В Конго известие об этой чудо-птице распространилось быстрее молнии, и по прилете в Стэнливилль Чепина уже ждали восемь ее особей, подстреленных на охоте. Каково же было его удивление, когда он узнал от туземцев, живших в лесах Итури, что хотя места обитания интересовавшей его столько лет птицы ограничены, тем не менее она широко распространена по всей области, лежащей между реками Итури и Санкуру. Племена бакулу называли ее «итунду», а вабали – «нгове».

Итак, спустя по меньшей мере полвека после открытия окапи, гигантской лесной свиньи, карликового гиппопотама, а также карликовой гориллы и шимпанзе великий пояс лесов Экваториальной Африки снова приоткрыл свой таинственный покров, явив нам шестое по счету крупное животное, обогатившее собой знания о мировой фауне.

Безымянный зверь, гиеновидный леопард и летающий шакал

Однако история зоологических открытий, сделанных в Африке, на этом не заканчивается. В джунглях Итури по-прежнему хранилось множество удивительных тайн.

В 1919 году Гловер Аллен обнаружил в темных прибрежных зарослях ручья, протекающего в тех местах, водяную генету, питающуюся рыбой. Размерами она напоминала домашнюю кошку, у нее был пышный светло-коричневый мех, с белыми пятнами на морде, и толстый черный хвост в виде султана. И это все, что нам о ней известно. Да и сами туземцы ничего о ней не знали, поэтому у нее даже не было обиходного названия. Если это действительно так, то нам придется ограничиться только ее научными и не очень благозвучными названиями – *Osbornictis piscivora* [Водяная цивета. – Ред.].

Зато история «нсуй-фиси» кажется более занимательной, к тому же, на наш взгляд, она показательна.

На протяжении бог весть какого времени туземцы распространяли по родезийским краям леденящие кровь слухи об этом животном, название которого в переводе с их языка означает «леопард-гиена». Они считали, что в нем уживаются два этих хищника и оно похоже на них обоих как по внешним признакам, так и нравом. Оно обладало всеми повадками леопарда, но при этом его тело было испещрено белыми и черными полосами, как у пятнистой гиены, кроме того, у него были невтяжные когти. Оно бегало с огромной скоростью и отличалось невероятной хитростью и кровожадностью, что, в общем, неудивительно, поскольку то была помесь гиены с большой дикой кошкой! Охотился этот хищник только ночью; он преспокойно проникал в загоны для скота через легко уязвимые ворота или крытые ветками крыши и зачастую устраивал там настоящую резню, после чего всякий раз уносил с собой козу или барана.

Однако белые люди не воспринимали всерьез бесконечные рассказы африканцев об этих кровожадных чудовищах, считая их очередными выдумками суеверных туземцев.

Но вот однажды, в 1926 году, майор А.Л. Купер заметил неподалеку от

Солсбери, Южная Родезия, какую-то кошку, довольно странную с виду, и тотчас же подстрелил ее. Это был необыкновенный зверь. Он очень напоминал гепарда, но у него была густая, как у снежного леопарда, шерсть, сплошь покрытая пятнами, которые, сливаясь, образовывали некое подобие полос.

Заинтересовавшись всерьез этим доселе невиданным животным, майор Купер поведал о нем на страницах английского журнала для охотников «Филд» (октябрьский номер за 1926 год), где он рассматривал его как гибрид леопарда с гепардом.

После того как удалось отловить еще несколько особей этого животного и было установлено, что у всех невтяжные когти – благодаря чему гепард отличается от других кошачьих, – стало очевидно следующее: то была неизвестная разновидность дикой кошки, носящей в Индии название «чита», но заметно отличавшейся от единственного ее вида *Acinonyx jubatus*, встречающегося в Африке и Азии.

Поэтому знаменитый английский зоолог Реджинальд Иннес Покок, описывавший зверя, так похожего на «нсуи-фиси», о котором рассказывали туземцы Южной Родезии, назвал его *Acinonyx rex*, или попросту говоря «кинг чита», что означает «королевский гепард». Свое описание он сопроводил таким комментарием: «Поистине невероятно, что столь крупный и необычный вид так долго оставался неизвестным».

Невероятно? Да нет, эта история самая что ни на есть обычная.

И так будет продолжаться до тех пор, пока белые люди не перестанут считать лжецами или дураками тех, кого они презрительно называют «дикарями».

Если верить капитану Уильяму Хиченсу, бывшему сотруднику английской административно-разведывательной службы, некогда действовавшей в Кении, ровно через год подтвердилась еще одна «небылица» туземцев.

«Когда-то, – сообщает он, – африканцы рассказывали про «млуруку», или «летучего шакала», который, по словам деревенских жителей, как две капли воды был похож на обыкновенного шакала, только с крыльями, – «чтобы иметь возможность летать, подобно летучей мыши». С наступлением темноты, как говорят они, он частенько залетает в их сады и с визгом набрасывается на манговые и гранатовые деревья. Но их рассказам никто не верил.

Однако в 1927 году Ловридж обнаружил двух «млуруку» в Танганьике, где он проводил изыскания по заданию Гарвардского музея естественной истории. Ими оказались обыкновенные летяги, одна из которых была длиной 2,5 фута (75 сантиметров).

Тем не менее я позволю себе усомниться в том, что капитан Хиченс точно определил видовую принадлежность этих зверьков. Негры народ очень наблюдательный, и им вряд ли пришло бы в голову называть «летающими шакалами» грызунов, совершенно не похожих на собачьих. В легендах о «млуруку», вероятнее всего, имеется в виду один из двух видов плотоядных летучих мышей – летучая собака, прозвище «летающий шакал» подходит к ним как нельзя лучше, о чем можно судить если не по их пищевому режиму, то уж, во всяком случае, по их внешнему виду. К тому же о некоторых из этих гигантских рукокрылых мы узнали совсем недавно, и не исключено, что «млуруку» – один из не известных нам представителей этого вида.

Романтичное приключение дамы с большой пандой

А сейчас было бы небезынтересно совершить путешествие во времени и пространстве и перенестись назад в 1929 год в центральные области Китая, где мы расстались с экспедицией охотников и натуралистов, ведущей поиски знаменитого «бей-шуна» отца Давида начиная с 1870 года. Но прошли десятилетия, а ученые так ничего и не обнаружили. Единственно доктору Вейгольду, участнику первой немецкой экспедиции к северо-западным отрогам Тибета, посчастливилось наблюдать этого зверя в 1915 году, правда недолго. Какое-то время он даже держал подле себя молодого «бей-шуна», которого ему подарили местные жители, однако из-за неправильного питания медвежонок вскоре погиб. Зоологи уже были готовы причислить черно-белого «медведя» к исчезнувшему виду, когда двое бывалых охотников, полковник Теодор Рувельт и его брат Кермит, сыновья покойного президента Теодора Рувельта, наконец заметили «бей-шуна» на верхушке высокой дуплистой сосны, где он безмятежно спал. Ружейные залпы разбудили бедного зверя, и одна пуля смертельно ранила его. Впоследствии из останков несчастного животного сделали чучело, и оно услаждало своим видом толпы посетителей музея «Филд» в Чикаго.

Разумеется, в этом убийстве не было никакой нужды, равно как и в серии ему

подобных, происшедших в последующие годы – 31 мая 1931 года и с 1934 по 1936 год, – виновниками которых соответственно были: немецкий зоолог доктор Эрнст Шефер, член американской экспедиции Брука Делана; Дин Саж и У. Дж. Шелдон, сотрудники Нью-Йоркского музея естественной истории; капитан Брокларст; Квентин Янг – метис. Как ни прискорбны все эти случаи, однако именно они помогли с точностью установить, что медведь Давида на самом деле не медведь. Результаты исследования его внутреннего строения подтверждали то, что с самого начала утверждал А. Мильне-Эдвардс: это животное является близким родственником малой панды, похожей своими повадками скорее на кошку. К тому же выяснилось, что этот зверь, как и малая панда, питается побегами бамбука – и сей факт еще больше упрочил родственные связи этих двух животных. Таким образом, жребий был брошен: отныне крупного черно-белого медведя стали называть не иначе как большой пандой.

Спустя несколько лет это название, оказавшееся для многих диковинным, послужило причиной одного довольно забавного случая. В 1936 году Флойд Т. Смит поймал живьем первую большую панду, но она, к сожалению, погибла в Сингапуре. Тогда исследователь Уильям Харкнес объявил журналистам, что он собирается в Цзюцюань, имея твердое намерение привезти оттуда живую большую панду, а телетайпист понял так, что речь идет о «большой пантере». И на другой день большинство газет как ни в чем не бывало сообщили, что Харкнес вознамерился поймать «гигантскую пантеру», которую якобы обнаружил в Китае.

Эта история заслуживает того, чтобы мы привели ее здесь, поскольку она позволяет нам проследить, как благодаря чистой случайности мир узнал о существовании еще одного «невиданного зверя», которого иные зоологи принялись искать с невероятным упорством, совершенно не ведая о том, что их поиски уже заранее обречены на неудачу...

Однако бедному Харкнесу не суждено было осуществить свои планы, так как в 1936 году, сразу же по приезде в Китай, он скончался. И тогда случилось невероятное: в 1937 году его вдова Рут, которая не могла допустить, чтобы мечта ее мужа умерла вместе с ним, сама решила отправиться по следам неуловимой большой панды. Об этом животном она не знала ничего, как, впрочем, и о Китае, куда устремилась очертя голову. На протяжении нескольких месяцев шла она сквозь джунгли с настойчивостью, достойной самого искреннего восхищения.

И все вздохнули с облегчением, когда узнали, что удача наконец улыбнулась той, которая была так предана памяти своего мужа. Этой смелой женщине повезло больше, чем самым великим исследователям, потратившим впустую целых семьдесят лет на поиски таинственного зверя. В один прекрасный день она заметила в дупле дерева годовалую панду, издававшую душераздирающие крики. Она бережно взяла на руки этого «крошку-великана» и прижала к сердцу, как младенца, о котором так мечтал ее покойный супруг.

Нетрудно себе представить исступленный восторг, с каким американцы встречали отважную путешественницу, прибывшую на родину в сопровождении приемной «дочери». И та не замедлила привлечь к себе внимание зевак, хлынувших толпой в Бруксфилдский зоопарк в Чикаго. Однако в марте 1938 года Су-линь, как назвали зверька, к сожалению, погибла: она подавилась веткой дерева.

К счастью, удача – как и почтальон – приходит дважды на дню. Миссис Харкнес вновь отправилась в Китай и привезла оттуда другую большую панду, самку по прозвищу Меи-меи, которая как нельзя лучше прижилась на своей новой родине – в «городе ветров».

Прошло какое-то время – и на прилавках американских магазинов появилась новая плюшевая игрушка, точная копия Меи-меи. Большая панда, получившая на сей раз прозвище Энди Панда, стала героиней комиксов и веселых картинок в воскресных газетах; и теперь ее часто можно было видеть на экранах телевизоров в качестве персонажа детских мультфильмов. Сегодня этот зверек столь же любим американской детворой, как Микки Маус и Дональд Дак.

Однако для зоологов работа только начиналась. Они были, в общем-то, едины во мнении, что «бей-шун» и малая панда – родственники, и тем не менее они пока еще не знали, к какому виду следует отнести этих двух панд. Их, конечно, можно было бы причислить к плотоядным, хотя они употребляют исключительно растительную пищу, почти как медведи: ведь они большей частью тоже питаются растениями [Настоящие медведи всеядны. – Ред.] Англичане даже стали называть панду попросту «кошачьим медведем», что было вполне справедливо.

В конце концов после проверки результатов исследований великим американским зоологом Уильямом Кингом Грегори было решено включить панду в семейство енотовых, где уже числились енот-полоскун, енот-ракоед, коати, кинкажу

и кошачий хорек. Однако, принимая в расчет особенности их строения, быть может, вместо того, чтобы объединять азиатских панд с американскими енотовыми, стоило создать для них отдельное семейство пандовых, как это предполагал еще в 1943 году доктор Фрешкоп? Американского кинжау также следовало бы отнести к пандовым, поскольку в этом случае последние стали бы своего рода связующим звеном между медвежьими и кошачьими. Другие же зоологи, напротив, настаивали на том, чтобы большая панда была причислена к семейству медвежьих.

Как бы то ни было, но только генетические и серологические (по крови) исследования этих необыкновенных животных позволят с точностью установить, являются ли все они родственниками или нет.

Камбоджийский серый бык, или Еще одна тайна зоологии

Последнее крупное зоологическое открытие, сделанное в Азии, стало предметом бурных споров. Еще в незапамятные времена жители Камбоджи рассказывали, что кое-где на севере страны, в редкостойных лесах, живет дикий бык, не похожий ни на гаура (*Bos/Bibos/gaurus*), ни на бантенга (*Bos/Bibos/banteng*). Они называли его «купреем», или серым быком. Факт его существования подтверждали и многие французские зоологи, в частности доктор Дюфосе – в 1930 году и Р. Виттоз – в 1933 году.

Когда профессор Ашиль Урбэн, директор Венсенского зоопарка, прибыл в 1937 году в Индокитай, ему представился случай увидеть останки этих прекрасных животных у неумолимого охотника доктора Р. Совеля, работавшего ветеринаром в северной Камбодже. Узнав, что этот бык очень интересует его гостя, доктор Совель поймал молодого самца купрея и без лишнего проволочек отправил его в Венсенский зоопарк. Кроме того, он предоставил в распоряжение профессора Урбэна – для исследования – останки взрослого самца купрея, которого он подстрелил на днях неподалеку от деревушки Чеп.

После того как исследование было проведено, директор Венсенского зоопарка решил без обиняков назвать камбоджийского дикого быка *Bos (Bibos) sauveli*.

«Серый бык, – писал он, – гораздо выше бантенга, и отдельные его особи могут достигать в высоту 1 метра 90 сантиметров. У молодых бычков и телок шкура целиком серая, а у старых быков она серовато-черная с белыми пятнами на крупе и плечах. У этих животных имеется ярко выраженный подгрудок, а в верхней части ног – белые отметины. Рога у них цилиндрические, у быков они спереди загнуты, а у телок имеют форму лиры».

В отличие от других азиатских быков у купрея спинной гребень выражен нечетко.

Отметим, что у гаура, каким бы рослым он ни был, подгрудок отсутствует совсем, а вот гаяла, третьего азиатского быка подрода *Bibos*, следует, видимо, рассматривать как одомашненного или наполовину одомашненного гаура, на которого он очень похож, несмотря на то, что у него имеется подгрудок, хотя и не ярко выраженный.

Однако после того как было сделано научное описание *Bibos sauveli*, сразу же возникли трудности. Исследования, проведенные в Камбодже, показали, что местные жители различают фактически два вида быков, обитающих на севере страны: одного из них они называют купреем, а другого – купрохом. У первого вида, уточняют они, рога с белесым оттенком, а у второго – серо-зеленые и к тому же сильно загнуты внутрь. В конце концов все же выяснилось, что купрей и купрох суть одно и то же.

Но основная загвоздка заключалась в том, что, судя по некоторым сообщениям, купреев (или купрохов) видели не раз в стадах бантенгов. И тогда иные натуралисты усомнились: а не может ли быть так, что знаменитый «серый бык» всегда лишь гибрид бантенга с каким-нибудь быком? Кое-кто даже утверждал, что недавно было установлено, будто купрей – это гибрид наполовину одомашненного гаура с каким-то диким быком.

С другой стороны, по некоторым наблюдениям серый бык своими повадками очень напоминает водяного буйвола, принадлежащего к отдельному подроду (*Bos/Bubalus/bubalis*). Кроме того, можно заметить, что у серого быка, как и у водяного буйвола, сравнительно узкий лоб. Таким образом, если купрей действительно гибрид и если его в самом деле видели в стадах вместе с бантенгами, не может ли быть так, что он – помесь водяного быка с бантенговой коровой?

Вот вам еще одна неразрешенная загадка.

Последняя находка: шкура андского волка

Среди крупных зоологических открытий, сделанных за последние годы, лишь некоторые могут быть удостоены нашего внимания.

Здесь было бы уместно вспомнить о новом виде боливийского гокко, описанном в 1939 году Дж. Бондом и Р.М. де Шоэнси под названием *Rauxi umicornis*. Отличительная черта этого представителя семейства древесных кур (куда также входят пенелопы и гуаны) — у него на лбу выделяется костный нарост, напоминающий рог носорога.

В Африке тоже было сделано несколько открытий — главным образом среди обезьян. В 1942 году Жуковский описал, в частности, новый вид бабуина (*Pario ruheu*), а Крумбигель — новый вид толстотела с острова Фернандо-По, где, несмотря на планомерные поиски, никогда прежде не удавалось обнаружить ничего подобного. Этот новый вид обезьян получил название *Colobus metternichi*: его представители отличаются от сородичей с материка тем, что их лапы и даже ногти имеют белый окрас.

В этой связи было бы небезынтересно вспомнить слова доктора Мориса Бертона: «О рувензорских толстотелах, обитающих на западных склонах Рувензори, на высоте от 1800 до 3000 метров, — там, где сходятся границы Конго и Уганды, мы можем судить лишь по их шкурам, которые попадали к исследователям от туземцев».

Точно так же был открыт и андский волк, ставший последней великой зоологической находкой нашего времени. В наши дни с андским волком произошла та же история, что в конце прошлого века с береговой гориллой, карликовым гиппопотамом и большой пандой: все они превратились из существ мифических в реальные благодаря тому, что в конце концов удалось обнаружить их останки, которые можно было потрогать руками, хотя их видовая принадлежность стала предметом самых жарких научных споров.

В 1926 году знаменитый торговец животными Лоренц Гагенбек, сын и последователь Карла Гагенбека, приобрел по случаю в Буэнос-Айресе шкуру крупной собаки, весьма необычную на вид, которая якобы была найдена в Андах. Эта шкура была переправлена в Германию, где ее выставляли в разных музеях, прежде чем она наконец очутилась в Мюнхене. Там в 1940 году она попала в руки доктора Инго Крумбигеля, который, посоветовавшись с профессором Кригом, решил, что это горный гривистый волк. Немецкий зоолог, однако, не решился описать это животное, имея в своем распоряжении лишь одну его шкуру. Вообще говоря, в мире собачьих пород встречаются такие варианты гибридизации, что от ошибок при их описании никто не застрахован. Представьте себе, каково придется зоологу, когда окажется, что описанное им новое животное в действительности самая обыкновенная жалкая дворняга.

Поэтому доктор Крумбигель, проявив верх благоразумия, решил не торопиться с окончательными выводами. Однако в 1947 году он узнал от Лоренца Гагенбека, что вскоре после того, как тот приобрел упомянутую шкуру, ему показали еще три точно такие же шкуры. Теперь все опасения, что эта мог быть гибрид, исчезли. Впрочем, учитывая многие особенности шкуры, такой вариант был маловероятен.

Тогда доктор Крумбигель приложил к шкуре череп, который много лет назад был найден в Андах и теперь хранился в его коллекции. Методом исключения он определил, что скорее всего это череп гривистого, или пампасного, волка (*Chrysocyon jubatus*), того самого, которого индейцы называют «аквара квазу», то есть «большой лисой». Но этот череп был больше (31 сантиметр в окружности), чем черепа обычных гривистых волков (в среднем 24 сантиметра в окружности на каждые двадцать особей). Стало быть, он, по всей видимости, принадлежит животному, также обитающему в Андах, и шкура точно такого же зверя теперь находилась у немецкого зоолога.

И вот, основываясь на этих двух вещественных доказательствах, Крумбигель опубликовал первое общее описание новой андской собаки. Он назвал ее *Ogeocyon hagenbecki*, или «горной собакой* Гагенбека, — в честь человека, предоставившего ему ее шкуру.

После серии непрерывных восстановительных опытов, имея в своем распоряжении только шкуру, немецкий зоолог сумел наконец сделать прекрасные рисунки этой доселе невиданной собакам. Рисунки доктора Крумбигеля не нуждаются в пространных комментариях. Глядя на них, по ряду признаков нетрудно заметить, настолько андский волк отличается от пампасного. Его мех (черновато-коричневый) не только темнее, но и намного гуще: длина шерстного покрова на спине достигает

20 сантиметров. Лапы у него более короткие и толстые, а когти более мощные. Уши у андского волка маленькие и более круглые, морда массивная и широкая. Даже ничего не зная о местах обитания этих волков, легко догадаться, что андский волк живет в более суровых условиях, а пампасный предпочитает просторы равнин.

Эти очевидные различия позволили доктору Крумбигелю создать для андского волка новый, переходный, род, хотя после дальнейшего изучения строения его скелета, подушечек лап и т.д. однажды может выясниться, что это просто новая разновидность гривистого волка. И только дополнительные и, главным образом, более полные сведения об этом животном помогут точно определить его видовую принадлежность.

Однако, сказать по правде, животный мир Анд так мало изучен, что пройдет еще немало лет, прежде чем тайна горного волка будет разгадана.

Итак, мы с вами вкратце рассмотрели крупнейшие зоологические открытия, сделанные с того времени, когда Жорж Кювье выступил со своим опрометчивым заявлением, будто фауна Земли изучена до конца и на свете больше нет зоологических тайн. Мы опровергли его нелепую точку зрения, и наилучшее тому доказательство – пестрый калейдоскоп животных, открытых за последние два столетия и содержащихся ныне в разных зоопарках мира: чепрачный тапир и белый носорог Коттона, зебра Гриви и лошадь Пржевальского, олень Давида и олень Шомбургка, окапи и африканский оленек, карликовый слон и карликовый гиппопотам, золотой такин и геренук, дибатаг и множество невиданных антилоп и оленей, гелада, гигантская горная горилла и карликовый шимпанзе, гигантские летучие мыши и дракон острова Комодо, – или хранящихся в виде чучел в музеях естественной истории: ринопитек и карликовая горилла, медведь-кадьак и андский волк, «царь гепардов» и белый дельфин из озера Тунтинь, орел, поедающий обезьян, и конголезский павлин.

Мне бы также хотелось опровергнуть взгляды некоторых моих современников, которым ни один урок не идет впрок, которые никогда не считались и не будут считаться с очевидным и продолжают упорно следовать примеру доктора Андерсона из Австралийского музея естественной истории, написавшего еще в 1934 году вот эти несуразные строки:

«Хотя на Земле еще немало не открытых и не описанных животных, тем не менее все они наверняка очень незначительных размеров, и можно безошибочно утверждать, что на свете больше не осталось ни одного неизвестного крупного млекопитающего, ни одной неизвестной крупной птицы или рептилии с необычным строением, которые могли бы занять свое место в той или иной всеми признанной зоологической группе».

Как бы я хотел, чтобы все они дожили до того дня, когда кто-нибудь из моих коллег-единомышленников составит перечень великих зоологических открытий второй половины XX века.

Глава 3

РЕЛИКТОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Живое ископаемое – это не оскорбительное выражение, как хотелось бы думать, а возглас восхищения перед явлением в высшей степени необыкновенным – неким анахронизмом, облеченным в плоть и кровь. К сожалению, это выражение стало уже избитым и приобрело оттенок цинизма.

Однако прежде всего следует определить его истинный смысл, поскольку дальше речь пойдет о возрожденных «ископаемых» формах, а говоря точнее, о животных, как бы воскресших из небытия. И кому, как не существу, возникшему из тьмы веков, больше всего подходит это название – «живое ископаемое»? Действительно, существуют животные, о которых зоологи еще не знают, но которые хорошо известны палеонтологам, хотя бы по их окаменелым останкам. Но обычно и зоологи, и палеонтологи решительно отвергают их принадлежность к современной фауне. Такое отношение ученых совершенно непонятно, тем более что наша планета буквально кишит «живыми ископаемыми».

Что же такое «живое ископаемое»?

На первый взгляд, выражение «живое ископаемое» кажется понятным, однако, говоря по правде, не так-то просто определить смысл сочетания этих двух терминов, по сути своей противоположных.

Утверждение о том, что под данным понятием подразумеваются существа,

продолжающие жить, хотя, по логике вещей, они давно должны бы умереть, вполне правомерно, но оно не решает проблему. Какое же в таком случае проклятие должно лежать на существе, навеки обреченном называться ископаемым?

Для простого человека «живые ископаемые» – это существа необыкновенные на вид, редкостные, живущие в строго ограниченных уголках и сохранившиеся там с незапамятных времен.

Необыкновенные на вид? Однако многие люди при мытье тела каждый день пользуются губчатым скелетом одного из «живых ископаемых», чей возраст насчитывает сотни миллионов лет, и при этом они не воспринимают его как нечто необыкновенное. В самом деле, губки – животные очень древние, но с незапамятных времен они не претерпели почти никаких изменений: губки точь-в-точь как современные существовали уже в начале палеозойской эры, в кембрийский период.

Также все мы, французы, практически круглый год едим, под луковым или провансальским соусом – как кому угодно, других «живых ископаемых», появившихся на Земле примерно 190 миллионов лет назад, но это нас нисколько не поражает. Мидия, простая мидия – ровесница триасового периода. Гребешок святого Якова младше мидии, он появился на свет в лейас (нижняя юра), а благородная устрица – в более поздний юрский период. Что же касается морских ежей, то некоторые из них такие же древние, как и эти разнообразные моллюски. Вот вам «живые ископаемые», из которых может получиться великолепная закуска!

Редкостные? Одно из самых редких «живых ископаемых» – это, бесспорно, мечехвост. Вооруженный копьем, точно средневековый рыцарь, закованный в куполообразный панцирь, скрывающий его уродливые паучьи лапы, он напоминает чудище, сошедшее с полотен Иеронима Босха. Поскольку он обитает в воде, американцы называют его «железным крабом-кавалеристом», однако в действительности он больше похож на скорпиона, нежели на рака. В процессе своего развития он прошел через «трилобитную» стадию, порвав, таким образом, все связи с группой, бурно расцветшей в палеозойскую эру. Род *Zimulus* (мечехвостов) существовал уже в начале мезозойской эры, в триасовый период. Сегодня четыре его вида распространены в прибрежной полосе Японии и Зондских островов, а пятый вид – вдоль всего побережья Северной Америки, от штата Мэн до Юкатана.

Популяции мечехвоста, чей возраст насчитывает около 200 миллионов лет, здесь столь многочисленны, что местные жители используют его измельченный в порошок скелет как удобрение [В качестве примера приведем случай, когда в 1927 году в Бауэрсе, штат Делавэр, для этих целей было собрано полмиллиона особей мечехвоста].

Не стоит, однако, полагать, будто для того, чтобы найти «живое ископаемое», такое же древнее, как знаменитая лати-мерия, о которой последнее время столько писали, нужно обязательно бежать на край света или погружаться в морские глубины.

Спуститесь в подвал вашего дома – и вы увидите, как сотни «живых ископаемых» девонского и каменноугольного периодов терпеливо ткнут там свою паутину, приводя в отчаяние домохозяек. Так, пауки-птицееды, найденные в континентальных крас-ноцветных отложениях девона, в графстве Абердин, очень напоминают современных пауков; окаменелые останки паукообразных, относящихся к более поздним периодам, были обнаружены не только в угольных пластах в Англии, но и в Богемии, Силезии и в американском штате Иллинойс.

Живущие в строго ограниченных уголках? Но ведь существует, по крайней мере, один континент, почти целиком населенный «живыми ископаемыми», – это Австралия, царство однопроходных и сумчатых. Все другие наземные животные были завезены туда человеком.

Сохранившиеся там с незапамятных времен? Да, именно способность к самосохранению и отличает «живых ископаемых» от всех остальных представителей земной фауны.

Однако если вдуматься, все группы современных животных появились на Земле в далекие геологические эпохи. А самые «юные» из них – млекопитающие и пернатые – стали распространяться в мезозойскую эру.

Выходит, животный мир нашей планеты очень древний, и свои возможности он, по-видимому, давно уже исчерпал: на протяжении всего третичного периода на Земле не возникло ни одной новой крупной живой формы.

Редкие реликтовые формы

Теперь необходимо уточнить, что «живыми ископаемыми» следует называть

только сохранившихся представителей вымерших групп или, точнее, находящихся на грани вымирания.

Вот почему многие полагают, что по логике вещей они должны быть как бы «не от мира сего». Но если так, стоит ли тогда считать «живыми ископаемыми» современных земноводных и рептилий? Ведь именно эти две группы некогда процветали — сегодня же численность их представителей (относительно) сократилась.

Возьмем, к примеру, земноводных, которые преобладали на Земле в каменноугольный и пермский периоды. В наши дни от этих в прошлом хозяев Земли остались лишь ничем не примечательные саламандры, тритоны, лягушки, жабы и совсем уж незаметные существа, лишенные конечностей.

В действительности, как единодушно полагают зоологи, «живыми ископаемыми» следует считать только поздних членов малочисленных сообществ, поскольку — и это вполне справедливо — в многочисленных группах из века в век происходили значительные пертурбации, сопровождавшиеся возникновением новых форм.

[Давайте вспомним здесь основные ранги зоологической иерархии: непосвященному читателю это пойдет только на пользу. Животный мир подразделяется на типы, каждый тип — на классы, каждый класс — на отряды, каждый отряд — на семейства, каждое семейство — на роды и, наконец, каждый род — на виды. Чтобы лучше это представить, не станем далеко ходить за примерами, а возьмем нас самих и составим так называемую «антропометрическую карточку» человека: тип позвоночных, класс млекопитающих, отряд приматов, семейство человекообразных, род гомо, вид сапиенс.

Вышеперечисленные ранги нередко подразделяются на множество более сложных категорий, таких как подотряды, надсемейства, подклассы, однако когда подобных категорий чересчур много, это в конечном счете приводит к невероятной путанице].

Сейчас уже нетрудно догадаться, что понятие «живое ископаемое» — весьма относительное. Если это действительно так, тогда почему целый класс (в данном случае земноводных) должен быть лишен права носить название, которое зачастую дается простому отряду (например, черепах, или панцирных, или крокодилов, ничуть не изменившихся со времен мезозоя)?

По правде говоря, некоторые ученые стараются быть даже более точными в определениях: они считают «живыми ископаемыми» только отдельных, единственных в своем роде, выживших представителей некогда многочисленных групп, таких как наутилус — любопытный раковинный осьминог, обитающий на дне Тихого и Индийского океанов на глубине 50 метров, который сохранился до наших дней со времен силурийского периода, приходящегося как раз на середину палеозоя; как мечехвост, о котором уже шла речь; как латимерия, больше известная под названием «целакант», кистеперая рыба, появившаяся непосредственно в девонский период; и, наконец, как гаттерия (*Sphenodon punctatus*), новозеландская туатара, единственный сохранившийся представитель клювоголовых, относящийся к концу палеозоя и предшествовавший появлению знаменитых гигантский динозавров. Гаттерия — это крупная ящерица оливкового окраса, длиной 70 сантиметров, у которой имеется третий, так называемый теменной глаз, расположенный на самой макушке; такой же нарост в виде железы, эпифиза, можно видеть и у других высших позвоночных.

Это еще один пример того, что консервативные зоологи, придерживающиеся своей особой точки зрения насчет «живых ископаемых», по-прежнему отказываются признать значение групп, представители которых, сохранившиеся до наших дней, имеют полное право называться «живыми ископаемыми». Существует немало семейств животных, включающих один-единственный род, и вряд ли кому-то придет в голову причислять его к категории «живых ископаемых».

Если считать, что в эту интересную категорию должны входить только отдельные реликтовые формы, в таком случае из нее пришлось бы исключить самых типичных из них: коротконогих червей, напоминающих двустворчатых моллюсков, особи которых сегодня объединены в 50 родов; удивительных морских лилий, этих грациозных иглокожих, приросших, подобно растениям, к морскому дну, которые в наше время представлены двенадцатью родами.

Морские лилии, конечно, не уникальны, тем не менее они входят в две редкие реликтовые группы, некогда распространенные по всей Земле, которые, спустя соответственно 500 и 300 лет, сохранились в первозданном виде.

Существа, сохранившиеся в первозданном виде

Таким образом, мы постепенно подошли к мысли о необходимости дать понятию «живое ископаемое» подлинное определение – первозданный вид. В животном мире действительно существует довольно много типов, строение которых с незапамятных времен, видимо, не претерпело каких-либо заметных изменений. Они как бы остались в стороне от эволюционного процесса и предстали перед нами в том виде, в каком их создала сама Природа.

Тем не менее вряд ли возможно так прямо утверждать, что какой-то организм за миллионы лет нисколько не изменился, да это и понятно. Ибо как можем мы судить о том, что представляли собой те или иные существа когда-то? Мы располагаем лишь их жалкими останками – раковинами, скелетами, а порой только отпечатками. Можно ли на основании всего этого с уверенностью говорить, что существо, которому они принадлежали, не претерпевало никаких серьезных изменений на клеточном и физиологическом уровнях, перед тем как предстать перед нами таким, каким оно было когда-то очень давно? Устройство механизма терморегуляции, развитие ядовитых желез или легочной и сердечно-сосудистой систем, видоизменение почек, регулирование эндокринного баланса, совершенствование органов чувств и двигательного аппарата, становление системы координации нервных соединений – все эти важнейшие эволюционные процессы, как и многое другое, не оставляют следов на твердых частях организма. Поэтому скоропалительные суждения здесь недопустимы.

Короче говоря, «живые ископаемые» – это древнейшие организмы, сохранившиеся до наших дней и не подвергшиеся серьезным анатомическим изменениям. Кроме того, так могут называться некоторые существа, сохранившие ряд важных архаических признаков. Поскольку в итоге невозможно доказать, что существо как было воспроизведено с древних времен, так и осталось без малейших изменений, следовательно, оно может быть отнесено к «живым ископаемым» только по нескольким характерным признакам.

В этом отношении самой интересной из птиц, конечно, является амазонский гоацин (*Opisthocomus hoatzin*). Внешне он напоминает самого обыкновенного фазана, с желтоватым хохолком, с оливковым оперением на спине и блекло-красным на животе. Однако молодой гоацин просто великолепен: на передних пальцах его крыльев имеются хорошо развитые когти, свидетельствующие о древнем происхождении. Когда птенцы гоацина, ловко орудуя своими когтистыми крыльями, продираются сквозь ветки, ползают по земле или ныряют за головастиками, они становятся похожими на настоящих маленьких рептилий. При взгляде на них невольно вспоминается образ величественного археоптерикса, птицы-рептилии времен юрского периода, «когда и у кур имелись зубы». Впрочем, у гоацина сохранились и другие важные архаические признаки: он не кричит, как птица, а квакает, точно лягушка, и издает сильный мускусный запах, подобно крокодилам и некоторым видам черепах. И отрицать его принадлежность к «живым ископаемым» было бы нелепо.

Разумеется, среди «живых ископаемых» есть представители всех возрастов, если можно так выразиться. Самые древние из них – радиолярии, одноклеточные организмы, покрытые панциревидным наростом с примесью кремнезема, останки которых были обнаружены в докембрийских отложениях, чей возраст насчитывает от одного до двух миллиардов лет. Самые молодые из них кажутся не менее диковинными: опоссумы, чей мех украшает современных модниц, редкий антильский щелезуб (*Solenodon*), броненосцы, страшный долгопят и тапир, появившиеся на Земле в эоценовый период, то есть около 70 миллионов лет назад. Бурозубки, панголины и многие обезьяны Старого Света – все они реликты времен олигоцена. Ежи, окапи и трубкозубы – ровесники миоцена, и т.д. и т.п...

Для полной ясности необходимо добавить, что существуют не только роды «живых ископаемых», например наutilusов, мечехвостов или туатар, но и семейства – киви или опоссумов, отряды – панциревидных филлоподов, скорпионов, однопроходных, классы – голотурий, морских лилий, панцирных моллюсков, или хитонов, земноводных рыб, целакантов и двоякодышащих, и даже типы, например плеченогих.

[Сегодня еще встречаются три вида легочных рыб из группы двоякодышащих, представители которых были широко распространены в палеозойскую эру, то есть примерно триста миллионов лет назад. Самая известная из них, баррамунда, или рогозуб (*Neoceratodus forsteri*), – полутораметровая рыба с цилиндрическим телом – была обнаружена лишь в 1896 году в одной из рек австралийского штата Квинсленд.]

Итак, напомним еще раз, что «живые ископаемые» – понятие относительное. Вывод, вытекающий из этого парадоксального явления, заключается в следующем. Нет таких существ, даже среди самых «примитивных», которые не могли бы сохраниться

до наших дней: в самом деле, поздние представители многих некогда процветавших групп встречаются и сегодня. Все они своего рода посланники из далекого прошлого, как бы призванные засвидетельствовать нам былое величие своих далеких предков.

Когда палеонтология бессильна...

Почему же все-таки многие ученые так упорно отрицают возможность существования в наши дни динозавров, летающих рептилий или обезьянолюдей? Да потому, заявляют они, что все эти группы давно-давно вымерли. И в качестве доказательства приводят тот факт, что еще никому не удалось обнаружить их окаменелые останки в сравнительно поздних геологических пластах.

Однако отсутствие окаменелых останков существ того или иного типа в том или ином геологическом пласте может означать, что численность этого типа в данную эпоху была невелика или его представители благодаря чуть ли не ловкости сумели избежать несчастных случаев: падения в соляное озеро, увязания в ледниковом либо торфяном болоте, в битумной породе или смоле, попадания под обвал, в лавовый поток, в песчаную бурю и т.д., в результате которых они превратились бы в окаменелости.

Давайте остановимся на первом предположении, поскольку оно представляет для нас наибольший интерес. Само собой разумеется, если мы недостаточно хорошо знаем современную фауну нашей планеты (о чем свидетельствуют ежегодные открытия новых ее видов — главным образом в труднодоступных местах), то о редких животных древних эпох нам вообще судить трудно, тем более по результатам изучения единичных экземпляров уже известных ископаемых форм.

Чтобы читатель мог себе представить, что я подразумеваю под распространенными и редкими видами, должен уточнить, что распространенными видами среди земных существ можно считать человека и его домашних животных, большинство грызунов и летучих мышей, значительную часть птиц, а также несчетное количество насекомых и мелких моллюсков. А всех других животных — в основном большую часть млекопитающих — можно назвать редкими или находящимися на грани вымирания.

Кроме того, следует иметь в виду — и об этом писал профессор Кольри, — что «до наших дней сохранились далеко не все организмы, даже окаменелые. Большинство их погибло в результате постоянных разрушительных процессов; разломов земной коры и т.д.» «Наконец, — продолжает этот выдающийся биолог, — если рассматривать ископаемые, которые действительно сохранились до наших дней, то здесь нельзя упускать из виду, что мы располагаем ими лишь в самых ничтожных количествах. В настоящее время большая часть осадочных образований, по сути, покоится под толщей морей, так что для нас они совершенно недоступны. Что же касается континентальных отложений, то мы можем исследовать главным образом те из них, что выступают на поверхности земли, то есть самую малую часть».

Профессор Парижского музея естественной истории Леон Бертен, высокообразованный человек, хорошо знающий древнюю и современную фауну и обладающий способностью к обобщительному анализу, высказывается на сей счет четко и определенно: «В палеонтологии отрицательный результат еще ничего не значит».

В самом деле, существует много групп животных, которые населяли Землю в разные доисторические времена, хотя в геологических отложениях соответствующих эпох от них не осталось ни малейшего следа. Если в наши дни человеку и случается встретить «живое ископаемое», то такое происходит крайне редко, поскольку эти существа стараются избегать подобных встреч.

Яркое тому доказательство — *Latimeria chalumnae*, угодившая 22 декабря 1938 года у берегов Южной Африки в трал некоего Гузена. Группа кистеперых, к которой относится эта огромная рыба с похожими на лопасти плавниками, появившаяся в одно время с наземными позвоночными, вымерла в начале палеозоя, примерно 200 миллионов лет назад. По правде говоря, останки некоторых представителей отряда целакантообразных находили и в отложениях юрского периода, а позднее в пластах палеозоя были обнаружены следы еще одного представителя этого семейства — «макропомы». Однако в отложениях более поздних эпох, образованных около 65 миллионов лет назад, следы целакантообразных отсутствовали вообще. [Туатара также не возникла из небытия. Тем не менее в геологических отложениях, образовавшихся по крайней мере 135 миллионов лет назад, не было найдено ни одного следа клювоголовых рептилий...]

Вот вам прекрасный пример того, когда палеонтология бессильна доказать очевидное.

День вчерашний: теория сменяемости фаун

Большинство зоологов продолжают отрицать способность некоторых представителей ископаемой фауны к выживанию, видимо потому, что они находятся в зависимости от традиционной теории, а вовсе не оттого, что они в это не верят. Такое отношение кажется тем более неслыханным, что оно основано на устаревших, наивных воззрениях, уже давным-давно отвергнутых.

В былые времена, когда ученые убедились, что ископаемые формы не просто какие-то «дикивины», а действительно останки вымерших животных, они попытались увязать это открытие с откровениями книги Бытие. Так родилась теория исчезновения древних фаун вследствие глобальных катастроф, последней из которых был библейский потоп.

Что бы там ни говорили, а страдавший предрассудками и догматизмом Кювье изобрел свою знаменитую теорию о тектонических революциях Земли по той причине, что он не мог допустить, чтобы теория изменяемости видов шла вразрез с буквой Святого писания. По его мнению, повторяющиеся время от времени катастрофы всякий раз должны были непременно сопровождаться появлением каких-то новых форм. К такому же выводу, впрочем, пришел и его ученик Альсид д'Орбиньи, который даже сумел с точностью установить, что все известные ископаемые фауны произошли от 27 последовательно сменявших друг друга исходных форм.

Святая наивность видного бретонского натуралиста всегда была предметом насмешек. Тем не менее он единственный из всех последователей теории катастроф, который никогда не противоречил самому себе.

Что же касается Кювье, то он с присущим ему лицемерием говорил: «Я не утверждаю, что для воспроизводства ныне существующих видов нужна была некая новая исходная форма: я просто имею в виду, что прежде их не было там, где они есть теперь, и что они, должно быть, пришли туда извне».

Для меня навсегда останется загадкой, почему столько здравомыслящих людей позволили ввести себя в заблуждение этим нелепым толкованием. Ведь оно предполагает, что изначально земная фауна была богата и весьма разнообразна и что она включала в себя все виды, какие только возможно. После каждой, скажем так, глобальной катастрофы Землю должны были населять лишь уцелевшие виды, и, таким образом, земная фауна должна была постепенно оскудевать.

Такое предположение, с одной стороны, полностью расходится с данными палеонтологии, которые «отцу» этой науки следовало бы знать. Чем глубже ученые проникали в геологические отложения, тем менее разнообразны были формы, которые они там находили: в отложениях доюрского периода уже не было птиц; дотриасового — млекопитающих; доугольного — рептилий; додевонского — земноводных; доордовикского — рыб; а в отложениях докембрийского периода не было ничего, кроме следов самых примитивных организмов — одноклеточных и губок. Выходит, что со временем земная фауна не только не оскудевала, а напротив, становилась все богаче и разнообразнее.

С другой стороны, толкование Кювье, безусловно, противоречит... его собственным теориям. Не он ли утверждал, что «человек не мог быть современником так называемых допотопных животных»?

Да, но если человеческий род не пустил корни на Земле уже в начале всех времен и если он ведет свое происхождение не от первобытных форм, в таком случае откуда он вообще взялся?

«Извне», — отвечает Кювье, ничуть не скрывая своих религиозных и философских воззрений. И тут так и хочется произнести: «Аминь!»

Пагубное влияние этого незыблемого и непримиримого учения, долгое время тяготевшего над исследователями, приводило к тому, что они становились жертвами нелепейших заблуждений. В 1854 году одно общество естественной истории сочло невозможным опубликовать сообщение о палеонтологических открытиях, удостоверенных тремя заслуживающими доверия экспертами, потому что оно расценило его как «не соответствующее действительности».

В этом сообщении говорилось не более и не менее как об обработанных каменных орудиях, найденных подле останков ископаемых животных.

В 1860 году Парижская академия наук отказалась по той же причине выпустить работу замечательного зоолога Эдуарда Лартэ «О геологическом возрасте человека в Западной Европе». И он был вынужден опубликовать ее в Швейцарии и Англии, где

она была встречена с радостью...

Спустя некоторое время после смерти Лартэ родственники ученого, придя в ужас от его еретических воззрений — он тоже верил в то, что человек был современником ископаемых фаун, — сняли все его труды с продажи и пустили их под нож.

Но пусть эти забавные случаи не вызывают у нас улыбки. Даже сегодня — по тем же самым причинам, теперь уже малопонятным, — многие научные журналы отказались бы печатать сообщение, в котором на полном серьезе рассматривалась бы вероятность того, что некоторые ископаемые виды сохранились до наших дней.

К сожалению, не так-то просто избавиться от «оков» учения, навязанного силой. Когда наконец восторжествовала теория эволюции, сначала ее толковали несколько упрощенно, дабы не вызвать резкого разрушения устаревших догм.

Идею «скачкообразной» сменяемости фаун просто заменили теорией их «непрерывного» развития, из чего был сделан вывод: любую древнюю форму следует рассматривать как прямого предка более поздних, родственных ей форм. В соответствии с этим принципом получалось, что современных ящеров надо считать потомками динозавров палеозоя!

И, само собой разумеется, любое животное, типичное для той или иной геологической эпохи, уже не могло попасть в следующую эпоху, поскольку оно должно было постоянно видоизменяться.

Таким образом, появилось новое основание, чтобы можно было отрицать априори вероятность сохранения архаичных форм до наших дней.

День сегодняшний: теория наложения и взаимного уничтожения фаун

Со временем мы мало-помалу свыклись с понятием «живые ископаемые», и отныне нам уже ясно, что эволюция происходит не скачкообразно, а по «кустообразному» принципу.

Образно говоря, зоологический тип с индивидуальной приспособляемостью не может появиться сам по себе на конце одной из веток куста, которая представляет собой возникшую ранее и уже распустившуюся группу. На самом деле он происходит от синтетического типа-производителя, расположенного в основании куста. Пройдя беспрепятственно и незаметно определенный отрезок эволюционного пути, он становится молодым побегом и в конце концов находит себе среду, наиболее благоприятную для роста; в это же самое время он вдруг резко распускается и начинает плодоносить, производя разнообразные формы. Покуда эти формы развиваются и обретают самостоятельность, основание куста может пустить новый неприметный росток, которому в дальнейшем будет суждено дать жизнь другой самостоятельной группе. И так далее.

Вот почему их следует искать главным образом в самых недоступных местах земного шара — на островах, на высокогорьях, в подземных пещерах, девственных лесах, болотах, пустынях, а также в наименее посещаемых судами морях, скорее всего в их глубинах.

Таким образом, в двух предыдущих главах мы установили априори, что на Земле, возможно, есть еще много неизвестных крупных животных. Кроме того, мы убедились апостериори, что наши фаунистические каталоги из года в год пополняются новыми видами. Теперь мы знаем, что в будущем список зоологических открытий может обогатиться и известными видами, которые, однако, принято считать ископаемыми. Сейчас нам остается только подготовиться к путешествию «по следам невиданных зверей», предварительно изучив предстоящий маршрут. Поскольку речь здесь идет о животных, возьмем с собой в дорогу особенную, зоологическую карту; с ее помощью мы побываем поочередно во всех крупных зоогеографических областях Земли. А начнем мы наше кругосветное путешествие с восточной, или индийской, области — то есть с Юго-Восточной Азии; далее двинемся на восток и пересечем австралийскую область, куда, кроме Австралии, входят Новая Гвинея, Новая Зеландия и прилегающие к ним острова. Вслед за тем, одолев бесконечные просторы Тихого океана, мы войдем в неотропические области — Южную и Центральную Америку; потом поднимемся к северным широтам Старого Света и ненадолго, по причине свирепой стужи — остановимся в полярктической области; затем на короткое время заглянем в эфиопскую область, то есть в Африку; а закончим наше путешествие остановкой на Мадагаскаре. Итак, пожелаем самим себе доброго пути и хорошей «охоты»!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ОКЕАНИЯ

Так совмещается прах умерших с остатками их предшественников; в своем дыхании, в конвульсиях глина поглощает и тех, и других; правда уходит от нас...

Уильям Блейк

Глава 1
НИТТАЕВО, ИСЧЕЗНУВШЕЕ ПЛЕМЯ

Наверное, кто-то сочтет странным, что в книге о неведомых животных мы выделили новый предмет охоты – человека. В самом деле, разве ниттаево – люди? Кто знает...

В какой бы уголок индо-малайского региона мы ни заглянули, везде при поиске мифических существ возникает дилемма – человек или животное? Может, истина где-то посередине – полуживерь-получеловек? Человек, так и не сумевший уйти насовсем от животного состояния, или же животное, поднявшееся близко к человеческому уровню...

Парадоксальная охота на предка

Есть ли на Востоке неведомые науке приматы, интеллектуальное развитие которых выше, чем у современных известных антропоидов, и приближается по уровню к нашему? Если да, то где же живут эти люди, находившиеся на более низком уровне развития, чем наши братья австралоиды, ведды, бушмены, негритос или папуасы, – люди, оставшиеся в целом на уровне развития неандертальцев? Может, их следует искать в местах или рядом с местами, где находят останки, – на Яве (у питекантропов) или в Китае, под Пекином (у синантропов)? Это, если снять налет романтики, первая проблема, которой нам предстоит заняться.

Удачная охота на доисторического целаканта в водах Коморских островов подстегнула поиски неведомых животных. Действительно, группа, к которой принадлежит этот вид, находится среди возможных предков человека. Латимерии образуют часть отряда Crossopterigies, от которых пошли первые земные позвоночные – амфибии, а уж от них – рептилии, птицы и млекопитающие. И если сегодня находят столь отдаленных предков живыми, не реально ли встретить и более близких к нам родственников?

Все это было бы особенно актуально, если бы целакант действительно занимал место на древе наших предков, н^е на самом деле он находится несколько в стороне от нашей генеалогии. Таковой может оказаться и судьба некой человекообразной обезьяны или любого другого доисторического прагоминида, «задержавшегося» до нашего времени. Вполне может статься, что если бы кто-то из современных палеонтологов в результате невероятного путешествия в прошлое столкнулся бы нос к носу с собственным предком из третичного периода, то не узнал бы его!

«Зверочеловеки» Плиния Старшего

Вот первое место, где встречается указание на этих существ в историческую эпоху в таинственной Индии и на Цейлоне:

«На острове Тапробане, – писал Плиний в начале нашей эры, используя древнее название Цейлона, – есть индийцы, которые сожительствоуют с дикими животными и в результате получают дикие существа – полуживеры, полулюди, покрытые шерстью, как первые».

Не станем смаковать подробности «дикой любви», а сфокусируем внимание лишь на результатах – «плодах», соединивших в себе черты тех и других. Плиний помещает их на берегах Ганга и называет «калинги», которые рождались, как он пишет, с хвостом.

Но можно ли верить римскому ученому, который верил одинаково истово как в правдивые наблюдения, так и в самые экстравагантные байки? По правде говоря, историки науки не склонны особенно верить Плинию, собравшему все, что можно, в своих заметках по естественной истории.

Но в противовес утверждаемым фактам Плиний-натуралист не терял критического настроения, когда речь шла о наблюдениях, сделанных в Средиземноморье. Он подвергал критике, кроме всего прочего, выходящее за пределы дозволенного

воображение греков, их мифы. Но мог ли он проверить все, что ему сообщают? Особенно из отдаленных регионов тогдашней Ойкумены? Надо всегда связывать работу человека с той эпохой, в которой он жил. Легко обвинять ученого, имея за спиной тысячелетний опыт науки! В эру космических полетов первые попытки освоения космического пространства тоже выглядели наивными. Так что давайте не будем обижать старика Плиния за его приукрашенные «непроверенные» рассказы. Ведь для него и его современников мир за горами и морями был таким же неведомым, как для нас – Марс и Венера. И с другой стороны, совсем ненаучным было бы просто отвергать тот или иной факт под тем лишь предлогом, что это маловероятно или фантастично. Можно перечислить тысячи примеров из мира животных и растений, которые здравый смысл просто не воспринимает, им бы место в кунсткамерах! Но они оказались действительностью! Что касается Плиния, то давайте поддержим его сведения другими источниками – Ктесием и Мегасфеном соответственно IV и III века до нашей эры.

От пигмеев Ктесия до негритос дель монте

Грек Ктесиас (Ктесий) был личным медиком персидского царя Артаксеркса II. За время жизни на Востоке он написал книгу о самой Персии и об Индии, хотя там не жил. При этом он пользовался слухами и рассказами путешественников. Оригинал книги потерян, но многие куски оттуда сохранились в «Мириобиблионе» – «Книге чудес» Фотия, патриарха Константинопольского (IX век).

Именно там содержится первое известное упоминание о пигмеев Востока, подтверждение чему появилось лишь в конце прошлого века, в 1887 году в работах известного французского антрополога Катрфажа де Бра. Маленькие люди, о которых он говорит, соответствуют тем, о которых сообщает Ктесий.

«Есть посреди Индии люди черного цвета, которых называют пигмеев, они говорят на том же языке, что и индийцы, и очень маленького роста. Самые рослые не превышают двух локтей, а большинство вполнину ниже. Волосы у них очень длинные, доходят до колен. Борода длиннее, чем у других людей, когда она достигает максимальных размеров, они не нуждаются в одежде, волосы и борода ее заменяют. Они курносые и уродливые».

Это описание, даже если покоится на слухах в деталях, не производит сегодня впечатления невероятного: реальный статус-кво азиатских пигмеев, или негритос, мало чем от этого отличается. Правда, их рост поболее, чем описывает Ктесий, – от 75 сантиметров до метра. В действительности у самых маленьких людей, которые только живут на Востоке, – тапирос из Папуа – Новой Гвинеи, открытых лишь в 1910 году, – рост колеблется где-то между 1,32 и 1,52, а средний – 1,44 метра.

Серьезные исследования антропологов позволяют утверждать, что негритос населяли весь юго-восток азиатского континента, вероятнее всего, Индокитай, в последнюю ледниковую эпоху, когда небольшое понижение уровня Мирового океана объединило Филиппины и Андаманские острова с континентом, многие из них перешли туда, что называется, посуху.

Они не могли бы сделать этого иным способом, ибо вплоть до сегодняшнего дня так и не научились делать лодки и пользуются грубо сколоченными плотами, чтобы преодолеть водные просторы.

Постепенное поднятие уровня океана спасло андаманских пигмеев и их собратьев – филиппинских аэта от полного вымирания, изолировав на островах. На континенте их поглотили рослые жители, а сегодня пигмеи составляют лишь изолированную группу на крайних точках континента – это семанги, и численность их едва превышает две тысячи человек.

Но, несмотря на изолированность, все они образуют довольно однородную расу. Сэр Хью Клиффорд, живший в конце прошлого века среди семангов, описал их как «африканских негров, которых можно рассматривать только с помощью очков». За это они получили свое название Именно «маленькими неграми» – негритос – называли их испанцы, высадившиеся на Лусоне в 1521 году. Отсюда и пошло «негритос дель монте» – горные маленькие негры...

Цвет кожи негритос колеблется от черно-шоколадного до черного. Волосы короткие и гладкие. Тело практически лишено волосного покрова. Череп слегка брахицефальный, то есть склонный к округлости, нос узкий и выпуклый, профиль слегка прогнатный. Характерная черта – выпуклость мясистой верхней губы. Пропорции тела гармоничные. Одна из характерных черт негритос, отмеченных Х. Монтано, – стопа, плоская и слегка повернутая вовнутрь.

Негритос ходят абсолютно голыми. Они живут семьями в джунглях, питаются продуктами охоты, сельского хозяйства, но это – в исключительных случаях. Едят корни, рыбу, высушенное на солнце мясо обезьян, не придерживаются определенного места, странствуя там, где лучше жить, сооружая временные убежища из пальмовых веток и листьев.

Обычаи негритос остались примитивными. Андаманцы еще совсем недавно не ведали, как добывать огонь, довольствуясь созерцанием огня соседнего вулкана на острове Баррен.

Семанги Малакки долгое время были жертвами малайских работорговцев и пострадали больше всех остальных негритос. Они прятались от них на деревьях, в пещерах, укрывались там целыми семьями, перебираясь с дерева на дерево с помощью веревок из естественных волокон.

По своим повадкам семанги, без сомнения, ближе всех к обезьянам. Добавив к этому, что малайцы звали их «орангутанами» (лесными людьми) – именем, которое мы применяем исключительно к человекообразной обезьяне Юго-Восточной Азии, – мы поймем истоки многих заблуждений. [Кажется, что голландец Николас Тульп был первым из западных исследователей, кто применил слово «орангутан» к антропоиду – шимпанзе из Анголы. Почему он так сделал – никто уже не знает. Кроме того, он назвал его по-латыни *Satyrus indicus*, что тоже привело к путанице. И только много лет спустя Якоб Вонтиус прочно закрепил это имя за зондским антропоидом].

Но вернемся к Ктесию. Относится ли его текст непосредственно к негритос? Маловероятно. С одной стороны, в Индии нет карликов этой расы, с другой – их короткие волосы никак не вяжутся с описанием Ктесием длинных волос у своих пигмеев.

Мы еще увидим, с кем он склонен идентифицировать этих последних.

Песьеголовые люди

Врач Артаксеркса II поселил в Индии людей вида более диковатого и более подходящего к тому, о чем мы говорили.

«В этих горах, – пишет он, – есть люди, у которых головы, как у собаки, а одежду составляют шкуры диких животных. Они не владеют речью, лают как собаки, и зубы у них длинные, как у псов. Ногти похожи на звериные когти, но длиннее. Они более черные, чем индийцы, с которыми они торгуют. Они понимают индийское наречие, но отвечать могут только лаем и жестами, как немые. Индийцы называют их между собой «каллистриянами», что значит «песьеголовые». Питаются они сырым мясом. Этот народ насчитывает около 120 тысяч человек».

После того как Ктесий написал, что они живут в пещерах и спят на подстилках из листьев, он продолжил: «У них у всех есть хвост, как у собак, но более длинный и пушистый».

Оставим пока в стороне эту подробность, к ней вернемся потом, и отметим, что спустя века Марко Поло писал об одном из Андаманских островов, что там есть народ песьеголовых. Не о негритос ли шла речь? Не об их ли прогнатных лицах, напоминающих собачьих морды? Может статься, что воображение Марко Поло было подогрето древними историями Ктесия и Плиния...

Даже если оба свидетельства покажутся нам подозрительными, обратимся все же к ионийцу Мегасфену, который находился на берегах Ганга в качестве посла у короля Чавдрагупты. Правда, его сообщения дошли до нас в обрывках и все трое пересказывали друг друга.

Ведды, прототипы пигмеев Ктесия

Можно считать, что с 400 года тайна «зверолюдей» Цейлона считается разгаданной, так как Палладий писал о наличии там расы карликов-веддов, самых примитивных людей.

Ведды, долгое время скрывавшиеся в горных лесах восточной части острова, не считаются собственно пигмеями – для последних характерен рост ниже 1 метра 50 сантиметров, рост же среднего ведда составляет 1 метр 53 сантиметра.

Они отличаются от негритос многими чертами. У них красивый вытянутый череп, волосы не короткие и курчавые, а длинные и вьющиеся. Кожа у них такая же темная, как и у негритос, хотя они довольно смуглые. Но, во всяком случае, не негроиды. Профиль у них ортогнатный, губы тонкие, нос прямой, лоб высокий, надбровные дуги значительно выступают, под ними сверкают черные глаза. Волосной покров не развит.

Как и негритос, они весьма робкие, боятся чужеземцев. Живут изолированными семьями в пещерах или примитивных хижинах, покрытых ветками или листьями. К приходу сингалцев они находились на уровне каменного века, но потом научились пользоваться копьями и стрелами с металлическими наконечниками. В религии их преобладает культ предков. Все позволяет заключить, что в давние времена этот народ, который сегодня лишь частично состоит из «чистых» представителей, раньше обитал на обширной территории. Ведь и в самой Индии встречаются племена «веддоидов» – с их чертами, но сильно смешанными. Эти «люди джунглей» или «люди холмов» (как называли их англичане), живущие на западе Декана, – кадары гор Анаймалай, наняны и рула и курумба гор Нилгири. Отметим, что в геологическом отношении горы Цейлона являются продолжением индийских и отделились от последних в результате тех же тектонических процессов, которые отделили Андаманские острова от Филиппин.

На этот раз мы принимаем без споров индийских пигмеев с длинными волосами, описанных Ктесием, хотя рассказ о длинной бороде кажется здесь придуманным, как и сведения о чрезмерно малом росте. Это первая точка отсчета.

«Культурные обезьяны» Ибн Баттуты

На Малакке также живут веддоидные племена – сакаи, или сенои, – тоже люди джунглей, странствующие по острову. Из всей одежды они носят убогую набедренную повязку и пояс с бахромой, сделанные из черных нитевидных грибов. Из орудий пользуются сарбаканом, а в качестве самой распространенной утвари им служит обыкновенная палка.

Но по мнению этнографов, они более развиты, чем ведды Цейлона, объединены в деревни и сооружают прямоугольные или круглые хижины, с другой стороны, они верят в духов и божков, среди которых самые важные – Пенга, или Тухана, – высшее божество, и Великая-мать-с-длинными-грудями, всемогущая женщина, которая варит в кипятке грешников с черными душами.

Есть сведения и о племенах, родственных сакаи, – живущих в центральной части Суматры и на Сулавеси тоала. Может статься, считают некоторые антропологи, что племена веддов жили даже в бухте Пилвинг на Новой Гвинее.

Все эти племена веддийского типа, более-менее несмешанные, собранные некоторыми авторами, например Луи Лаликом, под названием протодравидов, так как они населяли всю Индию в доледниковую эпоху, до того как сюда вторглись черные дравиды. Это нашествие имело место около 1500 года до нашей эры, еще до вторжения ариев, а потом – жестоких орд Чингисхана в тринадцатом веке и его последователя Тамерлана в веке четырнадцатом, а также Бабура и его сына Акбара – в шестнадцатом. Эти этнические волны создали на территории Индии мозаику самых разных этносов и кастовую систему.

Сметенные разными нашествиями, загнанные в горы на окраины их тогдашнего мира, изолированные от всех и вся, ведды стали бедными родственниками среди соседей. Может быть, именно их имел в виду Плиний, когда говорил о «зверолюдях» на Цейлоне? Может, то были ведды, когда Ибн Баттута упоминал об обезьянах с культурными навыками, побывав на острове в XIV веке?

Судите сами: говоря об обезьянах Цейлона, наш путешественник утверждает, что «обезьяны эти очень многочисленны в горах, они черного цвета и имеют длинный хвост, но те, кто относится к мужскому полу, носят бороды, как люди». Этот отрывок позволяет признать характерное животное цейлонской фауны – уандеру, или львинохвостую обезьяну, темноокрашенного макака, грива которого выглядит как борода. Но могут ли относиться к нему другие строки Ибн Баттуты? «Шейх Осман, его сын и другие люди рассказывали мне, что у этих обезьян есть вождь, которому они беспрекословно подчиняются. Он носит на голове корону из листьев и опирается на палку. Четверо обезьян с палками идут по правую и левую руку и, когда он садится, встают сзади него. Его жена и дети рассаживаются неподалеку. Другие обезьяны поодаль, кто-то преподносит банан или лимон. Один крестьянин мне рассказывал, что он видел четырех обезьян перед вождем, когда они били палками другую обезьяну, после того как вырвали ей шерсть».

Эта часть рассказа арабского путешественника не может относиться к уандеру. Если только это не сказка, она должна описывать людей. Ведды ли это? Маловероятно. Может быть, какие-то существа, более близкие к животным, которых упоминает Плиний?

В конце XIX века наступило просветление. Новые сведения пролили иной свет на басни античности. Стало очевидным, что ведды ни в коем случае не могли быть полулюдьми-полуживотными древних авторов.

В 1887 году английский путешественник Хьюго Невилл услышал от одного сингальского охотника странный рассказ о народе ниттаево, слухи о котором ходили еще со времен Плиния. Самому охотнику рассказал об этом его близкий друг, один из последних веддов области Леанама, что на юго-востоке Цейлона. Старый абориген узнал от своего родственника по имени Коралейя детали жизни ниттаево и их последних дней.

Ниттаево, как узнал Невилл, были карликовым народцем, населявшим горный район в труднодоступной области Леанама, в южной части страны веддов, протянувшейся от Багура, что на побережье, до предгорий Каттарагама, в глубине континента (по некоторым данным, ниттаево жили и в Тамманкадуве). Согласно легенде, это были человеческие существа в миниатюре – рост их был еще меньше, чем у пигмеев, – от 90 до 120 сантиметров, а у женщин, как обычно, еще меньше. То были пигмеи даже в глазах самих пигмеев!

Эти лилипуты ходили обычным способом, и хвостов у них не было. Что касается кожи, то тут сообщения разнятся: по некоторым данным, их ноги были покрыты шерстью, но другие приписывали им густую шубу из грубой шерсти почти на всем теле. А кто-то говорил, что они совсем голые и темноокрашенные (но это редкое свидетельство). Все упоминали коренастость и мощные руки, кисти были короткие, но увенчаны острыми когтями необычной длины.

Они не владели речью в нашем понимании этого слова, а общались с помощью некоего чириканья, которое понимали лишь отдельные ведды.

Если верить традиции, ниттаево жили небольшими группами, спали в пещерах или на платформах, сооруженных на деревьях и снабженных навесом из листьев и ветвей. Питались продуктами охоты – мясом белок, кабарги, черепах, крокодилов и ящериц. Своими острыми когтями они раздирали живот жертве и выедали внутренности – обычай, из-за которого ведды и питали к ниттаево брезгливость и неприязнь. И еще они не гнушались воровать у веддов мясо, которое те вывешивали для вяления на солнце.

Короче говоря, они все жили бок о бок и пребывали явно не в дружеских отношениях. Против луков и копий ниттаево были бессильны, но спасали их врожденная ловкость и хитрость – застав ведда спящим, они потрошили его, не давая опомниться. Более сильные ведды рано или поздно положили этому конец.

В конце XVIII века, как представляется, последние ниттаево были загнаны веддами Леанама в пещеру. Ведды набросали у входа веток и развели огонь. Дым шел три дня. Запертые без воздуха ниттаево задохнулись.

Увы, точные сведения о том, что произошло тогда, затерялись в веках. Но тот, кто рассказывал историю Невиллу, получил информацию от современников ниттаево. Значит, событие могло иметь место около 1800 года.

Понятно, можно не принимать всерьез сообщение Хьюго Невилла, полученное из четвертых рук. Но, похоже, эта история все же не выдумана.

В начале нашего века, когда англичанин Фредерик Льюис обследовал область восточной Увы и район Панама Патту в секторе Леанама, ему рассказывали, что история с последними ниттаево произошла пять поколений назад, и это совпадает с версией Невилла. Что касается деталей об образе жизни и обычаях ниттаево, они совпадают в целом с теми, что собраны путешественником.

Истории о ниттаево сохранились до наших дней в устных традициях веддов. Совсем недавно Вилфрид Мендес услышал нечто похожее из уст сингальского проводника, по происхождению ведда, по имени Дизак Хами.

Неудивительно, что легенды о них просочились в западные сочинения, ибо места, где они обитали, были стоянками древних судов, запасавшихся пресной водой.

Ниттаево – не негритос!

Существование ниттаево, окутанное муаром тайны, необходимо обосновать. Этому вопросу посвятил много времени и сил известный шотландский антрополог Осман Хилл. Прежде всего, что означает само слово «ниттаево»? Хьюго Невилл ведет его от слова «нишада», имени, данного ариями-захватчиками нишадива, или нигадива, из которых ведды уже сделали слово «ниттаево». Отсюда следует, говорит О. Хилл, что сами ведды не являются ниттаево, исходя из факта, что их

континентальные родственники включены в категории нишада...

Но не могли ли ниттаево быть негритос? Ведь последние ростом были на пять сантиметров ниже веддов и многие из них остались на примитивной стадии, более отсталой, чем ведды, не знали даже огня.

Именно обработкой этой версии занялся в 1933 году Р. Шпиттель. Он установил, что в Южной Индии по-прежнему существуют племена типа негритос. Среди них кадары гор Нилгири. Выяснилось также, что чистые негритос живут на Андаманских островах Могло статья, считает он, что Индия и Цейлон были завоеваны негритос, среди которых ниттаево оказались последними.

Для начала заметим, что Шпиттель, видимо, ошибается, приписывая кадаров (скорее всего, кадилов) к негритос. Они, несомненно, веддоидной расы, но находят и следы метисации между негритос и некоторыми племенами горных районов Индии, и на Цейлоне, у ведда Тамманкадувы.

Осман Хилл выступает против того, чтобы идентифицировать ниттаево с негритос. В самом деле, если вспомнить постоянную вражду между ними, трудно представить, что они – родственники, хотя, конечно, все бывает...

Более существенным аргументом является то, что физический облик негритос не соответствует традиционным описаниям ниттаево.

Не обезьяны ли они?

Но если они не примитивные люди, не являются ли они человекообразными обезьянами, самыми «образованными» из обезьян? Вспомним, когда Якоб Бонтиус впервые описал орангутана с Борнео и Суматры, он сообщил об этих существах, поросших шерстью, интересные фольклорные сведения.

«Яванцы утверждают, что они рождены от индийских женщин, которые якобы спят с обезьянами по причине повышенной чувственности». По-видимому, информация Плиния относилась и к антропоидам. Но к крупным ли обезьянам относились сведения по ниттаево?

По Невиллу, одно сообщение связывает ниттаево с орангу-таном Малайских островов. Но Хилл утверждает, что это попытка сравнения, а не идентификация. Как нетрудно убедиться по рисункам, орангутан слишком велик и тяжел, он абсолютный вегетарианец, ведет древесный образ жизни и одиночка, так что не подходит под сравнение с ниттаево.

Кстати, гиббон с некоторых позиций больше подходит для таких сравнений. Он более мелкий, самые рослые особи достигают 90 сантиметров стоя, что соответствует росту ниттаево. Он постоянно находится в скрюченном положении и передвигается по земле на задних лапах – удивительный случай среди обезьян. Кроме того, это стадное животное и еще не полный вегетарианец: кроме насекомых может поедать птичьи яйца.

Конечно, мы далеки от утверждения о том, что ниттаево были плотоядны и жестоки, но если отнести все это на счет вранья веддов (всегда ведь хочется представить своего врага кровожадным и страшным!), гигантский гиббон мог бы в крайнем случае, по Осману Хиллу, оказаться ниттаево... Но это должен быть еще не описанный вид, потому что семанги всегда черные, бывают серыми и коричневыми, но не покрыты густым волосом, как ниттаево.

Отметим ради справедливости также, что эта идентификация плохо совпадает с тем, что мы знаем о географическом распространении гиббонов. Их встречают лишь к востоку от Ганга и к югу от Брахмапутры в Таиланде, Бирме и остальном Индокитае, а также на островах Суматра, Ява и Борнео. Наличие гиббонов на Цейлоне не доказано, но это не решающий аргумент.

Гипотеза, по которой ниттаево были не антропоиды, а обычные обезьяны без хвоста, не выдерживает критики. Конечно, в малайской зоологической области есть одна обезьяна, отвечающая этому требованию, – это короткохвостый носатый тонкотел *Symphalonus klossi*, описанный в 1903 году Миллером, а потом Хазеном и Классом в 1917-м. Но эта обезьяна обитает лишь на одном из островов Ментаваи к западу от Суматры, там, где открыли карликового гиббона. [По другой классификации, он называется сростнопалый сиаманг (*Symphalonus syndactylis*). Но он ничем не напоминает ниттаево, кроме разве что редуцированного хвостика...]

Ниттаево – медведи?

Хотели сделать из них и медведей. Эти, как говорят, встают на задние лапы, как и люди, и их ступни оставляют следы, похожие на человеческие. С другой

стороны, волосяной покров ниттаево сравнивали с шерстью медведя-губача.

Но тут сходство и оканчивалось, ибо этот медведь очень редко встает на задние лапы, шерсть у него черная, и он питается исключительно растительной пищей – фруктами, медом, кореньями, а также насекомыми. Ведды хорошо знают его под именем «асмаил», и его истребляют из-за урона, который он наносит псекам.

В то же время на востоке Цейлона ходят слухи о маленьком коричневом медведе под названием «раху валаха». В 1855 году Пушеран описал пойманного около Тринкомали медведя под названием *Ursus inornatus*, то есть «медведь неукрашенный», потому что у него не было белой подковы на груди, как у малайского. Покок сделал его подвидом губача, но все же речь шла скорее о подвиде малайского медведя. Уточним, что у последнего на груди должна быть отметина. Он часто встает на задние лапы, и шерсть у него относительно короткая, поэтому его нередко и принимают за человека. Но и он также коричневый, если не черный. Во всяком случае, вопрос о цейлонских медведях так до конца и не прояснен.

По Хиллу, возможно, что чирикание и щебетание, которые характерны для языка ниттаево, свойственны и медведям, которые сосут лапу в течение четверти часа кряду и выпускают при этом странные звуки, похожие на бормотание и щебетание.

Так что и медведи могут являться причиной соответствующих сообщений.

И опять же, по Хиллу, самая вероятная гипотеза о ниттаево – та, что связывает их с человекообразными обезьянами.

Открытие останков питекантропов на Яве и синантропов, весьма с ними сходных, в Китае, доказывает, по мнению Хилла, что эти люди-обезьяны населяли когда-то большую часть Азии и на них охотились в Малайзии более сильные захватчики. Они могли достигнуть Цейлона, когда у острова был еще сухопутный мост с континентом, и могли просуществовать там до сравнительно недавнего времени. Очевидно, настоящие «люди-обезьяны», которые, согласно мнению некоторых ученых, были всего лишь гигантскими гиббонами, ведущими древесный образ жизни, на самом деле оказывались теми самыми ниттаево, о которых нам сообщают ведды.

И все-таки я плохо понимаю, почему доктор Хилл считает, что недостаточный рост – черта, приближающая ниттаево к питекантропам. Эти последние были роста, схожего с нашим. Это доказывают и размеры черепа, и длина бедренной кости. Но возможно так же, что питекантропы долго жили изолированно на Цейлоне и образовали там карликовую расу, как часто бывает в островных изолятах.

Увы, сегодня мы уже не в состоянии проверить гипотезу Хилл-ла; помочь могут лишь систематические раскопки в районе Леанама.

Но если на Цейлоне о ниттаево говорят как об исчезнувшем народе, то в других уголках индо-малайского региона все еще ходят слухи о том, что волосатые карлики по-прежнему скрываются в труднодоступных местах.

Люди с хвостами

Анри Мэтр, изучивший в начале века равнины Камбоджи, Таиланда и Лаоса, оставил для нас вот такое интересное сообщение: «Кроме двурогого носорога, который, вероятно, здесь обитает, представители племени ням-нунг описывают более специфическую фауну, можно сказать, легендарную. Я имею в виду диких людей. Уже не впервой я слышу легенды о странствующих племенах в горных лесах, обладателях хвоста, аналогичного обезьяньему. Совершенно неведомые на плато Дарлак, они известны во всем горном регионе вплоть до Аннамской горной гряды. По местным преданиям, дикие люди ням-нунг маленького роста – 1 метр 50 сантиметров, имеют гриву из волос и обладают курьезным свойством: не имеют сочленений на руках и ногах, которые стали как бы жесткими органами. Передняя часть предплечья, наоборот, снабжена мембраной, острой, как нож, которую эти существа используют как режущий инструмент, продираясь сквозь джунгли. Не в состоянии лазать по деревьям, лишённые коленей и локтей, они вынуждены спать, опираясь на ствол. Питаются они кореньями и строят укрытия, чтобы уберечься от диких зверей. Местные жители преследовали их и даже ели их мясо, и они стали чрезвычайно редкими. На их следы, похожие на человеческие, только мельче, люди натываются все реже и реже. Такое описание «дикарей» почти одинаково у всех жителей, верящих в их существование, особенно в областях проживания ням-нунг в районе Аннамской гряды, но в центральном Дарлаке их уже не знают».

Две детали бросаются в глаза при описании «дикарей» ням-нунг: описание хвоста, похожее на то, что оставил Ктесий в рассказе о собакоголовых, и другая –

странная анатомия предплечья. За исключением этих черт существа похожи на ниттаево.

Что касается хвоста, важно, что вьетнамцы приписывают его всем мои (это коллективное имя для всех диких племен гор Вьетнама и Лаоса). Эти мои образуют расу с таинственными чертами: средний рост – 157 сантиметров, окрас кожи красноватого цвета, похожий на загар европейцев, невыступающие скулы, но нос при этом достаточно прямой, бывают даже светлые волосы. Некоторые авторы сравнивают их со средиземноморской расой, тем более что по легенде они пришли из далеких земель на западе.

Знак зверя

Можно ли говорить, что у диких ням-нунг действительно был хвост? Вряд ли. На мой взгляд, хвост в глазах людей – не что иное, как символ дикости, недаром он есть у черта. Но не странно ли, что истории о людях с хвостами циркулируют по всему индо-малайскому региону, там, где распространены два вида антропоидов, именно бесхвостые обезьяны гиббон и орангутан? Их наличие само по себе не опровергает ли веру, по которой отсутствие хвоста у двуногих является привилегией людей? Я думаю, что наличие гиббонов и орангутанов усиливает легенду о хвостатых людях. Если есть обезьяны без хвостов, причем человекообразные, почему бы не предположить, что низшие люди имеют хвосты? Такая идея подтверждается многими фактами.

По мнению многих исследователей, кинокефалы Ктесия не кто иной, как лхоба, обитатели Бутана, которых индийцы называли «каллистрианцами» (люди с лицом собаки). Этот народ, в котором явно течет кровь европеоидов, вовсе не примитивен, но образ жизни этих изолированных от мира групп позволяет жителям называть их дикарями. Отсюда, как говорится, и хвост...

Анри Мэтр вспоминает, что когда члены Кембриджской экспедиции высадились в Кланге в 1899 году, их малайские друзья предупредили их, чтобы они опасались хвостатых батаков-людоедов [Этих батаков (ед. число: бата) нельзя путать с батаками Суматры. Это слово несомненно происходит от санскритского б'ката, что означает «дикий».] В свое время был широко распространен слух, что сиамцы, то есть тайландцы, – дикари с хвостами, но это была явная ложь. Не означает ли все это, что какой-то народ, гордый своей значимостью и желающий самоутвердиться, хочет принизить своих соседей и приписать им черты и обычаи дикарей? Греки делали это в отношении всех соседей, называя их «плохо говорящими на каком-либо языке».

Большинство путешественников древности приписывали хвосты диким племенам, которые им попадались, особенно на островах. Павсаний во II веке, уверенный в жестокости жителей – обитателей островов в океане, приписывал им «густую шерсть и длинный хвост». В XVIII веке таких слухов было больше всего. Джемелли Каррери писал, что «жители острова Лусон и некоторые негры имели хвосты, в 4–5 пальцев длины». Ян Стройте говорит о хвостатых людях к югу от острова Формоза, а миссионеры иезуитского ордена размещали их на острове Миндоро недалеко от Манилы.

Швед Кепинг считал, что Никобарские острова – последнее убежище «хвостатиков». И наконец, когда Тернер посетил Тибет, ему там тоже говорили о хвостатых мужчинах-горцах: «Эти хвосты стеснительны для них, ибо они не могут садиться, не вырыв в земле ямку, чтобы расположить в ней свой хвост». Самое удивительное, что такие небылицы ходили об обитателях не только далеких островов и недостижимых вершин, но и сравнительно близких мест. В 1752 году миссионер Хосе Рибейро писал о южноамериканском краснокожем племени под названием «месайя», у представителей которого имеется хвост толщиной в палец и длиной с ладонь, покрытый гладкой шерстью.

В 1802 году французский врач Луи Франк сообщал из Африки, что в караванах невольников распознавали людоедов с хвостами, и геллады, работоторговцы, считали за лучшее избавляться от них. Работоторговцы из мусульманских стран приписывали эту особенность племенам ням-ням из Центральной Африки. В Азии китайцы упорно верили в наличие хвостатых людей. Да что Азия и Африка! В самой Европе до конца XVII века испанцы считали, что у евреев, англичан Девоншира и Корнуэлла, у беарнцев во Франции, у каготов, живущих у подножия Пиренеев, тоже есть хвост.

Многие примитивные племена, у которых в тотеме были животные, обладающие хвостом, привязывали вокруг бедер хвост колобуса, и конец его свободно свисал сзади. Муруты и Борнео делают то же самое с хвостом обезьяны.

Демоны с острыми плечами

Каждый дикарь найдет еще большего дикаря, чем он сам. Вот почему поддерживается вера в хвостатых людей в остальных племенах Малайзии, особенно у сакаи, родственников цейлонских веддов. В одной из своих книг английские антропологи Скит и Блэгден пишут: «Слухи об «оранг экор», «людях с хвостом», живущих в Малайзии, появляются и в других уголках полуострова. Говорят, они походят на людей, и их не считают опасными, но с людьми они не хотят иметь дела и исчезают в лесу, который их проглатывает. Они носят лишь повязку вокруг бедер, из-под которой сзади виден хвост. Есть он и у мужчин, и у женщин, и никто не видел их детей».

Что можно к этому добавить? Что в Малайзии есть существа, более примитивные, чем сакаи? Думается, на эту тему уже и так много всего сказано. Более интересна другая легенда сакаи, где упоминаются волосатые карлики – ханту-сакаи (черти-сакаи), прячущиеся в делях, где их встречают, но редко. Они очень робкие, но обладают таким тонким нюхом, что распознают по запаху приближающегося человека, на большом расстоянии.

Следующие сведения об их обычаях и облике позволяют отнести их к цейлонским ниттаево.

«Эти сакаи-демоны, – продолжают двое британских антропологов. – имеют острые, в форме лезвия предплечья, которыми они пользуются, чтобы рубить ветки. Чтобы срезать высокую ветку, они залезают по стволу и садятся на ветку, и рубят ее острым краем плеча. Падая на землю вместе с веткой, они никогда не ушибаются».

Здесь мы снова натываемся на ту же самую деталь – острые предплечья. Что же это такое? Или просто речь идет о длинных лапах местных антропоидов-гиббонов, которыми они работают как серпами? Или же эти «предплечья» – просто режущие приспособления, которыми аборигенные племена рубят джунгли? И та и другая версии полностью отрицают участие непосредственно туловища.

Что касается диких людей ням-нунг, трудно защищать первую версию, когда говорят о невозможности для этих существ лазать по деревьям. Ведь гиббоны из всех обезьян, пожалуй, лучше всех приспособлены к древесной жизни: летают с ветки на ветку с легкостью птиц, а на землю спускаются только попить. Однако та жесткость, которую мои приписывают этим существам, что касается суставов, говорит в пользу этой первой гипотезы: если рассматривать предплечья гиббона как некое подобие серпа, рука не будет гнуться!

На самом деле, представляется вероятным, что путаница между антропоидами и человеческими существами вызывает сомнения в обозначении «дикие люди» у ням-нунг с таким же у ханту-сакаи, у которых единственная рука снабжена режущей костью. Вот что пишут по этому поводу Скит и Блэгден: «Все это совпадает с легендами малайцев об орангутане или мавасе, которого иногда называют ханту-мавас. Бегби говорит о ханту-мавасы. Их часто изображают как гиббонов с большими руками. Но вместо того чтобы иметь кость на внутренней стороне руки, у них есть кусок железного клинка, которым они рубят лес».

Вот мы и полностью запутались. На самом деле мава, мавас или маве – имя собственное, которое на Суматре дают орангутану.

Название «орангутан» используется малайцами, чтобы обозначить людей типа негритос на Малакке или же для малоизвестных обезьян. Слово «мава» может быть применено и к людям, но за пределами Малайзии, где нет орангутанов. Может ли быть такое? К тому же на Малакке есть гиббон вида *Hylobates lar*, с лапами, покрытыми белой шерстью, которые спокойно можно принять за металлические лезвия.

Уточним, что слово «бенуа» означает «земля», а «оранг бенуа» – «люди земли», настоящие аборигены. «Ханту-бенуа» означает существо более-менее мифическое, которое первыми поселились на полуострове. Относятся ли они к сакаи или семангам? Не идет ли речь о более примитивных, чем они, существах?

Тираны появляются и собираются

Чтобы внести хоть немного порядка в эту абракадабру, нужно усвоить вот какую истину: обозначения типа орангутан, оранг бенуа или ханту имеют относительную ценность, это ведь не собственные имена. Ибо, как мы уже говорили, каждый дикарь находит более дикого, чем он сам.

Представьте на момент, что предполагаемый исследователь с Марса только что

высадился на планету и дал свои названия вместо привычных нам, скажем, «дикарей», «западных», «свободных» и т.д. — получится невероятный компот. Наши этнографы мало чем отличаются от такого марсианина, да они и не могут иначе. Есть только два способа назвать народ: или ему дают имя, которое он сам себе дал, или это имя, данное ему соседями. В первом случае слово это означает, без сомнения, «человек» на диалекте этого народа. Во втором варьирует. И возникает путаница.

Чтобы что-то прояснить, надо вспомнить, что у разных народов разные представления о человечности и гуманности, не то, что у христиан XX века. Все это, повторяю, объясняет антропологическую мешанину в индо-малайском регионе, где буквально смешались в кучу и люди, и звери. Из этих многочисленных волн выделились реликты, которые укрылись в труднодоступных местах.

В миоцене гиббоны жили даже в Европе (*Ploipithecus*), в плиоцене были распространены только до Египта (*Prohylobates*), а сейчас только в Азии, к востоку от Ганга и на островах. До плейстоцена орангутаны жили в Китае. Сегодня они остались только на Борнео и Суматре.

За ними пришли похожие питекантропы, только без волос, потом — негритос, за ними — ведды. Всех этих пигмеев и карликов нещадно истребляли, уничтожали те, кто шел следом, — более рослые, сильные и вооруженные. Но наследование могущества еще не означало родства, как в монархиях Европы.

Нельзя считать, что на протяжении истории шла поэтапная гуманизация и каждая волна приносила прогресс в области психики. Без сомнения, были падения и взлеты. Самые сильные не всегда оказывались лучшими.

Можно допустить, что племя воинственных обезьян типа бабуинов захватило территории более слабых и робких племен, живущих изолированными семьями. Но все-таки это не могло длиться вечно, и в итоге победа была все же за большим мозгом и умом...

Волосатые гномы или карликовые питекантропы?

В целом проблема выглядит так. Из всех сообществ нас более всего волнуют ниттаево на Цейлоне, дикари Индокитая и аборигены-демоны Малайзии. Эти волосатые карлики предшествовали веддам и негритос, за которыми, в свою очередь, последовали люди обычного роста. Многие известные характеристики не позволяют отождествлять их даже с высшими обезьянами, населявшими регион до первых людей.

Но можно ли связывать их с питекантропами? Несомненно, у них было много черт, которые ставят их на полпути от антропоидов к человеку, но рост не позволяет связывать их с питекантропом Явы и синантропом, чей рост приближается к нашему. Более того, голландец ван Кенигсвальд нашел на Яве в 1939–1941 годах остатки черепа человека-обезьяны более высокого роста. Она была просто гигантом — от 2,5 до 3 метров ростом. Мы увидим в следующей главе, что существовали обезьяны куда более рослые...

Значит, внутри группы питекантропов были значительные различия в росте. Тем более удивительно, что находят и карликовых питекантропов — маленьких африканских австралопитеков.

Если ниттаево и их собратья по Индокитаю и Малайзии — действительно промежуточные существа между человеком и антропоидом, их можно связать с карликовым питекантропом.

Люди-обезьяны Перака

Вспомним о событиях, происшедших в начале 50-х годов в Малайзии. Это случилось накануне Рождества в 1953 году на плантации гевеи в Роллаке, на юге провинции Перак. Молодая китайка делала надрезы на каучуковом дереве. Неожиданно кто-то сзади положил ей руку на голое плечо, она вздрогнула, обернулась, и то, что увидела, повергло ее в ужас. Сзади стояла женщина, если можно было так называть это волосатое существо, скорее обезьяна. Длинные волосы ниспадали до бедер, контрастируя с белой кожей. Шерсть имелась на руках и груди, на лице виднелись густые брови. Были даже усы. Вместо одежды — желтая набедренная повязка.

Несомненно, она пришла с мирными намерениями. Ее сопровождали двое мужчин, тоже покрытых шерстью, державшиеся в отдалении, чтобы не напугать девушку.

Похожая на обезьяну женщина изобразила некое подобие улыбки, обнажив довольно внушительные клыки и издав каркающий звук. Китайка истошно закричала и

бросилась со всех ног домой.

Нет, то было не привидение. Один индеец, который тоже видел странное трио, повторил слово в слово описания китайянки, утверждая, что существо было достаточно рослое и усы у мужчин опускались чуть ли не до пояса.

Начальник плантации, до которого дошли слухи о пришельцах, заявил в полицейское управление Куала-Лумпура. Якобы его рабочих терроризируют, и они не могут работать. Две малайские патрульные группы выехали на место. Во время поисков полицейскому капралу удалось увидеть троих неизвестных на берегу реки, но он побоялся стрелять в них, думая, что это могут быть обычные люди, из сакаи. Они бросились в воду у него на глазах и скрылись в лесу на том берегу.

За эти дни их видела добрая дюжина людей. Трое из них дают сходные показания – рост около метра восьмидесяти, хорошо сложенные, покрытые шерстью существа. Их пытались сравнить с обезьянами, но они выглядели настолько по-человечески, что начальник полиции отдал приказ «взять живыми»!

А научные круги предпочитали по этому поводу отмалчиваться, один лишь М.Т. Сейвекинг, директор управления музеев Малайзии, высказался за отправку научной экспедиции в этот район, но на том все и закончилось.

Сейвекинг говорит, что они носят некое подобие повязки на бедрах и бегают по-человечески, не помогая себе при этом руками, как антропоиды. «Это несомненно человеческие существа, – говорит ученый. – Длинные клыки, видные даже из закрытого рта, доказывают, что это потомки древнейших обитателей Малайзии».

Заметим, что ни у сакаи, ни у семангов, ни у веддов из расы негритос, представляющих примитивные группы населения Малакки, тело не покрыто шерстью. Если у сакаи волосы и длинные, то тело сравнительно голое и никак не белое, а темное. Кроме того, сакаи не превышают роста 155 сантиметров. Ну и к какому же племени они принадлежат? Не к питекантропам ли?

Известно, что у человеческих существ клыки не выступают за ряд зубов – это черта, отличающая обезьян от человека. У питекантропов они выступают, но незначительно. Но свидетели могли преувеличить, ведь у страха глаза велики. Кроме того, клыки они могли затачивать, как это делают семанги...

Сейвекинг предполагает, что у них уже был контакт с человеком, ибо они боятся огнестрельного оружия. Он вспоминает, что аналогичная встреча имела место в середине 30-х годов в штатах Калантан и Перак. Конечно, здесь нужны новые достоверные подтверждения.

Глава 2

ЧЕЛОВЕКООБЕЗЬЯНА С ОСТРОВА СУМАТРА

Если до наших дней сохранились представители фауны самых отдаленных геологических эпох, ничто не мешает предположить, что в один прекрасный день мы можем столкнуться в каком-нибудь глухом лесу с настоящим питекантропом. По правде говоря, встреча с существом, возраст которого в геологическом смысле равен миллиону лет, должна меньше поражать воображение, чем знакомство с пустынным скорпионом, возраст которого исчисляется четырьмястами миллионами лет.

Разумеется, подобная встреча возможна не в Булонском лесу и даже не в девственных лесах Позеры. Зато она не исключена в глухих уголках Малайзии, на родине человекообезьян. Действительно, если остров Ява, где были найдены останки знаменитого питекантропа, уже достаточно хорошо изучен, то этого нельзя сказать о полуострове Малакка и соседних островах Суматра и Борнео, горные леса и болота которых практически недоступны. Нам известно, кроме того, что в Китае обнаружен другой предок человека, очень похожий на яванского питекантропа, – синантроп. Все говорит в пользу того, что человек-обезьяна переселился на Зондские острова с Азиатского континента; та же участь постигла и остальную китайско-малайскую фауну. Оказавшись на Суматре, по пути на Яву, питекантроп, несомненно, прожил здесь не одно тысячелетие. Но уцелел ли он в борьбе за существование до наших дней?

Вполне возможно. Например, до недавнего времени велись споры, живет ли на Суматре носорог. А ведь это животное, весящее полторы тонны, не таково, чтобы легко могло укрыться в чаще от глаза наблюдателя.

Бадак тангилинг, таинственный носорог

В одной из работ, посвященных животным, сегодняшнее существование которых еще не доказано наукой, знаменитый американский популяризатор зоологии Вилли Лей

пишет, что туземцы с острова Суматра встречали здесь не только обычного для их краев небольшого двурогого носорога (*Dicerorhinus Sumatranensis*), но и другого, однорогого его собрата.

Это животное было известно на острове под именем *badak tanggiling*. Голландский профессиональный охотник Г. К. Хацевинкель доказывал, что ему довелось убить восьмерых бадаков, чему мало кто верил, так как речь шла о довольно редком звере.

Но охотник не унимался и сумел представить доктору Важелеру, голландскому натуралисту, живущему на Яве, несколько фотографий своих охотничьих трофеев. Вдвоем они даже стали обсуждать возможность поимки живьем одного из носорогов.

Доктор Важелер, не знавший до того о существовании животного, опубликовал в 1927 году статью о нем, приводя в качестве доказательства фотографии охотника. В статье определенно говорилось, что на Суматре, помимо небольшого двурогого носорога, обитает носорог почти трехметровой длины, самцы которого имеют всего один рог, а самки его не имеют.

Воодушевившийся натуралист уже договаривался о поставке редкого зверя в некоторые зоопарки. «Но однорогий носорог так и не прибыл к ним, — писал в 1948 году Вилли Лей, — таинственный *badak tanggiling* до наших дней остался призраком, но он посетил, впрочем, ряд наших энциклопедий. Многие надеются, что он будет обнаружен со дня на день».

Знакомясь с материалами доктора Важелера, я был удивлен, что автор, как и его комментатор, долго не мог поверить в присутствие на острове однорогого носорога. Поскольку этот самый носорог мог, совершенно очевидно, быть обыкновенным зондским носорогом (*Rhinoceros sondaicus*), которого иногда называют яванским. Ареал этого животного охватывает территорию вплоть до Бенгалии. В начале нашего века английский натуралист Ф. Селоус писал о нем: «Его можно встретить в Сиккиме и Ассаме, он попадался исследователям на Бирме и на Малаккском полуострове, на Яве, Борнео и Суматре».

Лично мне факт существования на Суматре зондского однорогого носорога казался неопровержимым, так как я своими глазами видел в Бельгийском королевском институте естественных наук чучело молодого животного, кожа которого в виде отдельных кусков была подарена музею в 1875 году М. Сейбекинг.

Доклад доктора Важелера я отыскал в немецком журнале «Umschau». В нем он писал, помимо прочего, что *rhimba*, то есть суматранские джунгли, занимают необъятные просторы на юге и западе острова; до сих пор они практически недоступны и необитаемы. Там-то и может скрываться, по мнению натуралиста, чешуйчатый носорог *badak tanggiling*, о котором рассказывают местные жители с юга острова.

«Мы часто беседовали о гигантском носороге с Хацевинкелем, — сообщает доктор Важелер. — Обсуждали планы, которые позволили бы нам поймать его. Первое время вопрос о числе рогов животного не всплывал, но однажды выяснилось, что Хацевинкель считает носорога однорогим; я же был твердо убежден в его двурогости.

Ссылаясь на свои теоретические познания, я объяснил своему слушателю, что на Суматре неоткуда взяться однорогим носорогам. На что он ответил мне, что все восемь убитых им носорогов были однорогими. А затем показал мне фотографии их, где у самок вообще отсутствовал рог.

Длина туловища взрослых животных превышала три метра, что в полтора раза больше длины обычных суматранских носорогов. Их кожа была необычным образом покрыта складками и лишена ворса. На фотографиях животных можно было принять за яванских носорогов, но они были значительно длиннее.

На фотографиях было хорошо заметно, что кожа зверей покрыта легко отделяемыми чешуйками (которых нет на теле яванского носорога). Эти чешуйки легли в основу имени, данного этому виду носорогов местными жителями, что означает «чешуйчатый зверь». Кроме того, на фотографиях отчетливо виделся ряд нижних резцов, так же хорошо развитых, как у гиппопотамов».

Откуда взялся чешуйчатый носорог?

Статья доктора Важелера нуждается в нескольких уточнениях. Прежде всего, чешуйчатое покрытие кожи у бадака распространяется и на зондских носорогов. Его тело действительно покрыто мелкими чешуйками, как правило, вытянутой формы, похожими на сосновые шишки. Невилл по этому поводу замечал, что они могут, будучи омертвевшими, свободно отшелушиваться от кожи.

Я, честно говоря, не могу понять, почему Важелер писал о зондском (или яванском) носороге как о животном, на коже которого нет роговых чешуек, и что складчатостью и отсутствием волос она напоминает кожу африканского носорога. Отсутствие волос на коже зондского носорога отличает его от суматранского двурогого, тело которого покрыто темной длинной шерстью. Но складчатость его кожи не такая, как у африканского, кожа которого сухая и морщинистая, подобно слоновьей.

Как я уже отметил выше, кожа яванского носорога покрыта мелкими чешуйками, но ее можно считать совсем гладкой по сравнению с кожей третьего азиатского носорога: крупного однорогого индийского носорога (*Rhinoceros unicornis*), которого отличают, помимо прочего, крупные складки кожи и щито-подобное покрытие, а также наличие крупных роговых чешуек.

Скорее всего, доктор Важелер, хотя он и жил какое-то время на Яве, видел лишь издали — если вообще видел — разновидность носорога, называемую им «яванской». Надо сказать, что мы говорим о животных, численность которых благодаря систематическому истреблению исчисляется десятками особей. Рог носорога издавна считается противоядием от всех ядов, он продается китайскими аптекарями в качестве средства от импотенции. Не говоря о том, что сама кожа животного чрезвычайно дорога. Зондский носорог наиболее сильно пострадал от истребления. Он полностью исчез с Борнео, а к 1937 году во всей Малайзии оставалось всего семьдесят животных. Война, японская оккупация и индонезийская революция способствовали исчезновению толстокожих с Явы. В наши дни существует только один фактор, который препятствует полному истреблению этих редких животных: страх перед тиграми мешает охотникам чувствовать себя в джунглях как дома.

Согласно утверждению доктора Важелера, самки зондского носорога не имеют рога, но это не соответствует действительности.

Наконец, чтобы разрешить вопрос о ярко выраженных нижних резцах животного с фотографий Хацевинкеля, мне пришлось осмотреть черепа четырех зондских носорогов, вывезенных с Явы и Борнео. Я не нашел столь крупных резцов, но это можно объяснить тем, что у молодых особей они еще недостаточно выросли, а у взрослых укорочены износом. Во всяком случае, остатки рассматриваемых мной зубов выглядели довольно внушительно.

Да и на фотографиях, сопровождавших доклад доктора Важелера, внешность животных сильно напоминает зондских носорогов.

Ученые получают урок

Оказывается, существование на Суматре зондского носорога не допускали кроме Важелера и другие натуралисты.

«До нынешнего дня, — писал в 1928 году Л.Ф. Бофорт из Амстердамского зоологического музея, — определение ареала зондского носорога вызывало ряд трудностей. С одной стороны, они встречались на Яве, но их никогда не замечали на Суматре и Борнео. Сегодня считается, что этот вид носорогов когда-то жил на Суматре, но исчез по непонятным причинам.

Несмотря на то, что неоднократно поступали свидетельства существования на Суматре *Rhinoceros sondaicus* в настоящее время, ни одно из них не было подтверждено документально. Леем среди других было упомянуто, что скелет этого вида находится в Британском музее и что он был подарен музею М. Франком как *R. sumatranus*, доставленный с Суматры, но сам поставщик не был уверен ни в точном названии носорога, ни в месте его отлова».

Сэр Томас Стамфорд Раффл (1781–1826), знаменитый английский администратор, основавший Сингапур, в течение пяти лет был помощником губернатора в Форт-Мальборо на Суматре, где ему удалось собрать богатую коллекцию представителей местной флоры и фауны, которую он впоследствии передал Лондонскому зоологическому обществу. Правда, он участвовал в завоевании Явы, которая тоже принадлежала французам, и в коллекцию, следовательно, попали не только суматранские экземпляры. Поэтому, к сожалению, нельзя точно судить об их происхождении. Тем не менее в воспоминаниях сэра Томаса, опубликованных его вдовой, можно прочесть следующие строки:

«В лесах Суматры живет другое животное, которое я не встречал в книгах; размерами и внешним видом оно походит на носорога, но несет всего один рог. Это животное можно отличить от носорога по узкому беловатому поясу, который идет поперек туловища».

Он уточняет, что у местных жителей этот зверь зовется *teuxon*. На что Бофорт отвечал: «Совершенно очевидно, что животное, описанное Раффлом, является тапиром (*Tapirus indicus*). Что касается рога, то, по всей вероятности, до него дошли слухи о яванском носороге, и он решил, что речь идет о том же животном».

Кстати, в 1772 году англичанин Валфелдт совершил ту же ошибку, упомянув о двуцветном носороге в описании Суматры. Он привел даже рисунок, на котором можно без труда узнать белоспинного тапира, не известного в ту пору ученым.

Дело в том, что факт существования на Востоке тапира — типично американского зверя — казался первооткрывателям настолько невероятным, что они принимали попадающегося им на глаза тапира за носорога некрупных размеров. В завершение приведу еще цитату из Бофорта: «Не так давно в Амстердамский зоологический музей попал совершенно целый скелет самки зондского носорога, убитой неким Кретом в 250 километрах юго-восточнее Палембанга на Суматре. Я не нашел в скелете ни одного отличия от яванского экземпляра. Резцы нижнего ряда нисколько не длиннее».

К тексту прилагается перечень точных измерений. Если бы нашим авторам посчастливилось раньше ознакомиться с экземпляром, попавшим в Амстердамский музей в 1875 году, который, по-видимому, происходил из интересующих нас мест, запутанная история прояснилась бы намного раньше. Что лишний раз доказывает, что исследование экспонатов музеев часто приносит лучшие результаты, чем покорение непроходимых джунглей.

Новый объект поиска — человекообезьяна

После того как мы убедились, что на острове может легко укрываться от глаз такое крупное животное, как носорог, давайте предположим, что в суматранских джунглях нашел приют неизвестный вид обезьян, а именно человекообезьяна.

По крайней мере, такое предположение подтверждают рассказы местных жителей. Примечательно, что эти рассказы передавались из уст в уста задолго до палеонтологической находки Эжена Дюбуа в 1891 году, задолго до того, как Дарвин высказался об их существовании в книге «Происхождение видов».

Если Дарвин, не желая ранить религиозные чувства соотечественников, не стал напрямую развивать историю появления человека согласно своему учению эволюционного развития, то его немецкий коллега Эрнст Геккель немедленно применил его метод, чтобы объяснить происхождение человека. Он хладнокровно выставил на всеобщее обозрение «генеалогическое древо», изображающее все этапы становления человека и его обособления из мира животных. Наделенный богатым воображением и будучи неплохим художником, он поместил в галерею наших предков, среди промежуточных представителей, весьма живописных типов. Одного из них, находящегося, по его мнению, на полпути между человеком и обезьяной, Геккель окрестил питекантропом, наделив его приблизительно поровну чертами человека и обезьяны.

Это мифическое существо настолько прочно засело в головах дарвинистов и геккелистов, что на шестидесятилетие Геккеля ему была подарена картина, изображающая пасущуюся семью питекантропов. На картине, принадлежащей кисти Габриэля Макса, были представлены самец и самка, держащая на руках новорожденного. Они казались людьми из-за длинных развевающихся волос, прямой осанки и голой кожи и обезьянами из-за низкого лба, высоких надбровных дуг и вытянутой нижней части лица.

Ко времени создания картины в 1894 году западный ученый мир еще не знал о замечательной находке останков человекообезьяны на Яве.

Горячий поклонник Геккеля, молодой голландский врач Эжен Дюбуа отправился с колониальной армией в Нидерландскую Индию [Индонезия. — Ред.] в надежде раскопать на Зондских островах, родине гиббонов, останки человекообезьяны. Не утверждал ли его учитель, что гиббоны являются ближайшими родственниками человека?

На Яве, а точнее, в области Тринила на берегу речки Соло, он и извлек из вулканического туфа, относящегося к плиоцену, фрагмент черепной коробки с выпуклыми надбровными дугами и пологим лбом, которая вмещала в себя объем мозга больший, чем у современных антропоидных обезьян, и меньший, чем у человека. Вместе с куском черепа ему попались два коренных зуба и бедренная кость, свидетельствующая о прямохождении ее обладателя.

Основываясь на этих скромных, но бесценных для науки образцах, доктор Дюбуа провозгласил в 1894 году, что он нашел остатки «недостающего звена»,

промежуточной ступени, которую предсказала дарвиновская теория. находка вызвала всплеск энтузиазма среди сторонников эволюционного учения. Во время Международной выставки 1900 года публика могла встретить среди множества экспонатов изготовленного из папье-маше реконструированного питекантропа.

Находка Эжена Дюбуа подверглась суровой критике многих ученых, некоторые из них выдвигали, впрочем, довольно обоснованные аргументы. Но охота критиковать пропала, когда благодаря систематическим изысканиям, проведенным в 1936–1939 годах, голландскому палеонтологу Ральфу фон Кенигсвальду удалось найти еще три черепа питекантропа. Пекинская находка более полных останков человекообезьяны, очень схожей с питекантропом (ее можно было бы назвать не синантропом, а *Pithecanthropus pekinensis*), значительно расширила наши знания об этих необычных существах. Действительно ли это предки человека?

Вряд ли эта точка зрения верна. Большинство антропологов относят питекантропов к ветви, отделившейся в конце третичного периода от человеческой линии. Но некоторые – а вместе с ними и сам Дюбуа – считают их гигантскими гиббонами, отказавшимися от древесного образа жизни.

Для нас сейчас важен сам факт существования промежуточного звена – некой человекообезьяны. Ведь мы начали разговор с того, что жителям Суматры она встречалась до самого недавнего времени.

Оранги бывают разными

С незапамятных времен по Суматре бродят слухи о том, что на юге острова живет двуногое существо, похожее на человека, но у которого также много признаков обезьяны. Первым донес до ученого мира это упоминание Марко Поло. Он писал: «Пусть вам будет известно также, что в этом королевстве Ламбри (имеется в виду провинция Джамби) встречаются люди с длинными хвостами, но без шерсти. Эти люди живут в горах, нравов они диких...»

Марсден, комментатор английского издания трудов Марко Поло (1818), считал, что речь идет о двух обособленных народах, живущих в глуши Суматры и прекративших всякую связь с другим населением острова. Этим аборигенов называли на острове *orang kubi* и *orang gugu*. Первые довольно многочисленны, писал комментатор, они занимают районы между Палембангом и Джамби. У них наличествует языковое общение, в пищу идет все подряд: олени, слоны, носороги, собаки, змеи и обезьяны. Существа гугу встречаются реже. Они покрыты шерстью и в целом мало отличаются от рыжих антропоидов, которых мы называем орангутанами.

Чтобы читатель лишней раз не ломал голову, уточним, что оранги кубу, о которых писал Марсден, и поныне живут на Суматре (по новой орфографии их имя пишется коебое). Это племя аборигенов, которое заселило горные леса на юго-западе острова, то есть там, куда и поместил их в своем комментарии Марсден.

Что касается орангов гугу, то на первый взгляд их можно отнести непосредственно к орангутанам, так как жители Явы, по словам Бонтиуса, считают, что эти рыжие обезьяны умеют разговаривать, но скрывают это, чтобы их не заставляли работать.

Но одна вещь совершенно очевидна: ни те, ни другие не имеют хвоста. Правда, мы знаем сегодня, что этот орган сам по себе не служит признаком дикости. Но думается, что Марко Поло не пришлось лично встречать антропоидных существ с длинными хвостами.

Более свежие упоминания о хвостатых суматранских людях также порождены слухами; они касаются небольших похожих на человека существ, покрытых шерстью, но передвигающихся на двух ногах. Как это напоминает таинственных цейлонских ниттаево!

Голландские колонисты называют их либо оранг пендек (короткий человек), либо оранг летио (бормочущий человек). Но эти имена употребляются только на севере провинции Бенкулен и на юге Палембанга. В Равасе их называют атоэ пандах или атоэ римбо, на севере Палембанга – седапа, вдоль берегов Батанги Хари, Тамбези и Джамби – ияоэ, на юге Бенкулена – седабо или гозгоэ. Последнее имя, очевидно, и упоминает Марсден в начале прошлого века.

Что же это за таинственные существа? Сначала выясним, что рассказывают о них аборигены.

Последние убеждены, что гугу не относятся ни к тому, ни к другому виду гиббонов (а их на острове водятся три вида: белорукий гиббон (*Hylobates lar albimanus*), чернорукий или быстрый гиббон (*Hylobates agilis*) и сиаманг (*Symphalangus syndactylus*). Их также не считают орангутанами.

Оба имени – орангутан и оранг пендек – можно принять за разные варианты одного и того же названия. Кроме того, в трудах по естественной истории можно часто встретить упоминание о том, что аборигены Суматры верят в существование на их острове нескольких видов орангутанов. Для справки сообщаем, что слово «оранг» означает «человек» и применяется ко всем существам, более-менее похожим на человека.

Например, имя оранг мадаи должно переводиться как «малайский человек», а оранг пендек – «маленький человек». Имя же орангутан означает «лесной человек» (западные ученые часто употребляли неправильное название, которое означало «человек-должник»). Малайцы называют оранг бланда знаменитого носача (*Nasalis larvatus*), самцы которого обладают огромным висящим носом. У них, однако, это имя означает «голландский человек», так как носы самих малайцев короче, чем у европейцев.

Доктор Шеню в «Энциклопедии естественной истории» (1885) явно заблуждается, утверждая, что «малайцы с восточной части Суматры называют орангутанов маве, тогда как в Индрапуре и Бенкулене они известны под именами оранг певда или пандекх».

В другой же части труда Шеню справедливо замечает, что территории обитания орангутанов приближены к низинным, заболоченным областям, покрытым сумрачными лесами. Другими словами, эти обезьяны никогда не забредают в горные леса, простирающиеся на Суматре в восточной и северной ее частях.

Книга доктора Шеню, очевидно, основывается в некоторой степени на фундаментальном произведении Мюллера и Шлегеля о природе «Нидерландской Индии», опубликованном в 1839–1844 годах.

Эти авторы также считали, что имя пендек принадлежит орангутанам, встречающимся изредка в южной части Суматры.

Как видим, ученых не слишком интересовали загадочные оранги – вплоть до появления дарвиновского учения и сенсационных находок Эжена Дюбуа.

Как выглядит «маленький бормочущий человек»?

Согласно отрывочным сведениям это существо со злым нравом, нечленораздельной речью и ростом от 80 сантиметров до полутора метров. Цвет кожи его коричнево-розовый, все тело покрыто короткой шерстью, от темно-коричневой до черной окраски. Другие источники приписывают ему густую черную гриву, опускающуюся на спину. О хвосте никто не упоминал.

Руки его не такие длинные, как у других антропоидов, он не лазает по деревьям, но по земле ходит странным образом: ступни развернуты так, что пятка оказывается впереди!

Образ жизни «бормочущего человечка», впрочем, не отличается чем-то особенным: он бродит в поисках молодых побегов, речных моллюсков, змей и червей, которых находит под камнями и поваленными стволами деревьев, переворачивая их с исполинской силой. Самой лакомой пищей пендека считаются фрукты. По этой, должно быть, причине он совершает временами набеги на банановые плантации и поля сахарного тростника, а также на фруктовые сады местных жителей.

Этот зверь с человеческим лицом известен по всему югу Суматры, особенно в Палембанге и Бенкулу: считают, что логово его находится в зарослях хребта Барисан или в районе вулкана Каба.

Легенды об оранге гугу, или пендеке, достигли ушей западных переселенцев еще в начале прошлого столетия, всерьез же его поисками голландские колонисты занялись только век спустя, в начале нынешнего века.

В 1917 году упоминание о нем впервые появилось в голландском научном журнале, посвященном животному миру тропиков. В статье голландского натуралиста доктора Якобсона рассказывалось о том, как двое местных жителей, собирающих в джунглях образцы для него, натолкнулись на редкое существо, которое на местном наречии называется оранг пендек. Лагерь ученого располагался в лесу у подножия вулкана Каба, недалеко от плантации Собана-Аяма. 10 июля 1916 года в лагерь прибежали его подручные и заявили, что неподалеку они заметили оранга пендека, который искал насекомых в сухой листве. Животное было покрыто черной шерстью и во всем соответствовало традиционному описанию пендека. Когда оно заметило наблюдавших, бросилось бежать на задних лапах.

Голландский натуралист был убежден, что его люди видели не орангутана, так как последний спасается в густой кроне, а не бегом по земле. Кроме того, несколько позже доктор Якобсон встретил недалеко от пика Керинчи отпечаток

ступни, который его проводник приписал орангу пендеку. Отпечаток действительно не походил на следы орангутана: он был похож на след человека маленького роста, только был шире человеческой ступни.

Автор сделал вывод, что на Суматре обитает незнакомый до сих пор науке вид антропоидов. В этом нет ничего удивительного, пишет ученый, так как на малоисследованном острове совсем недавно были обнаружены многие неведомые животные.

Может быть, это всего лишь облысевший гиббон?

Через некоторое время коллекцию сведений о таинственном оранге пендеке пополнил другой колонист, Л.К. Вестенек. Вот его рассказ о событии 1910 года: «Подросток-абориген, состоявший на службе у Ван Х., отправился в сопровождении нескольких кули через лес недалеко от Барисана. Внезапно он заметил на расстоянии около 15 метров от себя крупное приземистое животное, которое бежало ему наперерез на задних лапах. Оно было покрыто шерстью, но это не был орангутан. Его лицо не походило также на лицо обычного человека. Существо передвигалось бесшумно. Увидев людей, оно скрылось в чаще. Пораженный увиденным, подросток застыл на месте, а его спутники бросились в обратную сторону. Вернувшись на ферму, мальчик описал встречу; таким образом его рассказ и дошел до меня».

Вестенек приводит также рассказ Оостингха, управляющего кофейной плантацией в Датаране.

«В конце июня 1917 года я заблудился в девственном лесу, окружающем вулкан Каба. Около двух часов дня я заметил впереди себя на расстоянии каких-нибудь 10 метров сидящее на земле существо. Оно напоминало человека, который разводит огонь. Я очень обрадовался, что встретил кого-то, кто сможет указать мне дорогу в Датаран, но прежде чем я успел окликнуть незнакомца, мне в глаза бросился его необычный вид, заставивший меня промолчать.

Я увидел короткие, будто остриженные волосы и морщинистую сальную кожу на шее. Я подумал: «До чего же грязен этот тип!»

У него было плотное, как у местных жителей, тело с широкими плечами. Цвет его кожи был скорее серым, чем черным.

Существо обнаружило мое приближение, но не стало оборачиваться в мою сторону, а просто выпрямилось. Я увидел, что он одного роста со мной, и в ту же секунду страшно перепугался, так как понял, что столкнулся не с человеком.

Животное сделало несколько неторопливых шагов и ухватило необычайно длинными руками за ствол деревца, которое почему-то не подогнулось под его тяжесть. Животное бесшумно скачками устремилось вверх и скрылось в листве.

Это не был орангутан, так как я хорошо запомнил внешность этих обезьян в Амстердамском зоопарке. У орангутанов шерсть длинная, тогда как моя обезьяна имела короткую шерсть.

Я не могу ничего сказать о лице встреченного мной существа, так как, повторяю, оно не повернуло ко мне головы».

Не найдя лучшего объяснения последнему свидетельству, Вестенек предположил, что его знакомый встретил крупного гиббона с облезшей из-за старости или болезни шерстью.

Вполне возможно. Известны случаи, когда состарившиеся гориллы отказывались от древесного образа жизни. То же самое могло произойти и с гиббоном, особенно если его суставы были поражены какой-либо болезнью.

Можно предположить, что когда-то появилась наземная разновидность гиббонов, которой «пришлось» увеличить рост. Но в таком случае стоит ли держаться за прежнее название обезьяны – гиббон? Может быть, мы вправе уже говорить о питекантропе?

Появляются новые свидетельства

В качестве очередного свидетельства Эдвард Якобсон приводит рассказ некоего Куманса, начальника эксплуатационной службы железных дорог Паданга. «Когда мне пришлось руководить горной разведкой в Бенкулене, один из служащих, европеец, которому у меня нет оснований не доверять, обнаружил следы карликов. Это было между северным Редьянгом и горами Барисан.

Следы походили на отпечатки ступней ребенка, но шире их. Вскоре тем же человеком были обнаружены идентичные следы поблизости от Сунгея-Кломбока.

Наблюдатель обратил внимание, что маршрут таинственных карликов сопровождался перевернутыми камнями, как будто они искали под ними пищу».

Но самое подробное свидетельство, которым мы располагаем, донес до нас голландский колонист Ван Херварден.

В 1916 году он исследовал леса Палембанга, где впервые услышал о мистическом существе по имени седапа. Но описания звучали настолько противоречиво и неправдоподобно, что европеец не придавал им значения.

В 1917 году малайские торговцы поведали ему об оранге пендеке. Год спустя, в ходе экспедиции по Семангоэсу, он обнаружил на берегу неглубокой речушки след босой ноги, напоминающий человеческий. Рядом тянулся другой след, но поменьше, из чего исследователь заключил, что здесь прошли мать с ребенком. Он старательно зарисовал отпечатки, но рисунок погиб во время неудачного перехода через реку.

Прошло несколько лет. Ван Херварден больше не сталкивался ни с какими признаками таинственных существ. Но однажды, будучи в Пангкалан-Балае, он узнал от одного малайца, что тот нашел в лесу трупы двух седапа, матери и детеныша. Он хотел перенести их в деревню, но разложение зашло слишком далеко, и от затеи пришлось отказаться.

Малаец очень быстро после этого случая умер, а соплеменники приписали его смерть контакту с существом.

Мне его смерть не кажется неожиданной, ведь так просто получить заражение крови, имея дело с разложившимся трупом.

Послушаем дальше рассказ Ван Хервардена. «В октябре 1923 года мне снова довелось побывать в том же районе. Я находился на острове Римау, большая часть которого отдана в аренду господину Г. Фишеру. С раннего утра до полудня я занимался тем, что устраивал облавы на стаи кабанов, делающих набеги на распаханные земли острова.

В один из дней я напрасно просидел в засаде до часа дня. Случайно бросив взгляд в сторону, я заметил движение в кроне невысокого дерева, растущего отдельно от других. Вскоре подошло время возвращаться, так как бродить одному по этим местам после захода солнца не слишком приятно. Однако любопытство заставило меня подойти к дереву и выяснить, какое животное могло спрятаться на нем.

Обойдя вокруг дерева, я заметил мохнатое существо, которое сидело на ветке, прижавшись к стволу. Мне сразу пришло в голову, что передо мной находился неуловимый седапа! Сначала я решил понаблюдать за зверем. Держа ружье наготове, я крикнул несколько раз, чтобы привлечь его внимание, но существо не шелохнулось. Бежать за помощью, чтобы поймать его, было невыносимо. Я положил ружье на землю и попытался подняться по стволу. Едва я продвинулся на полтора метра, зверек шелохнулся и впервые посмотрел на меня. Его охватила дрожь, я же снова спустился на землю, чтобы получше рассмотреть его. Седапа был покрыт темной шерстью. Густая шевелюра спускалась до самых лопаток. Темное лицо почти не было покрыто шерстью, лоб выглядел скорее высоким, чем низким. Брови имели тот же цвет, что и шевелюра, они были очень густыми. Глаза непрерывно двигались и напоминали человеческие. Нос был широким, с крупными ноздрями, но он не портил лица. Губы казались нормальными, но когда существо раскрыло рот, его ширина удивила меня. Показавшиеся клыки имели довольно внушительный вид, во всяком случае они выглядели крупнее, чем у человека. Ряды зубов были ровными, их цвет казался беловато-желтым. Еще мне запомнились слабо выраженный подбородок, прямое ухо, которое мне напомнило небольшое человеческое ухо. Когда седапа более-менее выпрямился, я заметил, что его руки немного не дотянулись до колен. То есть они выглядели довольно длинными, тогда как ноги показались мне скорее короткими. Ступней я не разглядел, но видел, что большие пальцы имели вполне нормальный вид. Существо было женского рода, ростом около полутора метров.

Лицо седапа, как я уже отметил, не было некрасивым и очень мало походило на обезьяны.

Когда я взял ружье и навел его на самку, она издала жалобный крик «ху-ху», на который тотчас кто-то ответил из соседнего леса.

Мне снова пришлось лезть на дерево. Когда я был уже близко от зверя, он торопливо переместился на самый конец ветки. Она сильно накренилась, он скользя вниз через листву и через секунду оказался уже на земле. Пока я поспешно опускался вниз по стволу, седапа уже находился метрах в 30 от дерева. Он бежал и продолжал издавать на ходу жалобные крики. Вероятно, кто-то сочтет меня излишне жалостливым, но у меня не нашлось сил нажать на курок. Я видел мелькавшие ступни и убедился, что они были короткими и широкими. Убеждение же, что существо передвигается пятками вперед, совершенно неверно».

Ван Херварден в течение года пытался отловить повстречавшегося ему пендека и держал в тайне свою встречу с ним, опасаясь, что без доказательств ему никто не поверит. Когда же ему пришлось вернуться в Европу, он рассказал о происшествии. На остров была снаряжена экспедиция, вернувшаяся, впрочем, ни с чем.

Самым значительным в описании, сделанном Ван Херварденом, мне показалось то, что поведение и внешность его существа поразительно напоминают человека. Только две детали мешают полному сходству, внушительные клыки и длинные руки. Да еще слишком густой волосистой покров.

В основе легенды малайский медведь?

Когда в очередной раз были найдены следы, напоминающие человеческие, один из свидетелей-аборигенов заявил, что они должны принадлежать страшному орангу пендеку, которого он видел ночью при свете луны.

Абориген утверждал, что видел сразу двух зверей; они шли на задних лапах и имели рост до 1,5 метра. На них висела густая шерсть, грудь выглядела очень широкой, а ноги были короткими. Еще человек успел разглядеть мощные клыки.

Со следов были сделаны слепки, они подверглись тщательному изучению, в ходе которого доктор Даммерман из Буитен-зоргского музея без труда узнал в них следы малайского медведя (*Ursus (Helarctos) malayanus*). Это небольшой медведь, любитель кокосов, которого на Суматре называют «бруан». Его довольно длинные когти во время ходьбы приподнимаются и не оставляют следов, тогда как сами отпечатки очень напоминают человеческие.

Теперь нам легко понять, откуда пошли слухи о «вывернутости» лап таинственного пендека. Дело в том, что малайский медведь может свободно переходить на «вывернутую» поступь, то есть выворачивает пятки наружу. Правда, разворот ступни недостаточно силен, чтобы отпечатки следов создавали иллюзию полноценного шага. Я думаю, что дело все-таки в следующем: мизинец медведя шире его большого пальца, поэтому его следы кажутся следами человека с развернутыми ступнями.

«Другой характерной для малайского медведя чертой, роднящей его с орангом пендеком, — считает также доктор Даммерман, — является его привычка переворачивать на своем пути упавшие стволы и камни, а также его пристрастие к фруктам».

Хочу заметить, что малайский медведь, хотя и любит выпрямиться в полный рост, практически никогда не передвигается на задних лапах.

Таким образом, пожалуй, подтверждается догадка, что следы неуловимого оранга пендека оставлял иногда и малайский медведь бруан. Но мне кажется маловероятным, что легенда о неизвестной человекообезьяне целиком базируется на хорошо известном на острове животном.

Можно ли узнать животное по клоку шерсти и каплям крови?

Одна из многочисленных попыток отловить оранга пендека привела к следующим результатам. В 1927 году в одном из районов, где на почве стали все чаще появляться следы мохнатых человечков, были расставлены капканы и вырыты волчьи ямы. Одна из них была тронута чьим-то посещением, но попавшемуся животному удалось выбраться. Найденные в яме следы указывали на пендека.

«В яме, — рассказывает доктор Даммерман, — нашли клочья шерсти и следы крови. К сожалению, открытие было сделано не сразу, а спустя несколько дней. Анализ шерсти не привел к определенному результату. Что касается анализа крови, то он смутно указывал на принадлежность человеку».

Комментарий уважаемого ученого привел меня, мягко говоря, в замешательство. Как анализ шерсти — один из самых надежных научных методов — мог «не привести к определенному результату»? По крайней мере можно было определить, каким животным она не принадлежит. Было бы желательным найти подтверждение, что шерсть пендека не принадлежала обезьяне или медведю.

С другой стороны, непонятно выражение «смутно указывал на принадлежность человеку». Анализ крови прямо свидетельствует о принадлежности либо человеку, либо животному. Означает ли «смутное указание», что исследуемое животное было наполовину человеком, наполовину обезьяной? Или же доктор Даммерман не решился напрямую засвидетельствовать принадлежность крови человеку?

Из его комментария мы можем заключить лишь, что шерсть и следы крови,

найденные в яме, не принадлежали какому-либо известному животному.

Таким образом, этот случай, вместо того чтобы прояснить загадку, только усложнил ее.

Глава 3

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Шестого декабря 1951 года английскую прессу буквально охватила лихорадка: удалось сфотографировать следы снежного человека!

После шестой попытки покорить Эверест знаменитый английский альпинист Эрик Шиптон вместе с напарником Майклом Бардом совершали маршрут по расположенному рядом хребту к вершине Гауришанкар (с ними шел носильщик-непалец по имени Сен Тенцинг) На юго-восточном склоне Менлунга-цзе они обнаружили на рыхлом снегу отчетливые следы огромных босых ног, напоминающих человеческие. Это произошло 8 ноября в четыре часа дня.

Покорители высот пошли по этому следу, но через 1600 метров он уперся в морену, покрытую льдом, и потерялся. Не имея возможности продолжать поиск таинственного существа, они сфотографировали самую отчетливую часть его трассы.

Следы имели овальную форму и напоминали человеческие, но их размер был великоват для человека – около 33 сантиметров!

«Они были большие, – уточнил Шиптон, – больше, чем следы наших тяжелых альпинистских ботинок».

Если следы действительно принадлежали человеку, его рост должен был быть никак не меньше 2 метров 40 сантиметров. На снимках отчетливо виделся немного отставленный от остальных большой палец.

Казалось, что вот-вот появится подтверждение слухам и легендам, которые с незапамятных времен блуждали среди редкого населения Гималаев.

Портрет людоеда

Начиная с 1896 года, в эпоху, когда естествоиспытателям, пытавшимся проникнуть в глубины Тибета, было не обойтись без инструкций паломников и странствующих торговцев, на Запад стали просачиваться слухи о человекоподобных гигантах, обитающих среди ледяных высот Гималаев. В своей книге «Среди Гималаев» полковник Л.А. Уделл рассказывает, что в 1889 году он встретил на снегу на северо-западе от Сиккима следы непомерной длины. Английский исследователь Дуглас В. Фрешфилд встретил на высоте 5500 метров на восточном склоне Канченджанги поражающие воображение следы, которые шли вверх и терялись в снежном поле.

Во время первой попытки покорить Эверест с севера полковник Говард Бюри, возвращавшийся к перевалу Лхапка-Ла, увидел вдалеке темные пятна, которые перемещались на уровне снежного покрова. Когда полковник вернулся через год на это же место, он наткнулся на высоте около 7000 метров на огромные следы: по его словам, они втрое превышали по длине средний след человека.

Сопровождающие его тибетские кули рассказали, что следы принадлежат существу по имени метох кангми, то есть «отвратительному» снежному человеку. И они сообщили о нем следующее.

Снежные люди – огромные существа, эти полулюди-полузвери живут в высокогорных пещерах, покрыты темной шерстью. Руки их почти доходят до колен, как у человекообразных обезьян, но лицо скорее человеческое; ноги короткие и кривые, слегка косолапые. Обладая невероятной силой, эти существа способны вырывать с корнем деревья и поднимать над головой огромные глыбы. Самки легко узнаются по длинным грудям, которые они откидывают за плечи во время бега.

Этих чудовищ видели недалеко от буддистского монастыря, приютившегося на склонах Эвереста.

Считается, что основную их пищу составляют лохматые яки. Но иногда, в связи с приступами голода, они спускаются в долины, где ловят людей и с жадностью пожирают их. Они настолько жестоки, что во время голода самки начинают поедать своих мужей.

Разумеется, люди обладают недостаточными сведениями об их жизни, так как встреча с людоедами почти всегда оборачивается худо для путешественника. Существует только один способ избежать смерти: броситься вниз со склона. Чудовище наклонит голову, и его волосы упадут ему на глаза...

Другие же утверждают, что нравы этих существ гораздо безобиднее: они нападают только в ответ на прямую угрозу. Подобного рода рассказы о снежном

человеке можно услышать на всем гигантском массиве Гималаев, на Тибете, в Непале, Сиккиме и Бутане. В зависимости от диалекта меняется и его название. Говард Бюри приводит тибетское название метох кан-гми, индийские пастухи называют его бханджакрис, непальские носильщики – йети. Среди других имен попадаются мигу, мирка и уи-го.

Зловещий там-там

Одно из самых необычных свидетельств принадлежит, бесспорно, Жану Марко-Ривьеру, который описал в книге «Индия: секреты и магия» встречу не с одним, а несколькими снежными людьми. Рассказ этого образованного человека, паломника, знатока нескольких языков и исследователя заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным почти полностью.

«Во время одного из походов в тибетские монастыри, расположенные вблизи от северной непальской границы, меня пригласили присоединиться к группе людей, которая отправлялась на охоту за снежным человеком. Восемь дней мы пробирались сквозь джунгли трехметровой высоты... Однажды мы услышали что-то вроде продолжительного гудения. Над листвой уже виднелись горные вершины, покрытые снегами, и мы решили, что шум создает недалекий водопад. Но в нем все отчетливее слышалась ритмичность. Решив, что поблизости находится племя аборигенов, мои спутники направились на звук, чтобы расспросить их о местности.

Неожиданно один из нас увидел на влажной глине отпечаток огромной босой ноги длиной около 60 сантиметров. Большинство участников охоты так перепугались, что через минуту подле меня остались всего два человека, остальные сбежали. Мы решили идти вперед.

С большой осторожностью приблизились мы к месту, откуда доносился странный звук, и увидели такую картину: в естественном углублении скалы среди осыпей сидели в кругу с десятков огромных человекообразных. Одна из них неторопливо постукивала в тамтам, сделанный из пустого ствола дерева, но звук получался мощный, что говорит о недюжинной силе этих существ. Их тела были покрыты шерстью, лица напоминали одновременно лицо человека и гориллы. Они были абсолютно голыми, несмотря на суровый климат здешних мест, а на их лицах застыло выражение глубокой скорби.

Мы долго смотрели на этих людей неизвестного происхождения. Почему они избегают других людей? Откуда они пришли?»

Пусть читатель сам решает, верить или не верить этому свидетельству.

Большая часть описаний снежных людей принадлежит простым людям: пастухам или носильщикам. Последние, как правило, настолько запуганы слухами о людоедах, что отказываются продолжать путь, после того как кто-либо обнаружит на снегу более-менее крупные следы. Так Френк Смит рассказывал, что во время экспедиции на Канченджангу в 1930 году появление обыкновенного яка вызвало панику среди носильщиков.

Первая версия: это всего-навсего обезьяна

Каким же образом объясняет наука появление странных следов и кому она их приписывает? В 1937 году лондонская газета «Таймс» открыла дискуссию о происхождении загадочных следов.

Воодушевленный описаниями, сделанными местными жителями горных массивов, доктор Хью Доллман из Британского музея заметил, что в горных областях Гималаев обитают две разновидности обезьян. Одна из них – семнопитек (*Semnopithecus schistaceus*). Эта обезьяна встречается на высоте до 4 тысяч метров, ее характерными чертами являются плотное телосложение и густой волосяной покров. Другой примат, полюбивший горы, – рокселланов ринопитек (*Rhinopithecus roxellanae*), которого китайцы называют «снежной обезьяной». Он обладает еще более массивным сложением, чем предыдущая обезьяна. Его вздернутый нос придает всему лицу человеческое выражение.

Это очень редкие обезьяны, которых не содержат в неволе, а в музеях их чучела встречаются крайне редко. Поэтому встреча среди ледников с такими коренастыми созданиями должна быть весьма впечатляющей.

Разумеется, их величина несопоставима с размерами снежного человека, если мы имеем о нем правильное представление, так как самые крупные особи этих обезьян не превышают 1 метра 40 сантиметров в выпрямленном состоянии. Что касается ринопитека, то его ареал не включает области, где чаще всего попадаются

следы снежного человека.

И все же многие ученые видят в этой версии верное объяснение загадочным следам. Сторонников ее поддерживает авторитет профессора Моррисона-Скотта, одного из хранителей Британского музея. Он настолько уверен в этом предположении, что даже уточнил подвид семнопитека, которого, по его мнению, принимают за огромного людоеда. Им должен был быть *Presbytes* (т.е. семнопитек), обезьяна, рост которой в выпрямленном состоянии может превышать полтора метра. Ее встречали на высоте 3600 метров в 80 километрах от Катманду в Непале. Это стройное четвероногое с очень грозным темным лицом и серебристой шерстью на голове и груди.

Оливер Джонс из Лондонского зоопарка предположил, что огромный след предполагаемого снежного человека мог принадлежать среднего размера обезьяне, если только след одной ступни состоял сразу из четырех отпечатков лап обезьяны. Такое вполне возможно, если обезьяна, перемещаясь скачками, упиралась в снег передними сведенными вместе лапами, а затем отталкивалась от того же места сведенными задними лапами.

Беда в том, что некоторые следы на фотографиях отразились на снегу так отчетливо, что можно различить не только очертания ступней, но и фрагменты большинства пальцев. К тому же цепь следов представляет собой не абсолютно ровную линию, а цепочку, звенья которой, чередуясь, чуть отклоняются друг от друга вправо и влево. Это убедительно свидетельствует, что животное шло шагом.

Не говоря о том, что обезьяна наподобие семнопитека оставляла бы за собой след от хвоста.

Но в любом случае не исключено, что путешественники неоднократно принимали за легендарного снежного человека повстречавшуюся им косматую обезьяну, столь неожиданную среди снежных просторов.

Вторая версия: люди пугаются медведя

Защитники этой гипотезы, пожалуй, имеют больше оснований приписать следы снежного человека животному, чей внешний вид и нравы во многом соответствуют легендарному образу.

Если предположить, как это сделал знаменитый английский натуралист Р. Пококк, что следы оставил медведь, являющийся разновидностью обычного бурого медведя, то происхождение ужасающих легенд станет вполне объяснимо. Это зверь, рост которого может превышать два метра. Он оставляет следы длиной 33 сантиметра, которые очень напоминают человеческие, особенно от задних лап. Кроме того, он часто встает на задние лапы, а в голодную пору старые самцы становятся хищниками и могут нападать на человека.

Естественно, возникает вопрос о том, чем могут питаться звери, преимущественно вегетарианцы, на высоте свыше 4 тысяч метров.

Р.В. Хингстон, майор медицинской службы колониальных войск, участвовавший в неудавшемся восхождении на Эверест, донес до нас важные сведения о флоре и фауне высокогорных районов Гималаев. От него мы узнали, что на высоте 5500 метров все еще можно встретить растения рода *Parnassius*, но выше этого уровня растения, по-видимому, не встречаются. Однако шведская экспедиция 1952 года нашла растительные остатки на высоте 6400 метров. Травоядные животные высокогорий, следовательно, забираются так высоко только в поисках безопасного убежища. Как, например, *Ochotona wollastoni*, крупная бесхвостая крыса, напоминающая внешним видом кролика. Выше растительного уровня забираются также кабаны, горалы, винторогие козлы, такины и тары. Кроме них некоторые разновидности ящериц рода *Phrynoscephalus* и *Leiolepis*. Выше 6 тысяч метров можно встретить разве только птиц, зато в большом количестве. Альпинисты утверждают, что галки попадают на высоте свыше 8 тысяч метров.

Если для хищников, находящих в себе силы спускаться почти каждый день на меньшие высоты, жизнь в высокогорных областях может быть сколько-нибудь приемлемой, то для травоядных животных, у которых на насыщение уходит большая часть дня, она просто невозможна.

В случае с медведем проблема питания несколько смягчается. Как известно, медведи легко переносят длительные периоды без корма, при этом они могут впадать в оцепенение или ведут малоподвижный образ жизни. Ничто не мешает предположить, что какое-либо животное из медвежьих не проводит зиму на недоступных высотах. Тем более что почти все подозрительные следы были обнаружены осенью.

Некоторые специалисты считают, что на снегу должны были бы оставаться

следы когтей медведя. Но как я уже замечал выше, стопоходящие опираются в основном на заднюю часть ступни, так что их когти почти не касаются фунта.

Тщательный анализ фотографий показал, что следы, встреченные Шиптоном, были оставлены животным, передвигающимся на двух ногах: отклоненные вправо отпечатки соответствовали правой ноге, а отклоненные влево – левой. Другими словами, если перед альпинистами по снежному полю прошел медведь, то он шел на задних лапах. Известно, что медведи свободно принимают это положение, особенно если чем-то заинтригованы, но мне не верится, что медведь способен идти размеренной поступью сотни метров, да и к тому же по снегу, на задних лапах.

По-моему, самым мудрым было мнение сэра Джона Грэхема Керра, почтенного профессора университета Глазго: эти следы не принадлежат ни одному животному из известных зоологам.

Но не стоит думать, что пройтись полтора километра по снегу на задних ногах было бы не под силу антропоиду. Так, шимпанзе может при случае довольно долго перемещаться только на задних ногах. Доктор Сидней Бриттон, антрополог из Вирджинского университета, решил однажды познакомить привезенного из Африки шимпанзе со снегом: «Сделав несколько шагов, животное выпрямилось и отныне передвигалось по снегу только таким образом».

Этот опыт заставил американского ученого поверить в то, что снег послужил решающим фактором в эволюции человека, заставив его избрать прямохождение.

Кинг-Конг не был мифом

Это произошло в 1934 году. Молодой голландский палеонтолог Ральф фон Кенигсвальд бродил по улицам Гонконга в поисках лавочек китайских аптекарей. В одной из них его встретил старый китайский лекарь, который предпочитал иметь дело не с химической лабораторией, а со снадобьями природного происхождения, такими как порошок из рога носорога и высушенные внутренности ящерицы. Кенигсвальд рассчитывал присмотреть себе какую-нибудь любопытную вещичку, которыми так богаты подобные заведения. Находясь уже довольно долго в Китае, он знал места, где можно встретить кости и шкуры редких животных, высушенных насекомых, раковины и фрагменты окаменелостей, продаваемые в качестве талисманов – костей драконов. В одном из кувшинчиков ученый нашел горсть различных зубов, машинально он стал перебирать их, с легкостью определяя животных, которым они принадлежали: медведь, тапир, орангутан, панда... Для специалиста-палеонтолога зуб – находка, по которой легче всего определить принадлежность захороненных останков. Неожиданно Кенигсвальд встретил поразивший его зуб.

Это был явно человеческий зуб – молодой человек определил даже, что это третий коренной зуб из нижнего ряда, – но величина его казалась невероятной: по объему он в пять-шесть раз превосходил нормальный человеческий зуб.

– Откуда у вас это? – спросил он аптекаря.

Китаец ответил, что зуб достался ему от отца, а тому – от деда. Должно быть, его принесли кому-то из его предков крестьяне, найдя в поле.

Фон Кенигсвальд обследовал с тех пор все подобные аптеки края. Через два года в Кантоне, через пролив, он нашел другой такой же зуб – на этот раз первый коренной. И наконец, в 1939-м – гигант. Все зубы принадлежали примату ростом от трех с половиной до четырех метров!

Казалось, легенда о Кинг-Конге, гигантской горилле из голливудских фильмов, обрела реальную почву.

Был ли то человек или обезьяна? Ведь их зубы так похожи. Сам Кенигсвальд окрестил великана гигантопитеком, то есть «гигантской обезьяной». Немецкий ученый Франц Вейденрейх, который исследовал коллекцию своего голландского коллеги по его просьбе, решил, что зубы принадлежат человеку, которого он назвал гигантропусом.

Родина гигантов

Откуда был родом китайский гигант? Фон Кенигсвальд установил, что окаменелые зубы других животных, которые находились в коллекции китайского лекаря, принадлежали тапиру, орангутану и стегодону, вымершему слону начала четвертичного периода. Останки последнего были найдены в лессовых наносах некоторых пещер южнее Янцзы. Может быть, зубы гиганта нашли там же? В конце концов, в трещинах этих зубов найдены частицы желтой почвы, свойственной для тех захоронений. Р.П. Телхард и другие палеонтологи установили, что ее возраст

датируется средним или нижним плейстоценом.

Основываясь на последнем факте, можно считать, что гигант заселял пещеры провинции Куангчи около 500 тысяч лет назад. Скорее всего, однако, он значительно «моложе» и жил даже позже, чем 100 тысяч лет назад.

Изыскания фон Кенигсвальда не этом не остановились. Узнав о сенсационных находках новых останков питекантропа на Яве, он организовал с помощью голландского правительства экспедицию на этот остров и раскопал там в 1941 году фрагмент огромной нижней челюсти, в которой сохранились еще три зуба. Они также выглядели совсем человеческими, только длина их была на четверть меньше, чем у гигантопитека. Согласно измерениям существо, челюсть которого была найдена, имело рост от двух с половиной до трех метров. Его окрестили *Meganthropus paleojavanicus*, то есть «великан со старой Явы».

Эта палеонтологическая находка, а также последующие установили, что гиганты заселяли более обширную территорию, чем можно было предположить.

В апреле 1948 года Дж.Т. Робинсон, ассистент доктора Роберта Брума из Трансваальского музея, извлек из Сварткранской пещеры (Южная Африка) часть огромной челюсти с тремя коренными и четырьмя малыми коренными зубами. На том же месте нашлись и зубы верхней челюсти: зуб мудрости, два резца и клык.

Челюсть принадлежала мегантропу. Коренные и малые коренные зубы были в полтора раза длиннее человеческих. Примечательно то, что зубы нижней челюсти, то есть резцы и клык, были сопоставимы по величине с зубами человека!

Этого африканского кузена мегантропа, являющегося в некотором роде родственником некрупных австралопитеков, найденных в этом же районе, окрестили *Paranthropus crassidens*.

Последний оказался наиболее хорошо изученным из гигантских приматов. Брум и Робинсон извлекли из грунта в 1949 и 1950 годах более десятка окаменелых останков, среди которых два почти полностью сохранившихся черепа и таз, говоривший о более или менее выраженном прямохождении. К сожалению, эти останки были погребены в слое очень плотного грунта, который приходилось взрывать динамитом, поэтому окаменелости дошли до нас не в целом виде.

Тем не менее общая структура черепа и лица парантропа была восстановлена. Лицо его не было таким вытянутым, как у нынешних антропоидов, но оно было широким, плоским и почти лишено носа.

Самым удивительным в строении черепа являются огромные челюсти, величина которых странным образом контрастирует с относительно небольшой черепной коробкой. Стоит ли удивляться поэтому, что на черепе парантропа нашли выпуклости, напоминающие по форме черепной гребень взрослых самцов гориллы. Их предназначение связано, очевидно, с сильно развитыми мышцами жевательного аппарата.

Измерения черепа показали, что заключавшийся в нем мозг имел объем свыше 900 кубических сантиметров. «Вероятно, — писал Брум, — что объем мозга крупных самцов достигал и превышал 1000 кубических сантиметров, что соответствует мозгу Лейбница и Анатоля Франса». Из чего ученый заключил, что им найдено знаменитое «недостающее звено», промежуточная стадия между человеком и обезьяной. На возражение, что величина мозга сама по себе ничего не значит, если не учтен размер исследуемого животного, южноафриканский палеонтолог ответил смелым заявлением: существо, которому принадлежали найденные зубы и другие части черепа, имело тот же рост, что и человек или в крайнем случае горилла, только его челюсти были непомерно развиты.

Высота черепа парантропа действительно не превышает высоту человеческого черепа. Однако в своей книге (последней опубликованной перед смертью) «Антропоиды и человек» Вейденрейх подчеркнул: «В большинстве случаев, особенно там, где речь идет о приматах, крупные зубы требуют крупных челюстей, а крупные челюсти требуют крупного тела. В этом мы можем убедиться на примере изучения окаменелых останков гигантских лемурув Мадагаскара». Поэтому у нас есть не меньшие основания считать парантропа из Сварткранской пещеры человекообезьяной высокого роста с мощными челюстями, но малой черепной коробкой. Что же касается гигантов из Китая и с острова Ява, то мы пока не можем ничего сказать об их челюстях, так как останков их лиц еще не обнаружено. Если их челюсти столь же сильно развиты по отношению ко всему черепу, как и у парантропа, то рост их должен колебаться от двух с половиной до трех метров. Заслуживают ли они тогда названия «гигантов»? В 1950 году Вейнерт сообщил, что в 1939 году в Танганьике доктором Колем-Ларсеном была сделана очередная находка, связанная с нашими гигантами, но разразившаяся вскоре война помешала исследованиям. В сорока

километрах от озера Ньяса немецкий врач обнаружил в четвертичных отложениях окаменелые нёбо, челюсти и носовые кости гигантского примата. Его зубы были сравнимы по величине с зубами мегантропа. Вейнерт увидел в нем родственника как африканского гиганта Брума, так и яванского великана Кенигсвальда.

Гигантопитек, доживший до наших дней?

Те, кто верит в дошедшие до нас легенды о снежном человеке, могут предположить, что эти существа – последние представители многочисленного и повсеместно распространенного когда-то племени гигантов, которые жили долгое время на земле вместе с людьми.

Вероятно, истребляемые неудержимо своими более развитыми сородичами, они тысячелетие за тысячелетием отступали в недоступные для противников районы, пока почти полностью не исчезли. Но для тех из них, кто обитал на территории современного Китая, нашлось недоступное убежище – горные высоты Гималаев. Там, вдали от многочисленных врагов, они могли сохраниться до наших дней, как сохранились орангутаны, их современники, среди заболоченных лесов Борнео и Суматры.

Эта несколько фантастическая гипотеза дает нам в любом случае единственное убедительное доказательство существования «отвратительного снежного человека».

Продолжая развивать эту гипотезу, мы можем предположить, что не только китайскому гиганту, но и мегантропу с Зондских островов удалось укрыться среди гор, особенно на Суматре. Ведь и там издавна ходят слухи об огромных обезьянах, а на влажной почве находят отпечатки похожих на человеческие ступней, длина которых равна шестидесяти пяти, а ширина двадцати сантиметрам. Местные жители утверждают, что им встречался оранг гаданг – «большой человек», рост которого был около трех метров, у него была пышная шевелюра и голубая кожа.

Двух гигантов наблюдали в течение двух часов

До 1953 года я был, пожалуй, единственным зоологом, считавшим снежного человека каким-то крупным приматом, нашедшим пристанище среди скал. Кто-то вообще не верил в его существование, кто-то считал, что легенды порождены существованием горного медведя или даже доисторического человека. Но оказывается, были люди, которые не только верили в мое предположение об обезьянах, но и видели их собственными глазами.

В 1942 году группа людей около двух часов наблюдала за парой йети, но опубликован рассказ об этом был только в 1954 году в «Дейли мейл» со слов одного из участников – Славомира Равица.

В начале 1941 года он был отправлен в качестве политического заключенного в советский трудовой лагерь № 402 в Сибири, который находился в трехстах километрах северо-восточнее Иркутска. Однажды семерым узникам удалось бежать. Они совершили невероятный по трудности переход. По просторам, природа которых казалась более враждебной, чем преследующие их люди, беглецам пришлось преодолеть более трех тысяч километров. Они пересекли часть советской территории, Монголию, китайскую провинцию Синцзян и Тибет, после чего вышли в июне 1942 года в Сикким. Там четыре истощенных до крайности беглеца – два поляка, американец и прибалт – были подобраны индийскими солдатами.

Один из поляков, автор рассказа, попал в Англию, женился на англичанке и обосновался в Мидленде.

Встреча его с йети произошла в мае 1942 года на склонах горы недалеко от границы с Непалом, когда беглецов было еще пятеро.

«Мы сделали привал и собрались было в путь, как вдруг заметили два странных создания высокого роста (2 метра 40 сантиметров приблизительно).

Нас было пятеро, у нас были с собой нож и топорик, но мы были настолько слабы, что не помышляли ни о какой обороне. Мы надеялись, что существа пройдут мимо, не заметив нас, но вскоре поняли, что нас увидели. При этом звери не выказывали ни удивления, ни испуга.

В какой-то момент мне хотелось выйти из укрытия и подойти к ним поближе, но товарищи отказались идти со мной.

Два часа мы наблюдали за ними. Один из них был поменьше, должно быть, то была самка. Они держались прямо, выпятив мощную грудь, руки свисали до колен. Уши были плоские, задний контур головы, в профиль, представлял прямую линию от макушки до самых плеч. Помню, что кто-то из товарищей сравнил этот силуэт с

«прусским затылком». Я и не понял, что это были за звери. У меня было впечатление, что это помесь кого-то с медведем или орангутаном.

Насколько позволяла дистанция, отделяющая нас от зверей, я разглядел рыжеватый цвет кожи. Тела их были покрыты короткой шерстью, а на головах лохматилась рыжая шевелюра с серым оттенком.

Пара топталась на месте, странно переваливаясь с боку на бок, а временами замирала на месте, как бы любуясь пейзажем. Они находились как раз по направлению нашего маршрута, и мы решили пойти в обход, что стоило жизни одному нашему товарищу: идя вместе с нами по узкому выступу, он сорвался и разбился. Позднее мы встретили на снегу следы двух человеко-обезьян: в длину они достигали шестидесяти сантиметров, а в ширину — двадцати». (Перевод опубликован в «Фигаро».)

Почему у снежного человека затылок «прусского офицера»?

Прусский затылок, упоминаемый в рассказе, — одно из характерных определений встреченного существа, которое можно неоспоримо считать крупным приматом.

В описаниях горилл встречаются также упоминания о вытянутом заостренном затылке, напоминающем заостренный шлем.

Если снежный человек имеет, как и его африканский собрат парантроп, хорошо развитый жевательный аппарат без ярко выраженного прогнатизма, то у него, следовательно, должны быть хорошо развиты височные мышцы, которые, в свою очередь, должны крепиться на соответствующих выступах черепа, как у самцов гориллы. Этот вывод, сделанный мной после анализа всех данных о форме головы снежного человека, подтвердился, как мне кажется, после обнаружения в одном из тибетских монастырей скальпа йети. Эта находка — самое важное вещественное доказательство, говорящее в пользу существования знаменитого снежного человека. Пусть этот «шлем» был единственной находкой, сделанной английской экспедицией, посланной в 1954 году по следам загадочного зверя, ее можно считать самой успешной. [В действительности неумение анализировать материал привело только к невероятным спорам и обвинениям в подделке. — Ред.]

Скальп был обнаружен палеонтологом Чарлзом Стонором в небольшом монастыре, находящемся на склонах Пангбоче на территории Непала. Как известно, на Тибете издавна были возведены в культ останки снежного человека, а ламы, по их утверждению, видели их живыми.

В монастыре Стонор узнал, что скальп попал в храм во время правления пятидесятого со дня его основания ламы. Так как нынешний лама был пятьдесят седьмым, то находку можно было считать приблизительно трехсотпятидесятилетней давности, если исходить из условных пятидесяти лет, приходящихся на каждого ламу.

Антропологу не разрешили забрать из храма объект культа, но позволили взять образец шерсти, который он отправил в Лондон для анализа. Ученый сделал превосходные фотографии и точное описание реликвии.

«...Кожа с нетронутыми волосами была снята с головы животного после симметричного надреза над ушами, следов от которых на образце не видно. Внутренняя сторона идеально отшлифована».

Кому же принадлежал этот скальп, имеющий форму заостренного шлема? Стонор не смог указать принадлежность ни к одному известному животному.

В высоту «шлем» был 19 сантиметров, 24,8 сантиметра в длину, 17,1 сантиметра в ширину. От лба до затылка, если измерять посередине скальпа, — 43,8 сантиметра. Окружность головы 66,6 сантиметра. Все измерения соответствуют меркам человеческой головы. Чтобы быть точным, напомним, что у человека окружность головы в среднем равна 55 сантиметрам, длина линии по медиане черепа не превышает 35 сантиметров. Необычной кажется в этом скальпе толщина кожи — до сантиметра.

«Кожа скальпа, — пишет Чарлз Стонор, — кажется хрупкой, она темного цвета. В основании скальпа — правильный овал. Наружная сторона его облезла, цвет волос от рыжеватого до темно-коричневого. Длина их несколько сантиметров. Характерной чертой этого скальпа является высокий гребень, который тянется от основания лба до вершины черепа, а затем спускается по затылку. Волосы, которые растут на нем, несколько топорщатся».

Есть ли научное название у снежного человека?

Учитывая скудность наших данных о снежном человеке, я предложил бы временно назвать его *Dinopithecus nivalis*, то есть «ужасная обезьяна снегов». Если в дальнейшем будут найдены какие-либо дополнительные анатомические свидетельства, особенно зубы, которые подтвердят его родство с гигантопитеками, предварительное имя придется заменить, согласно приоритету, на *Gigantopithecus nivalis*, то есть современного гигантопитека, отличного, разумеется, от плейстоценового собрата.

Итак, мы вправе предполагать, что загадочный снежный человек – крупная антропоидная прямоходящая обезьяна ростом около двух метров сорока сантиметров, живущая в восточной части массива Гималаев. Большой палец ее ног широкий, но не противопоставлен другим пальцам, как у большинства обезьян. При ходьбе тело у нее несколько наклоняется вперед, длинные руки достигают колен. Лицо ее плоское, челюсти значительно развиты в высоту, но прогнатизм слабо развит, лоб хорошо развит и переходит в снарядоподобный череп. Зубы, судя по всему, также хорошо развиты. По крайней мере у самцов имеется подобие продольного черепного гребня, которому соответствует полоска утолщенной кожи и щетинистых волос, по длине превышающих остальные.

Тело обезьяны покрыто плотным мехом рыжего и коричневого цвета. Лицо, грудь и низ ног менее оволосены.

Эти существа, вне всякого сомнения, всеядны, их пищу составляют корни, плоды, ящерицы, птицы, грызуны, а иногда и более крупная добыча.

Объем мозга снежного человека предположительно сравним с человеческим, но его форма, заключенная в «ракетообразную» упаковку, судя по всему, не способствовала развитию тех качеств, которые обеспечили человеку превосходство над другими приматами.

В систематике животных этим существам пока не найдено места, как и другим гигантским приматам. Я бы не стал относить их к однородной группе, а выделил бы в отдельную семью приматов, родственную, возможно, орангутанам.

К сожалению, попытки устроить облаву на снежного человека, не привели к успеху. [Так считают, к счастью, не все исследователи. – Ред.] Так, осталась ни с чем английская экспедиция, разделившаяся на четыре колонны, которые, двигаясь параллельно, охватили, будто клещами, огромную территорию.

В этом краю, по образному выражению участника другой экспедиции Ральфа Иззарда, группа людей так же хорошо видна издалека, как тараканы на белой скатерти. Немудрено поэтому, что в условиях высокогорья привычные к крутым подъемам и разреженному воздуху животные легко могли ускользнуть от медлительных альпинистов.

«Гораздо легче, по-моему, встретить снежного человека случайно, – писал Иззард, – чем устраивая на него массовые облавы. Группа в несколько десятков человек добьется лишь того, что разгонит на многие километры все живое, что встретится у нее на пути».

В заключение замечу, что та же проблема возникает и в других случаях обнаружения редких животных.

Глава 4

МИФИЧЕСКИЙ ДИНОЗАВР ИЗ НОВОЙ ГВИНЕИ

Немногие молодожены могут похвастаться встречей с динозавром во время медового месяца. Молодая чета Миллеров по праву может быть отнесена к их числу. Посчитав слишком банальной поездку в Венецию и даже на Ниагару, как это обычно делают при свадебном путешествии молодые голландцы, эта пара выбрала Новую Гвинею, родину каннибалов. Любовь на дикой природе крепче!

Подношения мумифицированных голов, задушенные и закопченные детки, запасенные впрок на голодный период, оказались лишь частью грустного аттракциона, представшего их изумленным взорам. Самым главным была встреча с доисторическим существом, вышедшим напрямик из глубин нашего геологического прошлого.

Загадочный рог

Достигнув гор Стеррен и поднявшись по реке Меруаке до ее истоков, наша парочка в сопровождении местных носильщиков-головорезов открыла на границе девственных лесов и зоны снегов еще не известное племя киррири. Именно в их

поселке Леона Миллер и увидела однажды, как женщины очищали кокосовый орех с помощью странного приспособления, напоминающего кончик бивня слона или рог носорога. Заинтересовавшись, она сказала об этом Чарли, который после недолгого осмотра убедился, что таких ножей в поселке немало.

Эти ножи, пишет он в книге «Караван каннибалов», были изготовлены из некоего материала, напоминающего рог, состоящий из слоев, сходящихся на конус, пока последний не оказывался острием, кончиком. Нож достигал 45 сантиметров длины и у основания составлял 15 сантиметров. Сзади у него была коническая полость. Но весил он при этом около десяти килограммов.

Расспросив одного из старейшин по имени Вро, Чарли получил от того рисунок ящера, сделанный на песке. «У него была длинная шея и огромное тело с большим животом».

— Еще, — сказал Вро, — на лбу у него большой рог.

Думая, что он чего-то не понял, Миллер попросил повторить рисунок. На этот раз животное было изображено более подробно — голову венчал широкий гребень, а грудь защищали треугольные чешуи... Все как в книгах с реконструкциями динозавров в наших музеях, уточняет путешественник. Чтобы лучше определить размеры животного, Вро начертил на песке две линии по девять метров — от носа до кончика хвоста. Потом прикинул и добавил еще три метра.

Итак, речь шла о какой-то рептилии 12-метровой длины! Скептически осмотрев наброски, Миллер, сдерживая ухмылку, спросил все же, где живут эти твари.

— В двух-трех днях пути отсюда, в сторону холмов на северо-западе, — ответил мужчина с помощью жестов.

Голландский путешественник задумал сделать сенсационный репортаж и попросил нескольких киррири ответить его в места, где обитают гигантские ящерицы. Это не составило труда, последовал ответ, ибо жители часто их видят, — это рау, а название происходит от крика чудовища, перемежающегося со свистом. Отpravку экспедиции назначили на завтра.

Лицом к лицу с рау

В первую ночь, после целого дня, проведенного в труднопроходимой гористой местности, молодые супруги выбрались на огромное плато, поросшее кустарником и деревьями, где и разбили лагерь с помощью проводников. На рассвете они двинулись на запад по краю плато, которое все обрывистее спускалось, пока не образовало отвесные скалы высотой десятки метров.

Когда они достигли западной окраины плато, проводники дали указание идти на север; они заметно нервничали и передвигались с предосторожностями.

Но вот вроде бы и пришли к цели. Люди племени попросили Миллеров лечь ничком на подстилку из зелени и посмотреть вниз. Там, внизу, расстиралось огромное, треугольной формы болото. Оно соединяло два плато — то, на котором они находились, и схожее. Оттуда вытекал маленький ручеек. Осмотр местности был прерван движением в камышах...

Пораженный увиденным, Миллер был буквально парализован. Когда его жена посмотрела туда же, она сначала замерла от изумления, а затем уткнулась головой в подстилку, не в силах поднять глаза от страха!

Постепенно Миллер пришел в себя и направил камеру на животное, голова и шея которого высывались из камыша.

«Словно позируя для меня, колоссальный посланец далеких эпох двигался по болоту. В один момент его хвост так далеко вильнул в траве, что мне показалось, что это другое животное. Когда оно повернулось, я увидел роговой кончик. Услышал свист: "Рау-у-!"»

Выключив камеру, Миллер подумал, что рау слышал какие-то звуки, «так как он вдруг остановился, присел на задние лапы, причем передние повисли в воздухе, и повернул голову в нашу сторону. Он был от нас метрах в четырехстах, но я уже чувствовал, что он сверлит нас своими злобными глазками. Я вжался в подстилку и вздохнул свободно, только когда тот убрался в камыши».

В этот момент Миллер, не забывая о том, что он должен снимать, отметил, что существо имеет желто-коричневую окраску, схожую с цветом камышей, в которых оно живет.

Кроме того оно покрыто чешуей, причем чешуи выглядят как доспехи неодинаковой формы, служа для камуфляжа. Поэтому даже на цветной пленке увидеть это довольно сложно.

«Еще два раза после этого рау показывался и позволил рассмотреть кожистый

гребень вокруг головы и еще один вдоль позвоночника. Мой фильм закончился на моменте, когда существо исчезло в роще карликовых эвкалиптов».

Можно ли верить Миллеру?

Наша книга, посвященная поиску неведомых зверей, не может оставить без внимания такой поистине сенсационный эпизод. Но, между нами, не напоминает ли эта сцена события, описанные у Конан Дойла в «Затерянном мире»? Она так же поражала воображение и казалась достоверной, если бы... если бы можно было до конца доверять нашим информаторам! Очень многое говорит в пользу того, что Миллер – вун. Ибо не приводит никаких убедительных доказательств, кроме своего рассказа. Нет, мы не можем принимать все за чистую монету на основании лишь устных сообщений. Тем более что они не подтверждаются схожими сведениями из тех же мест от других наблюдателей.

Прежде всего, если Чарлз Миллер видел столько рогов ящера в употреблении у местных жителей, почему он не доставил ни одного палеонтологам? Это произвело бы переворот в науке. И потом, в своей богато иллюстрированной книге Миллер не приводит фото трофея «преклонного возраста».

Теперь о пленке, которую привез из «Папуасии» Миллер, профессиональный оператор. (Он впоследствии работал таковым в Лос-Анджелесе.) Книга нашего путешественника вышла в Лондоне в 1950 году. Он рассказывает в ней, что показывал куски фильма, отснятого в Новой Гвинее, магнатам британского кинобизнеса. Но ни слова о «динозавровой» пленке. Я всегда внимательно слежу за новинками документального кино и ни разу не видел ничего похожего на съемки «посланцев допотопных лет», в чешуе и костях. Ценность такого фильма была бы труднооценима. Вряд ли он остался незамеченным.

Очаровательная супруга Миллера не сказала ни слова ни за, ни против своего мужа.

А наука на этот раз мудро и предусмотрительно промолчала. До поры.

Изысканный труп динозавра

Так уж получилось, что множество свидетельств, собранных в этой книге, не подтверждаются убедительными доказательствами: во-первых, это сообщение единственное, относящееся к Новой Гвинее, не говоря уже о данных, касающихся племени кмррири, о котором он мог бы дать более подробные сведения, хотя бы точное место обитания. Только ряд параллельных свидетельств могут придать достоверность описываемым событиям.

Во-вторых, сама личность Миллера не может служить гарантией его, что называется, научной порядочности. Вместо того чтобы заняться инженерной работой, он предпочел автомобили. Во время первой мировой войны он пошел в военную авиацию, но больше занимался воздушной акробатикой и трюкачеством. Само по себе это требует мужества, но не свидетельствует о серьезности.

Но, повторяю, одно это не могло бы повлиять на наше негативное отношение к сообщению – ведь было много открытий, сделанных дилетантами. Часто детали, сообщенные профанами, оказывались весьма важными, ибо специалисты именно благодаря им делают вывод о подлинности или фиктивности той или иной информации.

В-третьих, увы: описание, сделанное Миллером, говорит против него. Его монстр не соответствует «реконструкциям, увиденным в музеях». Он являет собой курьезную смесь черт разных известных существ, очень отдаленно напоминающих то или иное животное: обладает длинной шеей и гигантским хвостом, как у завроподов (бронтозавров и других диплодоков), головой, увенчанной рогом и кожистым гребнем, – как у трицератопса, телом с гребнем из трет угольных пластин – как у стегозавра, но у того этот гребень двойной. Что касается знаменитого рога на конце хвоста у рау, то такого нет ни у одного из них. У стегозавра имеется на хвосте двойной ряд длинных шипов, как бы продолжающих спинной хребет.

Получается, что это не динозавр вовсе, а оживший труп, созданный воображением целой группы палеонтологов, каждый из которых нарисовал свое, а потом все это соединили, как в мультфильме.

Конечно, нельзя априори утверждать, что такая бестия в природе невозможна. Зоология уже преподносила подобные сюрпризы. Но в рау сочетаются черты двух совершенно разных групп животных – звероящеров (длинная шея и хвост) и птероящеров с иными характеристиками. С другой стороны, стегозавры известны лишь по меловому периоду Северной Америки, и странно, что они оказались так далеко в

Азии, в уголке ее, который, похоже, с ней никогда не соединялся. И мало шансов у гипотезы, по которой Новая Гвинея подверглась вторжению огромных звероящеров...

Короче говоря, история с рау до боли напоминает известные экранизации. Без сомнения, мне возразят, что Новая Гвинея – малонаселенный остров, который по размерам превосходит Францию и Италию, вместе взятые. Особенно плохо исследована ее гористая центральная часть, до сих пор там не перевелись каннибалы и охотники за головами, и отношения с ними властей отнюдь не способствуют освоению этих мест – одного из самых больших лесных массивов планеты.

Но давайте переплывем Торресов пролив и углубимся в Австралию. Ее кустарниковые пустыни центральной части и песчаные моря на западе – тоже неисследованные районы. Горы востока и юго-востока покрыты густыми эвкалиптовыми лесами и араукариями, сквозь которые трудно продраться, а на севере есть племена, которые не встречались с белыми людьми. Но в городах пятого континента издавна появляются охотники, путешественники, которые рассказывают о загадочных животных. Некоторые из них тоже могут относиться к «ожившим трупам», но кому-то можно и верить! Итак, в Австралию!

Глава 5

НЕВЕРОЯТНЫЙ АВСТРАЛИЙСКИЙ БУНЬИП

Задолго до того, как на австралийский континент прибыли белокожие пришельцы, а также до того, как сформировалась современная раса негров, на удаленном материке жили существа – наполовину люди, наполовину обезьяны, а вместе с ними их родственники – целая семья тотемических животных. Приблизительно так представляют себе аборигены ушедшие в небытие времена.

Змеи небесные и водяные

Только Австралия сохранила до наших дней такое количество животных, которым давно полагалось бы превратиться в окаменелости.

Прежде всего хочется назвать колоссальных размеров змей Центральной Австралии, которых называют воллунква, а вместе с ними их сородичей по имени минди, иначе говоря, радужных змей. Цвет последних изумительно красив, но замороженное созерцание этой радуги может оказаться последним в вашей жизни. К счастью, пресмыкающееся выделяет тошнотворный запах, который предупреждает о его появлении [Такие же сведения встречаются на Кавказе об одном из подобных криптозоологических объектов. – Ред.] Минди приписывают также другие несчастья: считается, что змея сеет за собой эпидемию сифилиса.

Эти змеи, живущие в прибрежной полосе, практически неизвестны во внутренних районах, где за год во многих местах едва выпадает 500 миллиметров осадков. Поэтому для местных племен эти змеи – один из источников сведений для фантастических историй и легенд.

Очевидно аналогично возникла легенда о злом йеро – то ли змее, то ли угре, который обитает в некоторых озерах на северо-западе.

Должно быть, глотка этого существа достаточно широка, так как ей аборигены приписывают способность порождать водовороты. «На плато Атертона в Квинсленде, – рассказывает Г. Витлей, ихтиолог из Австралийского музея, – есть озеро, преодолеть которое я никак не мог заставить гребцов. Они считали, что в глубинах озера живет какре-то мифическое существо».

Что же это за животное? Мне кажется, что в образе огромного змея собраны воедино все опасности, которые могут подстергать человека, плывущего над большой глубиной на легком суденышке. Пожалуй, для аборигенов это самая подходящая форма фиксирования опыта поколений.

Гауарге, или живой динозавр

Не менее впечатляющими мне кажутся слухи о животном по имени гауарге. Это необычайный зверь, ведущий полуводный образ жизни, которому приписывается манера утаскивать на дно каждого, кто отважится пуститься вплавь по его владениям. Его описывают, что примечательно, как эму, но эму без перьев!

Если вам когда-нибудь представится случай созерцать ощипанного австралийского страуса, сравните, насколько похожа будет его тушка на *Struthiomimus*, одного из динозавров, название которого означает «который напоминает страуса».

Многим кажется, что динозавр – непременно чудовище огромных размеров. Однако среди них были экземпляры, не превышающие по размеру курицу. В промежутке между этими карликами и гигантскими игуанодономами находится динозавр-страус, который жил в заболоченных прибрежных низинах, но при случае мог найти убежище и в воде.

Можно ли предположить, что аборигены встречали или сохранили в преданиях память о встречах с живым динозавром? Во всяком случае, к легенде о гауарге полезнее отнестись с вниманием, нежели с презрением.

Йара-ма-йа-вхо, или Гном, пожирающий детей

Довольно легко найти объяснение старой австралийской легенде о человечке-пересмешнике, которого не берет смерть. Теперь зоологам хорошо известно, что это не кто иной, как птица *Dacelo gigas*, по прозвищу мартин-охотник. Тем не менее его ночные крики до сих пор вселяют страх в местных жителей.

Одним из подобных «кошмарных» созданий издавна считается йара-ма-йа-вхо. Негры утверждают, что это маленький беззубый человек, похожий на лягушку. Он живет на пальмах и имеет на пальцах присоски. Говорят, что этими присосками он облепляет тельце ребенка, играющего под деревьями, и не отпускает до тех пор, пока не высосет из него все соки.

Меня удивляет, почему зоологи так долго не могли идентифицировать это существо. Ведь если не считать кровожадного нрава, сведений о зверьке столько, что для зоолога узнать его так же легко, как крестьянину отгадать загадку: кто бегаёт на двух лапах, покрыт перьями и кричит «кукареку»?

Нет сомнений, что таинственный йара... – не кто иной, как долгопят-привидение (*Tarsius spectrum*). Это небольшой мохнатый зверек с плоским лицом, значительную часть которого занимают огромные глаза. Его можно считать самым таинственным из всех приматов.

Находясь среди ветвей, он может принимать стойку на задних лапках. Его облик настолько напоминает человеческий, что английский анатом Вуд-Джонс и его голландский коллега А. Хубреخت сочли его самым близким человеку существом. Разумеется, это преувеличение, но зверек обладает выдающимися, свойственными только ему качествами. В нем всего двенадцать–двадцать сантиметров роста.

Кроме огромных глаз, расширенных, чтобы усилить ночное видение, он имеет длинные пальцы, на кончиках которых находятся утолщения с присосками. Стопа у него такая длинная – отсюда и название, – что в отличие от других приматов он вынужден опираться при ходьбе только на пальцы. Зато он обладает прекрасным толчковым рычагом, позволяющим ему совершать значительные прыжки. Долгопят на самом деле чем-то напоминает мохнатую лягушку, но прыжки его гораздо изящнее. Вес, всего около 140 граммов, позволяет ему перелетать на двухметровые дистанции, при этом возносясь на шестьдесят сантиметров.

Конечно, долгопят далеко не беззубый, но когда он раскрывает свой V-образный рот, довольно зловещий, то кажется, что у него нет зубов. Действительно, долгопят единственный примат, которого можно целиком считать плотоядным. Ему доводится пробовать иногда и фрукты, но главным образом его пищу составляют насекомые, ящерицы, птицы и даже некрупные млекопитающие. В наших глазах это всего лишь симпатичный малыш, но на уровне своего размера это кровожадный разбойник.

Если прибавить к описанным свойствам долгопята его ночной образ жизни, то можно понять, отчего этот редкий зверек сделался предметом всевозможных суеверий.

Есть только одна причина, которая мешала зоологам увидеть в йара... долгопята-привидение. Это то, что последний не водится в Австралии. Он встречается только на Малайском архипелаге: на Суматре, Борнео, Сулавеси и на нескольких Филиппинских островах.

Раньше долгопяты были распространены значительно шире, чем в настоящее время. В отложениях начала третичного периода этих странных «человечков» находят по всей Европе и Северной Америке, но сегодня в Австралии не существует в диком состоянии плацентарных млекопитающих – кроме тех, конечно, что завез человек, то есть крыс, собак динго и других.

Когда-то млекопитающие, имеющие плаценту, вытеснили сумчатых по всей планете, но не смогли проникнуть за «водораздел», то есть за незримую линию, которую зоологи провели между Бали и Ломбокком, а севернее – между Борнео и Сулавеси. Короче, им не удалось попасть ни в Новую Гвинею, ни в Австралию, где в

полной безопасности до вторжения человека процветали сумчатые.

Вот почему невероятно, почти невозможно то, что долгопят живет в Австралии. Хотя его встречают уже на Сулавеси. Возможно, ключ к разгадке поможет нам пролить свет и на происхождение австралийских племен, которое так давно волновало антропологов.

Дж. Маттью предположил когда-то, что в Северную Австралию мало-помалу проникали люди малайской расы, но от этой теории быстро отказались, так как именно на севере австралийские негроиды наиболее темные и курчавые. Однако вполне вероятно, что легенды о йара.., попадавшие на материк вместе с племенем захватчиков из Борнео, Суматры и Сулавеси, передавались из поколения в поколение и сохранились до наших дней. Нашествие можно смело отнести к среднему плейстоцену, то есть к эпохе, отдаленной от настоящего времени на пятьдесят тысяч лет.

Неоспоримо то, что крохотный долгопят, совершенно безобидный для человека, держит в страхе не только Австралию, но и весь малайский регион. Кроме того, мне кажется вероятным, что этот же зверек породил легенду о «лесном демоне», распространенном на Филиппинах.

Австралийские животные поражают ученых

Как бы ни были удивительны животные из фольклора Океании, настоящий бум фантастических рассказов наступил после прибытия на Австралийский континент белого человека, так расположенного ко всякого рода небылицам. Поспешим добавить, что большинство слухов имело под собой реальную почву. Это должно способствовать более серьезному отношению к тем легендам, которые до сих пор не нашли подтверждения.

Когда храбрые голландские моряки стали осваивать в начале XVII века австралийские моря в поисках богатых и плодородных островов, им приходилось высаживаться на сушу без конца и края, которую они из ностальгических чувств называли Новой Голландией.

В этой стране, рассказывали они, живет зверь крупный, как человек, у которого длинный хвост, а голова маленькая, как у козы. Задние лапы у него, как у птицы, и он может скакать на них наподобие лягушки. В 1640 году было дано первое научное описание животного, сопровождаемое фантастическим рисунком.

Столетие спустя капитан Джеймс Кук, остановившись недалеко от материка для ремонта наскочившего на риф корабля, воспользовался случаем посетить таинственную землю. Он проник в глубь территории в районе бухты Тринити. 9 июля 1770 года два человека из его экипажа – а одним из них был знаменитый натуралист Джозеф Бэнкс – отправились на охоту, чтобы пополнить запасы мяса. Как рассказывал впоследствии Кук, они прошли несколько миль и встретили четырех «тех самых животных на птичьих ногах». Бэнкс пустил за ними свою борзую, но она быстро отстала, так как густая трава, через которую легко перепрыгивали животные, мешала ей бежать.

Вскоре Кук узнал, что крупного прыгуна называют «кантуру». Впрочем, этого названия так и не нашли потом ни в одном из австралийских диалектов...

Сведения, полученные от такого образованного и дотошного в отчетах человека, как Джеймс Кук, не вызывали сомнения, поэтому уже через двадцать лет слово кенгуру употреблялось как научное название в книгах по зоологии.

Самому Куку еще предстояло испытать новое удивление, связанное с безобидными прыгунами. Оказалось, что малышом они носят с собой в кармане на животе.

Вскоре выяснилась и поразительная особенность животного мира Австралии: все живущие на материке млекопитающие имели такие же карманы для детенышей.

Но мир ученых ждали еще более неожиданные сюрпризы. В 1797 году в Новом Южном Уэльсе было обнаружено животное, названное «водяной крот». На самом деле это странное животное скорее напоминает выдру. На ногах у него были лапы. Но если перепонки между пальцами можно допустить у млекопитающего, то что должны были сказать европейские зоологи на наличие утиного клюва!

Нет ничего странного в том, что чучело первого утконоса, рассмотренное членами Королевского зоологического общества, было признано подделкой.

Дело в том, что образцы животных и другие природные объекты, поступающие с Востока, подчас так искусно подделывались китайцами, что ученые давно привыкли к «сенсационным» фальшивкам и смотрели скептически на любую неожиданность. Сколько раз путешественники привозили в Европу мумии сирен, обитающих, по преданиям,

где-то в Индийском океане! На самом деле они были изготовлены из чучела и головы обезьяны, лап птицы и хвоста рыбы. «Водяной крот», состоящий одновременно из частей птицы и млекопитающего, несомненно принадлежал к искусным подделкам.

Между тем кожа животного была подвергнута тщательному анализу доктором Георгом Шоу, который не нашел на ней никаких следов клея или другого крепления частей. Он признал остатки животного настоящими и в 1799 году дал его первое научное описание. Так необычное животное получило имя *Ornithorynchus paradoxus*, что означает «зверь с утиными лапами и клювом».

Млекопитающее, несущее яйца

Недостаточно было дать необычному существу научное имя. Нужно было, кроме того, найти ему место в систематике животного мира.

Так как животное было покрыто шерстью, ни у кого не вызвало сомнений, что речь идет о млекопитающем. Блюменбах решил отнести его к неполнозубым, к которым, как правило, и относили всех животных, не вписывающихся в классификацию.

В 1802 году в Англию прибыли в заспиртованном виде два экземпляра утконоса. Одно из животных было самкой, но при ближайшем рассмотрении у нее не обнаружили молочных желез! Помимо столь невероятного свойства у «водяных кротов» были совмещены анус и детородный проход, как у птиц и рептилий.

В конце концов английский анатом Хоум предложил выделить утконосов в отдельный ряд классификации, куда было отнесено вскоре другое животное, обнаруженное в Австралии, — ехидна, чья вытянутая мордочка также напоминает клюв.

Дело еще больше запуталось, когда из Австралии стали поступать слухи о том, что утконос несет яйца, этот факт подтверждал мнение Ж.Б. Ламарка, согласно которому однопроходные звери являются родоначальниками млекопитающих и близки по многим признакам к птицам и рептилиям.

В 1824 году очередная неожиданность: немецкий ученый Меккель обнаружил у утконоса молочные железы! Но животное, которое несет яйца, не может обладать молочными железами! Тем не менее они были налицо. В 1832 году австралийский натуралист лейтенант Моль установил, что молочные железы утконоса вырабатывают молоко. Лишь в 1884 году был установлен действительный способ воспроизведения и выкармливания потомства утконоса. Так на удивление всему научному миру нашлось животное, которое одновременно несет яйца и кормит детенышей молоком.

В который раз подтвердилось правило: «невозможные» животные могут существовать в природе.

Буньип, вездесущий дьявол

Кто такой буньип? Вплоть до наших дней он служил символом всего таинственного и ужасного, что только могло представить воображение колониста, оказавшегося на незнакомой части суши.

Как мне кажется, слово «буньип» на языке аборигенов означало все то, что нельзя было объяснить с помощью привычных понятий. Аналогично нашему слову «демон».

Можно предположить, что на вопрос белых людей, какое из неизвестных им животных совершило то или иное злодеяние, австралийцы отвечали, что это дело рук буньипа или что тот перешел им дорогу.

Странно то, что образ этого существа, наделенного столь могущественными способностями, воплощался часто в виде не только конкретного, но и достаточно ординарного животного. Правда, неизвестного науке.

Первое упоминание о нем относится в 1801 году. Французский минералог Шарль Бейи, участник экспедиции Николая Бодена, вместе со спутниками покинул бухту, которую они окрестили по имени своего корабля, чтобы углубиться насколько возможно на незнакомый материк. Внезапно они были охвачены ужасом, услышав из зарослей тростника Лебединой реки дьявольский рев, более ужасный, чем рев разъяренного быка. В панике колонисты бежали к берегу, решив, что в болотах нового континента водится невероятных размеров чудовище.

Несколько позднее исследователь Гамильтон Хьюм подтвердил существование водяного монстра, но что любопытно, его свидетельство относилось к району, расположенному в противоположной части Австралии.

В озере Батхерста он наблюдал животное, похожее одновременно на ламантина

и гиппопотама. Ученые Австралийского философского общества сейчас же пообещали исследователю возместить все расходы, если ему удастся добыть тушу этого животного. Но Хьюм не смог этого сделать.

Слухи подобного рода поступали из разных точек континента, особенно из юго-восточных районов.

Лейтенант В. Бретон писал: «Говорят, что в озере Георга живет разновидность тюленя, обладающего сверхъестественной силой».

К середине XIX века легенда о буньипе достаточно прочно утвердилась на всем материке. Кого только не волновал загадочный зверь и какие только чудеса не приписывались ему.

В 1846 году у одного из притоков Муррея, который отделяет Викторию от Нового Южного Уэльса, был найден фрагмент черепа, который отослали натуралисту В.С. Маклею как голову буньипа. Он сделал заключение, что череп принадлежал жеребенку. В Лондоне же с образцом ознакомился специалист в области сравнительной анатомии профессор Ричард Оуэн, который решил, что перед ним обломок черепа коровы.

Кто-то из экспертов ошибался. Ввиду того, что животное так и не было идентифицировано, можно предположить, что ошибались оба ученых. К сожалению, ценное свидетельство таинственным образом исчезло.

Появляются более точные сведения

В 1848 году на реке Эмералии было замечено животное темного цвета, голова которого напоминала голову кенгуру. У него была длинная шея, а на голове — густая поросль и огромный рот. По словам местных жителей, это был буньип, который поджидал в воде очередную жертву.

В 1872 году на озере Буррумбит крупное животное приблизилось к суденышку, так что все его пассажиры в страхе кинулись к другому борту и чуть не опрокинулись в воду. Зверь был описан как водяная собака. Его голова была круглой и лишена ушей.

В 1873 году недалеко от Далби в Квинсленде видели высунувшееся из воды существо, похожее на тюленя. У него был сдвоенный, но не симметричный хвост-плавник.

Кроме того, какое-то водное чудовище было зарегистрировано на Тасмании, то есть вне австралийского континента.

Строительство Ваддаманской плотины и всевозможные изменения природных условий, вызванных стройкой Грит-Лейкской электростанции, не избавило районы от вездесущего водяного демона. Его появление отмечено здесь до последнего времени.

Может быть, это обыкновенный тюлень или новое сумчатое?

Имея множество свидетельств о живущем в воде короткошерстном ластоногом животном с головой собаки и редуцированными ушами, трудно не сделать предположения о существовании некоего пресноводного тюленя.

Вдоль морского побережья Австралии и Тасмании живет много видов ластоногих. Например, морская собака (*Otaria*), морской леопард (*Leoptonych*), морской слон (*Mirounga*). Но могут ли эти животные забираться в глубь материка?

Теоретически — могут. Существует ведь вид тюленей, который никогда не встречается в морях. Кроме того, установлено, что тюлени проникают иногда в глубь Австралии по Муррею и его притоку Дарлингу. Доктор Шарль Феннер упоминает случай, когда тюлень был убит в Конарго, Новый Южный Уэльс, в 1450 километрах от устья реки. В Шолхайвене в 1870 году подстрелили морского леопарда, в желудке которого нашли взрослого утконоса, что заставило Г. Уитлея заметить: «Буньип проглотил буньипа!»

Таким образом, установлено, что ластоногие могут преодолевать значительные расстояния в пресной воде. Возможно, они могут совершать и короткие переходы по суше. Примечательно в этом отношении, что чаще всего появления водяного демона фиксируются на юго-востоке, то есть на территории бассейнов двух крупнейших рек Австралии.

Что касается душераздирающих воплей, доносящихся из тростников, то они могут принадлежать не ластоногую, а выпю (*Botaurus poiciloptilus*). Кстати, именно своему голосу она обязана местным названием «муррейский бык».

Впрочем, появление водяного демона бывает приурочено к местам, которых при всем желании не смогло бы достичь ни одно ластоногое. Поэтому австралийские

ученые предпочитают более оригинальные гипотезы.

«Предполагают, — пишет Уитлей, — что речь идет о сохранившемся до наших дней сумчатом животном, похожем на выдру».

Известно, что среди сумчатых существ множество эквивалентных плацентарным животным — тем, которые живут на суше, лазают по деревьям, перелетают с места на место и роются в почве. Почему бы нашему демону не быть водяным сумчатым?

Вот почему доктору Андерсону пришла в голову мысль: не связаны ли легенды аборигенов с недавним существованием дипротодона, который, как считается, населял реки, болота и озера материка?

Кролики размером с носорога

Золотоискатели, рассеявшиеся по песчаным пустыням западного плоскогорья и колючим кустарникам центральной низменности — практически не исследованных областей, — встречали крупных зверей, внешне напоминающих кроликов.

Подобные сообщения поступали настолько регулярно, что наконец заинтересовали ученых, среди которых был крупный австралийский натуралист Амброс Пратт. Он первым задал себе вопрос: не являются ли трехметровые кролики дипротодонами, огромными сумчатыми, которых считали вымершими? Ведь раньше они в больших количествах встречались на Налларбор-ской равнине, пока усилившаяся засуха не превратила в пустыню значительную часть материка. Найденные черепа их достигали в длину одного метра. Был даже реконструирован внешний облик дипротодона.

Этим вымершим сумчатым приписывают нравы тапира: они должны были вести полуводный образ жизни среди пышной растительности, которая покрывала материк еще в конце последней эпохи оледенения, то есть от двенадцати до тридцати тысяч лет назад. Засуха, опустошившая подобно проказе огромные территории, вытеснила с материка и дипротодонов.

Конечно, огромное травоядное поначалу находило себе пристанище в сопротивляющихся засухе оазисах. По мере их падения стада дипротодонов отправлялись к следующему источнику воды.

В 1953 году профессор Рубен Стиртон из Калифорнийского университета обнаружил на северо-западе Австралии настоящее кладбище дипротодонов, содержащее от пятисот до тысячи прекрасно сохранившихся скелетов. Предполагают, что стадо этих животных собралось на месте недавнего высохшего озера, покрытого затвердевшей на солнце коркой. Под тяжестью стада корка не выдержала, и многие животные увязли во влажном иле.

Даже если они полностью исчезли несколько тысячелетий назад, их должны были застать первые австралийские темнокожие люди.

Ван Хеннеп полагает, что устная передача информации не может длиться сколько-нибудь долго, тогда как слухи о животных, по описанию похожих на дипротодонов, продолжают циркулировать среди аборигенов.

В конце концов, Австралия не была лишена воды совсем. Иначе участь «гигантских кроликов» постигла бы и других травоядных, а заодно и хищников, которые ими питались. На материке оставалось достаточное количество озер, ручьев и болот, возле которых, подобно остальным представителям австралийской фауны, могли продолжить существование дипротодоны.

Несмотря на относительно частые встречи, австралийские охотники, которые гоняются по степям за одичавшими азиатскими буйволами, не могут завладеть предполагаемыми дипротодонами. По их словам, животные обладают невероятной способностью неожиданно исчезать с глаз, оставив на месте облачко пыли...

Глава 6

СУМЧАТЫЙ ТИГР КВИНСЛЕНДА

Так же как первооткрыватели Южной Америки натолкнулись на необычный животный мир, столь непохожий на фауну Старого Света, так и пионеры пятого континента встретили потрясших их представителей сумчатых и однопроходных.

Любопытно, что путешественники и колонисты упорно пытались «открыть» в Австралии знакомых им животных, точно без их присутствия осваиваемые земли нельзя было считать полноценными.

Гиппопотам Дампира и степная горилла

В августе 1699 года знаменитый английский мореплаватель Уильям Дампир вошел в одну из гаваней Восточной Австралии, которую он назвал Акульей. Позже он сообщил, что у Акульей гавани водятся гиппопотамы.

Этих животных в Австралии никогда не встречали, впрочем, недоразумение быстро разрешилось. В брюхе акулы, по словам пирата, выловленной недалеко от берега, находился гиппопотам.

«В ее утробе, — писал Дампир, — мы нашли голову и кости гиппопотама, его губы, покрытые щетиной, хорошо сохранились, как и челюсти, в которых мы обнаружили множество зубов, два из которых по величине укладывались в восемь дюймов, остальные были меньше их вдвое».

В действительности же акула сожрала джоня, ламантина австралийских морей. Голова и кожа этого упитанного морского травоядного действительно напоминают гиппопотама, хотя его тело заканчивается рыбьим хвостом. У самцов этого животного имеются очень крупные резцы.

Вскоре Австралию населили крысы, мыши, кролики, белки, кроты, волки, лисы и кошки. На самом же деле все эти животные виделись европейцам в похожих на них представителях австралийской фауны. Среди колонистов пошли даже слухи о гориллах. Оказалось, что за человекообразных обезьян приняли аборигенов с пышной шевелюрой, а в отдельных случаях ими становились европейцы, измороженные скитаниями.

Встречаются ли в Австралии тигры?

Поиски сумчатого тигра — одна из самых забавных страниц истории открытия Австралии. До сегодняшнего дня находятся натуралисты, верящие в его существование.

В ноябре 1642 года капитан Абель Тасман заметил с борта корабля землю, которую он принял за крайнюю южную оконечность Новой Голландии. Он назвал ее Ван Дименсленд (Земля Ван Димена) в честь голландского губернатора, который послал его открыть южный морской путь, позволяющий пройти к Америке с запада. Верный полученному поручению, Тасман не утруждал себя исследованием незнакомых земель. Поэтому он так и не сошел на остров, который впоследствии обессмертил его имя, но отправил за провизией первого помощника с группой матросов.

Посланцы возвратились на корабль и рассказали о странных зарубках на деревьях, оставленных, несомненно, великанами, а также о следе тигра.

Скорее всего, следы принадлежали тасманийскому сумчатому волку (*Thylacinus cynocephalus*), который, по совпадению, имеет на спине, бедрах и на хвосте почти тигриные полосы. У этого представителя псевдопсовых на передних лапах по пять пальцев, в отличие от псовых и кошачьих, но на задних лапах — по четыре. Кроме того, сумчатый волк, в отличие от собак и кошек, опирается задней лапой на всю стопу, что делает след очень крупным для его роста. Отсюда и предположение о тигре, самой крупной кошке соседнего малайского региона.

Полвека спустя появились новые упоминания об австралийском тигре. Управляющие Индийской компании в Батавии не раз писали о нем в бортовых журналах. Так, в одном из них значилось, что *terra australis* населена куликами, тиграми и многочисленными черными птицами.

Если «черные птицы» — либо черные лебеди, либо черные эму, исчезнувшие вскоре, то упоминание о тигре заставляет предположить сумчатого волка. Но это животное слишком напоминает собаку. Кроме того, в пользу «тигра» говорит тот факт, что колонисты часто называли его сумчатым тигром. Не говоря о том, что сумчатого волка в Австралии никогда не встречали, поскольку единственным местом его обитания на планете является Тасмания.

Слухи об австралийском тигре зарождались, как правило, на восточном побережье материка, где тянутся вдоль горной цепи густые леса. Наиболее подробные свидетельства относятся к области полуострова Йорк — крайней северной оконечности горной цепи.

Австралийский тигр попадает в научную литературу

В 1871 году в отчетах Зоологического общества появилась первая статья о существовании в Квинсленде неизвестной кошки. Она основывается на письме, полученном знаменитым английским зоологом Склейтером от полицейского инспектора Брин-слея Шеридана из Гардвелла.

— Вечером, — писал полицейский, — фокстерьер моего сына, труся по тропинке

недалеко от Роккингэмской гавани, унюхал чей-то след в кустарнике и с яростным лаем бросился по нему. Он бежал в направлении берега, а мой сын едва поспевал за ним.

Через 800 метров они наткнулись на сидящего в высокой траве зверя, которого мой сын описал так: «Он был размером с аборигенскую собаку (собаку динго), морду имел круглую, как у кошки, и длинный хвост. По всему его телу шли желтые и черные полосы.

Мой пес бросился на него, но зверь сшиб его. Тогда я выстрелил в него из пистолета и ранил в голову. Зверь вспрыгнул на ствол наклоненного дерева, а пес стал облаивать его. Так как выпады животного становились все более угрожающими, я испугался и убежал».

5 июня 1872 года из Квинсленда пришло сообщение от натуралиста М.В. Скотта, в котором более конкретно говорилось о существовании загадочной кошки. Роберт Джонстон, офицер местной полиции, находясь в сопровождении нескольких человек на болоте у восточного побережья Гардвелла, видел сидящего на дереве зверя на высоте около двенадцати метров.

Заметив приближение людей, он перемахнул на соседнее дерево на расстояние около трех метров и спустился по нему хвостом вперед. Размером он был с пойнера, рыжий с темными штрихами. Голова его была круглой, а ушей не было видно. Хвост был плотным и длинным.

Ввиду разногласий в свидетельствах английские зоологи решили не торопиться с выводами.

Охота на загадочного тигра

В 1895 году Южную Австралию охватила паника. В области Тантанула, а затем и повсюду распространились слухи о появлении тигра, угрожающего и людям, и домашним животным. Организованные облавы ничего не дали. Но вскоре выяснили, что слухи распространяли похитители скота, которые пытались свалить на вымышленного хищника свои злодеяния.

Но о таинственной кошке продолжали поступать сообщения, которым трудно было не поверить. Вот что рассказывает об этом животном, вполне обычном, по его словам, для тех мест, откуда он вел повествование, австралийский писатель Ион Идрисс, проживший долгую жизнь на диком северо-западе континента: «Здесь, на полуострове Йорк, живет кошка-тигр, крупная, как волкодав. Ее тело изящно, а на серебристой шкуре чередуются черные и серые полосы. Ее лапы вооружены острейшими когтями, уши острые, а голова напоминает тигриную.

Мне пришлось познакомиться с ней на болоте. Я услышал рычание, раздававшееся из тростника. Подойдя ближе, я увидел среди травы распростертое тело взрослого кенгуру, одна из лап которого была разодрана до кости, а из живота вываливались внутренности. Над ним возвышалось полосатое тело. Это была крупная кошка. Она замерла над своей жертвой и несколько секунд смотрела мне в глаза. Затем она показала мне ослепительно белые клыки и вновь зарычала. Я поспешил выскочить из тростников».

Это была не последняя встреча Иона Идрисса с предполагаемым тигром.

«Овца, которую я искал, валялась мертвой. Рядом с ней лежал мой любимый пес, тоже мертвый, — рассказывает писатель. — Эту собаку с молодого возраста натаскивали на кабанов, ее отвага и сила вызвали восхищение у золотоискателей всего края». Дополним эти сведения тем, что квинслендские негры будто бы хорошо знакомы с крупной тигровой кошкой.

Существование сумчатого тигра признается наукой

Вспомним, что когда-то в Южной Америке существовала группа сумчатых, соответствующих крупным хищникам Азии и Африки. Среди них был сумчатый саблезубый тигр *Thylacosmilus*. Наконец, что важно, недавно в Австралии жил сумчатый лев *Thylacoleo*. Почему же нельзя предположить, что на материке сохранилась форма сумчатых кошачьих средних размеров? Несмотря на то, что ученые не обладали ни скелетом этого животного, ни его кожей, «сумчатая тигровая кошка» Квинсленда попала в справочник животных Австралии на основании «наблюдений, сделанных в природных условиях». Этот труд был составлен учеными с мировыми именами А. ле Суэфом и Х. Буреллом.

«Так как у нас пока нет данных для классификации этого животного, мы ограничимся предположением, что имеем дело с сумчатым животным, которое не

выдержало соперничества с собакой динго. Оно было оттеснено в единственный район материка, куда одичавшая собака не смогла проникнуть». Действительно, мы уже упоминали о том, насколько невыгодным оказывается для сумчатых соседство плацентарных животных. Так, динго, привезенная на материк аборигенами, вытеснила с него всех сумчатых хищников своего ранга, особенно тасманийского волка.

С другой стороны, на примере Южной Америки можно убедиться в том, что сумчатые могут вполне нормально существовать там, где на их место не претендуют плацентарные. В природе все находится в равновесии, поэтому в горных лесах Австралии, куда не любит наведываться собака динго, априори должен обитать какой-то хищник.

Итак, установленной областью обитания австралийского тигра можно считать пока только северную часть Квинсленда, покрытую лесистыми кручами.

Почему же наука так мало знает об этом загадочном звере? На этот вопрос можно ответить словами Суэфа и Бурелла: «Это животное обитает в местах, куда человек заглядывает очень редко. Когда же он все-таки объявляется поблизости, то создает столько шума, продираясь сквозь переплетенный кустарник, что все осторожное зверье заблаговременно разбегается».

Глава 7

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ МОА

Если и существует на свете животное, которое больше других заслуживает прозвище «смешная птица», то это, бесспорно, новозеландский моа.

Ученые так и не разобрались в происхождении наименования птицы. Европейцы считают, что его так называли местные жители, маори, а последние утверждают, что оно идет от видоизмененного английского слова. Моа — самая крупная птица из существовавших когда-либо. Ей впору считаться доисторическим животным. Но некоторые ученые допускают возможность ее обитания здесь в наши дни.

Смешная птица

Моа, которого еще называют динорнисом, не только не умеет летать, как и другие представители бегающих птиц — страусы, нанду, эму и казуары, — но и не имеет намека на крылья. Если у других бегающих птиц крылья сохранены в более-менее рудиментарных формах, то у моа вообще отсутствуют следы плечевого пояса.

Кажется, природа всеми силами стремилась придать этой птице нелепый облик: она снабдила ее такими тонкими перьями, что они скорее напоминают мех млекопитающего. Птица, покрытая не перьями, а шерстью, — любопытное зрелище!

В защиту динорниса следует сказать, что неспособность летать характерна для многих птиц Новой Зеландии, другими словами, моа является «смешной птицей» в царстве «смешных птиц».

Действительно, у птиц этого архипелага издавна проявилась тенденция к утрате способности летать, что проявилось у различных отрядов. Там живут, например, нелетающие пастушки, такие как века, или маорийская курица (*Ocydromus*) и такахе (*Notomis*). Раньше на этих островах встречался журавль, лишенный крыльев. Попугай какапо (*Stringops*) не только перенял ночной образ жизни, но и сделался землероющим животным. Он сохранил крылья, но потерял киль, эту важную опору, без которой не взлететь. Ему так понравилось жить поближе к земле, что поселился он в укрытиях под корнями деревьев или под камнями. Наконец, Новая Зеландия — родина двух только ей присущих групп бегунов, которые не имеют ни крыльев, ни хвоста и при этом покрыты подобием шерсти. Это киви и моа, семейства которых зоологи называют *Arterigidae* и *Dinornithidae*. И если первые обладают небольшими рудиментами крыльев, скрытых в оперении, то вторые их начисто лишены.

Киви — ночная, живущая в лесах птица, ставшая национальной эмблемой Новой Зеландии. Необычное ее свойство — расположение ноздрей на самом кончике длинного клюва, который она использует для рыхления почвы. Таким образом, киви — единственная, пожалуй, птица, ориентирующаяся в основном благодаря обонянию.

В то время как у африканских страусов на ногах мы отмечаем всего по два пальца, а у их австралийских сестер эму по три, маленькие киви имеют слабое подобие четвертого пальца, направленного назад. У моа эти пальцы развиты еще сильнее.

Моа очень разнообразны. Известно по меньшей мере 37 видов их, но все они, как принято считать, вымерли.

Самый крупный из моа — *Dinornis robustus* — имел в высоту три с половиной

метра, что на метр выше роста самого крупного страуса. Но некоторые из них не превышали размеров индейки. До сих пор не доказано, что киви-гигант и моа-карлик – не одно и то же животное. Различием между ними может быть только длина клюва, что не служит зоологам абсолютным критерием. Трудность определения заключается в том, что в распоряжении ученых нет полных материалов, по которым можно было бы судить о деталях строения мелких моа.

Новая Зеландия – настоящий край земли

У каждого, кто сталкивается с фауной этой земли, возникает вопрос: почему именно в Новой Зеландии птицы более, чем в других местах, теряют способность к полету?

Ответ на этот вопрос кроется в наблюдении, которое сделал капитан Кук после тщательного исследования острова в 1773 году.

«За исключением собак и крыс, – писал он, – в этом краю нам не встретилось ни одного четвероногого».

Собаки и крысы попали на острова вместе с маори.

На островах, богатых растительностью, но лишенных четвероногих хищников, птицы настолько могли чувствовать себя в безопасности, что у них отпала надобность взлетать каждую минуту, чтобы искать убежища в недоступных кронах деревьев. Зачем без причины отрываться от земли, где так много корма!

История обычная: длительное существование в условиях безопасности сделало обитателей удаленных островов изнеженными и беззащитными. Стоит ли удивляться, что большая часть видов нелетающих птиц исчезла за относительно короткое время с момента появления людей. Человек привез на острова своих неразлучных спутников: собак, крыс, а может быть, и кошек. Сам человек, разумеется, стал для безобидных бескрылых птиц первым хищником.

Наиболее знаменитой жертвой истребления стал дронт (*Didus ineptus*), крупный бескрылый голубь с острова Маврикий. Он был уничтожен так стремительно, что в английский язык вошло выражение: *as dead as the dodo*, то есть «мертв, как дронт».

Сегодня новозеландские острова удалены на тысячу километров от ближайшей земли, а именно от Австралии. Но было время – в юрский период, – когда они соединялись перешейком с малайским регионом. В этот мост входили Новая Каледония, Новые Гебриды, Соломоновы острова и Новая Гвинея. К ним примыкала даже Австралия. Однако уже в меловой период мост исчез под водой, оставив на своем месте там и сям разбросанные острова и навсегда отрезав Новую Зеландию от остального мира. Это произошло задолго до воцарения сумчатых, поэтому им не удалось попасть на новозеландские острова.

Отныне достичь этой потерявшейся в океане земли можно было только по воздуху.

И все же на острове могли сохраниться четвероногие, которые старше животных, обитавших на суше после юрского периода. Такое животное сохранилось, это единственный ныне существующий представитель ринхоцефалов, группы рептилий еще более древней, чем динозавры. Это туатара (*Sphenodon punctatus*), диковинный трехглазый ящер, возраст которого, вероятно, превышает 200 миллионов лет.

Человек истребляет моа

Лишившись навыков полета, моа, распространенные на двух крупных новозеландских островах – Южном и Северном, – оказались отрезанными друг от друга водным барьером, поэтому каждая популяция огромный отрезок времени развивалась по-своему. Вот что пишет о них доктор Фердинанд фон Хохштеттер, профессор Венского политехнического института, один из лучших знатоков естественной истории Новой Зеландии:

«Моа с Северного острова, подобно близким им киви, сильно отличается от моа с Южного острова. Пролив Кука, разделяющий их, был непреодолим для птиц, не умеющих ни летать, ни плавать».

Профессор Оуэн описал множество птиц обоих островов и нашел, что птицы Южного острова крупнее и коренастее, чем Северного, где они мельче и более «вытянуты».

Основную пищу этих птиц, живущих на открытых равнинах, составляли скудные плоды и корни, которые приходилось выкапывать мощными когтями. Чтобы облегчить пищеварение, они проглатывали мелкие камешки.

Форма черепа моа говорит о том, что это были глупые и неповоротливые животные, которых нельзя олицетворять с быстроногими страусами. Они, видимо, меланхолично паслись на открытой местности и могли выжить только в условиях полной изоляции от хищников».

Были ли моа истреблены человеком?

В пользу этого говорит тот факт, что современные маори могут показать место, «где был убит последний моа». Ученые задаются вопросом: как могли существовать без моа несколько сотен тысяч аборигенов на территории, почти лишенной животных и крайне бедной растительной пищей? Многие видят в истреблении гигантских птиц причину последующего каннибализма туземцев.

Правда, известно и то, что людоедство существовало у маори с самого формирования этого народа и связано с религиозным культом, согласно которому человек наделяется всеми достоинствами того, кого он съест.

Другие ученые считают, что моа исчезли с острова задолго до появления людей. Причины они видят в вырождении через гигантизм, свидетельства которого можно обнаружить, анализируя костные останки этих существ. Способствовать их повсеместной гибели могли крупное наводнение и извержение вулкана, следы которого обнаружили ученые.

Но есть люди, верящие в живучесть гигантских птиц. Пусть даже не самых крупных, но хотя бы среднего размера моа могли сохраниться до сих пор в недоступных уголках Новой Зеландии.

Ученые открывают моа ископаемого и ныне существующего

Научному миру динорнис стал известен в 1838 году. Фрагмент гигантской кости был привезен из Новой Зеландии в Англию путешественником по имени Рул и попал к профессору Ричарду Оуэну. Как был удивлен знаменитый натуралист, когда оказалось, что привезенная кость принадлежит птице!

То, что такая птица могла существовать в настоящее время, казалось ученым маловероятным. Как могло произойти, чтобы капитан Кук во время пребывания на островах в 1773 году не обнаружил никаких следов ее, несмотря на то, что очень подробно расспрашивал о животных, населяющих сушу, вождей аборигенов? С тех пор Новую Зеландию посетило множество путешественников, и ни один из них не упомянул о гигантском бегуне.

Любопытно, что в том же самом году публикуется двухтомная книга о Новой Зеландии Дж. С. Полаком, который провел два года на восточном берегу Северного острова. В ней упоминается о том, что на острове раньше жила разновидность эму или страуса. «Я убежден, — пишет автор, — что на острове не так давно встречалась птица, останки которой, найденные у подножия горы Хикуруанги, мне довелось видеть. Аборигены рассказывают о давнишней охоте на крупных птиц, но благодаря легкости, с которой те доставались охотникам, птицы эти были повсюду уничтожены».

Заметим, что автор, во-первых, имеет в виду не окаменелые кости, а во-вторых, уверенно говорит о принадлежности их птице, тогда как знаменитому зоологу потребовался для этого тщательный анализ.

В литературе, впрочем, название «моа» впервые было употреблено неким Коленсо.

В 1837 году протестантский миссионер Уильям Уильяме завершил публикацию Нового завета на маорийском языке. Вместе со своим другом и издателем Коленсо они отправились в путешествие по северо-восточной части Северного острова, которое продолжалось два года.

В 1842 году Коленсо опубликовал в «Гасмания газетт» заметки о путешествии, в одной из которой говорилось: «Летом 1838 года я сопровождал преподобного Уильямса во время посещения им племени, живущего в восточной части острова. Когда мы находились в Уэаппу, густонаселенной местности, я слышал от туземцев о чудовищном звере. Одни говорили, что это птица, другие — что это человек, но все они называли его моа. По их описанию, зверь похож на огромного петуха с лицом человека, он живет в пещерах горы Вхакапунаке, и его охраняют два огромных змея. Они бодрствуют, пока моа спит, и набрасываются на каждого, кто приблизится к вотчине чудовища».

Вновь отправляясь по следам фантастической птицы, Коленсо сел на небольшой пароход, который должен был отвезти его в Бедную гавань, но высадился раньше в

Хикс-Бей. Продолжив свое путешествие пешком, он оказался на левом берегу реки Уэаппу, где обитало многочисленное племя нгатипору. В этом районе Коленсо и нашел пять бедренных костей, одну берцовую и одну, которую он не смог определить.

Когда он наконец попал в Бедную гавань, он встретил там своего старого друга Уильямса, который, проведя год в этом районе, собрал довольно богатый урожай диковинных костей. Намереваясь еще больше расширить коллекцию, Коленсо продолжил исследование восточного берега, расспрашивая местных жителей о возможном местоположении остатков чудовищ. В апреле 1842 года он оставил коллекцию сэру В. Хукеру, чтобы тот передал ее профессору Оуэну. В тот же год в музей Королевского колледжа попали многочисленные кости гигантской птицы, собранные Уильямом Уильямсом. Профессор Оуэн смог наконец сделать реконструкцию массивных ног птицы, которую он назвал *Dinornis giganteus*. По его предположению, она должна была превышать в высоту три метра. Остальные кости позволили ему выделить по меньшей мере четыре вида моа разного роста и строения тела.

Вскоре множество останков динорниса были обнаружены на Южном острове. Богатый материал, который включал в себя даже фрагменты яиц, имеющих в высоту до двадцати пяти сантиметров, позволил Оуэну написать о динорнисах монографию, ставшую классической.

Но в какую же эпоху жили птицы, следы существования которых попали в руки ученым?

Если не принимать в расчет легенды аборигенов, время исчезновения птиц можно определить по характеру окаменелости костей и по возрасту слоев грунта, в которых они были найдены.

Отдельные кости относятся, конечно, к давней эпохе, к третичному периоду, то есть времени, удаленному от нас на пятнадцать – тридцать пять миллионов лет. Но большинство костей находится в состоянии относительной «свежести», другими словами, они еще не успели пропитаться минеральными солями. То, что они попадают вперемежку с останками животных, до сих пор встречающихся в Новой Зеландии, позволяет отнести их к недавней геологической эпохе и предположить, что возраст их исчисляется не тысячелетиями, а столетиями.

Известно, что маори достигли берегов архипелага за два-три века до первых белых пришельцев, приплывших с Тасманом в 1642 году. Но мы не можем с уверенностью сказать, застали ли они динорнисов, так как в некоторых особых условиях кости могут храниться, не подвергаясь окаменению, много тысячелетий.

Конечно, можно выдвигать множество аргументов в пользу того, что моа были современниками туземцев. Прежде всего обратили внимание на то, что корень слова «моа» входит в некоторые названия местностей и имена людей. Например, *Pukimoa* (живот моа, или утроба моа), *Taramoa* (шпора моа), *Moawhanganui* (долгожданный моа) и т.д. Словом «моа» называют также кустистую прибрежную траву (*Spinifex hirsulus*), что может объясняться аналогией с псевдомехом страусоподобной птицы.

Наконец Коленсо сообщает, что слово «моамоа» обозначает у аборигенов мелкие отшлифованные камешки, которые попадают иногда в виде кучек. Теперь мы знаем, что такие камешки попадали в желудок динорнисов, но аборигены, выходит, знали об этом раньше нас.

Местные жители убеждены, что моа питаются не чем иным, как воздухом. Здесь уместно вспомнить, что страусы имеют привычку, стоя против ветра, подставлять ему раскрытый клюв.

На Южном острове моа сохранялись дольше

Может быть, маори и не застали на архипелаге гигантских птиц. Так как на островах водились одни птицы, то правомерно предположить, что, найдя где-нибудь в горах огромные кости, аборигены посчитали их птичьими. Тем более что вместе с костями могли попасться и остатки крупных яиц.

Так, в 1865 году английскому натуралисту М.Дж. Стивенсу прислали из Новой Зеландии яйцо динорниса, сохраненное в превосходном состоянии. Если верить веллингтонским газетам, это яйцо, длиной двадцать шесть сантиметров и шириной двадцать, было обнаружено в старой могиле в Кайкуре, в провинции Мальборо. Там же был найден и скелет, зафиксированный в сидячем положении, который держал между ног то самое яйцо.

Если жители Северного острова никогда не встречали моа, то их знания об этой птице настолько точны, что они должны были их получить от очевидцев.

Когда губернатор Фицрой дружески принимал в 1844 году маори в Веллингтоне,

на самом юге Северного острова, один из них, старик восьмидесяти пяти лет, который, по его словам, видел в 1773 году самого Кука, сказал, что наблюдал «последнего моа» за два года до знаменательной даты, то есть в 1771 году.

Другой абориген по имени Кавана Папай сообщил, что пятьдесят лет назад принимал участие в охоте на моа на равнине Ваймате на Южном острове.

По его словам, суть охоты заключалась в том, чтобы окружить зверя и затем убить его копьями. Это было не так просто, как кажется, так как моа отчаянно защищался, нанося страшные удары ногами. Но при этом ему приходилось стоять всего на одной ноге, и охотники применяли следующую тактику: один из них нападал спереди, заставляя зверя поднять ногу, а второй бил по другой длинной палкой. Рассказчик вспомнил также, что аборигены применяли на охоте специальные копья, наконечники которых застревали в теле. Убитую птицу разделявали ножами из обсидиана.

После охоты следовало, разумеется, продолжительное пиршество. Вот почему обломки костей моа так часто встречаются на обоих островах попеременно с остатками кострищ и другими следами древних стоянок.

Но на Южном острове не только попадающиеся останки гигантов оказываются «свежее» и содержат иногда кусочки кожи и перья бурой окраски с белыми кончиками, но и легенды местных жителей отличаются большей достоверностью.

Хохштеттер сообщает, что существовала даже поэма, в которой отец рассказывал сыну о том, как следует выслеживать и убивать моа. В ней говорится, что не умеющих плавать птиц надо загонять на берег реки, озера или моря, где с ними легче справиться. Упоминается еще один способ охоты: перед животным бросают горячие камешки, оно проглатывает их и умирает.

Известно, что страусы с непонятным упорством подбирают с земли и заглатывают блестящие предметы, что рано или поздно приводит к внутреннему кровоизлиянию — это участь почти всех страусов в зоопарках. Вероятно, можно было убить динорниса, бросая перед ним раскаленные добела камни. Во всяком случае, подобный метод, вымышленный он или действительный, мог прийти в голову только тому, кто хорошо знал повадки бескрылых гигантов.

Все говорит о том, что Северный остров был освоен человеком раньше, чем Южный. Следовательно, динорнисы первыми были уничтожены на Северном.

Открытие окаменелого моа и живого такахе

Во время интенсивных поисков моа, предпринятых учеными на Северном острове, опрашиваемые ими аборигены не раз указывали на существование довольно крупной птицы, которую они охотно употребляли в пищу, но которая из-за их прожорливости в конце концов пропала. Она была размером с гуся, не летала, но имела крылья и «настоящие» перья. Называли ее мого.

Никто никогда не встречал следов этой маловыразительной птицы, поэтому ее долгое время считали вымышленной. Только в 1847 году Уолтер Мантелл нашел недалеко от Вейнгонгоро, на Северном острове, череп и несколько костей птицы, обладающей килем.

Он отправил находку в Лондон своему учителю профессору Оуэну, написав при этом, что останки принадлежат, по-видимому, птице, которую маори Северного острова называют мого, а маори Южного острова — такахе. Профессор принял на веру сведения аборигенов и окрестил нового бегуна *Notornis mantelli*.

Обнаружить живого такахе не раз помогала собака

В 1849 году группа охотников на тюленей встала лагерем на острове Резольюшен, чтобы пополнить запасы мяса. Они спустили собак по замеченному на снегу следу крупной птицы и после непродолжительной погони застали обычную для охотников картину: вопящая птица пыталась вырваться из пасти пса.

Это была восхитительно окрашенная птица. Голова и шея ее были сине-фиолетовыми, спина и крылья зелеными, кончики перьев на крыльях голубыми, а область хвоста — белой.

Охотники, не долго думая, отправили добычу на костер, но предварительно аккуратно сняли с нее кожу вместе с оперением, чтобы когда-нибудь выгодно продать. На удивление, покупателем оказался Уолтер Мантелл, отославший оперение в Лондон в качестве доказательства существования исчезнувшей птицы.

В 1850 году такая же птица была поймана на острове Сикретари, неподалеку от предыдущего места. Ее оперение также попало в Англию.

Новая смерть и новое воскрешение такахе

Хохштеттер предпринял в 1858 году попытку найти живую такахе, но ему пришлось ни с чем вернуться в Европу. В дневнике он с разочарованием записал: «С тех пор как в 1850 году был отловлен *Notornis mantelli*, никто больше не встречал этой птицы».

Так и не дождавшись новых свидетельств, европейские ученые сочли род *Notornis* вымершим.

Но ученым и в этот раз помогли собаки. Одна из них, сопровождая охотника на кроликов в провинции Отаго, принесла в зубах в декабре 1879 году еще живую такахе. Ее подвесили у палатки с намерением съесть на следующий день, но, к счастью, тушка попала на глаза проезжавшему мимо натуралисту Конеру, который старательно изготовил скелет редкой птицы и отправил его в Дрезден.

Изучение полного скелета такахе, проведенное в Дрезденском музее, позволило установить, что он значительно отличается от найденных костей мого из Вейнгонгоро. Поэтому пришлось ввести в научный обиход новое название *Nolornis hochstetteri*, которым была наделена птица, живущая на Южном острове.

Новые попытки поймать такахе, имевшие место в районе озера Те Анау, не увенчались успехом. Болотистая местность, покрытая густой растительностью, оказалась совершенно непроходимой для человека.

Только в 1898 году ищейка добыла некоему Россу драгоценную добычу, которую он продал за двести пятьдесят фунтов как «единственную в мире такахе» новозеландскому правительству.

В течение полувека затем эта птица не показывалась на глаза людям. Ученые поверили, что экземпляр Росса был «единственный в мире».

В 1947 году доктор Дж. Орбелл углубился с группой коллег в густые заросли западного берега озера Те Анау, поднялся в горы на высоту девятьсот метров и с удивлением обнаружил небольшое озеро, о котором говорили ему проводники, но которого не было ни на одной карте. Справедливо решив, что в краю, где можно открыть целое озеро, можно встретить и какое-нибудь редкое животное, например такахе, ученый воспрянул духом. Правда, на этот раз ему удалось лишь обнаружить у берега отпечаток, похожий на след птицы размером с такахе.

В ноябре 1948 года, вооружившись кинокамерой, доктор Орбелл вернулся в эти края, и удача улыбнулась ему. В расставленную сеть попались сразу две такахе. Редких птиц засняли на киноплёнку и отпустили.

Кахоу – бермудский буреветник

Во время третьей экспедиции Орбелл сделал много важных наблюдений за жизнью такахе. Оказалось, что эти птицы – исключительные вегетарианцы, строят свое гнездо прямо на земле, где рожают одного совсем черного птенца. Им было замечено двенадцать взрослых птиц. Вся колония, обитающая на прилегающей местности, должна была насчитывать от пятидесяти до ста особей.

История с такахе обнадеживает сторонников гипотезы о нынешнем существовании моа. Скептики возражают: такахе значительно мельче, а кроме того, она хотя бы изредка попадалась на глаза людям, чего нельзя сказать о динорнисах.

Но зоологи знают случай, когда птица, считавшаяся исчезнувшей в течение нескольких веков, появилась в наше время живой и невредимой.

Это произошло с бермудским буреветником кахоу, который, как считалось, полностью исчез между 1609 и 1621 годами вследствие повального истребления колонистами, добывающими на островах птичье мясо и яйца. Хроники того времени сообщали, что моряки, объедаясь мясом кахоу, умирали от несварения желудка.

Только в 1851 году американские орнитологи во главе с доктором Робертом Кушемом Мафи из Американского музея естественной истории заметили на Кастрл-Гарбургских островах обитаемые гнезда кахоу.

Ими были пойманы пять птиц, которых выпустили после детального изучения. Всего на островах насчитывалось семнадцать гнезд, что говорит о том, что популяция довольно многочисленная.

Может быть, моа ожидает та же участь?

Глава 8

ВАЙТОРЕКЕ – «НЕВОЗМОЖНОЕ» МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Случается, что совсем крохотное существо становится поводом для самых невероятных гипотез и споров ученых. Именно такая история произошла с маленьким млекопитающим по имени вайтореке, обнаруженным на одном из островков новозеландского архипелага.

Как известно, Новая Зеландия была связана с Австралией до юрского периода, то есть в ту эпоху, когда на суше безраздельно господствовали рептилии. Территории были разделены до расцвета сумчатых, имевшего место в следующий период. На основе чего делается этот вывод? На основе изучения геологических слоев и остатков животного мира. В Новой Зеландии не обнаружено никаких следов исконных млекопитающих. Если будет доказано существование исконного новозеландского млекопитающего, то время отрыва архипелага от остальной суши сдвинется на несколько десятков миллионов лет. Действительно ли вайтореке – млекопитающее? Об этом говорит по крайней мере меховой покров зверька.

Читатель наверняка решил, что в поисках сенсационного млекопитающего сотни натуралистов бросились прочесывать новозеландские острова. Ничего подобного не произошло. Большинство специалистов о нем никогда и не слышали, а те, кто знаком с разрозненными упоминаниями, предпочитают закрыть глаза на возникающие в связи с его появлением противоречия. Первым о нем услышал, вероятно, Уолтер Мантелл в 1855 году. Когда он находился поблизости от прибрежного городка Ти-мару, один из маори сообщил ему, что в пятнадцати километрах от берега живет существо со светлым мехом. Оно появляется только ночью, но местным жителям удавалось заметить его у водопоя. Мантелл пообещал за поимку зверя хорошее вознаграждение, но несмотря на большое количество желающих, эта затея не удалась. Фердинанд фон Хохштеттер в своей книге о Новой Зеландии, вышедшей в 1863 году, отвел место и таинственному вайтореке. «Этот зверь, – писал он, – до сих пор не изучен, так как не ясно даже, выдра это или тюлень. Согласно утверждению Ж. Хааста, существование его сегодня установлено неоспоримо: он живет в ручьях и озерах горной цепи Южного острова. Размерами напоминает крупного дамана и обладает блестящей шкуркой. Скорее всего, его следует отнести к выдрам».

Хохштеттер получил от своего друга Хааста еще некоторые сведения. В июне 1861 года тот прислал ему письмо, в котором указывалось: «На высоте 1000 метров над уровнем моря я часто встречал его следы (вайтореке) возле главного русла реки Ашбертон (Южный остров), в местах, где человек практически не появляется; следы напоминают следы нашей европейской выдры, только они несколько мельче. Помимо этого зверь был дважды замечен пастухами, пасущими овец вдоль берегов озера Герон недалеко от Ашбертона, на высоте 650 метров».

Конечно, зверек, которого замечают ночью на водопое, должен иметь мало общего с существом, похожим одновременно на выдру и тюленя. Или речь идет о двух разных животных? Больше верится в существование водяного зверя, к тому же его видели не аборигены, а европейцы.

Те малые данные, которыми мы располагаем, позволяют выдвинуть три гипотезы. Либо это совершенно неизвестное науке существо, либо это выдра, либо это утконос.

Калан, полюбивший теплые воды

Если предположить, что вайтореке – морская выдра и прибыл когда-то на острова морским путем, то эта гипотеза соответствует нашим представлениям о времени отделения Новой Зеландии от остальной суши. Действительно, морская выдра (*Enhydra lutris*), которая может жить только в воде и не выходить на сушу даже для выведения потомства, могла совершить длиннейшую миграцию и оказаться в другом полушарии. Несмотря на то, что живет этот зверь в северных водах Тихого океана, его встречали гораздо южнее. В 1938 году стадо из 400 особей заметили у берегов Калифорнии. Неумолимый путешественник Стэни, который обогнул земной шар не один десяток раз, видел множество каланов у южных берегов Чили. Вероятно, эти звери иногда совершают миграции на огромные расстояния.

Можно предположить, что во время одной из таких миграций выдры добрались до Новой Зеландии через весь Тихий океан, несмотря на большую опасность путешествия, мимо многочисленных островов. Их могло подхватить у экватора течением и отнести к восточному берегу Австралии, а затем и к Новой Зеландии, откуда возвратиться в родные края они уже не смогли.

Или это утконос?

На выдру похож, как мы уже отмечали, необычный австралийский зверек с утиным носом. Почему бы ему не обитать на соседних островах? «Часто сумчатых млекопитающих рассматривают как родоначальников плацентарных, — пишет Жан Пивето, палеонтолог из Сорбонны, — но независимый от предубеждений анализ показывает, что это не так. Две рассматриваемые группы млекопитающих развивались независимо друг от друга и по-разному адаптировались к условиям среды». Что касается однопроходных животных, то они имеют даже отличное от других млекопитающих происхождение. В их черепе и скелете находят черты рептилий, что позволяет предположить их происхождение от пресмыкающихся, тогда как другие млекопитающие скорее всего происходят от земноводных. Изучение мозга, сердца и диафрагмы однопроходных, к которым относится и утконос, говорит о том, что это все-таки млекопитающие, но те из них, которые раньше других пошли по пути обособления.

Мы почти ничего не знаем о предках однопроходных. Мы только можем с той или иной степенью вероятности предположить, что в юрский период наблюдался расцвет пресмыкающихся с чертами млекопитающих, вероятно, тогда и появились первые однопроходные. Отдельные виды их могли попасть на острова, когда они еще были связаны с Австралией. Таким образом, многое говорит о том, что если в пределах новозеландского архипелага и обитает исконное млекопитающее, то оно, вероятнее всего, относится к однопроходным. И раз уж установлено, что оно имеет облик выдры, то его разумнее всего было бы считать утконосом. Во всяком случае, это объяснение также находится в соответствии с нашими представлениями о трансформации земной поверхности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЗАГАДОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ЗЕЛЕННОГО КОНТИНЕНТА

Вот здесь, на плоскогорье Мату-Гросу, — он показал сигарой место на карте, — или в этом углу, где сходятся границы трех государств, меня ничто не удивит...
А. Конан Дойл. *Затерянный мир*

Глава 1
ГИГАНТСКИЙ ЛЕНИВЕЦ ПАТАГОНИИ

Когда конкистадоры впервые ступили на берега Южной и Центральной Америки, они предполагали встретить там огромных чудовищ, подобных толстокожим гигантам и крупным хищникам Африки и Индии, поскольку им казалось, будто они сошли на земли, лежащие где-то далеко на Востоке, однако их ожидало легкое разочарование. И если в трудах тогдашних летописцев мы не находим тому никаких подтверждений, то объясняется это, по всей вероятности, тем, что главным предметом их восхищения была удивительная окраска представителей тамошней фауны. Пораженным путешественникам недоставало слов, чтобы описать все великолепие пестрого, отливающего всеми цветами радуги оперения попугаев, туканов, колибри, кетцалей и манакинов. Теперь понятно, что именно благодаря восторженным впечатлениям первопроходцев Бразилию нарекли Землей попугаев.

Хотя Новый Свет — а своеобразие его животного мира неоспоримо свидетельствовало о том, что он действительно новый, — считался прежде всего раем разноцветных пернатых, тем не менее и насекомые, и земноводные, и пресмыкающиеся также отличались богатством расцветки. Даже обезьяны, известные во всем мире как неприглядные твари, поражали несравненной грациозностью и невероятным изобилием мастей: тамарины, крохотные львиные игрунки розалии, казалось, были покрыты не шерстью, а золотистым, огненно-красным и бледно-розовым шелком; шубки некоторых видов красномордых мармозеток отливали чистейшим серебром; а саймири, дивные беличьи обезьянки с прелестными аспидно-серыми мордочками, благодаря своему зеленоватому наряду с ярко-желтыми манжетами были самыми очаровательными из всех обезьян. Попробуйте отыскать в этом эдеме, полном чудес, чемпионов в тяжелом весе!

Мир, в котором все наоборот

Тем не менее факт остается фактом: Южная Америка, Мексика и Антильские острова (образующие, согласно классификации английского ученого Уоллеса,

естественную зоологическую область, так называемую неотропическую зону) с самого начала предстали перед взором натуралистов как земли, населенные мелкими животными. Лама, самое рослое из всех четвероногих этой области, была похожа на маленького, хрупкого безгорбого верблюда: по сравнению с жирафой она выглядела сущим карликом.

Среди оленей встречались только малорослые виды со слабо разветвленными рогами: американский олень (*Odocoileus*), мазама (*Mazama*) и пуду (*Pudu*), самые маленький из всех, поскольку его высота в холке достигает лишь 37 сантиметров. Тапир – самое крупное из местных млекопитающих, оказался совсем невзрачным на вид и не шел ни в какое сравнение со своими далекими африканскими и азиатскими собратьями – слонами и носорогами. Пекари представляли собой не что иное, как мелкую разновидность дикой свиньи. Ягуары и пумы, или кугуары, впечатляли куда меньше, нежели тигры и львы. В неотропической зоне, в эквадорских и боливийских Андах, обитал только один вид медведей – очковый медведь (*Tremarctos ornatus*), он был небольшой как по весу, так и по росту. Что касается американских обезьян, то ни одна из них не могла соперничать ни по весу, ни по росту с гориллами или орангутанами. Отсчет рекордам здесь ведется, скорее, с другого конца шкалы роста – и обладателем титула чемпиона в этом смысле является карликовый игрунок (*Cebuella rufina*), который целиком умещается на ладони.

Зато в мире пернатых наблюдается несколько иная картина: Южная Америка может гордиться тем, что там еще водится самая крупная из килевых (летающих) птиц – знаменитый кондор (*Vultur gryphus*), достигший 1 метра 20 сантиметров в длину, с размахом крыльев 2 метра 75 сантиметров. Упомянем также и самую большую из бегающих птиц – страуса нанду. Однако численность этого вида уже сократилась на добрую треть, поэтому наиболее характерным представителем неотропической орнитофауны можно считать колибри: семейство этих птиц распространено здесь повсеместно.

Любопытно отметить, что среди млекопитающих Южной и Центральной Америки, в целом не выделяющихся своими размерами, встречаются и сравнительно крупные экземпляры. Именно там можно увидеть великанов из группы грызунов, так называемых полукопытных: паку, агути, а также главного и бесспорного чемпиона – водосвинку, или водяную свинку (*Hydrochoerus carubara*), представляющую собой разновидность гигантской перепончатопалой морской свиньи, иногда достигающей метра в длину и весящей до семидесяти килограммов. Среди насекомых, обитающих на Кубе и Гаити, следует упомянуть редчайшего представителя щелезубых – амьмикви (*Solenodon paradoxus*), внешне похожего на ушастую бурозубку, но весящего как европейский домашний кролик; один только его хвост достигает в длину двадцати сантиметров.

В этом необыкновенном и удивительном мире великанов можно встретить разве только среди карликов. Такая особенность, в общем-то, характерна и для остальных зоологических групп, в частности для насекомых и других членистоногих. Размах крыльев некоторых южноамериканских бабочек достигает пятидесяти сантиметров; там встречаются осы и муравьи размерами с мышь (например, страшная тукандера), а самый крупный из пауков паук-птицеед (*Gramostola*), размах лап которого достигает около двадцати семи сантиметров, а длина тела – девяти сантиметров, легко справляется с курами и Змеями, иногда ему даже удается убить кролика.

Что же это за удивительная страна, где птицы по размерам сродни шмелям, а обезьяны – мышам, где крысы такие же огромные, как свиньи, бурозубки – как кролики, а бабочки – как голуби!

Неуязвимый великан техуэльче

Между тем в неотропической области обитает группа млекопитающих, чьи размеры не идут ни в какое сравнение с представителями фауны других зоогеографических зон: это – ксенартры, к которым относятся муравьеды, ленивцы и броненосцы.

Некогда всех млекопитающих, у которых якобы отсутствовали зубы – на самом деле у них просто не было заметно передних зубов, – произвольно отнесли к отряду неполнозубых.

Однако к этому отряду можно причислить только муравьедов. У всех же остальных представителей, помимо полного отсутствия резцов и клыков, наблюдается дегенерация зубов, поскольку они лишены эмали.

Так, изначально трубкозуб, или «аардварк» (земляная свинья, как его называли трансваальские буры), а также африканский и южноазиатский ящеры

оказались в одной группе с американскими неполнозубыми. Эта классификация существовала до тех пор, пока анатом Джилл не установил, что у американских неполнозубых совсем иное строение позвоночника, нежели у их собратьев из Старого Света: последний грудной и первый поясничный позвонки сочленяются у них совершенно особым образом, кроме того, сочленение всех позвонков в позвоночнике обеспечивается за счет дополнительных отростков. Такая особенность позволила объективно разделить отряд неполнозубых на два подотряда – панголинов, или номартров, с обычным сочленением позвонков (от греческого «*nomos*» – «обычный» и «*arthros*» – сочленение), и «ксенартров», с необычным сочленением позвонков (от греческого «*xenos*» – странный, необычный).

Тогда же в подотряде панголинов произошло еще одно деление: трубкозубых, наделенных настоящими копытцами, множеством бугорчатых зубов и рядом других признаков толстокожих, присоединили к большому отряду копытных, а панголины пополнили отдельный, специально образованный для них отряд ящеров, который покуда не нашел себе места на генеалогическом древе млекопитающих. Одним словом, неотропическая область представляет собой единственную в своем роде зону, населенную представителями нового отряда ксенартров. Они действительно органически входят в состав животного мира этой своеобразной зоологической области.

По размерам эти странные, фантастические животные значительно отличаются друг от друга. Среди муравьедов выделим самого крупного представителя данного семейства – гигантского муравьеда (*Murmesophaga jubata*), достигающего в длину 2 метров 40 сантиметров благодаря веерообразному хвосту, такому же длинному, как и все тело, и самого маленького – карликового муравьеда (*Ciclothuras didactylus*), который выглядит не больше белки. Размеры броненосцев, закованных в латы, словно средневековые рыцари, колеблются от 1 метра 50 сантиметров – гигантский броненосец (*Priodontes gigas*) – до 15 сантиметров – карликовый представитель этого семейства пла-щеносый броненосец (*Chlamyphorus truncatus*). Что касается ленивцев, самых флегматичных из всех млекопитающих, то по размерам они не превышают молодого шимпанзе.

В общем, среди ксенартров встречаются экземпляры внушительных размеров. Небезынтересно отметить, что лошади и быки, завезенные в Южную Америку первопоселенцами, вполне достойны того, чтобы называться великанами.

Стало быть, большинство животных неотропической области, как правило, отличаются средними размерами. Вот почему, несмотря на то, что значительная часть Южной Америки до сих пор еще недостаточно хорошо изучена и исследована, ученые менее всего склонны верить априори бытующим здесь легендам о каких-то гигантских животных.

Так, в Патагонии некоторые путешественники слышали от индейцев техуэльче [Магеллан назвал этих высокорослых индейцев, чей рост колеблется от 168 до 180 сантиметров, «патагонцами» (что по-испански означает «большегогие»), так как они носили обувь из шкур ламы. «Техуэльче» – название, данное индейцам их соседями арауканами, которые сами себя называли цонексами.] странный рассказ о каком-то крупном ночном звере, о котором нет ни единого упоминания в нынешней номенклатуре животного мира Южной Америки.

Индейцы рассказывали о громадном, как бык, хотя и с короткими лапами, звере, покрытом густой шерстью, проворном, агрессивном и страшном. Как и муравьед, он вооружен огромными когтями, загнутыми наподобие крючьев. С помощью когтей, как утверждают техуэльче, он роет огромные норы и забирается туда спать на целый день – вот почему его редко кто видел.

Согласно некоторым предположениям, таинственный зверь техуэльче отличается повадками земноводного. Насчет его агрессивности высказываются различные мнения, тем не менее все индейцы единодушно считают его существом, которого не берут ни пули, ни стрелы.

Странно, но именно эта, кажущаяся на первый взгляд невероятной, неуязвимость заставляет, как ничто другое, верить в существование чудовища.

О том, как было обнаружено чудовище, которое называли мегатерием

Недоверие, с которым иные скептики относятся к подобному рода домыслам, рассеивается, как только они узнают, что в былые времена в Южной Америке действительно водились гигантские млекопитающие. Первые неоспоримые доказательства тому были получены в 1789 году.

Именно тогда в прибрежных топях реки Лухан, неподалеку от Буэнос-Айреса,

были обнаружены останки гигантского животного, по размерам напоминавшего слона.

Эта находка поразила всех, кроме пеонов: по их словам, то были кости гигантского крота, который выбрался на поверхность земли и, по несчастью, погиб от солнечных лучей [Интересно отметить, что точно такие же легенды существуют в Сибири и Китае, и говорится в них о скелетах мамонтов, оказавшихся на поверхности земли в результате таяния ледников, в толще которых они прекрасно сохранились в первозданном виде].

Такое довольно наивное объяснение, разумеется, мало кого могло удовлетворить. И маркиз де Лоретто, тогдашний вице-регент колонии, распорядился отправить найденные останки королю Карлу IV. А тот передал их в дар Мадридскому королевскому музею, где они были препоручены заботам естествоиспытателя Хосе Корриги.

Хосе Коррига собрал скелет чудовища буквально по косточкам и потом подробно его описал. Результаты проделанной им кропотливой работы, опубликованные только в 1779 году, повергли в изумление весь ученый мир. А Гёте даже посвятил этому чудовищу отдельный труд, который кое-кем был оценен как первый опыт в создании теории эволюции. Между тем испанского ученого посетил один французский дипломат, пожелавший приобрести пять гравюр с изображением скелета животного, чтобы передать их Парижскому музею естественной истории; эти гравюры были сделаны Хуаном-Батистой Бру как иллюстрации к предварительному описанию ископаемого гиганта. Молодой натуралист Жорж Кювье, имя которого в то время было предметом всевозможных толков, увидел в этих документах лишний повод, чтобы прославиться еще больше. Обладавший некоторыми познаниями в сравнительной анатомии и отличавшийся необыкновенной дерзостью, этот ученый, которому суждено было стать «отцом палеонтологии», попытался на основании простых рисунков найти чудовищу достойное место в зоологической классификации. Но стоит ли тому удивляться? Ведь, как отзывался о Кювье другой французский зоолог и анатом Анри Бленвиль, «он страстно рассуждал и писал о самых разных науках, даже не удосужившись как следует их изучить; ему было достаточно побеседовать с людьми просвещенными или получить от них соответствующие документы, после чего он со знанием дела принимался что-то связывать или разъединять, отдавая своему занятию столько душевных сил, что иным казалось, будто только ему одному и принадлежит знание истины». Подобное легкомыслие, помноженное на изрядное самомнение, непременно привело бы честолюбца к серьезным заблуждениям, что ему, впрочем, сошло бы с рук, так как он умел всегда выходить сухим из воды, однако на сей раз он попал, что называется, в яблочко, и это только еще больше упрочило его славу.

В достопамятном отчете для Академии наук Кювье торжественно назвал зверя, в котором он распознал разновидность «гигантского ленивца», мегатерием (от греческого «мегас» – большой и «тер» – животное, в смысле «млекопитающее»).

«Судя по зубам, – утверждал он, – можно считать, что мегатерий употреблял растительную пищу, а сильные передние лапы животного, вооруженные острыми когтями, свидетельствуют о том, что оно питалось главным образом корнями растений. Благодаря внушительным размерам и огромным когтям зверь мог за себя постоять. Передвигался он медленно, так как торопиться ему было некуда, поскольку он никого не преследовал и ни от кого не убегал...»

Убежденный в том, что современная наука располагает исчерпывающими сведениями о гигантских представителях ископаемой фауны, Кювье полагал, будто это чудовище погибло, более того – будто оно погибло вследствие великого катаклизма, потрясшего Землю задолго до появления на ней человека. Поэтому, ничтоже сумняшеся, он вывел следующее умозаключение: «Определить истинные причины исчезновения этого животного, основываясь только на его внешнем описании, довольно сложно. Однако если чудовище все же сохранилось, почему его не видели ни охотники, ни естествоиспытатели, и где в таком случае оно скрывается?»

Судя по некоторым признакам, мегатерия можно причислить к различным родам неполнозубых. У него голова и плечи ленивца. А необычной формой лап он напоминает и муравьеда, и броненосца.

Тем не менее тот факт, что мегатерий сочетает в себе признаки разных представителей неполнозубых, может поразить разве что невежду, поскольку, как известно, с точки зрения анатомии, все эти животные устроены почти одинаково. Но во времена Кювье всех удивляли главным образом необычные размеры зверя, действительно похожего на слона. Когда мегатерий вставал на задние лапы, его рост составлял 5 метров!

В отличие от современных ленивцев такое животное не могло жить на

деревьях. Судя по тому, что мы знаем о нем сегодня, оно выглядело как огромный лохматый медведь со страшными, точно серпы, когтями. Стоять на задних лапах для него, видимо, было делом привычным. Об этом свидетельствует наличие у чудовища тяжелого мощного хвоста, строение его таза и задних конечностей, служивших ему надежной опорой, а также структура его позвоночника. Впрочем, в Карсон-Сити, штат Невада, были найдены гигантские отпечатки следов, подтверждающие такое предположение [Эти следы, запечатлевшиеся на твердом камне, были обнаружены во дворе местной тюрьмы. Долгое время все считали, что их оставил какой-то доисторический великан, поскольку по виду они напоминали отпечатки человеческой ноги.]. Если иногда зверь и опирался на передние лапы (подобно кенгуру, когда он не скачет, а передвигается не торопясь), то их упор был настолько слабым, что тяжеловесными задними лапами он сразу же затапывал следы передних.

Благодаря высокому росту мегатерий мог питаться листвой деревьев, за ветви которых, по всей видимости, он крепко цеплялся своими когтистыми лапами, что позволяло ему поглощать пищу неторопливо и без лишних усилий. С помощью острых когтей он, вероятно, был способен вырывать с корнем очень высокие деревья, чтобы полакомиться их листьями. Конечно, у него хватило бы сил свалить дерево, однако валить деревья ему случалось нечасто – видимо, потому, что, отличаясь вялостью, как и его младшие собратья – двухпалые и трехпалые ленивцы, – он просто не хотел перенапрягаться.

Человек – современник гигантских неполнозубых

Пораженные огромными размерами и необычным видом зверя, естествоиспытатели конца XVIII и большей части XIX века единодушно полагали, что он не мог сохраниться до наших дней. Они установили, что мегатерий вымер в третичном периоде, так же как ископаемый слон – мамонт или носорог, которые, согласно теории «тектонической революции Земли» (Кювье), исчезли в минувшую геологическую эпоху. Во всяком случае, человек не мог застать это чудовище на своем веку.

Как бы то ни было, а восхищенный описанием фантастического животного, испанский король Карл IV повелел чиновникам в заморской колонии доставить ему чудовище живым или мертвым. Над этой королевской прихотью потешалось не одно поколение палеонтологов.

Однако с тех пор был сделан ряд открытий, говоривших о том, что монарх оказался куда ближе к истине, нежели ученые мужи. Ни один зоолог не посмел бы нынче поклясться в том, что высочайшую волю короля невозможно было исполнить хотя бы частично, отослав ему, за неимением останков мегатерия, скелет любого другого представителя семейства неполнозубых, только меньших размеров. В самом деле, мегатерий не единственный великан из группы ленивцев, объединенных общим названием «гравиграды». В пампе и прилегающих к ней областях гравиграды были представлены несколькими видами гигантских животных, среди которых следует назвать милодонов (милодон, глоссотерий, грипотерий), очень похожих на мегатериев, если не считать того, что размерами они были примерно с быка и имели длинный хвост.

Теперь легенда индейцев техуэльче кажется более правдоподобной. И подтверждением тому стали другие, более поздние открытия.

Так, со временем выяснилось, что, хотя гигантские гравиграды и отличались невероятными размерами, они были не самыми древними ископаемыми по сравнению с толстокожими, некогда обитавшими на территории нынешней России. В конце концов зоологи даже признали, что толстокожие, жившие в четвертичный период, были современниками человека, так как в пещерах первобытных людей были обнаружены наскальные изображения этих доисторических животных.

Учитывая явно молодой возраст суглинков пампасов и прилегающих к ним областей, где находили останки мегатериев и других не менее крупных животных, было решено отнести этих ископаемых гигантов к минувшей геологической эпохе, то есть к позднему плейстоцену, и даже к современной эпохе – голоцену. Иными словами, считалось, что они жили по меньшей мере 30 000 лет назад. Однако, поскольку раньше чуть ли не все ученые полагали, что человек пришел в Америку через Берингов пролив гораздо позже – примерно 12 тысяч, самое большее 20 тысяч лет назад, в XIX веке уже называли не столь отдаленные времена, – сначала никому и в голову не пришло, что человек мог быть современником этих чудовищ. В поддержку данной точки зрения выдвигался следующий «убийственный» довод, по крайней мере таковым его считали некоторые: никто из специалистов по истории первобытного общества не мог представить ни одного нарисованного изображения

гигантских неполнозубых, сравнимого с наскальными рисунками в пещерах Франции, на которых были изображены мамонты и олени.

Тем не менее в 1870 году ученые собрали первые доказательства того, что первобытные люди, некогда населявшие территорию Южной Америки, были современниками некоторых вымерших видов гравиградов. На террасе небольшой долины протока де Фриас, неподалеку от Мерседеса, знаменитый аргентинский палеонтолог Флорентино Амегино обнаружил наряду с плохо сохранившимися останками человека, отточенными камнями, кусками угля и обработанными костями животных скелет гигантского чудовища – глиптодонта.

Глиптодонт (глиптодон) относится к гигантским броненосцам, а не к ленивцам. У этого животного был огромный и крепкий, как у черепахи, панцирь, достигавший в длину 4 метров. Другие части его тела, не прикрытые панцирем, были надежно защищены прочными, словно латы, пластинами, а массивный хвост одного из его видов (додикюра) заканчивался, наподобие грозной булавы, усеянным шипами шарообразным наростом.

Короче говоря, своим видом чудовище напоминало в буквальном смысле танк.

В 1881 году неподалеку от Рио-Арресифер профессор Сантьяго Рот обнаружил хорошо сохранившийся скелет человека, лежавший то ли под панцирем глиптодонта, то ли поблизости от него. Другие подобные находки – установленные под углом или перевернутые панцири, безусловно отмеченные следами человеческой деятельности, заточенные кремни и остатки кострищ, оборудованных под такими куполообразными укрытиями, – свидетельствовали, что первые люди Зеленого континента использовали останки глиптодонтонтов для обустройства жилищ либо мест погребения.

Излишне говорить, что вокруг этих находок, ставивших под сомнение общепризнанные в то время теории, разворачивались самые горячие споры. Примечательно, что в ходе таких ожесточенных обсуждений отстаивались совершенно противоположные точки зрения, в зависимости от принадлежности к той или иной науке: некоторые антропологи были не согласны с тем, что человек появился на Американском континенте в столь древнюю эпоху – в то время, когда там обитали гигантские неполнозубые, а иные палеонтологи не могли допустить, что последние дожили до прихода человека в Южную Америку, то есть до совсем недавнего времени. Первые отказывались признать древность человеческого рода, а вторые – «молодость» гигантских неполнозубых. В действительности, как мы увидим дальше, ошибались и те, и другие.

Если вопреки здравому смыслу еще можно было утверждать, что современные индейцы использовали для своих нужд панцири ископаемых глиптодонтонтов, то после того как были найдены останки гравиградов, обработанные грубыми орудиями, все сомнения разрешились сами собой: было очевидно, что сначала первобытные люди съели мясо животного, а потом раскололи его кости, чтобы извлечь костный мозг.

Однажды на дне глубокой ямы, вырытой, судя по всему, в древние времена, был обнаружен скелет гигантского ленивца, и по его положению удалось весьма точно установить, при каких обстоятельствах погиб этот исполин. Кости четырех лап животного, прекрасно сохранились, а почти вся средняя часть скелета была разрушена – от нее остался лишь пепел, перемешанный с древесным углем. Было ясно, что "ленивец угодил в западню, и люди, не сумев вытащить великана из ямы, там же его и изжарили, разведя костер прямо под ним.

На сей раз вопрос о том, был ли человек современником мегатерия, удалось решить положительно без лишних споров. Оставалось уточнить лишь одну важную деталь: когда вымер мегатерий?

По самым точным подсчетам, первые люди пришли на Аляску около 12 тысяч лет назад, то есть за 10 тысяч лет до Рождества Христова. Допустим. Но когда они дошли до самой крайней точки Южной Америки и обосновались там? Вероятно, несколько тысячелетий тому назад. Скажем, за 7 тысяч лет до Рождества Христова.

[В пещере Пальи-Эке, неподалеку от Магелланова пролива, были найдены остатки кострищ, где сохранились частично раздробленные кости дикой лошади, гуанако и милодона. Ученые Либби и Арнольд радиоуглеродным методом смогли с точностью установить возраст – 8700 лет.]

Стало быть, предки южноамериканских индейцев могли охотиться на гигантских неполнозубых и питаться их мясом не только в доисторические времена, но и в более близкую к нам эпоху. Однако вопрос о том, когда же вымерли эти чудовища, по-прежнему оставался нерешенным.

Но была ли, в конце концов, такая уж необходимость определять точное время их исчезновения? За несколько столетий ученые уже настолько свыклись с мыслью, что человек не мог быть современником гигантских ленивцев, что, если бы даже и

было установлено обратное, они все равно не изменили бы точку зрения, тем более что речь шла о животных доисторических, давно вымерших.

В наши дни, разумеется, еще никому не удавалось выставить хотя бы одного из этих зверей в зоопарке или подстрелить на охоте. Но что это доказывает? Патагония – огромная страна, в свое время она была мало изучена, а расположенная на ее территории Боскоса, лесистая область, протянувшаяся от пампасов до Кордильер, и подавно.

Да и потом, существует легенда техуэльче. Конечно, может показаться, что они унаследовали ее от своих далеких предков, пришедших в эти места в незапамятные времена, однако сами-то индейцы утверждают, что это не так. В чем же тогда дело?

В 1898 году произошло сенсационное событие.

Мог ли гигантский ленивец сохраниться до наших дней?

В том году профессор Флорентино Амегино из Национального исторического музея в Буэнос-Айресе пережил самое сильное потрясение в овоей жизни – это случилось после того, как один человек показал ему привезенные из южной Патагонии несколько косточек размером с фасоль и попросил определить, какому животному они могут принадлежать.

Кости были извлечены из куска шкуры двухсантиметровой толщины, покрытой длинной бурой шерстью, откуда они выступали наподобие бульжников, какими мостят улицы. Эта шкура, вероятно, принадлежала крупному земляному ленивцу, однако аргентинский ученый смог установить ее происхождение еще более точно.

Действительно, к тому времени в области палеонтологии уже был сделан ряд открытий, благодаря которым естествоиспытателям стало известно, что тело милодона, псевдолестодона и глоссотерия было со всех сторон защищено такими костяными наростами. Согласно предположениям ученых, эти наросты образовались в верхнем слое твердой, как у броненосца, кожи животного. А в останках мегатерия, лестодона и сцелитодона ничего подобного не наблюдалось. По форме и размерам костных узелков профессор Амегино определил, что кости были извлечены из еще свежих останков животного, родственного милодону.

Выходит, что техуэльче говорили правду. Описываемое ими таинственное четвероногое с когтями, о котором профессору Амегино доводилось слышать не раз, вполне соответствовало представлениям ученых о ленивце-великане, считавшемся давно вымершим.

Для Флорентино Амегино, отличавшегося смелостью и неординарностью суждений – хотя его хулители зачастую отзывались о нем как о человеке безрассудном, склонном делать скоропалительные выводы, – всего этого оказалось вполне достаточно. И в 1898 году он опубликовал первое небольшое исследование, посвященное «живому представителю ископаемых неполнозубых гравиградов Аргентины».

Надо сказать, что знаменитый палеонтолог имел все основания, чтобы заявить об этом совершенно определенно. Дело в том, что один из его друзей, Рамон Листа, государственный секретарь Аргентины, а кроме того, известный географ и путешественник, несколько лет назад собственными глазами видел зверя, удивительно похожего на животное, описанное Амегинр.

Однажды во время экспедиции в глубь провинции Сайта-Крус, что на юге Патагонии, дон Рамон и его спутники действительно наблюдали странное четвероногое, по облику и размерам напоминавшее азиатского ящера (Manis). Однако в отличие от всякого уважающего себя ящера этот экземпляр был покрыт длинной бурой шерстью, а не чешуйчатými пластинами. Листа был уверен, что перед ним не ящер – совершенно не известный в Новом Свете, – а некое неполнозубое, родственное, насколько он мог судить, ящерицу. Путешественники несколько раз выстрелили в зверя, но выстрелы, видимо, не причинили ему никакого вреда, и он поспешил скрыться в зарослях кустарника; создавалось впечатление, будто пули его совсем не брали.

Выходит, что и в этом случае техуэльче оказались правы. Однако в то время было известно, что некоторые виды гравиградов защищены надежной броней, поэтому неудивительно, что этот зверь мог быть неуязвим для стрел и даже для пуль. Теперь легенда техуэльче уже не выглядела фантастической и невероятной!

«Несмотря на то, что Листа известен как обладающий широкими познаниями путешественник и тонкий наблюдатель, – признавался тогда профессор Амегино, – я всегда считал, что он ошибся и стал жертвой собственного воображения».

Но, как оказалось, никакой игры воображения здесь не было. Собрав воедино все известные ему факты, знаменитый аргентинский ученый пришел к заключению, что гравиград, покровные кости которого попали к нему в руки, и зверь, увиденный его другом, принадлежат одному и тому же виду. Этот зверь, очевидно, был сродни милодонту (милодону) — длиннохвостому земляному ленивцу, поразительно похожему на ящера.

Сразу же уточним, что милодонту было далеко до огромного мегатерия, но по сравнению с китайским ящером он был не такой уж и маленький: размеры его тела вместе с хвостом, достигающим 55 сантиметров в длину, не превышали 1 метра 30 сантиметров. Однако техуэльче рассказывали о довольно крупном звере — быть может, дон Рамон видел молодую особь милодонта? Как бы там ни было, а тот факт, что земляной ленивец мог сохраниться до наших дней, с точки зрения зоологии представлял несомненный интерес. Однако здесь следует отметить, что, давая первое описание этого таинственного зверя в 1898 году, профессор Амегино был далек от того, чтобы сравнивать его с милодонтом, напоминаясь размерами быка.

Как раз в то время, когда у видного аргентинского палеонтолога оказался так поразивший его кусок шкуры, дон Рамон Листа, проводивший научные изыскания на берегах реки Пилькомайо, пал от рук индейцев тоба, которые в 1882 году точно так же убили французского путешественника Крево вместе с двадцатью двумя его спутниками. В память о погибшем друге Амегино назвал восстановленный им экземпляр маленького милодона «неомилодоном Листы».

Работа аргентинского ученого произвела эффект разорвавшейся бомбы, газеты всего мира пестрели сенсационными заголовками типа «Мегатерий, гигантский ископаемый ленивец Патагонии, жив!»

А в Южной Америке, куда одни во весь голос восхищались невероятной живучестью доисторического зверя, другие уже чистили карабины, поговаривая, что пора бы уже заполучить «мегатерия» в качестве охотничьего трофея. «Неуязвимый милодон» был у всех на устах, и один журналист, решивший пощекотать нервы читателям, представил этого зверя как некое ужасное чудовище, окрестив его «гигантским страшилищем Патагонии».

Как мы скоро увидим, этот газетчик даже не подозревал, что попал не в бровь, а прямо в глаз.

Невероятный трофей капитана Эберхардта

Необходимо было как можно скорее выяснить, откуда взялся свежий кусок шкуры, о котором профессор Амегино, заметим, пока не мог сказать ничего определенного. Вскоре загадка была разрешена, поскольку обладателями точно таких же кусков шкуры стали многие другие ученые: в частности, один из них в 1896 году попал в руки к знаменитому шведскому исследователю Отто Норденшельду, а другой — к директору Лаплатс-кого музея доктору Франсиско П. Морено, который заполучил его в январе 1899 года.

Оба эти куска были отрезаны от шкуры длиной 1 метр 50 сантиметров и шириной 70–80 сантиметров, висевшей на дереве, которое росло на земле, принадлежавшей немецкому моряку, капитану в отставке Эберхардту, — таким оригинальным способом он обозначил границу своих владений. Эберхардт поселился на крайней южной точке Южной Америки — в Шеменайкене, что на берегу Рио-Гальегос, впадающей в Магелланов пролив, где он на старости лет решил заняться фермерством.

Какому животному могла принадлежать эта шкура? Корове, говорили одни, ламе, утверждали другие. Во всяком случае, это могло быть животное, пораженное странной болезнью кожи... Никому, однако, так никогда и не удалось узнать, что же это был за зверь. Не знал этого и сам Эберхардт, наткнувшийся в январе 1895 года на его останки в огромной пещере, которую он обследовал вместе со своими друзьями — капитаном корабля Хосе А. Мартином, инженером Луисом А. Альваресом и двумя поселенцами, фон Хайнцем и Гриншильдом.

Эта гигантская, размерами с собор, пещера, где исследователи, кроме того, нашли человеческий скелет, лежавший в небольшом углублении в стене, располагалась на берегу маленького фиорда, который местные жители называли каналом Последней надежды.

Последняя надежда... В этом названии крылось некое предначертание.

Бесспорным было одно: эту шкуру, тщательно свернутую в рулон изнанкой наружу, закопал человек.

С виду она оказалась свежая, но была грубая, и бывший моряк, не найдя

лучшего применения, решил украсить ею уголок ранчо. Поскольку эта сотворенная самой природой кольчуга удивительно соответствовала представлению о шкуре самого дьявола, многие путешественники, навещавшие Эберхардта, стремились отрезать от нее кусочек на память, что стоило им немалых трудов, так как вся шкура была сплошь покрыта костяными наростами. Поэтому, чтобы урвать от нее кусок, нужен был топор или пила.

Одним из обладателей такого «сувенира» стал доктор Отто Норденшельд, навестивший Эберхардта в 1896 году. Он раздобыл большой кусок шкуры во время первого посещения Огненной Земли во главе шведской экспедиции. Этот дотошный исследователь перерыл «пещеру Эберхардта» – такое название она получила в честь первооткрывателя – всю вдоль и поперек и в один прекрасный день откопал там огромный коготь земляного ленивца. Драгоценную находку он привез в Швецию, где в 1899 году ее описал зоолог Эйнар Леннеберг, коллега Норденшельда по Упсальскому университету.

Шведский приват-доцент полностью разделил точку зрения профессора Амегино по поводу происхождения этого куска кожи: наличие костных наростов, а также размеры когтя свидетельствовали, что животное, которому они принадлежали, было родственным милодону.

Однако, судя по общим размерам кожи, хранившейся у капитана Эберхардта, неомилодон был примерно одинакового роста с маленьким носорогом, что, в свою очередь, соответствовало размерам скелета милодона, найденного в пампасах.

Поэтому доктор Леннеберг высказал предположение, что зверь, замеченный доном Рамоном Листой, должен был принадлежать к совершенно особому виду. Но, как нам уже известно, это вовсе не обязательно, потому что носорог, в конце концов, тоже растет и на определенном этапе развития может быть ростом с теленка!

В заключение скандинавский ученый сделал однозначный вывод, что неомилодонов больше не существует: «Невозможно предположить, что этот зверь, если он все же сохранился, мог ускользнуть от острых глаз индейцев. Даже если он проявлял активность исключительно в ночное время, а днем прятался в труднодоступных местах, индейские охотники все равно заметили бы его. Время от времени они должны были бы непременно наткнуться на его следы – отпечатки лап, проходы в зарослях кустарника, поломанные ветви деревьев, листвой которых он питался, груды земли рядом с его норами, экскременты и т.д.».

Такой вывод кажется просто поразительным, тем более что в первой работе профессор Амегино ссылался на слухи о некоем таинственном звере, которые ходили среди тухэльче. Правда, пока ничего определенного он о нем тогда не сказал, зато во втором исследовании он постарался восполнить пробел более подробными сведениями.

Кожа никогда не превратится в тлен

После Отто Норденшельда несколькими лицам, многие из которых являлись чилийскими офицерами, пришлось побывать на ферме капитана Эберхардта. Кое-кто из них привез с собой кусочки чешуйчатой кожи. Можно предположить, что один из таких кусочков попал в конце концов к профессору Амегино.

В 1897 году за поиски взялся доктор Франсиско Морено из Лаплатского музея, которому помогали его ассистент геолог Рудольф Хаутхаль и доктор Эмиль Раковица, зоолог. Их проводником был инженер Луис А. Альварес, один из первооткрывателей пещеры. В ней троим ученым удалось обнаружить лишь остатки одного ископаемого грызуна. Затем Альварес отвел спутников на ранчо своего старого друга Эберхардта. Оказавшись, таким образом, перед знаменитыми останками гигантского ленивца, доктор Морено, к большому своему сожалению, обнаружил сохранившийся кусок кожи всего около полуметра длиной.

И все же его можно было считать находкой. Получив разрешение законного владельца, доктор Морено тщательнейшим образом упаковал свою реликвию и отправил ее в музей в июле 1898 года. Несколько месяцев спустя разорвалась «бомба» Амегино.

Находясь в это время в Англии, доктор Морено представил найденный им кусок кожи Зоологическому обществу, члены которого, едва оправившиеся после заявления профессора Амегино, отнеслись к находке восторженно.

Впрочем, доктор Морено утверждал, что его нисколько не шокирует найденный им лоскут кожи. По его мнению, кожа была снята с животного человеком.

Действительно, к тому времени уже было установлено, что милодоны существовали одновременно с людьми, особенно на севере Аргентины. С другой

стороны, доктор Морено самолично обнаружил в соседней пещере хорошо сохранившееся мумифицированное тело человека, совершенно не схожего с техуэльче, обитающими в этом регионе.

Поддержанный профессором Силеем, директор Лаплатского музея высказал предположение, что кожа милодона сохранялась в том виде, в каком была найдена, с очень давних пор, так же как и перья и кожа моа в Новой Зеландии.

Это предположение вызвало всеобщий решительный протест. Ничего подобного просто не могло быть! Кожа принадлежит животному, существовавшему совсем недавно, пусть даже и вымершему. По краям представленного куска кожи можно было различить остатки мышц и сухожилий, и, кроме того, кожа обладала некоторой эластичностью.

Сэр Артур Смит Вудворд, которому пришлось давать подробное описание бесценного образца, констатировал поразительную его сохранность. Но выдающийся палеонтолог Британского музея счел нужным уточнить:

«Я без колебания отнес бы эту кожу к животному, которого недавно свеживали после охоты, если бы не знал, при каких обстоятельствах она была найдена доктором Морено».

Нашествие необычного четвероногого

Таковы были мнения ученых, когда появилась вторая статья профессора Амегино.

Но прежде следует разобраться в том, что понимали под таинственным названием йемиш или тигре де агуа, что по-испански означает «водяной тигр», техуэльче, единственные люди, видевшие его живьем. Об этом неуловимом четвероногом профессору Амегино уже приходилось многозначительно упоминать. Наконец он решил окончательно снять покров тайны с легенды о загадочном существе.

Ему в большой степени помогли исследования и поиски его брата Карлоса, который в течение двух лет безвыездно находился в Патагонии, собирая ископаемые остатки, а также проводя геологические исследования. Год назад, по словам профессора, он прислал ему из Сайта-Крус письмо и несколько косточек. В письме говорилось: «Наконец мне удалось собрать некоторые сведения о небезызвестном звере, который, как оказалось, не выдумка. Я видел в руках одного индейца кусок кожи этого животного, в него были вложены косточки, которые я тебе посылаю. По моему, они напоминают те, что мы нашли окаменелыми рядом со скелетами милодонов. Кроме того, индеец по имени Хомпен рассказал мне, что, возвращаясь из Сенгера в Санта-Крус, он встретил по дороге йемиша, который перегородил ему путь. Индеец выстрелил в него из крупнокалиберного ружья и убил. По словам индейцев, этот зверь – амфибия, он так же хорошо бежит по суше, как и плавает. Сегодня его ареал ограничен центральной Патагонией между берегов озер Колхуэ, Фонтана, Буэнос-Айрес и реками Сенгера, Айсен и Хуэмула. Но, по преданиям индейцев, он был распространен раньше гораздо шире: от Рио-Негро на севере до озер на восточных склонах Анд. Где-то в середине века йемиш мигрировал из андских озер через реку Сайта-Крус, затем двигался по суше северным берегом этой реки до острова Павон. Напуганные его появлением индейцы покинули свои земли, с тех пор они называют брошенную область Йемиш-ай-кен, то есть «место, где обитает йемиш». Зверь ведет ночной образ жизни; утверждают, будто он обладает такой огромной силой, что способен удержать лошадь длинными когтями и затащить ее в воду.

По данному мне описанию, у него короткая голова, длинные клыки и уши без ушных раковин, короткие стопоходящие лапы с тремя пальцами на передних лапах и четырьмя на задних, между которыми имеется плавательная перепонка. [Флорентино Амегино нашел здесь неточность. Он считал, что у описанного братом животного должно было быть по четыре пальца на передних лапах и по три на задних, как у мегатерия.] Пальцы, как указывалось выше, снабжены великолепными когтями. Шея длинная, приплюснутая и гибкая. Все тело покрыто короткой и жесткой шерстью. Размеры его, если верить индейцам, превышают размеры пумы, но лапы короче, а само тело плотнее».

Тогда у всех сложилось впечатление, что профессор Амегино впал в глубокое заблуждение, предположив родство нашумевшей чешуйчатой кожи и чудовищного хищника из Патагонии.

При самом доброжелательном отношении к его версии нельзя не обнаружить очевидного расхождения в описании йемиша и воображаемого наземного ленивца, подобного милодону. Еще можно допустить, что оба зверя походили друг на друга

огромными размерами и длинными когтями, но как согласиться с тем, что неоспоримое травоядное забавлялось тем, что нападало на деревенских лошадей и топило их. Да и могут ли быть хотя бы намеки на клыки у неполнозубых.

Пристрастие к водной среде обитания и перепонки между пальцев еще дальше удаляют нас от образа милодона. Конечно, нельзя утверждать, что если в анатомии животного нет признаков, указывающих на околородное существование, то оно не может обитать в воде. Так, довольно тяжеловесные травоядные тапир и гиппопотам ведут жизнь амфибий, хотя свидетельств этому мы в их строении не находим.

Таким образом, можно допустить, что у полуводного животного имеются в арсенале когти, которым позавидовали бы зем-лероющие животные. Впрочем, разве мало парадоксов в животном мире?

Были ли милодоны домашними животными?

Следом за полемикой, разразившейся между сторонниками версии о современном существовании неомилодона и их оппонентами, в пещеру Эберхардта были снаряжены научные экспедиции с целью собрать как можно больше данных о загадочном существе.

Первыми отправились шведские ученые во главе с Эрландом Норденшельдом, двоюродным братом знаменитого исследователя, который вел раскопки в той же пещере и вывез оттуда множество различных костей, образцы навоза и искрошенной соломы, которые составляли пол пещеры, где и была найдена кожа неомилодона.

В результате тщательного сравнительного анализа Норденшельд пришел к выводу, что кости и окаменелая кожа принадлежали уже известному *Glossotherium darwini*, ископаемые останки которого были найдены в пампасах и который был описан Ричардом Оуэном. Не имея точных доказательств того, что кости, на которых строил свою теорию профессор Амегино, были найдены также в пещере Эберхардта, шведский ученый предложил отказаться от названия *Neomilodon listae*, которое, как он считал, дублирует название *Glossoterium darwini*.

Это был жестокий удар по самолюбию профессора Амегино, который, казалось, был одержим желанием присвоить свое имя как можно большему числу животных. Впрочем, число описанных им существ, особенно ископаемых, было поистине огромно. Но мысль о том, что кто-то собирается оспаривать его заслуги в открытии всемирно известного милодона, была ему просто невыносима. Я не удивлюсь, если подтвердится, что именно заявление господина Эрланда Норденшельда (к которому вскоре присоединился Рудольф Хаутхаль) заставило Флорентино Амегино поторопиться с ответной публикацией, в которой он уточнял необычное происхождение «своих» косточек. Замечу попутно: в статье он утверждал, что получил их от человека, обратившегося к нему за разъяснениями насчет их происхождения, тогда как на самом деле косточки прислал его брат, который и сообщил ему об их принадлежности загадочному зверю.

После шведов к поискам приступили аргентинские ученые во главе с геологом Рудольфом Хаутхалем, который в апреле 1899 году буквально прочесал фиорд. Последняя надежда. На этот раз были сделаны потрясающие открытия.

Пещера, где Эберхардт нашел кожу, а также скелет человека, была отгорожена от внешнего мира завалом из крупных камней, и пробраться в нее можно было лишь через узкий лаз сбоку. Пещера представляла собой вытянутую залу, метров 50 длиной, но в конце ее еще один завал отгораживал глухую комнату. Попасть в нее можно было только с помощью лестницы.

В зале грунт представлял собой слой пыли и щебня толщиной от 2,3 метра до мбтра, а посередине находилась насыпь, в которой легко было обнаружить остатки от приготовления пищи: раковины моллюсков, обломки костей гуанако и оленя. Под щебнем, ближе к внутреннему завалу, были обнаружены хорошо сохранившиеся экскременты травоядного животного. Ближе к центральной насыпи вскрыто значительное скопление измельченной соломы.

Под слоем же сухого навоза и остатками «фуража» исследователи нашли многочисленные дробленые кости предполагаемого неомилодона, иначе говоря, глоссотерия, вперемежку с костями животного семейства лошадиных и крупного неизвестного хищника.

И наконец, недалеко от места, где был найден первый кусок кожи, исследователи обнаружили еще один, размеры которого составляли 1,12 метра на 91 сантиметр.

Особенности местоположения и строение жилища, остатки скелета, идентичного тому, что нашли Эберхардт с компаньонами, следы приготовления пищи,

искусственные заграждения, залежи навоза и соломы свидетельствовали о том, что гигантский ленивец содержался живьем в этой обжитой людьми пещере.

«Люди, живущие в этой пещере, — заключил доктор Хаутхаль, — использовали заднюю ее часть в качестве стойла для своих домашних животных».

Можно ли поверить в истинное одомашнивание этих лесных животных? Более правомерно было бы предположить, что милодонов отлавливали на воле, а затем помещали в заточение, чтобы таким способом заготавливать впрок свежее мясо. Ибо толщина навозного слоя свидетельствовала о том, что подобная практика повторялась неоднократно (величина навозных масс говорила об огромных размерах животного, сравнимых с размерами слона). Скорее всего, индейцам было несложно загонять безобидного нрава ленивцев в пещеры, как это делают со слонами с помощью сплошной изгороди африканцы.

Как известно, ничто так не препятствует вымиранию вида, как его одомашнивание. Но если неполнозубые гиганты были приручены индейцами, то есть научились размножаться в неволе, то почему же они не дожили до наших дней? Что заставило их исчезнуть? Пожалуй, еще не было такого случая, чтобы одомашненное животное вдруг вымерло; тем более что его сохранение было так важно для людей, живущих в жарком климате с постоянной угрозой голода.

Как бы то ни было, одомашненные или нет, гигантские ленивцы жили бок о бок с людьми, которые кормили их травой, листьями и кореньями. И все эти новые сведения расходились с описанием жизни ужасного йемиша техуэльче.

Как окрестить открытое существо?

Коллега доктора Рудольфа Хаутхала доктор Сантьяго Рот рассмотрел с палеонтологической точки зрения находки в пещере Эберхардта.

Он установил, что «бронированная» кожа и кости гигантского травоядного идентичны тем останкам милодона, которые были найдены в пампе и описаны в 1879 году Рейнхардтом под именем *Grypotherium darwini*. Но, понимая, что констатировать полное тождество нет оснований, он предложил назвать новое животное *Grypotherium domesticum*.

Это новое крещение вызвало осуждение у ряда ученых, особенно у Смита Вудворда. Он сделал замечание, что имя *Grypotherium* обозначает то же животное, что и *Glossotherium*, описанное Р. Оуэном в 1840 году, и что это последнее название, уже предложенное однажды Эрландом Норденшельдом, и есть верное имя травоядного из пещеры Эберхардта. На что профессор Рот ответил, что имена *Grypotherium* и *Glossotherium* не синонимичны и принадлежат двум различным милодонам.

В действительности же профессор Рот был одержим той же идеей, что и его соперник Амегино: присвоить знаменитому зверю свое имя.

Но если сенсационного «домашнего» ленивца следовало называть *Grypotherium*, а не *Glossotherium*, то почему он не соглашался оставить за ним специфическое имя *listae*, данное зверю Амегино?

Чтобы избежать этого имени, профессор Рот воспользовался двусмысленным толкованием версии Амегино. Из двух вариантов возможен один, утверждал он: Амегино основывает описание животного либо на коже и костях, найденных в пещере Эберхардта, либо на косточках, присланных его братом Карлосом. В первом случае следует отказаться от имени *Neomylodon*, потому что оно является синонимом *Gripotherium*. Во втором случае название *Neomylodon* незаконно, так как речь идет о йемише — крупном хищнике. Поскольку в версии Амегино до сих пор нет точности, самое лучшее — отказаться от названия *Neomylodon listae*.

Одно было бесспорно: животное, останки которого нашли в фиорде, не отличается анатомически от *Grypotherium* из пампасов, как показало глубокое изучение. Поэтому Рудольф Хаутхаль предложил в конце концов название *Grypotherium darwini*, разновидность *domesticum*.

Профессор Амегино не мог согласиться с таким решением. В новой статье он написал, что необходимо вычеркнуть из зоологической классификации название *Grypotherium*. Впрочем, Лукас Краглевиш, детально рассмотрев этот спор в 1934 году, пришел к выводу, что, согласно принятым правилам установления имени, единственно название *Mylodon darwini* будет справедливо для гигантского ленивца из фиорды. По этому вопросу он поддержал профессора Амегино.

Йемиш профессора Сантьяго Рота

Чтобы сохранить какой-то порядок в этой запутанной истории, профессор Сантьяго Рот решил поместить название йемиш в ранг научных обозначений и отнести его к тому крупному хищнику, обломок бедренной кости которого выкопали из грунта в пещере Эберхардта. «Это животное, — писал он, — во многом напоминает описание, данное Амегино своему неоми-лодону, и, даже если оно ему не соответствует, я предлагаю оставить за ним имя *listae* вместе *Neomylodon*, которое не является адекватным названием йемиш».

По поводу упомянутого обломка бедренной кости осторожно напомним, что доктор Смит Вудворд чуть было не отнес ее к ископаемому медведю (*Arctotherium*), но в конце концов Эрланд Норденшельд определил, что кость принадлежала крупному ягуару, разнообразные останки которого также были найдены в гроте Эберхардта. Как бы то ни было, профессор Рот был твердо убежден, что это «его» йемиш лежит в основе легенды теухуэльче. «Вполне возможно, — пояснял он, — что в недалекие времена он обитал по берегам озер и рек в предгорьях Анд и был «науэльчским тигром», от которого пошло название озера Науэль-Хуапи.

Хорошо известно, что некоторые кошки хорошо плавают. Например, ягуар предпочитает держаться побережья и лагун. Поэтому вполне вероятно, что в семействе кошачьих нашелся представитель, ведущий полуводный образ жизни.

Профессор аргументировал еще и тем, что у индейцев, без сомнения, легендарный образ сложился из нескольких грозных животных. Не менее вероятно, по его мнению, что таинственная амфибия — не что иное, как огромный грызун, обломок бедра которого и имеется в его распоряжении.

Как повенчали хищника с милодоном

Стоит ли говорить о том, что профессор Флорентине Амегино из Буэнос-Айресского музея пропустил мимо ушей доводы лаплатских коллег? Возмутясь утверждением, что йемиш отнесен к кошачьим, он немедленно опубликовал третью статью, в которой изобретательно объединил описания легендарного животного и милодона из пещеры Эберхардта: «Что касается неполнозубых, то Карлосом Амегино недавно сделано открытие существования одного из представителей семейства милодоно-вых, которого до сих пор считали вымершим: мы называем его *Neomyjodon listae*, Амегино. Размерами он напоминает крупного быка, но лапы его короче, от этого он ниже ростом приблизительно на одну треть по сравнению с *Mylodon robustus*. Тело его покрывает густой волосистой покров, жесткий, как у ленивцев, коричневого цвета. Шерсть вдоль позвоночника, на шее и на передней части тела длиннее и формирует нечто наподобие гривы, тогда как на лапах она постепенно исчезает.

Слой кожи довольно толст и несет в самых плотных участках маленькие дермические косточки, как у найденного захороненного милодона, которые располагаются на внутренней поверхности кожи друг возле друга, что создает впечатление уличного мощения. Голова животного немного длиннее, чем у милодона, и заканчивается удлинненным рылом; ушные раковины очень слабо выражены... Передние зубы чем-то напоминают клыки, они чуть длиннее и более загнуты, чем остальные. Лапы немного сплюснуты, пальцы разделены плавательной перепонкой и вооружены длинными серпообразными когтями, как у милодона».

Немного позже доктор Рудольф Хаутхаль внес несколько новых замечаний относительно проблемы милодона из пещеры Эберхардта.

«Это животное, — уточняет он, — не имеет ничего общего с неомилодоном профессора Амегино, описанного на основании косточек, добытых его братом Карлосом у индейцев, которые предоставили их ему в качестве доказательства существования крупного животного — йемиша. После описания, сделанного индейцами, — заключил ученый, — это животное, обитавшее до последнего времени в Патагонии, ни в коем случае не может быть отнесено к неполнозубым травоядным». Удивляет, что перо доктора Хаутхалья нисколько не клеймит при этом своего коллегу профессора Рота, который приписал «воображаемому» хищнику обломок бедренной кости из пещеры и присвоил ему «ненаучное» название, донесенное из уст индейцев. Напротив, в его рассуждениях сквозит похвала идеям коллеги, и это говорит о том, что, нападая на аргентинского геолога, профессор стремится отделаться от соперника в борьбе за название находки.

Заметим, что в первой статье профессора Амегино его животное видится ему размерами с ящера, во второй — рост его снижается до роста пумы, а в третьей — увеличивается до размеров крупного быка на коротких ногах. В крайнем случае можно представить себе, что речь идет об экземплярах различного возраста, но

каким образом могла вдруг «короткая голова» сделаться «головой немного длиннее, чем у милодона»? Без сомнения, «удлинение» головы вызвано желанием профессора подогнать внешний вид йемиша под описание, сделанное сэром Смитом Вудвордом: «Это милодон с очень длинной мордой, по бокам которой располагаются ноздри». Что касается зубов животного, то профессор Амегино наконец понял, что у неполнозубого, каким бы крупным оно ни было, не может быть ротового аппарата хищника семейства кошачьих.

В следующей статье, опубликованной в марте 1900 года на немецком языке, знаменитый ученый вынужден был признать, что слово *iemisch* на языке техуэльче означает «мелкие камешки» или «тот-кто-несет-на-себе-мелкие-камешки». Что, впрочем, так и не было подтверждено специалистами по патагонским диалектам.

Не был ли йемиш выдрой?

Не соглашаясь с мнением профессора Амегино, который хотел натянуть на йемиша кожу милодона, а также с доктором Хаутхалем, считавшим патагонского хищника вымышленным зверем, некоторые натуралисты продолжали гадать над его истинной природой.

Вопрос встал снова, когда французский путешественник Андре Турнуае написал своему другу, профессору Ачьберу Годри, что собственными глазами видел животное, обозначенное ими как химче. Трудно было не поверить свидетельству человека, живущего долгие годы в Аргентине, сделавшего много открытий в Патагонии, где он разыскивал окаменелых млекопитающих по заданию Музея естественной истории. По этой причине профессор Годри, опираясь на полученный текст, сделал доклад в Парижской академии наук на заседании 14 января 1901 года.

Вот что писал его ученик: «Во время своих путешествий мне приходилось слышать от индейцев рассказы о легендарном химче (неомилодоне профессора Флорентине Амегино). Но ужас, внушаемый индейцам этим именем, сотворил, по-видимому, много лишних деталей вокруг его образа. Я остановлюсь только на двух фактах, которые позволили мне убедиться в существовании неведомого животного на исследуемом побережье.

Сидя как-то вечером в засаде у реки неподалеку, я увидел появившуюся посередине течения голову животного размерами с крупную пуму. Я выстрелил, голова скрылась под водой и больше не появлялась.

Насколько я смог различить в темноте, голова была покрыта густой коричневой шерстью, глаза окружала светло-желтая шерсть, идущая узкой полоской к ушам, которые, впрочем, я не разглядел из-за небольшого их размера.

Я рассказал об этой встрече проводнику-индейцу, который был сильно напуган и уверял меня, что я столкнулся с таинственным химче. Я был вынужден продолжать путь, но на песчаной косе реки в нескольких километрах от лагеря обнаружил крупные отпечатки лап кошки. Индеец уверял меня, что это были следы химче.

С истинно немецкой дотошностью доктор Роберт Леманн-Ницше, антрополог из Лаплатского музея естественной истории, попытался, с целью идентификации загадочного существа, систематизировать груды естественнонаучной литературы, касающейся Патагонии, а также углубиться в диалекты техуэльче и арауканов.

Он заметил в результате, что различные слова, схожие по произношению со словом «йемиш», так или иначе связаны с выдрой.

Например, в зоологическом разделе «Физической и политической истории Чили» Клаудио Гея, изданной в 1847 году, упоминается обиходное название кошачьей выдры (*Lutra felina*), описанной Молина: *gato de mar* (что означает по-испански «морская кошка»), *nutria* (по-испански «выдра»), *chirchimen* и *chungungo*.

Наиболее интересное для нас имя *chirchimen* уже было использовано в хронике Луиса де ла Круса в 1806 году. В описании природных богатств Анд он упоминает *guillin-a*, или *chimchimen-a*, животное, которое, по его словам, относится к разновидности морских кошек.

Обращаясь к более давним источникам, мы снова встречаем нечто похожее в «Словаре арауканов» Андре Фебра, изданного в 1765 году;

«*Chirchimen* — морское животное, напоминающее кошку.

Gato de mar (морская кошка): *соури, chirchimen*.

Соури: водное животное, похожее на кошку.

Nutria (выдра): *ghuyllin*.

В «Патагонском словаре», выпущенном в 1879 году на основе материала, собранного Франсиско П. Морено, попадает слово, еще более близкое к «йемиш», которое, кстати, идет из языка техуэльче. Простая выдра называется у них *tigre*

de agua, что означает «водяной тигр».

Доктор Морено рассказывал в той же книге, что ему приходилось встречать на побережье реки Сайта-Крус небольшую выдру, которую индейцы называли «водяной тигр», и что она довольно редка в тех краях, где ее называли также lobito de agua, то есть «водяной волчок».

Таким образом, мы убедились, что различные понятия, такие как chirchimen, jemeschin и iemisch, по-своему указывают на ту или иную выдру. Самой причастной к запутанной истории выглядит, бесспорно, кошачья выдра доктора Леманна-Ницше.

«Водяной тигр» – не что иное, как ягуар

Как бы ни были убедительны этимологические сравнения доктора Леманна-Ницше, неясным остается одно: как мог безобидный нрав выдры породить страшные предания индейцев?

Дотошный ученый замечает также, что прозвище «водяной тигр», данное выдре, ввело в заблуждение английского путешественника капитана Джорджа Мастерса, который неверно определил природу названия одного из островов. Заинтригованный названием патагонского острова Тигровый, он предположил, что виной этому являются многочисленные выдры, живущие вдоль его берегов.

Однако Андре Фебр дает другую расшифровку названия. Тигровый, по его словам, означает «остров, населенный ягуарами». Испанцы называли тиграми всех крупных кошек, встречаемых в Южной Америке. Недоразумение, следовательно, возникло из-за того, что на Тигровом острове ягуары давно не встречаются. Капитан не ведал того, что некогда зона распространения ягуаров доходила до самого Магелланова пролива. Именно ягуар, как мы увидим далее, более чем кто бы то ни было заслужил имя «водяной тигр».

Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать некоторые старинные издания.

Так, в «Истории абипонов» (народа крайнего севера Аргентины), вышедшей в 1783 году, ее автор, немецкий иезуит Мартин Добрицхоффер, связывает понятие «водяной тигр» исключительно с ягуаром: «В потаенных заводях прячется животное крупных размеров. Испанцы называют его водяным тигром, а гуараны – yaguaro. У него хорошо опушенная шкура, длинный хвост и мощные когти. Лошади и мулы, переплывающие реку, утаскиваются им на дно. После чего захлебнувшееся животное всплывает и плывет по течению».

Похожее описание мы встречаем у другого иезуита, Р.П. Томаса Валькнера, в его «Описании Магеллановых земель и прилежащих краев», опубликованном в 1787 году. «Я должен упомянуть о примечательном животном, амфибии, которое живет на реке Парана. В Европе оно неизвестно, по крайней мере, нигде не описано. О нем не упоминается в трудах о тех местах, какими мы интересуемся. Сведения, которыми я располагаю, сообщены мне индейцами и многими испанцами, которые работают по берегам этой реки. Однажды я своими глазами видел этого зверя.

Это было в 1752 году, когда я отправился на Парану на лесозаготовки. Идя вдоль берега, я услышал, как индейцы хором закричали: «Ягуару, ягуару». Я обернулся и увидел, как в воду бросилось крупное животное, которое, однако, я не успел хорошо рассмотреть.

Его называют yaguari или yaguaruigh, что на местном языке означает «водяной тигр». По словам индейцев, это зверь размерами с осла. У него острые когти, короткие лапы и длинный хвост.

Добычей водяного тигра становятся различные животные, которым приходится переплывать с одного берега на другой. Схватив жертву, он исчезает с ней под водой, где раздирает ее, и вскоре на поверхность всплывают ее внутренности.

Зверь старается держаться укромных и глубоких мест с быстрым течением, спит он в пещерах, вымытых рекой».

Не стоит удивляться, что хищник назван священником амфибией. Ведь ягуары – отличные ныряльщики. Они готовы броситься в воду в любую минуту, преследуя ли добычу (ту же выдру), или спасаясь от опасности. Я вспоминаю случай, описанный знаменитым натуралистом Феликсом де Азара в его книге «Естественная история четвероногих Парагвая» (1801): переплыв широкую реку, ягуар схватил лошадь, тащил ее в зубах шестьдесят метров вдоль берега, а затем переплыл с ней снова реку и скрылся в лесу. Действительно, кошки не боятся воды!

Выдра с нравами ягуара и ягуар с именем выдры

Теперь нам стало очевидно, что название «водяной тигр» следует применять

прежде всего к ягуару, и не менее очевидно, что этой же кошке принадлежат описания йемиша, сделанные техуэльче. Внешность крупной кошки, размеры крупной пумы, отличные когти, околотоводный образ жизни, привычка тащить в реку любую добычу – все это свойственно в первую очередь ягуару.

То, что Патагонию в недалекие времена повсеместно населяли эти хищники, или «тигры», доказывает, по словам Леман-на-Ницше, тот факт, что во многих географических названиях присутствует слово *nahuel* (тигр по-араукански). Есть «тигровые» реки, озера, острова и даже фермы. Только в округе Буэнос-Айрес наш антрополог насчитал 43 подобных названия. Из них 23 принадлежат объектам, расположенным у воды.

С другой стороны, тот же *nahuel* часто встречается в арау-канском фольклоре.

У Магелланова пролива ягуары встречались вплоть до конца XVIII века. С тех пор они мало-помалу откочевали к северу.

Былое присутствие ягуаров на крайней точке континента доказано также несколькими палеонтологическими открытиями, среди которых – находки в пещере Эберхардта, где были обнаружены, как нам известно, останки крупного ягуара.

Наделяя эту грозную кошку именем йемиш, профессор Сантьяго Рот повторил ошибку индейцев, которые присвоили выдре нравы ягуара. Маститый палеонтолог простодушно присвоил ягуару имя выдры.

Легенды о гигантских речных выдрах – не редкость в Аргентине. Напомню, что рассказывает о них Бюффон.

«Господин Обле, ботаник, сведениями которого мы часто пользуемся, и господин Оливье, королевский врач, рассказывали, что поблизости от Кайенны (Французская Гвиана. – Ред.) водятся такие крупные выдры, что отдельные их экземпляры весят до 100 фунтов. Они живут по берегам крупных рек, где редко появляется человек, и их головы можно иногда увидеть над водой. Крики их далеко разносятся вдоль реки, мех теплый, но короче, чем у бобра, цвет его светло-коричневый. Эти выдры питаются рыбой и плодами деревьев, упавших в воду».

Добавим к этому, что обыкновенная выдра (*Lutra lutra*) может достигать пятнадцати килограммов веса и до 1 метра 30 сантиметров от морды до кончика хвоста. Гигантская морская выдра (*Enhydra lutris*) весит до сорока килограммов, а полная длина ее порой достигает 1 метра 80 сантиметров.

Выдра, между прочим, одно из немногих млекопитающих, которое может совершенно незаметно существовать на заселенных территориях. Так, во Франции не найдется, пожалуй, речки или озера, не населенных выдрами, но попадались ли они в природе вашим знакомым?

Именно из-за скрытного нрава этих зверьков, очевидно, вокруг них и рождается немало таинственных легенд.

Патагонцы вспоминают мегатериев

Лишение грозного йемиша ореола таинственности не решило спор о существовании наземного ленивца. В конце концов, надо было хотя бы выяснить, кем был тот «лохматый ящер», на которого зря истратил свои пули дон Рамон Листа. Кроме того, не надо забывать, что несколько исследователей слышали из уст техуэльче легенды не только о злом хищнике, но и о безобидном звере, считающемся, по преданиям, неуязвимым, несмотря на медлительность. Эти предания больше подходят для доказательства существования крупного ленивца, который, в отличие от уау, ведет наземный образ жизни.

Послушаем мнения некоторых исследователей.

Доктор Франсиско Морено не может быть заподозрен в предвзятости, так как он твердо отрицает недавнее существование гигантских ленивцев. Он утверждал, что многие техуэльче и ген-наки рассказывали ему о страшном лохматом звере, воспоминания о котором сохранили их предки. В 1875 году старый вождь одного из племен показал ему пещеру, вырытую, как считалось, зверем, называемым *Ellengassen*. Правда, индейцы не могли сказать, существует ли он до сих пор.

Второй свидетель – дон Рамон Листа, труды которого по этнографии и географии Патагонии до настоящего времени оставались актуальными. Он писал, что индейцы верят в злого духа, живущего в Сьерра-Кархуэрне (территория бассейна реки Санта-Крус), а также в чудовищных четвероногих, которые, по легенде, похитили одного из индейцев и его семью, когда они пешком возвращались из Шарры.

Профессор Сантьяго Рот свидетельствует, что один из вождей техуэльче Канкель несколько раз повторял ему слова своего деда об очень опасном звере,

который живет в окрестностях озера Буэнос-Айрес. Когда раздавался его рев, все другие звери спасались бегством. Во время такого бегства лошадиного стада и погиб его дед, охотившийся у озера на страусов. С тех пор бедный Канкель так боялся чудовища, что ни за какие посулы профессора Рота не согласился подойти с ним к озеру и на километр!

Четвертым свидетелем выступал Рудольф Ленз, который привлек в качестве иллюстрации к своей версии арауканский фольклор. Он упоминал о каком-то диком животном, которого арауканы называли на испанский манер *lofo tofo* (то есть *lobo tofo*), что означает «волкобык». Ленз считал, что речь шла прежде всего о быкообразном существе, а слово «волк» добавлялось для придания его образу зловещего оттенка. Заметим здесь, что Ленз опирался на немецкий способ словообразования, где определяющее слово стоит первым. В романских языках, к которым относятся испанский и французский, на первом месте в сложных словах стоит главное слово. А вот другой пример: арауканы называют выдру по-испански *zorro-vibora* (лиса-гадюка) и подразумевают лису, плывущую по-змеиному, а не змею, бегающую по-лиси.

Мне кажется, что если бы кто-то захотел сравнить милодоноподобное животное с каким-либо представителем патагонской фауны, то им в первую очередь оказался бы волк бычьих размеров. Действительно, волк здесь – единственное животное с жесткой всклокоченной шерстью на относительно коротких лапах, а бык – самое крупное животное, которое знают аборигены.

Но вернемся к предыдущим свидетельствам. Вполне вероятно, что индейцы испытывают священный трепет перед легендарным мохнатым чудовищем, ибо из той фауны, которую здесь можно встретить, или из недавно существовавшей ни один зверь не похож на него, за исключением, как мы предполагаем, крупного наземного ленивца.

Странным кажется факт, что страх вселяет животное, которое, как мы убедились, было одомашнено. Но не надо забывать, что одомашнили его не техуэльче и не арауканы, а их предшественники в Патагонии. Точно так же, как в Индии слоны являются источником страха для многих племен, тогда как другие племена их давно одомашнили.

Доктор Леманн-Ницше счел, что изложенные выше легенды вызваны существованием либо того же ягуара, либо одичавшего домашнего быка. По его мнению, в культуре патагонских индейцев, никаким образом не запечатлено воспоминание о гигантском неполнозубом; этого и быть не могло, так как со времени его существования, как и исчезнувших людей, приручивших его, прошли тысячелетия.

Мне же такая версия кажется несправедливой. В слишком уж хорошем состоянии были обнаружены останки исчезнувшего животного, чтобы отодвигать дату его исчезновения так далеко в прошлое. И чтобы подтвердить это, я приберег напоследок сильный козырь.

Диковинный су отца Андре Теве

В то время как воспламененные его пророчеством о существовании лесного иемиша исследователи прочесывали патагонские дебри, профессор Флорентино Амегино, более склонный к кабинетной работе, принялся изучать древние рукописи времен открытия Нового Света. Если его милодон жил в Южной Америке совсем недавно, то его должны были хоть раз встретить европейские пришельцы!

В конце концов наш страстный палеонтолог нашел тот убедительный манускрипт, который почти доказал его точку зрения. Это была «История завоевания Паратвая» иезуита-португальца Педро Лозано.

В этом произведении, опубликованном между 1740 и 1746 годами, говорилось, что на границе Патагонии и провинции Рио-де-ла-Плата встречается крупный зверь, которого называют *su* или *succarath* и который обычно перевозит на себе своих детенышей. В нем отмечалось также, что местные жители охотятся на него и шьют из его кожи пальто и плащи. Все это очень напоминает сведения о милодоне из пещеры Эберхардта. Особенно свойственно ему перевозить на себе малышей. Впрочем, описание су годится для муравьеда.

Не хватало совсем немногих сведений, которые позволили бы узнать в упоминаемом португальцем звере ленивца.

Кто бы мог подумать, что животное с тем же именем еще раньше было известно в Европе! Между 1551 и 1558 годами был опубликован внушительных размеров труд швейцарского натуралиста Конрада Геснера «История животного мира». Несмотря на

то, что в этом произведении множество неточностей и даже вымысла, оно было настолько фундаментальным, что на протяжении более чем двух веков служило отличным справочным изданием для зоологов. Поэтому неудивительно, как в него попало упоминание о диковинном звере из «Описания Америки», данного Андреасом Тоэтьюсом (Андре Теве).

Для пушей уверенности я разыскал книгу Андре Теве, полное название которой звучит так: «Особенности обширных земель и островов, открытых за последнее время и называемых Америкой».

Эта малоизвестная книга была первым научным трудом об Америке, написанным на французском языке. Теве, который опубликовал также в 1575 году «Универсальную космографию», был, бесспорно, одним из самых блистательных умов французского Возрождения. Его инициативе принадлежало создание Кабинета естественной истории.

Примечательно, что в книгах этого ученого можно встретить описания редкостных для тех времен птиц и млекопитающих, таких как пингвин, агути, броненосец, но в них совершенно отсутствуют упоминания о сиренах или каких-либо других фантастических чудовищах, о которых так любили рассказывать моряки. Все его сведения о районе Магелланова пролива, касающиеся климата, растений и животных, подтвердились в дальнейшем. Вот отрывок из его описаний: «В этом краю так же прохладно, как в Канаде или других странах, близких к нашему полюсу, поэтому жители его делают одежду из шкур некоторых животных. Одно из них зовется Су. Оно любит пастись по берегам рек. Оно очень мягкого нрава и имеет необычную черту: когда ему угрожает опасность, су сажает своих детенышей на спину, накрывает их длинным пушистым хвостом и спасается в зарослях. Но дикари ловят этих животных с помощью хитрости: они вырывают глубокий ров, прикрывают его ветвями и листьями и гонят на него несчастную жертву. Свалившись в ров, животное начинает так яростно метаться, что давит своих детенышей. При этом оно громко кричит, чем наводит страх на дикарей, которые, впрочем, убивают его стрелами».

Это описание сопровождается несколько наивный рисунок, на котором изображено подобие тощего льва с пушистым хвостом, несущего на спине своих детенышей. Рисунок, бесспорно, был сделан не прямым свидетелем, а по описанию, как это было принято в те времена. Именно поэтому верные словесные описания зверей сплошь да рядом сопровождают фантастические рисунки. Например, о бизоне Теве пишет как о горбатой, покрытой густой шерстью разновидности быка, в то время как сопровождающий текст рисунок изображает невиданное чудовище.

Можно предположить, что название Su происходит от туземного слова, означающего «вода», «водяной». Профессор Амегино высказал предположение, что su, или sue, означает у техуэльче «накидка» или «одеяло», а earth, или carrath, – «кожа». В результате слово succarath означает «кожаная накидка» и подтверждает, из-за чего это животное отлавливалось индейцами.

Доктор Леманн-Ницше увидел в приведенном описании доказательство того, что упомянутый не может быть гигантским ленивцем. Дело в том, что он не поленился взвесить кусок кожи, найденный в пещере Эберхардта, и установил, что ее вес равен ни много ни мало 17 килограммам 750 граммам. Трудно представить себе пальто из такого плотного материала.

Это возражение встретило ряд замечаний.

Во-первых, ничто не мешает предположить, что если кожа на самом деле была снабжена мелкими косточками, то древние патагонцы применяли ее как военную одежду. Ведь это отличная естественная кольчуга. И не будем забывать, что доспехи европейских рыцарей весили иногда свыше 50 килограммов.

С другой стороны, ничто не подтверждает факта, что если суккарат и был гигантским ленивцем, то в его коже обязательно находились костяные включения: подобные внутрикожные косточки не обнаружались ни у мегатерия, ни у лестодона, ни у скелидотерия. Разумеется, у этих животных толстая шкура, но разве наши модницы не наряжаются только из соображений престижа в пальто и шубы, вес которых достигает 10 килограммов?

Критика доктора Леманна-Ницше не подтверждается анализом. Ничто не мешает нам предполагать, что суккарат Андре Теве был неким наземным травоядным. Можно быть уверенным также, что он жил в Патагонии в незапамятные времена, скажем, еще в средние века.

Стоит ли искать в других местах?

Был ли «лохматый ящер» дона Рамона Листы позднейшим представителем гигантских ленивцев? Во всяком случае, нельзя этого отрицать. Истиной же было

то, что к 1900 году недоверчивость самых осторожных ученых была поколеблена таким нагромождением убедительных и однонаправленных свидетельств: рассказ дона Рамона Листы, находка отлично сохранившейся шкуры, легенды техуэльче и арауканов и, наконец, хроника Лозано.

Директор Лондонского музея естественной истории сэр Рэй Ланкастер предположил, что крупные наземные ленивцы могли сохраниться в малодоступных областях.

Один лондонский еженедельник [Illustrated London News. — Ред.] финансировал даже экспедицию, которой было поручено привезти живого милодона. Ученый мир снова воспрянул духом.

Увы, новые исследования ничего не принесли. Руководитель экспедиции Хескет Х. Причард не выдержал долгих поисков и заторопился в Англию. Чтобы оправдаться, он объявил, что стал жертвой обмана. Как бы то ни было, но сегодня, более чем полвека спустя, дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Экспедиции Кавендиша и Козловского также вернулись ни с чем с охоты на милодона.

Доктор Карлос Рускони из Мендосского музея естественной истории, который последний занимался обобщением материалов по загадочному зверю, пришел к выводу, что скорее всего он так и не будет найден. Правда, он признался, что к нему продолжают обращаться люди, извещающие о существовании крупного животного в некоторых горных озерах к западу от Сайта-Круса. Жители провинции Мендоса утверждают, что иногда слышат по ночам завывания, которые не принадлежат ни волку, ни лисице, ни пуме.

До сих пор многие натуралисты ждут того часа, когда будут исследованы наиболее глухие уголки Патагонии. Но стоит ли ограничивать поиски Патагонией? И не было ли промахом прежних исследователей, что они не искали гигантского ленивца за пределами этой страны?

Палеонтологическими находками сегодня бесспорно установлено, что многие крупные животные в прошлом мигрировали в Северную Америку.

Начиная с миоцена вплоть до недавнего времени гигантские ленивцы мигрировали в северные области: в Уругвай, Бразилию, Боливию, затем в Колумбию, Центральную Америку, Мексику, а следом и на некоторые территории Соединенных Штатов, о чем можно судить по остаткам их костей вокруг древних кострищ.

Истребляемые повсюду индейцами, ленивцы могли сохраниться только где-нибудь в тропических джунглях или высокогорных районах. Геологические или климатические изменения не могли стать причиной их исчезновения.

Будем верить, что, гонимые отовсюду, наши безобидные гиганты все же нашли себе где-то безопасное пристанище.

Глава 2

ОГРОМНАЯ АНАКОНДА И МОРСКИЕ ЗМЕИ

Идет 1906 год. Каучуковая лихорадка охватила Зеленый континент; стремясь получить прибыль, колонисты не останавливаются ни перед чем: они превращают в рабов индейцев Амазонии, чинят жесточайшие расправы за малейшее неповиновение.

Племена, оказывающие сопротивление, истребляют, их деревни грабят и сжигают. Чиновники и военные, наделенные безграничными полномочиями, соперничают в жестокости с серингейросами (вооруженными отрядами частных предпринимателей). Сок каучуконосов дорожает с каждым днем, и вместе с его ценой усиливаются страдания угнетенных.

Богатые плантации, расположенные вдоль Абунанского берега и реки Акри, с недавних пор служат зерном раздора между Западной Бразилией, Северной Боливией и Перу, которые до сих пор не установили между собой четких границ. Назревает каучуковая война.

Призванное сыграть роль посредника, Лондонское королевское географическое общество посылает тридцатидевятилетнего майора Перси Фосетта произвести точные топографические исследования на спорных территориях. Именно это неблагодарное назначение в место с ужасным тропическим климатом способствовало тому, что британский офицер потряс мир неожиданным открытием и вошел в легенды.

Девятнадцатиметровая анаконда майора Фосетта

В январе 1907 года Перси Фосетт в первый раз услышал о гигантских змеях, обитающих в окрестностях деревушки, затерявшейся в лесах Иоронги. Точнее, это было крохотное поселение серингейрос недалеко от истоков Акри — последний оплот

цивилизации, за которым плотной стеной следовали неизведанные области.

«Чиновник из Иоронги, — писал в воспоминаниях Фосетт, — рассказал мне, что ему пришлось однажды убить анаконду длиной 18 метров; естественно, я счел это преувеличением, но скоро мне пришлось повстречаться с еще более длинной змеей».

Это случилось два или три месяца спустя на реке Абуна, одном из притоков Мадейры, выше того места, где она встречается с рекой Рапиррао.

«Мы беспечно плыли по ленивому течению, когда неожиданно из-под нашего каноэ показалась треугольная голова, а за ней и кусок змееобразного тела. Это была гигантская анаконда. Я схватил свой карабин, и когда животное выскочило было из воды на берег, почти не целясь выстрелил в нее пулей 44-го калибра. Пуля попала змее прямо в позвоночник в трех метрах от головы. Вода тут же вспенилась, и нос нашего каноэ получил несколько сильных ударов, как если бы мы наскочили на риф».

С большим трудом мне удалось уговорить индейцев подвести лодку к берегу. Глаза их были расширены от ужаса; еще когда я готовился стрелять, они в один голос умоляли меня не делать этого, опасаясь, что чудовище бросится на каноэ, что случается с этими змеями, по рассказам, в минуту опасности.

С большими предосторожностями мы причалили к берегу и подошли к рептилии. Она лежала неподвижно, но тело ее вибрировало от судорог. Я сразу же попытался измерить длину змеи. Почти на четырнадцать метров ее тело выходило из воды, в воде же оказалось еще пять метров. В результате вся длина равнялась девятнадцати метрам (62 ступням). Толщина ее была не слишком велика для таких колоссальных размеров: она не превышала 30 сантиметров, но, без сомнения, животное долго обходилось без пищи. Я попробовал проколоть ножом его кожу, но тело тотчас начало вздрагивать, так как змея еще оставалась живой. Между тем вокруг распространилось зловоние: оно было вызвано, безусловно, ее дыханием, которому приписывали гипнотические свойства. Как бы то ни было, но, стоя рядом с ней, я испытывал одно омерзение.

Может быть, попавшийся мне экземпляр довольно редок, но в болотистых местах можно встретить следы анаконды шириной до 1,8 метра (6 ступней), а индейцы и сборщики каучука рассказывают, что в этих краях попадаются змеи невероятной величины, рядом с которыми встреченная мной кажется небольшой. Бразильская комиссия по границам зарегистрировала, например, змею, убитую на реке Парагвай, длина которой составляла двадцать четыре метра!»

Анаконды не бывают длиннее 6,1 метра

Когда майор Фосетт сообщил в Лондон, что ему довелось повстречать анаконду девятнадцатиметровой длины, его единодушно объявили выдумщиком. Между тем можно в любом месте открыть его полевого дневник и нигде не найти малейшего расхождения с истинными размерами зверей, встреченных им в «амазонском аду».

Фосетт был, бесспорно, мечтателем, но не был лжецом. Все достопримечательности он описывал с прозаической сухостью. Его предположения или интерпретации подвержены некоторой фантазии, но все наблюдения изложены по-военному точно. При чтении его «Воспоминаний» поражает контраст между описаниями «зеленого ада» и великолепных затерянных городов, которые он до самой смерти надеялся отыскать.

Какие же максимальные размеры анаконды (*Eunectes murinus*) известны науке? В книгах по зоологии можно было встретить указания о десяти метрах.

«Лично я, — пишет, например, Х. Веррилл, — не верю, что размеры анаконды могут превышать 6,1 метра. Доктор Дитмарс не дает и того: по его мнению, в природе не встречается анаконд длиннее 5,8 метра, но я своими руками убил змею, от носа до кончика хвоста которой было ровно 6 метров 10 сантиметров, то есть она была на тридцать сантиметров длиннее его анаконды. Но больше этой длины мне встречать змей не приходилось, поэтому я утверждаю, что это была самая длинная змея Южной Америки».

Следует подчеркнуть, что снятая змеиная кожа всегда значительно длиннее, чем на живом звере, так как перед тем, как высушить, ее следует стянуть с плоти. Тем не менее трудно поверить, что кожа анаконды длиной 10 метров, которая демонстрируется в Бразильском институте змей, соответствует длине всего шесть метров.

О том, как трудно определить точный размер живой змеи

Странно, что Веррилл не допускал длины змеи, превышающей 6,1 метра, на малоизученном материке, тогда как ее превышают питоны Старого Света. «Самая крупная змея, которая когда-либо попадалась человеку, была убита Уильямом Хорнадеем. Ее длина равнялась 9 метрам 15 сантиметрам», — это запись самого Х. Веррилла, и здесь он также несколько преуменьшает истинные размеры. Герпетолог Ф. Ангель из Парижского музея проявляет большую осведомленность, он пишет: «Французский путешественник Шарль Майер привез в Европу живого сетчатого азиатского питона, длина которого была 9 метров 60 сантиметров».

Хорошо известно, как трудно бывает установить длину живой змеи. Я лично убедился в этом: в каком бы состоянии ни находилась змея — спала ли, ползла ли, — изгибы ее тела не позволяют сделать точные измерения. Наш глаз не всегда в состоянии точно определить длину прямой линии, а длину волнистой не определить и подавно. Попробуйте попросить кого-нибудь измерить на глаз длину уложенной кругом веревки — и вы убедитесь, насколько велико будет расхождение цифр. Однажды все тот же Веррилл увидел, путешествуя по Гвиане, крупную анаконду, которая свернулась на выступе утеса. Ученый попросил своих спутников определить на глаз ее длину.

«Кинооператор, который впервые попал в джунгли, заявил, что длина рептилии 18 метров; миссионер, который прожил в этих краях семь лет, сказал, что в ней 12 метров; показания индейцев варьировали от 6 до 12 метров, а подросток, которому приходилось сопровождать научные экспедиции, насчитан 9 метров. Когда анаконду пристрелили, послав ей в голову крупнокалиберную пулю, выяснилось, что точная длина ее 5 метров 95 сантиметров. Но что это был за монстр! В самом толстом месте окружность ее тела достигала 85 сантиметров, она весила более 360 фунтов (около 163 кг). Пятеро индейцев с трудом тащили ее. Нам трудно было поверить, что эта гадина имела «всего» шесть метров длины».

Как видим, практика нашего ученого убеждает в том, насколько сложно определить длину даже неподвижной змеи. Но эта же практика противоречит некоторым заявлениям самого Х. Веррилла. Если сопровождавшие его индейцы и миссионер, видевшие до того, без сомнения, множество крупных змей, допускали размеры ее до 12 метров, значит, она действительно могла быть такой длины.

Что касается измерений, проведенных Перси Фосеттом с мертвой змеей, лежавшей вдоль берега реки, то вряд ли им не следует доверять. Исследователь писал, что «не смог измерить ее сразу после выстрелов», но это означает, что ему всего лишь была недоступна вначале та часть анаконды, которая оставалась в воде, и кроме того, у него могло не оказаться под рукой измерительного инструмента. Но, по-моему, достаточно уже того, что наземная часть ее тела составляла 14 метров и была измерена с помощью подошвы его ботинок, то есть достаточно точно. Фосетт даже приводит точную цифру: 62 ступни, если бы его расчет был приблизительным, он так и записан бы: более шестидесяти ступней.

Гигантская анаконда маркиза де Эврина

Если мы обратимся за справками к прежним исследователям Амазонии и окрестных территорий, то всякий раз будем встречать упоминание о змеях, явно превышающих размерами 6 метров доктора Дитмарса и Х. Веррилла. Я приведу здесь лишь свидетельство маркиза де Эврина, о котором другой маркиз, господин де Креки Мантфор, писал: «Этот человек, президент Парижского общества американистов, лучше чем кто-либо другой знаком с обширными неисследованными или мало исследованными районами тропической и субтропической Америки».

Маркиз де Эврин не был по образованию зоологом, зоология не входила в перечень основных его увлечений. Но все особенности животного мира фиксировались им с педантичной старательностью.

В частности, много страниц его наблюдений посвящено анакондам: «Обычно длина тех экземпляров, которые встречаются по берегам рек и ручьев, составляет от 6 до 8 метров. Мне приходилось видеть 10-метровую змею, но здесь встречаются, по рассказам местных жителей, значительно более крупные».

Однажды, плывя в пироге по одному из притоков, маркиз выстрелил в плывущую анаконду длиной приблизительно 8 метров. Он остановил лодку и хотел выловить змею, опустившуюся на дно, но один из индейцев сказал ему, что не следовало тратить порох на такой небольшой экземпляр, а возиться с ним тем более не стоит.

«На реке Жавари, — сказал индеец, — в некоторых заводях и окрестных болотах встречаются змеи вдвое длиннее той, что вы подстрелили. Их толщина часто превосходит ширину нашей пироги».

Затем проводники-индейцы рассказали белому пришельцу о различных случаях встречи с анакондой.

«Во время разлива реки группа индейцев пиапоко, возвращаясь в свою деревню в верховьях реки Ува, решила воспользоваться более коротким путем, образовавшимся при слиянии нескольких озер. Когда они пересекали одно из этих озер, сзади послышался плеск. Поверхность озера покрылась волнами, хотя ветра не было. Оказалось, что волны вызваны были движением тела змеи, которая находилась сразу в двух озерах. На том месте, где только что проплыла пирога, вода бурлила особенно сильно, и если бы она не успела миновать его, была бы неизбежно перевернута. Индейцы поклялись никогда больше не появляться здесь».

Можно себе представить, как перепугались индейцы, и можно представить, какое впечатление произвел этот рассказ на маркиза, если в его заметках далее сообщается, что он достиг берегов реки Потумайо с их населенными пунктами на следующий день после того, как гигантская змея утащила у поселенцев быка!

Гигантский удав, соперник анаконды

Среди тех, кто верил в существование гигантской анаконды невероятных размеров, был директор зоопарка Штеллинген в Гамбурге Лоренц Гагенбек. Не один век путешественники и ловцы зверей присылали ему и членам его семьи описания фауны из стран всего мира. Эти неутомимые натуралисты часто отправляли в зоологические сады таких редких животных, которых давно считали исчезнувшими или вообще никогда не встречали. Одной из замечательных находок Шомбургка, посланца Гагенбека, был карликовый бегемот.

В семейном досье Гагенбеков сохранились сведения о животных, забытых учеными, а также о таких, существование которых вообще ими отрицалось. Одним из таких животных была водяная змея из Амазонии, размеры которой превосходили длину анаконды и которую индейцы называли «сукуриу гиганте», то есть «гигантский боа».

Сделаем некоторые уточнения. Прежде всего напомним, что анаконда сама относится к семейству удавов, ее часто называют водяным удавом. Это не означает, что другие удавы не умеют плавать, но анаконда, ноздри которой способны герметично закрываться, может гораздо дольше оставаться под водой. Да и жить она предпочитает в сырых местах. У этой змеи только один вид окраски: темные пятна и овальные колечки по оливковому, серому или коричневатому фону. Между тем окраска удавов довольно разнообразна: на темном фоне могут быть разбросаны светлые овальные пятна, часто розоватые, но фон обычно остается темнее. Знаменитый боа-констриктор – самый крупный из известных удавов. Герпетологи утверждали, что не было случая, чтобы длина пойманного удава намного превышала четыре метра, несмотря на то, что во все времена не было недостатка в историях, посвященных фантастическим удавам. Например, некий Джон Браун, дезертир, заблудившийся в джунглях, утверждал, что ему попалась змея девяти метровой длины. Если это свидетельство не внушает доверия, обратимся к записям знаменитого путешественника Дж. Гарднера, извлеченным из его «Путешествия по лесам Бразилии». После замечания, что боа-констриктор распространен почти повсеместно в штате Гояс, он пишет, что там по берегам озер и речушек попадаются особи длиной до 12 метров.

«Самая крупная змея, – пишет он, – которую мне когда-либо доводилось видеть, попала мне в тех краях. За несколько недель до моего прибытия в Капу пропала с пастбища любимая лошадь сеньора Лагоэйры. Вскоре у реки обнаружили труп гигантской змеи, которая зависла в ветвях дерева, над самой водой. Очевидно, она была застигнута врасплох паводком и, обремененная проглоченной жертвой, утонула. Змею вытянули на берег с помощью двух лошадей. В ней было чуть больше 11 метров длины. Когда ее вскрыли, в ней оказался полуразложившийся труп лошади. Голова лошади была цела, что доказывает, что она была проглочена целиком». Но этот невероятный одиннадцатиметровый удав кажется карликом рядом со змеей, «извлеченной» из досье Лоренца Гагенбека. Сам он писал, что у него нет оснований не доверять двум хорошо знакомым ему священникам, отцу Хейнцу и отцу Фриккелю, от которых он и получил информацию о сукуриу гиганте, как называли ее святые отцы.

Свидетельство отца Хейнца

Первое свидетельство принадлежит отцу Виктору Хейнцу. «Во время сильнейшего паводка 1922 года, 22 мая в 3 часа дня, – чтобы быть точным, – я

плыл к себе из Обидуса в каноэ по Амазонке. Внезапно мое внимание привлекло нечто необычное. Приблизительно в тридцати метрах от каноэ двигалась огромная змея. Местные жители, которые сопровождали меня, сказали, что называют ее «сукуруиу гиганте», что означает «гигантский боа». Чудовище мирно покоилось на поверхности воды, медленно приближаясь к берегу. Мой экипаж, перепугавшись, перестал грести. Как зачарованные мы не отрывали взоров от ужасного змея. Его тело было толщиной с бочку для масла, а длина на глаз равнялась 25 метрам. Когда он достаточно удалился от нас, мои спутники снова взялись за весла и сообщили мне, что змея не перевернула каноэ только потому, что, по-видимому, недавно проглотила несколько водяных свиней».

Южнее Обидуса, по словам священника, убили подобного змея в тот момент, когда он расправлялся на прибрежной грязи с водяной свиньей. В нем, как показало вскрытие, уже находилось четыре туши. В другом месте на берегу нашли огромные шары экскрементов, облепленных шерстью животного. Из одного из них торчала кость бычьей ноги.

Следующее свидетельство также принадлежит отцу Хейнцу. «Вторая моя встреча с гигантским змеем произошла 29 октября 1929 года. Я возвращался рекой из Алемкера в 7 часов вечера, когда жара немного спала. К полночи мы были недалеко от устья Пиабы. Внезапно мой экипаж, охваченный непонятным ужасом, принялся грести к берегу.

– Что случилось? – крикнул я.

– Там огромное животное! – ответил мне взволнованный голос.

В этот момент я различил бурлящий звук, напоминающий шум парового двигателя, а затем увидел на высоте нескольких метров над водой два зеленоватых фонарика, похожих на те, которые зажигают на мачтах речных пароходов. Тогда я закричал:

– Остановитесь, это пароход. Гребите в ту сторону, чтобы он не наскочил на нас!

– Это не пароход! – ответили мне. – *Uma cobra grande!*

Застыв от страха, мы смотрели на приблизившееся чудовище. Затем оно стало удаляться от нас к другому берегу. Чтобы пересечь реку, ему потребовалось около минуты, тогда как мы потратили бы на это раз в 10–15 больше времени.

Почувствовав твердую почву под ногами, мы осмелели и даже стали кричать, чтобы снова выманить его на обозрение. Чуть в стороне на другом берегу возник человеческий силуэт и стал размахивать фонарем. Этот человек решил, что кто-то сбился с пути. В этот же момент недалеко от него снова показалась голова змеи, и мы смогли отчетливо увидеть разницу между светом от керосинового фонаря и фосфоресцирующими глазами чудовища. Позднее жители этого края рассказали мне, что в устье Пиабы живет сукуруиу».

После этих личных встреч Виктор Хейнц, не веривший прежде ни в каких гигантских змей, страстно увлекся изучением волнующего вопроса. Вследствие его нового увлечения и попали к Лоренцу Гагенбеку столь интересные свидетельства.

К ним он приобщил и сведения своего знакомого, португальского торговца Реймонду Зимы, прожившего девять лет в городе Фаро на реке Ямунде.

«6 июля 1930 года я поднимался вверх по притоку Амазонки Ямунде в сопровождении жены и подростка, который управлял мотором лодки. Когда спустилась темнота, мы увидели огонек на правом берегу. Решив, что это тот дом, который мы разыскивали, я направил на него лодку и зажег фонарь. С удивлением мы обнаружили, что огонек приближается к нам с неправдоподобной скоростью. Следом за его приближением в лодку ударила огромная волна, так что нас чуть не перевернуло. Моя жена закричала от страха. Вокруг лодки стали появляться изгибы гигантской змеи. Но животное быстро оставило в покое наше каноэ и устремилось к противоположному берегу. В этом месте Амазонка имела в ширину около километра. Животное несло с невероятной скоростью, а волны, расходящиеся от него, не могли быть сравнены с волнами здешних пароходов. В любую секунду наше тринадцатиметровое каноэ могло перевернуться. Я выжал из мотора что только можно было, чтобы побыстрее добраться до берега. Жаль, что я не имел возможности выяснить длину этой змеи. Мне кажется, что вследствие какой-либо раны она сделалась одноглазой, так как мы видели всего один огонек. Должно быть, она приняла мой фонарь за глаз своего собрата».

В том же самом месте встретил гигантского змея давний ученик миссии отца Виктора Хейнца, некто Пауло Тарвало. С борта корабля он заметил огромную водяную змею, которая плыла в стороне за несколько сотен метров. Длина ее, по его словам, была не менее 50 метров. Это произошло в 1948 году. Францисканский

священник Протесиус Фриккель, кюре города Орис-кима, проявил себя большим храбрецом. Плывая по реке Тромбетас, он заметил огромную змеиную голову, высунувшуюся из воды возле пастбища. Он высадился выше того места, вернулся по берегу и осторожно подкрался к покоящейся в иле голове на расстоянии шести шагов. «Ее глаза, — писал он потом, — напоминали тарелки...» Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что животное таких размеров обладает поистине титанической силой. Вот что еще нам рассказал Виктор Хейнц: «На протоке, которая ведет из озера Маруриказа к реке Игуарапе, бразилец по имени Жуан Пенья 27 сентября 1930 года очищал берег, чтобы облегчить подъем черепахам. Случайно он заметил позади завала из нанесенных потоком стволов, которые с трудом пробивает пятисоттонное судно и по которым часто можно, не замочив ног, перейти с берега на берег, два зеленых огонька.

Пенья решил сначала, что это охотник за черепаховыми яйцами. Как вдруг весь завал взлетел в воздух, а бразилец опрокинуло волной в несколько метров высотой. На шум выскочили двое его сыновей, и все трое увидели огромную змею, выползшую на другой берег. Протока была освобождена, а стволы были разбросаны на десятки метров вокруг».

Лоренц Гагенбек хочет снять фильм о гигантской змее

Досье Лоренца Гагенбека пополнилось не только устными рассказами отца Виктора Хейнца, но и двумя редкими фотографиями, на которых изображены неправдоподобно гигантские змеи. Между этими фотографиями разница в пятнадцать лет. Они были опубликованы в одной из газет Рио-де-Жанейро.

Разумеется, фотографии можно подделать. Чтобы убедиться в их подлинности, отец Хейнц не поленился отправиться в Манаус и найти мастерскую, где они были отпечатаны. К счастью, сохранились оба негатива, на которых не нашлось и следа ретуши.

Чиновники, входящие в Комиссию по границам, которые принесли первую фотографию, рассказали ее последнему владельцу, что изображенная змея была убита из пулемета в 1933 году. Извиваясь в агонии, она сломала несколько деревьев средних размеров. Она была длиной около 10 метров, и четыре человека с трудом могли приподнять только ее голову!

Вторая фотография была сделана в 1948 году. Змея, длина которой составляла, по словам очевидцев, 35 метров, заползла в старые укрепления Форта Абуна. Ее умертвили из автоматов, выпустив около 500 пуль. Так как мясо должно было быстро разложиться на жаре, а кожа не имела коммерческой стоимости, змею сбросили в реку.

Опираясь на собранные документальные свидетельства, Лоренц Гагенбек объявил, что сукуриу гиганте — не миф, а реальное существо. Он считал, что эта змея достигает длины 40 метров и ширины 80 сантиметров, а вес ее может достигать 5 тонн! Цвет ее темно-коричневый, брюхо грязно-белое, глаза крупные и в темноте светятся зеленоватым светом.

На вопрос журналиста, возможно ли поймать огромного змея, директор зоопарка со смехом ответил:

— Вы отдаете себе отчет в том, насколько сложно технически выполнить эту задачу? Поймать зверя таких колоссальных размеров! Для него нужен такой аквариум, каких еще не существовало во всем мире. Но я знаю, как поступить с ней. Надо снарядить экспедицию, которая выследит, убьет и препарирует гигантское животное, а все перипетии этого героического похода надо заснять на киноплёнку. Надо найти того, кто субсидировал бы эту затею...

Действительно ли сорокаметровая змея весит пять тонн?

Допуская, будто размеры, приписываемые чудовищным боа, чаще всего преувеличивались, что можно объяснить приступом страха, охватывающего очевидца при встрече с ними, следует признать: те, кто отрицает их существование, основываются на еще более сомнительных положениях и фактах.

Даже если не говорить о ложных слухах и клевете тех, кто решительно отказывается верить в существование гигантского удава, порой некоторые авторы берутся «научно» доказать невозможность его пребывания на планете.

Аргентинский журнал «Mundo argentine» опубликовал два года назад статью Карлоса де Вазеля, названную «Чудовища не всегда являлись только продуктом больного воображения». Сообщая ряд малообоснованных фактов, автор завершил

статью описанием поимки двух гигантских боа, которых убили будто бы совсем недавно и которые до того долго наводили страх на всю Верхнюю Амазонию.

Змеи были, утверждает автор, более 40 метров длины, и одна из них весила 5 тонн. Текст сопровождала фотография, на которой была изображена одна из змей – действительно невероятных размеров. За ее телом стояли два человека, которые были видны только наполовину! Если только это не был эффект перспективы, одна голова животного должна была быть в длину как человеческое тело!

Этой статьей воспользовался эрудированный натуралист Луи Марселлен. На страницах «Французского охотника» он выступил против абсурдных, по его мнению, легенд о «неизмеримых рептилиях». Приведя несколько официально рекордных размеров змей, встречающихся на всех континентах, он предложил математический расчет.

«По сведениям многих авторов, средний вес десятиметровой змеи составляет около 115 килограммов, то есть в среднем один метр тела весит 12 килограммов. Если допустить, что где-то существует змея длиной 40 метров, то ее настоящий вес будет равен максимум полутонне».

Заметим, что сведения натуралиста не отличаются полнотой. Как мы видели выше, Х. Веррилл упоминал о змее, которая при длине в 6 метров весила 165 килограммов.

Но оставим факты. Обратим внимание на способ вычисления Луи Марселлена. Он рассчитывает вес тела в зависимости от его размера, забывая, что живет в трехмерном пространстве. Он полагает, что во время роста животные увеличиваются только в длину. Если бы мы придерживались такого метода счета, то пришли бы к замечательным результатам. Так, человек рождается ростом около 50 сантиметров и весом около 3 килограммов, то есть в среднем 3 килограмма на полметра. Значит, если рост взрослого человека равен 1,75 метра, то его вес по Марселлену должен быть равен чуть больше 10 килограммов.

На самом же деле, если предположить, что живое существо во время роста сохраняет прежние пропорции, для определения веса нужно умножить его первоначальный вес на частное от деления его размеров, возведенное в куб. Так, в примере с человеком мы должны умножить 3 килограмма нашего новорожденного на 3,5 в кубе. Таким образом, мы получим вес 130 килограммов, который менее чем вдвое отличается от обычного веса человека.

Учтя погрешности этого способа счета, попробуем узнать вес сорокаметровой змеи, исходя из первоначально известных параметров относительно небольших змей, подразумевая, что пропорции при увеличении длины сохраняются.

Если десятиметровая змея, о которой поведал нам Марселлен, весила 115 килограммов, то наш гигант в 4 раза длиннее, поэтому вес его должен быть равен $115 \times 4^3 = 4945$ килограммов!

А если взять за начальные данные 165 килограммов шестиметровой змеи Веррилла, то получим $165 \times 6,5^3 = 10,77$ тонны!

В обоих случаях мы далеки от полутонны Луи Марселлена.

Скорее всего, анаконда Х. Веррилла была непомерно тяжела, заглотав незадолго перед смертью крупную добычу, и тела змей по мере увеличения их роста принимают более «изящную» форму. Но так или иначе наши расчеты показали, что вес в пределах 5 тонн вполне вероятен для гигантских боа.

Миньокао Фрица Мюллера

Рассказывая о гигантских удавах, мы несколько отвлеклись от темы. Продолжает маркиз де Эврин.

«В верховьях реки Парагвай, – пишет он, – встречаются змеи, которых местные жители называют миньокао. По их словам, эти мифические существа, толщина которых сравнима с шириной пироги, переродились когда-то из удавов и превратились в водных змей. В верховьях реки Парана мне также рассказывали об огромных змеях, способных утащить на дно пирогу с людьми. Эти чудовища обитают в ненаселенных местах и никогда не удаляются от воды. На жителей края они наводят священный страх».

Миньокао – не те ли это гигантские боа, о которых мы сейчас говорили? На первый взгляд кажется, что это они. Но когда внимательнее прислушиваешься к описаниям очевидцев, начинаешь сомневаться, можно ли отнести этих гигантов к анакондам или боа-констрикторам, да и вообще к змеям.

Первым зоологом, которого заинтересовали легенды о миньокао, был немецкий ученый Фриц Мюллер (1821 – 1897). Изучая зародыши некоторых ракообразных, он

первым обратил внимание на то, что развивающийся эмбрион повторяет все предшествующие формы эволюции. Этот оригинальный вывод помог впоследствии Эрнсту Геккелю открыть знаменитый закон, согласно которому онтогенез повторяется в филогенезе.

Развитие зародышей ракообразных Фриц Мюллер изучал как раз в Бразилии, где он оказался в качестве коммерсанта, и здесь же до него дошли слухи о таинственных чудовищах.

Сначала он не придавал значения свидетельствам местных жителей, сочтя их небылицами. Они и правда были похожи на вымысел, так как речь в них шла о существах пятидесятиметровой длины и пятиметровой ширины, вооруженных чешуйчатым панцирем, которые с легкостью переламаывают могучие деревья и перекрывают реки, превращая сухие места в непроходимые болота.

Но мало-помалу он собрал значительное количество сведений от разных лиц. Выходило, что все они видели зверей впечатляющих размеров, которые неизвестны науке, но с правдоподобной внешностью. В результате зоолог опубликовал доклад, в котором предполагал существование в Бразилии гигантской амфибии змеевидной формы (или, используя его собственное выражение, «в форме червяка»).

В 1871 году, по его словам, миньокао обнаружил себя недалеко от Лога. Некто Франсиско де Амарал Варрелла встретил в десяти километрах от города необычного зверя огромных размеров, толщина которого равнялась приблизительно одному метру. Свидетель не заметил, были ли у него лапы. Он не осмелился в одиночку нападать на животное, но пока он бегал за спутниками, оно исчезло, оставив на почве глубокую выемку. Недели спустя на берегу той же реки обнаружили похожую выемку, которая могла принадлежать тому же существу. Обнаружившие след пошли по нему и вышли к болоту. След терялся между еловых корней. Такие же следы находили потом и другие жители края, и всегда они терялись у воды.

Другое свидетельство может также относиться к миньокао. Это наблюдение сделано в провинции Парана. Рано утром одна негритянка пошла за водой и обнаружила, что вода в озере взбаламучена. Вдали она заметила гигантское существо, которое ползком перемещалось к другому озеру. Прибежавшие на ее крики соседи не успели увидеть чудовище, но они увидели, подойдя ближе, его следы на иле.

Может быть, это «землероющая» змея?

Наконец, в «Никарагуанской газете» за 10 марта 1866 года появилась заметка некоего Полино Монтенегро, в которой сообщалось о гигантском «землероющем» звере, принятом за таинственного миньокао. Автор писал, что во время путешествия в Конкордию в феврале того же года он услышал от попутчика, что тот видел недавно в местечке, называемом Кушилла, огромную змею.

Вместе с друзьями автор тотчас прибыл в указанное место, но вместо змеи обнаружил только ее след, свидетельствующий, тем не менее, о ее небывалых размерах и о землеройных способностях.

Пятью годами раньше крестьянами было замечено странное явление. У подножия горы неожиданно возникла земляная насыпь в виде удлиненной платформы.

Крестьяне посадили было здесь несколько фруктовых деревьев, но в 1863 году они обнаружили, что земля в нескольких местах просела, так что обнажилась горная порода, хотя никакого водного источника, который бы смыл землю, поблизости не было. Мало-помалу росшие недалеко деревья стали наклоняться, а однажды в долину сорвался пласт холма, завалив дорогу из Чичигаса в Сан-Рафаэль-дель-Норте. На месте отрыва лавины зияли многочисленные пустоты: очевидно, холм был подрыт каким-то существом.

На всех возвышенностях, находящихся у источников Уругвая и Параны, встречаются, по указаниям Фрица Мюллера, рытвины и «нивы», оставленные будто огромной землеройной машиной.

Свидетели утверждают, что они появляются обычно после дождей, а следы всегда берут начало или исчезают в реке или болоте.

Создается впечатление, что знаменитый миньокао заинтересовал и Перси Фосетта, во всяком случае, он упомянул о животном в дневнике. После рассказа об акулах, которые, как известно, любят заплывать далеко в устья крупных рек Зеленого континента, он замечает, что прибрежным хозяйствам наносит иногда вред крупное водяное животное.

«В реке Парагвай встречаются пресноводные акулы, огромные, но лишенные зубов, которые, впрочем, имеют репутацию опасных хищников, нападающих на

человека. Также здесь рассказывают о другом водяном монстре – рыбе или четвероногом, – который может за одну ночь подрывать большой участок берега. Индейцы утверждают, что на берегу попадаются следы гигантского животного, которое живет в реке и окружающих ее болотах, но никто его до сих пор не встречал...

Акулы попадались многим, но огромный землерой продолжает оставаться неуловимым. Поистине еще много загадок в этой таинственной стране. Если здесь на каждом шагу попадаются неведомые науке насекомые, рептилии и млекопитающие, то почему бы не существовать огромным чудовищам, которые не вымерли, найдя пристанище на обширных заболоченных областях, куда еще долго не ступит нога человека?

В Мадиди, например, находят впечатляющие следы, а индейцы рассказывают о гигантских созданиях, наполовину появляющихся из болот».

В приводимых сведениях отсутствуют точные размеры животных. Ни один свидетель не указывает на наличие лап, но, как правило, животное оказывается частично скрыто в воде.

«Если животное не обладает лапами, – замечает доктор Будде, комментировавший работу Фрица Мюллера в своих «Натуралистических этюдах», – следует признать, что ему остается только ползать, как червяку: его чешуя должна способствовать при случае внедрению в грунт».

Здесь уместно вспомнить, что некоторым змеям действительно свойственна способность зарываться в землю, как, например, рогатой гадюке, живущей в Сахаре.

Был ли микьокао гигантским броненосцем?

Таинственный миньокао мог вполне быть броненосцем очень крупных размеров, таким «живым танком», о котором мы упоминали в предыдущей главе. Вынесенные из описания детали, такие, как окостенелый панцирь, вытянутая морда, рога, которые могут являться не чем иным, как ушами, – все эти детали подходят для какой-либо разновидности глиптодона.

Если предположить в придачу и мощные когти, то это животное может быть вполне отнесено к землероям, какими и являются броненосцы. Если это так, то между ними должно существовать не только родство, но и сходство. Они должны были достигать около 4 метров в длину, а ходы, прорываемые ими, вполне могли служить причиной обвалов и оползней. Вспомним, что разрушения грунта африканским трубкалзом приводят нередко к выходу из строя транспортных магистралей.

Для доктора Будде вполне допустимо, что миньокао принадлежали к группе броненосцев колоссальных размеров, доживших незамеченными до современной эпохи благодаря подземному существованию.

Если миньокао и глиптодон – одно и то же, то между ними все же есть одно большое различие, с которым не могут не согласиться зоологи. Как мы выяснили, таинственным существам полюбили сырые места обитания, что мало похоже на пристрастия броненосцев.

Все же заметим: напрямую ничто не мешает предположить, что в силу определенных обстоятельств гигантский броненосец стал предпочитать заболоченные места. Мы вообще очень мало знаем о повадках этих бронированных монстров.

Известно достаточно примеров, когда в одном животном совмещались повадки амфибии и землероя. Кроме утконоса к ним относятся многие насекомоядные, а также бобры и мускусная крыса.

Кроме того, тяжеловесный гигант мог стремиться облегчить в водной среде свой вес, наподобие динозавров, таких как диплодок.

И наконец, присутствие чешуйчатого покрова объясняет, почему ряд свидетелей принимали диковинного зверя за змею шириной в метр и больше.

Не исключено также, что легенды о миньокао создались на основе смешанного образа, родившегося от созерцания одновременно глиптодонов и гигантских удавов, живущих на болотах.

Конечно, не помешали бы более точные описания легендарного гиганта, прежде чем делать какие бы то ни было смелые предположения. Современный взгляд на неоглиптодонов может оказаться далеким от действительности. Но какого бы древнего происхождения ни были эти животные, в их современном существовании я бы не усматривал ничего поразительного.

Помните ли вы странную историю, происшедшую с Кандидом и его верным другом Какамбо, когда они заблудились, путешествуя по Амазонии?

Услышав крики, которые должны были принадлежать испуганным женщинам, они устремились, готовые прийти на помощь, навстречу кричащим. Какие только неожиданности не случаются в этих диких местах!

Кричали две совсем голые девушки, которые легко бежали по краю лужайки. Их преследовали две обезьяны, старающиеся укусыть их за ягодицы.

В благородном порыве Кандид вскинул свое двуствольное испанское ружье и убил обеих обезьян.

Как же был удивлен он, когда спасенные им девицы принялись целовать преследователей и лить по ним слезы.

Еще больше он был поражен, когда Какамбо объяснил ему, что он по ошибке убил любовников этих дам.

— Мой дорогой хозяин, — сказал Какамбо, — вы всему удивляетесь! Почему вам кажется странным, что в некоторых странах обезьянам удается добиться расположения женщин? Ведь они на четверть люди, точно так же как я — на четверть испанец.

— Увы! — ответил Кандид. — Я и забыл, что мадам Пангрос рассказывала мне, что раньше случались подобные истории и что в результате от таких пар рождались фавны и сатиры, особенно в античную эпоху. Но я всегда принимал эти рассказы за небылицы.

— Теперь вы, должно быть, убедились, — сказал Какамбо, — что это правда, и поняли, как проводят время некоторые особы, которые не получили должного воспитания...

Этот забавный анекдот потерял бы соль, если бы он не имел под собой реального основания.

Вольтер всегда старался увязать произведения с самыми волнующими вопросами своего времени, то есть с научными открытиями или по крайней мере с тем, о чем принято было говорить в светских кругах.

Четверорукие демоны

За два столетия со времени открытия Южной Америки из нее было привезено в Европу множество разных обезьян, некоторые из которых, как предполагали, могли быть гибридом человека и обезьяны. Вспомним, что в эллинском мире подобными гибридами считались сатиры и фавны. Как сегодня стало известно, мифы о них возникли вследствие искаженных рассказов о человекообразных обезьянах. Наука установила, что в Южной Америке живут обезьяны только среднего роста и все они имеют длинный и цепкий хвост. Ни человекообезьян, ни обезьянолюдей там нет.

Откуда же Вольтер почерпнул сведения об антропоидных обезьянах в Южной Америке? Точных указаний на этот счет нет. Но более чем вероятно, что он знакомился с записями миссионеров-иезуитов, над которыми любил насмехаться.

Одним из таких «воспоминаний» является труд отца Симау ди Вашконселуша «Noticias curiosas e necesarias das casas do Brazil». Трудно ручаться за научную достоверность этой работы. Например, в ней упоминается о монстрах с человеческим телом, населяющих леса Бразилии, о карликах, называемых «гоазисами», о диких людях с кривыми ногами и о бесстрашных великанах высотой три с половиной метра.

Легко заметить в этих описаниях налет восточных легенд, пришедших в Европу в незапамятные времена. Отсюда возникает очень сильное подозрение: не потому ли так богаты индийским колоритом свидетельства первых покорителей материка, что они были убеждены, будто попали в Индию. Стоит ли тогда удивляться легендам древних индусов о совокуплениях с обезьянами, снова дошедшим до нас, но уже из Америки?

Оказывается, не одни конкистадоры служили источником распространения этих мифов. Их доносили потом индейцы из самых удаленных мест, которые не вступали в контакт с белыми. Многие из их преданий подтвердились.

Нам остается лишь внимательно прислушаться к тому, что рассказывают нам свидетельства древних путешественников, добравшихся до Нового Света.

Так, во время освоения «Гвинейской империи» в 1595 году сэр Уолтер Рэли и его преемник Лоренс Кеймис собрали воедино множество местных легенд, согласно которым и в этих краях обитали фавны. В ту эпоху, когда об эволюционном развитии никто даже не подозревал, было принято считать существо, напоминающее сразу двух животных, гибридом этих животных. В нашем случае это произошло с человеком и

обезьяной.

Вот отрывок из «Хроники Перу», опубликованной приблизительно в то же время испанским историком Педро Сиесой де Леоном:

«Рассказывают также, что в некоторых местах живут (хотя я сам их и не видел) очень крупные обезьяны, которые лазают по деревьям и с которыми местные жители вступают во взаимоотношения как с женщинами. Считается, что в мужчин до совокупления с ними вселяется демон, поэтому и рождается монстр. У него обычно голова и половые органы человека, а руки и ноги – обезьяны. Он весь покрыт шерстью и не умеет разговаривать, только жалобно мычит».

Как мы видим, этот рассказ очень напоминает эпизод с Кандидом, описанный выше.

Ужас в Мату-Гросу

Правда ли то, что в Южной Америке живут рослые обезьяны, такие как шимпанзе и гориллы, а может быть, даже и крупнее?

Еще раз напомним, что часто слухи о человекоподобных обезьянах приходят из районов, куда еще не проникла цивилизация.

Достигнув Верхне-Ориноковского водопада, не освоенного переселенцами, Александр фон Гумбольдт узнал от индейцев о «мохнатом лесном человеке», которому приписывались разрушение хижин, похищение женщин и вкус к человеческой плоти. Индейцы региона и даже миссионеры из соседних областей верят в существование этих сказочных созданий, которых называют вазитри, то есть «большими, демонами».

Нравы, которые приписываются таинственным людоедам, очень напоминают горилл, но не надо забывать, что в то время о крупных африканских обезьянах совершенно ничего не было известно в Европе.

Согласно Гумбольдту, эта «сказка», как он ее называет, появилась вследствие встреч со «следами того крупного медведя, которые так напоминают человеческие и обладателя которых в разных странах обвиняют в охоте за женщинами».

Знаменитый английский натуралист Филипп Госс задал закономерный вопрос: что за «крупный медведь» появился в Венесуэле, где единственный встречающийся медведь обладает довольно скромными размерами. «Его присутствие на южноамериканском континенте так же сомнительно и нуждается в доказательствах, как и существование крупных обезьян». Однако, не приняв во внимание аргументы Гумбольдта, Госс все же допустил, что в Амазонии могут водиться виды обезьян, до сих пор не известные науке. Во многом эта фраза, произнесенная в 1860 году, оказалась пророческой.

Даже в XX веке по Южной Америке, где многие территории продолжают оставаться малоизученными, ходят легенды и слухи о чудовищах с человеческим обликом.

А теперь посмотрим, что писал об этом наиболее эрудированный из английских писателей-натуралистов Фрэнк Лейн:

«Искатели золота, обосновавшиеся на реке Арагуайя, что течет недалеко от Мату-Гросу, несколько раз слышали душераздирающие крики, несущиеся из девственного леса. Потом там находили трупы заблудившихся домашних животных, и каждый раз у них был с корнем вырван язык. На песчаном пляже той реки встречались отпечатки ступней, похожие на человеческие, но в длину они имели около 55 сантиметров».

Странно здесь не столько то, что следы напоминают человеческие, ибо на них могут быть похожи следы обезьяны, медведя или крупной рептилии, но что они оказались такой невероятной длины. Ни одно животное этого региона не обладает такими следами, если только они не принадлежат доисторическим динозаврам *Prestosuchus chiniquensis*, остатки которых находят в Бразилии. Их следы несколько напоминают человеческие.

Другой интересный момент – вырванные языки. Чтобы схватить и вырвать бычий язык, нужна не только необыкновенная сила, но и определенная ловкость руки. А что касается самой манеры, то она по изощренности должна принадлежать «настоящему» людоеду. Предположение настолько невероятное, что ученому трудно принять его всерьез. Но если допустить, что подобные существа когда-то населяли сушу более-менее повсеместно, то почему бы небольшому количеству их представителей не сохранились в укромных областях вроде Гималаев или дебрей Амазонки?

В принципе даже несколько неправдоподобно, что огромный непроходимый

бассейн Амазонки и Ориноко, а также высокогорье Анд не сохранили каких-либо невероятных существ. Но до сих пор большинство свидетельств по поводу существования объектов, загадочных для ученых, не подтверждены бесспорными доказательствами и вызывают скептическое отношение большинства натуралистов. Впрочем, следует исключить отсюда открытие рыжих обезьян, похожих обликом на человека, которые попадались на глаза исследователям несколько раз и были сфотографированы.

Большая бесхвостая обезьяна Франсуа де Луа

Вот что говорят факты. В 1917 году швейцарский геолог Франсуа де Луа углубился с горсткой сопровождающих в горный район Сьерра-де-Перийя, покрытый непроходимыми густыми лесами и расположенный между Венесуэлой и Колумбией. Здесь обитали опасные индейцы мотилонь.

Экспедиция длилась три года. Измотанные, изнуренные лихорадкой и стычками с туземцами, они вновь вышли к людям в 1920 году близ реки Кататумбо, на юго-западе от лагуны Маракайбо.

На последнем этапе пути, недалеко от реки де Луа вдруг натолкнулся на двух обезьян высокого роста, которые двигались на его группу, причем выпрямившись и держась за кусты. Они казались чрезвычайно рассерженными, кричали, жестикулировали, обламывали сучья и размахивали ими как оружием. Наконец в припадке ярости обезьяны стали испражняться себе в ладони и швырять экскрементами в людей.

Приготовившись к защите, Франсуа де Луа и его компаньоны, привычные к обороне, вскинули ружья, чтобы выстрелить в самца, который явно собирался перейти к атаке. Реакция самца удивила их. Увидев ружья, он ринулся назад, подставив самку под залп, и убежал, оставив ее чужакам.

Сваленную пулями обезьяну дотащили до реки, усадили на канистру из-под бензина и сфотографировали, предварительно уперев ей под подбородок шест, чтобы сохранить вертикальное положение.

«Примечательно то, — писал потом Жорж Монтандон, — которому де Луа рассказал о происшествии и который познакомил с ним ученый мир, — что эти обезьяны оказались совершенно незнакомы креолам, которые сопровождали геолога.

Остается неясным пока, в каких отношениях находились с ними мотилонь».

Откуда же взялись эти таинственные обезьяны?

На первый взгляд, судя по фотографии, их следует безоговорочно отнести к коатам, или паукообразным обезьянам. Останаавливает лишь разочарованное выражение их морд, совсем человеческое. Такого выражения, пожалуй, не встретить и у антропоидных обезьян.

Если продолжать детальное изучение сфотографированной обезьяны, нельзя не заметить, что ноздри ее широко расставлены и разделены хрящевой перегородкой. В таком случае ее следует отнести к широконосым обезьянам, как и всех обезьян Южной Америки.

«Вообще же, — высказал свое мнение профессор Жоло, — в лице этой обезьяны очень много черт коатов. Особенно очертания глаз, надбровных дуг и скул».

С другой стороны, большой палец этой обезьяны предельно мал, что также свойственно коатам. Наконец, поражает длина ее полового органа, который, как оказалось, был не пенисом, а клитором (напомним, что речь шла о самке).

Однако не стоит удивляться, у самок коатов клитор хорошо развит и ни по длине, ни по толщине не уступает пенису самца. Но у обезьяны Франсуа де Луа клитор еще более развит, чем у самок коатов. Я могу подтвердить сказанное, так как своими глазами видел в Антверпенском зоологическом саду живых черных коатов, у которых клитор не только внешне был сходен с пенисом. На внутренней стороне у него можно различить борозду уретры, через которую поступает моча.

Если примат де Луа действительно был коатом, то как объяснить то обстоятельство, что швейцарский геолог в самый критический момент своего похода принялся фотографировать такое распространенное в Южной Америке животное? Если даже набор черт встреченной им обезьяны напоминает коатов (не исключая кидания во врага свежих испражнений), то нельзя оспорить более крупный рост, более плотное строение тела и отсутствие хвоста. Это последнее обстоятельство кажется самым убедительным, так как у всех коатов есть длинный и цепкий хвост.

Примата назвали амерантропоидом

Полное отсутствие хвоста у крупных американских обезьян приближает их к антропоидам Африки и Азии, но именно эту деталь нельзя обнаружить на фотографии!

Тело обезьяны де Луа, бесспорно, крупнее и массивнее, чем у обычных коатов. Кроме того, ее грудная клетка выглядит довольно плоской, что также характерно для антропоидов. А лицо выглядит развитее, чем у коатов. Волосистой покров более густой и жесткий, он напоминает, скорее, шубу гиббона или орангутана. Задние лапы кажутся короче передних, что также придает сходство с антропоидами и удаляет от южноамериканских обезьян. Известно, что у антропоидов задние лапы несколько укорочены.

Есть и другая характеристика, которая служит отличительным признаком между обезьянами Нового Света (*Platyrrhini*) и Старого Света (*Catarrhini*), и особенно антропоидными. У первых 36 зубов, у вторых, при отсутствии малых коренных зубов в каждом ряду, их всего 32. К кому же с этой точки зрения следует отнести обезьяну де Луа? Увы, это невозможно проверить. Впрочем, если бы такая цифра оказалась точной, ничто не мешало бы решить, что у обезьяны обычный для южноамериканских приматов зубной аппарат, но последние коренные зубы еще не прорезались. Хотя это было бы несколько странно для взрослого животного. Здесь же уместно напомнить, что у американских обезьян, как заметил в фундаментальном труде доктор Шарль Беннежан, прослеживается скорее тенденция к увеличению числа коренных зубов.

Одним словом, чтобы поставить точку в этом вопросе, следовало бы детально рассмотреть рот подстреленной особи. К сожалению, обработанный и приготовленный для хранения череп ее был использован одним из членов экспедиции в качестве резервуара для соли. От сухости и жары он распался на составляющие его кости, которые были затем одна за другой утеряны.

Мы можем довольно точно установить рост животного и сделать затем некоторые выводы.

Самые крупные обезьяны Южной Америки, ревуны, коаты и шерстистые обезьяны, не превышают в полный рост 1 метра 10 сантиметров. Де Луа утверждал, что его обезьяна была значительно выше. Сначала он назвал по памяти цифру 1,35 метра, то есть 4 ступни и 5 пальцев, но позже, справившись в своих записях, посланных раньше матери, установил, что точный рост убитого животного был равен 1 метру 57 сантиметрам от головы до подошв ступней.

Кем бы ни являлась эта обезьяна, в любом случае она представляла собой новое для науки животное. Нашлись скептики, которые не поверили в точность сделанных геологом измерений роста американской обезьяны. Но эти измерения довольно легко проверить, если взять в качестве сравнения ящик, на котором устроили жертву. Надо всего лишь знать его размеры.

Расчет относительно ящика был проверен на заседании французской Академии наук 11 марта 1929 года, где со своим описанием «обезьяны с антропоидной внешностью» выступил профессор Монтандон. «Согласно определению господина Синтрака, который рассчитал высоту ящика по количеству досок, его высота составляет около 50 сантиметров, соответственно высота животного около 1 метра 60 сантиметров. Если же исходить из того, что стандартные ящики для хранения бензина имеют высоту 45 сантиметров, рост обезьяны (в три и одну треть раза выше) 1 метр 50 сантиметров».

Вот каков был рост открытых де Луа обезьян. Выходило, что их рост был больше, чем у шимпанзе, у которых самки не превышают 1 метра 30 сантиметров.

На основании одной только фотографии и данных, сообщенных самим Франсуа де Луа, профессор Монтандон тщательно описал новое животное и присвоил ему имя *Ameranthropeide loysi*, отразив в нем «антропоидность» американской обезьяны и заслугу первооткрывателя.

Некоторых зоологов шокировала та поспешность, с которой малоизученным обезьянам было дано имя «антропоидов». Им хотелось бы сохранить это название для хорошо изученных обезьян Старого Света. Хотя на самом деле это название никак не может быть использовано в систематике: по некоторым характеристикам орангутан ближе стоит к гиббонам, азиатам, как и он, чем к африканским гориллам и шимпанзе.

Проще говоря, термин «антропоиды» охватывает, независимо от происхождения, всех крупных обезьян, лишенных хвоста, задние лапы которых короче передних, а грудная клетка уплощена. Следовательно, если новая американская обезьяна и родственница коатов, то ничто не мешает ей называться одновременно антропоидной.

Может быть, это американский питекантроп?

При описании амерантропоида де Луа доктор Монтандон использовал два любопытных документа, доказывающих, что присутствие на южноамериканском континенте крупных обезьян не такая уж редкость.

Первый принадлежит перу Педро Съеса де Леона, отрывок из которого мы уже приводили. Можно предположить, что описание чем-то напоминает обезьян де Луа.

Второй впечатляющий документ говорит о возможном существовании крупных обезьян-гермафродитов, как и самки коатов. Речь идет о статье, опубликованной в американском научном журнале «Новые научные документы». В ней говорится об археологической находке, сделанной на полуострове Юкатан в Мексике (цитирую перевод Монтандона): «Высеченные из камня статуи, напоминающие горилл, найдены в стране, где гориллы никогда не встречались. Они являются одними из загадочных экспонатов Меридского археологического музея (Юкатан). У двух этих статуй отсутствуют ноги, но они изображают стоячие фигуры. Размеры одной из них более 5 ступней, начиная от скола на бедренном уровне.

Одна из статуй кажется двуполой, так как помимо явно мужских признаков она по-матерински несет на левой руке детеныша. У изваяний определенно обезьяний вид, но одновременно необычный для обезьян. У них хорошо выражены брови, широкая грудь и выгнутая спина. Каких-либо преданий или легенд, объясняющих происхождение этих созданий, обнаружить не удалось. Жители рассказывают, что эти изваяния испокон веков находились в их местности».

Наконец, по словам профессора Монтандона, если верить индейцам мотилонам, их район до последнего времени населяли пигмеи. Профессор считал, что называемые индейцами «маленькие люди» на самом деле крупные обезьяны, так как внешность последних очень напоминает человеческую и они нередко ходят по земле на двух конечностях.

Последняя гипотеза была отвергнута после того, как было доказано, что пигмеи на самом деле являются людьми. Сам маркиз де Эврин долго жил среди индейцев лилипутского роста, зовущихся маракчитосами.

Было собрано множество фотографий и даже снят фильм о них. Это лишнее раз доказывает, что легенды о южноамериканских карликах не лишены реальной почвы.

В комментариях о свойствах амерантропоидов де Луа Жорж Монтандон настолько увлекся, что уже не хотел ставить своих любимцев рядом с антропоидами Старого Света. Он ставил их выше. «Если только, — писал он, — хорошо развитый лоб нашего объекта не является следствием оптического эффекта, я не исключаю, что открытое существо принадлежит к гоминидам, аналогичным, скажем, питекантропам».

Мне кажется, что терминология профессора неоправданна, так как термин «гоминиды» следует применять единственно к представителям рода Номо. Питекантропов же, как и, возможно, амерантропоидов де Луа, правильнее называть «прегоминидами».

Было бы совершенно абсурдно причислять амерантропоидов к «недостающему звену», то есть к переходной группе между человеком и обезьяной. Не только на основании палеогеографических данных, которые исключили Америку из списка возможных колыбелей человечества. С каждым днем все яснее становится, что знаменитый родственник обезьян и человека полностью исчез миллионы лет назад.

Иначе говоря, крупная обезьяна де Луа — примат, который приобрел в условиях, очевидно, сходного развития те же внешние черты, что и питекантроп или его собрат синантроп. Эта версия вполне может быть допустима.

Сегодня хорошо известно, что у синантропа, который был, без сомнения, одной из разновидностей питекантропа, «челюстная кость была сильно выдвинута вперед, нос приплюснут, а во внешности ярко выражена антропоидность» (профессор С. Арамбур).

Можно без предвзятости обнаружить немало сходства между лицами амерантропоида и питекантропа, реконструированного фон Кенигсвальдом в 1983 году, причем лицо последнего, по моему мнению, излишне «гуманизировано».

Отсутствие волосяного покрова на самом лице, умеренная обволоченность головы, наличие бровей, губ, глазной склеры — все черты сходства бросаются в глаза при одном только визуальном сравнении фотографического изображения. К этому можно прибавить одинаковый овал лица и посадку головы.

Одновременно мы констатируем, что анатомия лица амерантропоида отличается от анатомии лица обычного коата. У первого контур лица овальный, у второго скорее треугольный. К этому прибавляется ярко выраженная массивность головы обезьяны де Луа, тогда как у коатов она намного изящнее, особенно низ лица.

С другой стороны, хотя фотография амерантропоида сделана в фас, налицо

различие между профилями его и коата. Его профиль, скорее, должен напоминать профиль морды капуцина, другой южноамериканской обезьяны среднего роста.

У коатов нижняя часть лица вытянута, тогда как у капуцинов она более укорочена, но выпячена, точно так же как у амерантропоидов.

Мозг амерантропоида вызывает споры ученых

Очень интересно было бы узнать объем мозга обезьяны де Луа. Если он достигает, что было бы сенсацией, объема, мозга питекантропа, то можно себе представить, насколько важным для науки стало бы изучение ее психики и поведения. Известно, что череп яванского питекантропа, наиболее хорошо сохранившегося, содержал в себе мозг объемом 775 кубических сантиметров, что является средним объемом между гориллой (600) и современным европейцем (1320). С этой точки зрения пекинский синантроп, так похожий на яванского питекантропа, представляет более развитую разновидность гоминидов, так как объем его мозга колеблется между 915 кубических сантиметров и 1225 кубических сантиметров, то есть в среднем 1070 кубических сантиметров.

Известно также, что антропологи придают наиважнейшее значение размерам мозга, так как это единственный критерий, по которому можно судить о степени развитости найденного антропоидного существа. Тем не менее никто не отрицает, что абсолютный объем мозга, как и его вес, не может служить критерием оценки умственного потенциала. Так, мозг слона приблизительно в четыре раза больше мозга человека, а мозг кита больше его в пять раз. Другими словами, более логично судить об интеллекте с помощью относительного объема мозга по отношению к полному, весу тела.

Вопреки ожиданию, мозг человека не стоит во главе перечня относительных объемов мозга. Его опередили и американские обезьяны. Тогда как у человека вес мозга составляет $1/46$ полного веса тела, у капуцинов и коатов он составляет где-то $1/16$ полного веса.

Но так как при этом человек все же «умнее», ученые продолжали предлагать формулы, более или менее удачные, для расчета «умственного показателя», который позволил бы человеку занять подобающее место среди живых существ. В этих формулах продолжают играть существенную роль вес мозга и тела, но многие авторы добавляют еще и рост объекта.

Как бы то ни было, принимая во внимание и рост, и массу тела, приходится согласиться, что мозг обезьян Нового Света кажется «солиднее» мозга обезьян Старого Света, включая антропоидов.

Замечательное развитие мозга южноамериканских обезьян не является следствием их общего физического развития. Как доказали работы по психологии голландского ученого Биренса де Хаана, обучаемость капуцина, размер которого не превышает размера кошки, не уступает выдающимся возможностям шимпанзе.

Если, как это обстоит в случае с африканскими и азиатскими обезьянами, у их американских сородичей интеллект также пропорционален росту, амерантропоид должен расцениваться по «уму» выше шимпанзе или гориллы. Очень вероятно, что объем его мозга значительно превосходит их объемы. Без сомнения, он больше, чем объем мозга питекантропа, а может быть, и человека. Действительно, если пропорции тела останутся неизменяемыми, коат высотой с человека будет иметь более тяжелый мозг. А у амерантропоида, как мы убедились, рост приближается к росту человека.

Так как, несмотря на это обстоятельство, крупная венесуэльская обезьяна уступает в интеллекте человеку (иначе на планете господствовали бы они, а не люди!), было бы чрезвычайно интересно провести сравнительный анатомический анализ, особенно нервной и эндокринной систем антропоида и человека одного и того же роста и веса. Такое сравнение позволило бы, помимо всего прочего, установить, какую роль играют масса, объем и форма мозга в степени интеллектуальности.

Амерантропоид — не коат

Некоторые крупные ученые, такие как сэр Артур Кейтч, отнеслись к появлению новой обезьяны крайне недоброжелательно. Он безапелляционно назвал рассматриваемое животное банальной разновидностью коатов, хвост которой искусно спрятан фотографом. Сам де Луа был объявлен им мистификатором.

Если даже не брать во внимание рост животного — так как он может быть

оспорен недоброжелателями, – одно лишь визуальное наблюдение фотографии говорит о том, что мы имеем дело с новым видом обезьян. Это настолько очевидно, что хочется задать вопрос: видел ли когда-нибудь сэр Артур живого коата?

Знаменитый американский знаток млекопитающих Филипп Херсковиц, который проник во время войны в исследуемый швейцарским геологом район и не обнаружил никаких следов амерантропидов, предложил выделить его в особую разновидность коатов. По его мнению, это был коат-метис (*Ateles hybridus*). Одну такую разновидность уже знали ученые. В 1826 году Ле Плей добыл ее представителя, с тех пор экспонат хранится в Колумбии в Музее естественной истории. Я имел возможность убедиться, непосредственно созерцая его, что он имеет мало отношения к нашему амерантропиду. Волосистой покров его несколько напоминает оболочку обезьяны де Луа, но ни рост, ни, особенно, характер лица не имеют с ней ничего общего.

Итак, для окончательного вывода оставалось только поймать живого амерантропидов или по крайней мере сфотографировать его сзади, чтобы убедиться в отсутствии хвоста.

Де Луа не был единственным, кто встречал в Южной Америке крупных обезьян. Равно как Педро Съеса де Леон не был единственным, кто собирал о нем легенды аборигенов. Их записал сам Гумбольдт. Надо заметить, что такого рода предания бродят на всем протяжении Амазонии, а не только на венесуэльско-колумбийской границе. Даже маркиз де Эврин, один из лучших знатоков бассейна Амазонки и ее притоков, посвятил им несколько строк в дневниках: «Мне сообщили о существовании крупных обезьян в районе обширнейших лесов к северу от Мату-Гросу, между истоками Парагвая и Амазонки. Сам я их не видел. Хотя об этих крупных обезьянах говорят повсюду в бассейне Амазонки, наиболее часты они со стороны Ориноко. Но попадаются достаточно редко. Их рост, когда они держатся стоя, приблизительно 1 метр 50 сантиметров. Стоя они держатся охотно, так как много времени проводят на земле. Единственный европеец, который вместе с семьей жил в Гуавьяре, что в верхнем течении Ориноко, рассказывал мне, что воспитывал молодого марибунду. Эта обезьяна, очень живая, доставляла ему множество хлопот проказами, поэтому ему пришлось в конце концов пристрелить ее, так как ее выходки стали невыносимы.

Крики марибунды странным образом напоминают человеческие. Мне не раз приходилось слышать их, и каждый раз я принимал их за крики индейцев».

Особенно донимали эти крики Эврина и его компаньонов на верхнем Ориноко, они буквально сеяли панику среди сопровождающих исследователя туземцев, которые как огня боялись злонравных индейцев гуахарибосов.

Следует ли отождествлять марибунду с обезьянами, встреченными де Луа? Я не думаю. Действительно, марибунда, или маримонда – так индейцы называют рыжих коатов (*Ateles belzebuth*). Но эти обезьяны, напомним, никогда не превышали 1 метра 10 сантиметров от макушки до ступней.

«Из того, что мне рассказывали индейцы, – уточняет Эврин, – я узнал, что тело этих обезьян стройное и что они имеют длинный цепкий хвост». Это самая существенная деталь, которая не вяжется с описанием де Луа.

Можно предположить, что де Луа натолкнулся на представителя крупной разновидности рыжего коата, но оправданнее считать, что путаница возникла оттого, что бесхвостая крупная обезьяна тоже была рыжего цвета. Во всяком случае, комментарий маркиза ненамного приблизил решение проблемы.

Новый свидетель амерантропидов

На первый взгляд, очень полезным оказалось свидетельство другого исследователя – Роже Куртвилля, гражданского инженера, которому уже приходилось бывать в Южной Америке в качестве участника этнографической миссии. Он был первым, кто решился пересечь Зеленый континент на машине от Рио-де-Жанейро до Лимы в 1926 году.

Этот настойчивый исследователь утверждал, что, находясь в районе, где побывал де Луа, он дважды встречал крупную бесхвостую обезьяну, которую окрестил «питекосантропосом». Из тех сведений, которые он сообщил мне лично, эти встречи произошли: первая – в 1938 году, вторая – в конце 1947 года. В своей книге «Неизвестные индейцы Амазонии» он приводит захватывающий фрагмент о встрече с незнакомой обезьяной. Сцена произошла в девственном лесу между реками Кататумбо и Тамандуа (недалеко от венесуэльско-колумбийской границы).

«В нескольких метрах стояло странное создание, похожее на индейца необычной масти, и ошарашенно смотрело на меня. Глаза его, впрочем, выглядели

совсем безобидно. Они были серо-голубыми, над ними поднимались хорошо выраженные брови.

На вершине лба также были густые волосы, затылок казался тяжеловесным. Все тело и члены покрывала длинная рыжая шерсть. Вся его звериная внешность контрастировала с умиротворенным выражением лица.

Был ли это человек? Или обезьяна? Более правдоподобным казалось, что это нечто среднее, результат сомнительной любви индианки и коата. Его руки казались длиннее, чем ноги, а бедра — длиннее, чем голени.

Следы, которые он оставил на песке, потом сказали мне, что ступал он на внешние ребра подошвы, как ходят шимпанзе. На поясе у меня висел охотничий нож, поэтому я был спокоен, что в случае атаки этого мускулистого существа смогу постоять за себя. Я мягко выпрямился, не спуская глаз питекантропа, а затем сделал шаг к нему.

Его подвижные глаза метались из стороны в сторону, он не осмеливался взглянуть мне прямо в глаза. Когда между нами осталось два метра, его верхняя губа агрессивно вздернулась. Внезапно он сделал прыжок назад и скрылся в тени зарослей. Ветви сомкнулись, и он навсегда исчез. Это длилось не более минуты. Но я думаю, что буду помнить его всю жизнь».

Надо заметить, что Роже Куртвилль знал о встрече швейцарского ученого с бесхвостой обезьяной и сразу же узнал ее по фотографии в своем «питекантропе».

По следам статьи, опубликованной в мае 1951 года в журнале «Калибан», перед появлением его книги, я написал ему, чтобы расспросить кое о чем. В его ответном письме определенно говорилось: обезьяна не имела хвоста, иначе он не принял бы ее за индейца. Роже Куртвилль также любезно сообщил мне, что «индейские племена с бразильско-венесуэльско-колумбийской границы, включая племя нингуэносов, знают этих существ». Название, данное ими, несомненно, исходит из подражания крикам этих обезьян.

Оно сходно с именем уакари (Сасајао), небольшой обезьянки размерами с кошку, которая обитает в районе верхней Амазонки и имеет редуцированный хвост длиной 10–12 сантиметров. Ее научное название *brachyurus*, что означает «короткий хвост», уже не употребляется.

Существует несколько разновидностей уакари, наиболее известны лысый уакари, красный уакари и чернолицый уакари. У этих обезьян по-человечески грустные лица, тело покрыто длинной шерстью, цвет которой варьирует от серебристо-белого до красно-коричневого у разных разновидностей. «Что самое любопытное в обезьянке, — пишет Э.Г. Буленджер, директор Лондонского зоопарка, — ее красное живое лицо. Оно настолько яркое, что кажется освещенным изнутри».

Заметим, что Э.Г. Буленджер, не будучи знаком с фотографией обезьяны де Луа, считал, что «крупная бесхвостая обезьяна, которая напала на него», была не чем иным, как невинным уакари. Он также высказал мнение, что крупные экземпляры уакари служили источником возникновения всевозможных легенд о человекообезьянах, живущих в джунглях Амазонии.

Ученый идет на подтасовку

Можно было подумать, что бесценное свидетельство Роже Куртвилля неоспоримо подтверждает описание, сделанное де Луа. На самом же деле — увы! — это не так.

Пусть честолюбивый исследователь считает свою находку средним звеном между человеком и обезьяной или гибридом, результатом скрещивания индианки с коатом или индейца с самкой коата, — нам обе эти версии кажутся слишком экстравагантными.

Печально было то, что ученый решил опубликовать в книге фотографию своего «питекантропа», находящегося среди ветвей. Под фотографией стояла подпись: свидетельство доктора Барля. Мне не составило большого труда убедиться в том, что фотография поддельная.

Фотография обезьяны де Луа была разрезана на части и составлена вновь так, чтобы у обезьяны получилась угрожающая поза, а затем все было наклеено на фон девственного леса.

[Я написал господину Куртвиллю письмо, в котором с удивлением спрашивал о происхождении снимка. Он ответил мне весьма туманно, что характерно впрочем, для всех его работ, что «речь идет не о фотографии, не о рисунке и что это «нейтральная форма свидетельства — документ». Тогда как хорошо известно, что слово «документ» означает нечто, что служит доказательством. После моего выступления по этому вопросу на страницах журнала «Сьянс э авенир» Роже

Куртвилль стал гневно обвинять меня и журнал в предвзятости, и наша переписка, прежде такая теплая, была прекращена. Не такое уж благодарное занятие – поиск следов таинственных животных!]

Это один из тех способов доказательства, которые недопустимы в науке и приносят ей огромный вред. Фотография, сделанная де Луа, сама по себе уже бесценна для науки и не нуждается в повторном варианте, сделанном так, чтобы отсутствие хвоста было налицо.

Не говоря о том, что изображение «питекантропа» напоминает на поддельной фотографии молодую гориллу, вызывает сомнение: как удалось снять на пленку лесного зверя в такой опасный для исследователя момент? А что сказать об утверждении, что новое существо оставляло на песке след, похожий на след шимпанзе? Автор, по-видимому, не знает, что у коатов (а нога амерантропоидов в любом случае имеет то же строение) поступь почти такая же, как у человека, то есть они ставят ступню не на внешнее ребро, а почти полностью на всю стопу. Очень может быть, что наш исследователь на самом деле встречал тех же обезьян, что и швейцарский ученый, но из-за допущенной им подтасовки доказательств все его другие свидетельства теряют силу. Как это ни печально для науки, им уже нельзя доверять.

Но существование ложного доказательства не бросает тень на рассказ самого де Луа, который он сопроводил настоящим, неоспоримым документом в полном смысле этого слова.

Похож ли амерантропоид на жителей Кордильер?

С давних пор писатель Шарль Девисм и ваш покорный слуга мечтали прочесать леса Сьерра-де-Перайе и попытаться либо поймать одну из загадочных обезьян, либо сфотографировать ее. Мы рассчитывали приступить к осуществлению своего плана, как только решится вопрос с его финансированием.

Ожидая его решения, мой друг Девисм отправился в Колумбию, чтобы на месте заниматься предварительной подготовкой к экспедиции.

Он несколько раз беседовал об амерантропоиде с доктором Парра, директором Этнологического института в Магдалене. Тот познакомил его с Жерардо Рейшелл-Долматоффом из Колумбийского антропологического института, который был хорошо осведомлен о жизни индейцев мотилонов из района Кодаэзи. Эти индейцы рассказывали ему о больших бесхвостых обезьянах, которые действительно встречаются в Сьерра-де-Перайе. Они говорят об этих обезьянах как о типичных животных края, таких как ягуар или тапир, и называют их «транко».

Шарль Девисм показывал фотографию амерантропоида многим охотникам. Те отвечали, что изображенная обезьяна – не маримонда, но она смутно напоминает ее. Во время предварительного путешествия в Сьерра-де-Санта-Марта мой друг встретил женщину-вождя индейцев аруаков по имени Мария Эфемиа Солис. Она повторила отзывы других охотников.

Среди аруаков он пополнил коллекцию слухов с диких людей с вывернутыми стопами, которые обитают в высокогорных районах вдоль Рио-де-Дьябло.

Это мрачные существа, покрытые черной шерстью, которые питаются крабами, рыбой и ящерицами и не знают ни огня, ни оружия. Аруаки пытались, по их словам, войти в контакт с ними, но не встретили доброжелательного отношения. Напротив, дикие люди, не умеющие даже разговаривать, бросаются на индейцев, чтобы разорвать их и съесть.

Мария Эфемиа, которая показалась моему другу далекой от помешательства и бегло говорила по-испански, рассказала ему о существовании каннибалов и поведала о встрече с одним из них. В 1941 году во время путешествия в сопровождении мужа ей пришлось остановиться на ночлег в одной пещере.

Услышав среди ночи вой «диких людей», она стала подражать ему, пока один из них не приблизился к пещере на несколько метров.

Было темно, и она не смогла разглядеть его черты. Но наутро она обнаружила возле пещеры следы, которые, как она утверждает, были «вывернуты назад». «Как ей удалось определить это, я не представляю», – писал мне мой друг.

Очевидно, речь идет не о «вывернутости» в чистом виде (которую как раз невозможно выявить с помощью следов), а о подобии ее, возникающем при предельно косолапой ходьбе, как у медведей. В этом случае большой палец оказывается не внутри, а снаружи парного следа. Медведи с такой поступью оставляют следы, напоминающие человеческие.

Характерно, что каждый раз обиталище людей с «вывернутыми» ногами

оказывается в малодоступных горных районах. С этим сталкивался Кювье, который шуточно сетовал на то, что у человека не такие совершенные конечности, чтобы гоняться за этими существами. Неизвестно, приходила ли в голову «отцу палеонтологии» мысль о том, что горные области всегда были родной вотчиной различных медведей.

В Южной Америке живет всего один представитель семейства медвежьих. Это очковый медведь (*Tremarctos omatus*), он обитает в Андах на территории Колумбии, северной части Чили и в Боливии.

Повадки этого некрупного медведя с белыми кругами вокруг глаз мало изучены, так как он очень пуглив и скрытен, и его практически невозможно встретить в природе. Зато он окружен ореолом таинственности, обвиняется индейцами в похищении скота, тогда как редким натуралистам, которым посчастливилось наблюдать его, удалось выяснить, что чуть ли не единственной пищей медведя являются плоды грушевых деревьев.

Мы несколько удалились от темы, но читателю теперь будет ясно, что даже самые необычные легенды имеют под собой реальную почву.

Когда-нибудь, я верю в это, будет найдено и существо, которое породило легенды о южноамериканских людоедах. А что касается амерантропоида, то его существование доказывает фотография, которой мы обладаем.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ВЫМЕРШИЕ ГИГАНТЫ СЕВЕРА

Создание мамонтов было неудавшейся попыткой, предшествовавшей сотворению Высшего существа. Изготавливая столь огромное животное, божественные силы не учли ни размеров Земли, ни ее покрытия. Оказалось, что Земля не в состоянии вынести на своей поверхности такой тяжести, а растущих на ней растений недостаточно для питания колосса. Мамонты съедали все деревья до самых корней, поэтому в течение короткого времени север Сибири лишился лесов. Так родилась тундра. В болотистых местах и по песчаным берегам рек мамонты стали увязать из-за своего веса, а наступившая зима навсегда заморозила их. Так постепенно они исчезли с лица земли. Временами люди находят в смерзшейся земле их сохранившиеся тела.

Из легенд юкагиров

Глава 1 МОХНАТЫЙ КОЛОСС ТАЙГИ

Некоторое время назад советская информационная служба передала на весь мир сенсационную новость: в Сибири были замечены живые мамонты.

Несмотря на сенсационный характер, эта информация нашла отклик в нашей стране всего лишь в нескольких газетах, да и то в виде коротких заметок. Скорее всего, редакции, привыкшие к не прекращающемуся потоку всякого рода неожиданных сообщений, сочли тему несколько устаревшей. Действительно, сколько раз уже всплывали на страницах печати эти мамонты.

Во всяком случае, сообщение не заинтересовало их. Но внимание ученых вновь было приковано к Крайнему Северу, где пот уже больше чем столетия находятся очевидцы, утверждающие, что видели живого мамонта.

Официального подтверждения ни в Сибири, ни на Аляске эти сведения не нашли.

Что рассказывают эскимосы

Однажды наука была близка к тому, чтобы принять гипотезу о существовании мамонтов: в 1898 году ежедневная газета Сан-Франциско опубликовала статью, в которой со всей серьезностью рассказывалось о том, что эскимосы Аляски слишком хорошо осведомлены о знаменитых мохнатых слонах — как об их внешности, так и о нравах. Путешественник, который прислал статью, с удивлением обнаружил у эскимосов оружие из моржовых клыков, на котором были вырезаны изображения мохнатого колосса с длинными изогнутыми бивнями. Причем изображения были вырезаны сравнительно недавно.

Слишком неправдоподобной казачась версия о том, что образ животного передавался неизменным из поколения в поколение в течение 20–25 тысяч лет, то

есть с той эпохи, когда, предположительно, исчезли мамонты.

В газете «Нью-Йорк геральд» появился отклик на ошеломляющее сообщение. Наконец сбудется мечта самого президента Томаса Джефферсона! Он так сочувствовал своему секретарю и другу Мериуэтеру Льюису, который отправился в составе экспедиции Кларка искать живого мамонта. В указанное место немедленно устремилась научная комиссия, она не встретила там мамонтов, но подтвердила сообщение путешественника. Костяное оружие было взято на экспертизу, которая подтвердила недавний срок его изготовления. Когда исследователи спросили эскимосов, где живут слоны, покрытые шерстью, они указали им в сторону ледяной пустыни на северо-западе.

Может быть, они хотели всего лишь показать место, где охотились когда-то на мамонтов их предки? Если это так, то мамонты должны были исчезнуть совсем недавно (радиоуглеродным методом было точно установлено, что эскимосы обосновались на американском Крайнем Севере не более тысячи лет назад). А может быть, предания о мохнатых гигантах пришли к нам из далекой Сибири? В любом случае эскимосы сообщают о мамонтах такие подробности, которые наука может установить только с помощью сравнительного анализа.

Они живут под землей!

Остановимся на некоторое время. Пересечем мысленно Ледовитый океан и окажемся в Скандинавии. Там мы столкнемся с несколько видоизмененной легендой: живущие на Крайнем Севере лапландцы твердо верят в существование мохнатых гигантов. Но они живут, по словам этих людей, под вечными снегами Великого Севера.

Возвращаясь на восток, мы без труда убедимся, что на всем протяжении Сибири до Берингова пролива бытуют верования о косматых колоссах с нравами подземных жителей.

У эскимосов чуклукмиутов, населяющих азиатский берег пролива, мамонт известен под именем «килу крук», то есть «кит по имени Килу». Согласно легенде, этот кит повздорил с морским чудовищем Аглу и был выброшен на сушу, но оказался слишком тяжелым и погрузился в землю. С тех пор он поселился под вечной мерзлотой, где роет себе ходы мощными бивнями.

У чукчей, которые занимают самую крайнюю северо-восточную часть Сибири, мамонт олицетворяет носителя злого духа. Он живет под землей, где перемещается по узким коридорам. Когда человек встречает торчащие из земли бивни, он должен сразу же выкопать их. Тогда колдун лишится силы и не спрячется снова под землей, чтобы разносить зло. Рассказывают, что однажды несколько чукчей встретили два клыка, выглядывающие из земли. Они поступили согласно заветам предков и выкопали след за ними живого мамонта, что позволило их племени всю зиму питаться свежим мясом.

Юкагиры, чьи владения тянутся за полярным кругом от дельты Лены до Колымы, упоминают в своих преданиях мамонта под именем «хольхут». Некоторые здешние шаманы считают, что дух гиганта – наравне с существующими животными – является хранителем души. Таким образом, шаман, в которого вселился дух мамонта, считается несравненно более сильным, чем обыкновенный шаман.

«Основываясь на этих сведениях, – писал еще в начале века Вольдемар Йохельсон, который донес до нас северные предания, – можно считать, что когда-то мамонты жили одновременно с людьми».

Согласно Йохельсону, руководившему экспедицией Рябу-шинского на Камчатку, Алеутские, Командорские и Курильские острова, юкагиры в своих преданиях не зафиксировали факт исчезновения мохнатых чудовищ. Они объясняют его просто непомерным весом гигантов, который не позволил им сохраниться на заболоченной территории. Примечательно, что многие ученые придерживаются именно этой точки зрения.

У юкагиров, которые испытали на себе значительное влияние русских, предания были искажены в сторону библейских легенд.

«Ной, – рассказывают они, – хотел взять в ковчег вместе с другими зверями и пару мамонтов. Но когда те попытались только забросить на судно передние ноги, оно чуть не перевернулось. Тогда Ной прогнал их. С тех пор мамонты навсегда исчезли».

Южнее, у якутов и устьяков – настоящих монголов, а также у коряков, населяющих берег Охотского моря, можно услышать подобные легенды о некой гигантской крысе, которую зовут «маманту», то есть «та-что-живет-под-землей», –

имя, напоминающее имя «мамонт». Рассказывают, что они не выносят дневного света. Как только они появляются из-под земли, гремит гром и сверкает молния. Они же служат причиной подземных толчков и землетрясений.

У камчадалов на полуострове Камчатка сохранились только отголоски этих легенд. Здесь можно услышать о сказочном персонаже по имени Туйла, который ездит под землей в санях, запряженных собакой. Когда он возвращается к себе, его собака Козей отряхивается от снега, — вот почему в тех районах повышенная сейсмичность!

В Монголии все еще можно встретить призрак мохнатого слона в местных преданиях. На этот раз он имеет облик гигантского крота по имени Тай-Шу. В книге «Се-Чу, или Четыре тома по философии морали и политики Китая» — упоминается о лохматом чудовище, с крохотными глазками и коротким хвостом, которое роет в снегу ходы с помощью двух клыков.

В энциклопедическом трактате «Мир животных» (XVII — XVIII вв.) также можно обнаружить эхо сибирских легенд: на севере живет подземная крыса феншу, то есть «скрывающаяся мышь». Или ее называют иеншу, то есть «мышь-мать», а в книге «Зеркало маньчжурского языка» ее называют djoukhensing-gheri, то есть «крыса льдов». Это огромное, подобное слону животное, «которое живет только под землей и умирает, как только покажется наверх и ее коснутся солнечные лучи».

К этим сведениям писатель-император добавляет несколько прозаических деталей: «Попадаются феншу, которые весят до 10 тысяч фунтов. Их зубы похожи на слоновьи бивни: северные народы делают из них посуду, гребни, рукоятки для ножей и т.д. Я видел своими глазами эти зубы и изделия из них. Поэтому я верю рассказам о феншу, встречающимся в наших старых книгах».

«Зеркало маньчжурского языка» сообщает о мамонтах удивительно точные сведения: «Крыса льдов и ледников живет глубоко на севере, под вечными снегами. Ее мясо можно есть. Шерсть ее имеет длину в несколько ступней. Из нее можно ткать ковры, противостоящие сырому воздуху».

От фантастического северного слона до суперкоровы барона Кагга

Но вернемся в Сибирь, где местные жители не только могут рассказывать о мамонтах, но и покажут при случае их огромные бивни, достигающие 5 метров длины, весящие более 200 килограммов.

Торговля мамонтовыми бивнями давно процветала в Сибири. В начале нынешнего века вывоз их только из района Якутска достигал в среднем 152 пар в год. За два предыдущих столетия из этого района было вывезено зарегистрированных бивней 25 400 животных. Если исходить из сумм налогов, указанных в учетных таможенных книгах, из Сибири были вывезены бивни около 60 тысяч мамонтов. Это не считая утечки ценного материала в более ранние периоды.

Упоминание о мамонтовой кости встречается в китайской хронике, относящейся к эпохе до нашей эры. В IX веке арабы, преуспевшие в различного рода торговле, поставили ее сбыт на широкую ногу. Бивни покупались у болгар на Волге и отвозились в Европу, где продавались как слоновая кость. Ловкие купцы выдавали их за рог мифического нарвала и сбывали буквально на вес золота.

Восторг покупателей улегся лишь в 1611 году, когда английский путешественник Логан привез в Лондон бивень слона, который приобрел в России.

«В России? Это невозможно!» — вскричали его соотечественники. Им было хорошо известно, что слоны водятся только в Африке и Индии. Конечно, попадают остатки их и в Европе, но это не что иное, как слоны Ганнибала...

Но Логан стоял на своем и не выглядел сумасшедшим. Он утверждал, что купил бивень у самоеда недалеко от устья реки Печоры, впадающей в Баренцево море.

В конце XVII века слова Логана подтвердились докладом голландского дипломата Эверта И. Ида, который был отправлен в Китай Петром I. Там в 1692 году ему приходилось слышать рассказы о том, что на севере Сибири иногда находят захоронения костей и гигантских клыков животных, которых называют мамонтами. Один русский рассказывал ему, что сам находил замороженные части слона в районе Енисея.

Но необычные истории, которые рассказывали коренные жители об этих кротоподобных существах, не внушали доверия европейским натуралистам. В конце концов ученые решили, что речь идет о необычном животном, имеющем отдаленное отношение к слонам, но обладающем, как и он, ценными бивнями. Так на сцену вышли моржи (*Odoboenus rosmarus*). Без сомнения, остатки этих огромных лаконогих, достигающих в длину 5 метров (клыки — до 60 сантиметров), были приняты

путешественниками за кости слонов! Правда, клык моржа не столь огромен, как бивень мамонта, но зато моржей можно часто встретить вдоль северных берегов.

Путаница усугублялась еще и тем, что русские купцы, участвующие в вывозе бивней, называли их «Мамонтова кость», а не «клык» и не «зубы». Они сами были введены в заблуждение юкагирами, которые являлись основными поставщиками этого сырья и которые называли его холхут-онмун, то есть «рог» и даже «бревно» мамонта. Это не значит, что у них не было представления о строении мамонтов: бивни назывались у них «рогами, растушими изо рта». Что же касается «бревен», то они казались северянам самым подходящим предметом для сравнения с толстыми изогнутыми бивнями, не имеющими ничего общего, по их мнению, с зубами.

Впрочем, это был не самый вопиющий случай заблуждения, что доказывает следующая история, описанная в научно-популярном труде Вилли Лей «Драконы в янтаре»: «В 1772 году шведский офицер барон Кагг, полковник королевской кавалерии, отправился в Сибирь в качестве исследователя, будучи военнопленным. Его напарник, также пленный, посвящал все свободное время сборам сведений о знаменитом гиганте – обладателе дорогой кости. Однажды он встретил некоего русского, который сказал ему, что знаком с этим животным, и согласился нарисовать его. Напарник передал рисунок Каггу, чтобы тот отправил его в Швецию, где этот шедевр до сих пор и хранится в библиотеке Линчёпинга. Трудно сказать, верил ли тот русский, изобразивший корову с когтями и рогами, закрученными штопором, в истинность своего рисунка, или же он хотел подшутить над своим бывшим врагом».

Вилли Лей с иронией замечает: «Сам барон Кагг искренне верил рисунку. Чего нельзя сказать об ученых».

Неожиданное появление бегемота и шерстистого носорога

Пока европейские ученые ломали головы над загадкой, единственной зацепкой в которой можно было считать бивень, привезенный Логаном, русские предпринимали конкретные шаги. Решив разгадать тайну, царь Петр послал в Сибирь немецкого натуралиста, пользовавшегося немалым доверием и авторитетом, доктора Д. Г. Мессершмидта. Ему поручалось продолжать освоение бескрайних просторов Сибири и одновременно уделять должное внимание поискам загадочного землероющего слона.

Стоит ли приписывать удачу, которая сопутствовала немцу, поразительной частоте, с которой встречаются мамонты в Сибири? В любом случае во время путешествия исследователь узнал, что неподалеку от Индигирки обнаружили обнажившийся из-под льда труп мамонта. Он прибыл на место, когда большая часть туши уже была растащена волками. Мессершмидту достался почти весь скелет чудовища, а также кусок кожи, покрытый длинной шерстью, напоминающей козью.

Увы! Сравнительная анатомия была еще слишком слабо развита в те далекие годы. Почтенный ученый без колебания заключил, что останки принадлежат «животному, упоминающемуся в Библии под именем Behemoth».

Известно, что «бегемот, истекающий кровью», упоминаемый в святых книгах, – не что иное, как гиппопотам, сальные железы которого выделяют красноватые масляные капли, способствующие повышению эластичности и водоотталкивающих свойств кожи. Под солнечными лучами они создают видимость сочащейся крови.

К счастью, это «открытие» мало на кого произвело впечатление.

В 1771 году была сделана еще одна находка, на этот раз, правда, верно определенная, которая внесла в список «подозреваемых» животных и носорога. Известный немецкий натуралист и естествоиспытатель Петер Симон Паллас, путешествуя по Сибири на средства Екатерины Великой, обнаружил на одном из притоков Лены неполный скелет, покрытый остатками кожи неизвестного животного. Кожу покрывали густые и длинные темно-коричневые волосы. Как правильно установил ученый, скелет не мог принадлежать легендарному мамонту, он принадлежал носорогу.

Ученым, не верившим в сибирских слонов, пришлось признать факт существования на Крайнем Севере шерстистого носорога – двурогого, с ноздрями, разделенными перегородкой. Теперь в Европе стали появляться палеонтологические труды, в которых упоминалось о том, что когда-то здесь жили предки современных носорогов.

Напомним, что в средние века, когда ученым приходилось откапывать захороненные окаменелые кости динозавров, сохранившиеся в европейских глинах или гравии, принято было считать, что они принадлежали гигантским людям, титанам и атлантам.

В церквях и по сей день хранятся «кости драконов». Слонарвьи бивни принимались за рога другого сказочного героя – нарвала.

Те времена канули в прошлое. В 1799 году Иоанн Фридрих Блуменбах из Геттингенского университета торжественно объявил, что раньше в Европе жили слоны, которые не были похожи на современных слонов. У тех бивни были причудливо загнуты. Вы узнали их, конечно: ученый имел в виду наших мамонтов!

Но знаменитый немецкий зоолог, прекрасно осведомленный о шерстом покрове вымершего слона, не догадался сопоставить его с легендарным кротоподобным гигантом, которого сибиряки называли мамонтом. Он окрестил животное, скелет которого кропотливо составлял из костей, найденных как в церквях, так и в карьерах, *Elephas primigenius*.

Стоит сказать, что имя это не было удачным, так как мамонты были слишком обособившейся группой животных, сильно отличающихся от современных слонов.

Законсервированный мамонт

Приблизительно в то же время, когда Блуменбах потряс западный мир открытием, один экземпляр из числа его любимцев предстал во плоти перед глазами скромного тунгуса, добытчика мамонтовой кости, по имени Осип Чумаков. Животное находилось в ледяной глыбе недалеко от дельты Лены и выглядело, вероятно, довольно зловеще, так как, наткнувшись на него, тунгус припустился бежать со всех ног. Ибо, согласно преданию, мамонт обладал дурным глазом.

Движимый любопытством, Осип возвращался каждую весну проведать своего зверя. Однажды он увидел, что изо льда показался кусочек бивня. Для добытчика мамонтовой кости это было слишком сильное искушение. Бедный малый несколько раз порывался выдолбить из-под льда ценный бивень, но всякий раз пугался, что чудовище проснется от боли и вырвется наружу.

О замороженных колоссах издавна ходили грозные слухи. Даже век спустя Йохельсон застал отголоски недоброй репутации, завоеванной мамонтами. «Выйдя к Охотскому морю в районе реки Кольма, – писал он, – я провел ночь на берегу озера Кемемнан (Мамонтове озеро). На мой вопрос, откуда пошло название озера, мне рассказали, что однажды на его берегу остановилась на ночлег семья кочевников-тунгусов. Проснувшись утром, они увидели неподалеку от стоянки пару торчащих из снега мамонтовых бивней. Охваченные ужасом, они вскочили на нарты и умчались, но на следующей стоянке все погибли, за исключением одного мальчика».

Осип, знавший о мохнатых гигантах много других впечатляющих историй, так испереживался, что в один прекрасный день заболел и решил, что пришел его последний час.

К счастью, в деревне в это время находился русский купец по фамилии Болтунов, который, почуяв выгодную сделку, быстро вернул к жизни суеверного тунгуса. Он нарисоват перед глазами мнимого большого картину доходного предприятия, пообещав, что если тот ответит его к замерзшему мамонту, он сам обременит себя трудом выдолбить из льда бивни. В предвкушении поживы Осип быстро поправился. Двум компаньонам удалось благополучно высвободить бивни животного. Отдав тунгусу 50 рублей, Болтунов стал обладателем добычи.

Русский коммерсант не только забрал с собой мамонтову кость, но и сделал зарисовку животного, которая в конце концов и попала к Блуменбаху.

Конечно, животное на рисунке мало напоминало слона. Мало того, что до появления Болтунова туша была атакована голодными волками, под давлением льда части ее причудливо деформировались, кожа порвалась, бивни вывернулись в стороны. Но Блуменбах без труда узнал в нем своего *Elephas primigenius*.

Ему хватило взгляда на один из зубов животного, тщательно вырисованного купцом. Немецкий ученый сразу же опубликовал рисунок с комментарием: «*Elephas primigenius*, называемый на Руси мамонтом, вырытый вместе с кожей и шерстью в 1800 году в устье реки Лена у Северного Ледовитого океана. Рисунок сделан с натуры, остатки животного изображены в том виде, в каком они были найдены, то есть поврежденными и частично разоренными».

Окрыленный известием о почти сохранившемся мамонте, в дорогу собрался русский ученый, профессор Адамс. Он хотел своими глазами увидеть его остатки и сделать необходимые науке наблюдения. К сожалению, знаменитого ботаника опередили волки, лисы и россомахи, а также якуты, которые кормили ископаемым мясом собак.

Впрочем, сам скелет неплохо сохранился, ему не хватало всего одной ноги. Сохранились также три четверти кожи животного, покрытой рыжеватой и бурой

шерстью, которая на шее достигала 70 сантиметров. Толщина кожи в некоторых местах превышала 2 сантиметра, десять человек с трудом смогли поднять ее. Адаме тщательнейшим образом упаковал все части бесценного ископаемого и даже просеял разбросанную вокруг него землю, получив 17 килограммов мамонтовой шерсти. С величайшими предосторожностями реликвии были переправлены в Санкт-Петербург и проданы там хранителям основанной Петром Великим Кунсткамеры за 8 тысяч рублей. Эти останки и по сей день можно увидеть в Зоологическом музее города.

Портрет лохматого колосса

Находка замерзшего мамонта повлекла за собой серию аналогичных открытий в разных частях северной Сибири между Обью и Беринговым проливом. Замороженные мамонтовые туши обнаруживают вплоть до нашего времени. Эрозия идет постоянно, она размывает глинисто-ледяные могилы, где спят замороженные заживо гиганты.

В апреле 1901 года Петербургская академия наук была извещена губернатором Якутска об обнаружении прекрасно сохранившегося мамонта, вмёрзшего в лед на берегу Березовки, одного из притоков Кольмы. Царь самолично пожертвовал академии 16 тысяч рублей, на которые немедленно была снаряжена экспедиция, руководимая доктором Отто Герцем, заведующим зоологическим отделением этого учреждения. На этот раз знаменитый охотник на бабочек ехал за более крупной добычей.

Волки и другие хищники не успели опередить исследователей. Подтаявшая часть трупа начала разлагаться, поэтому место захоронения источало характерный запах.

Среди участников экспедиции был молодой немецкий таксидермист Е.В. Пфиценмайер. Этот тридцатидвухлетний палеонтолог давно мечтал выкопать из земных глубин доисторическое чудовище, и на этот раз судьба послала ему такую возможность. Предстояло очистить и обработать не просто уцелевший фрагмент кожи и груды костей. Пфиценмайеру выпала удача препарировать нетронутую плоть огромного зверя, досконально разобраться в его анатомии. Впоследствии его работы по изучению мамонтов были признаны во всем научном мире, и он был назначен директором-хранителем Тифлисского музея, где прожил до 1917 года, после чего возвратился на родину, в Вюртемберг.

Экземпляр, найденный на реке Березовка, послужил поводом для определения научного названия сибирских мамонтов. Его назвали *Elephas berezovkius*.

Все тело извлеченного из мерзлоты мамонта было покрыто красновато-желтой шерстью. В некоторых местах она была черного цвета и достигала от 30 до 70 сантиметров длины. Вероятно, раньше цвет ее был черно-рыжеватым, но со временем он изменился.

Хвост животного был коротким. Любопытная деталь: у основания он имел специальную кожную складку для защиты от холода анального отверстия.

Спасал от мороза и подкожный слой жира толщиной до 9 сантиметров. Кроме того, животное несло на голове и на загривке два жировых нароста: они служили ему, как верблюдам, источником питания в голодный период.

Исследователей поразило, насколько облик мамонта напоминал внешность азиатского слона (*Elephas indicus*). Особенно своей горбатостью, небольшими ушами и вогнутым лбом.

Из подкожных сосудов животного были взяты и старательно препарированы образцы крови животного. Серологический анализ неопровержимо доказал, что мамонты находятся в родстве с индийскими слонами.

Раз уж речь зашла о слонах, попробуем выяснить истинный рост мамонтов. Рассматривая иллюстрации к учебникам и другие книги, можно подумать, что мамонты достигали 6 метров в высоту. Но ни один мамонт никогда не имел таких размеров. Конечно, существовали когда-то в Северной Америке представители гигантской разновидности *Elephas imperator*, высота которых составляла 4 метра и более. Но сибирский мамонт никогда не превышал в холке трех метров; он был даже ниже, чем современные индийские слоны (напомним, что африканские слоны достигают высоты в холке 3 метра 70 сантиметров). Но если учесть, что тело мамонтов было покрыто длинной шерстью, а к зиме вырастали внушительные наросты на голове и загривке, то можно себе представить, какими горами шерсти и мяса они казались!

Теперь мы знаем даже то, чем питались наши гиганты. Пфиценмайер препарировал также и содержимое желудка монстра – 12 килограммов пережеванной, но не успевшей перевариться пищи. Ботаники смогли определить обычный рацион животного: он состоял из иголок лиственницы, сосны и ели, приправленных шалфеем и диким тимьяном, а также из сосновых шишек, мха, альпийского мака и лютиков.

Дальнейший анализ установил, что пищу сибирских слонов составляли также карликовые ива, береза, ольха, тополь, различные виды кустарниковой и злаковой растительности.

Одним словом, в их желудках можно было встретить все съедобное, что произрастало в те времена в тундре и лесотундре.

Когда же исчезли мамонты?

Казалось бы, хорошо сохранившиеся находки очевидно доказывают существование мамонтов в настоящее время, как в это и верят ныне живущие на дальнем севере народности. Но наука категорически опровергла эту гипотезу. Кювье, способствовавший неслыханному взлету палеонтологии, убедил европейских ученых XIX века в том, что мамонты, остатки которых находят повсеместно от Северной Америки до Сибири, являются вымершей группой животных. Эволюционное учение о развитии животного мира исключало возможность сохранения животного, весь род которого давным-давно вымер. Таким образом, тела мамонтов, даже если их мясо еще годилось в пищу, должны были находиться в замороженном состоянии от 10 до 100 тысячелетий.

В 1864 году Эдуард Лартет, которого можно по праву считать основоположником палеонтологии человека, выкопал в районе пещеры Ла-Мадлен лезвие из слоновой кости, на котором было отчетливо выгравировано изображение мамонта.

Этот великолепный образчик древнего искусства приняли во французской Академии наук за подделку. На рисунке отчетливо виден надзатыльный жировой горб, о котором не могли знать те, кто будто бы подделал его. Беда была в том, что не знали о существовании горба и ученые. О нем стало известно, как мы уже убедились, несколько десятилетий спустя.

Отныне были установлены два факта. Во-первых, покрытые шерстью слоны занимали когда-то огромные территории в Европе, Азии и Северной Америке. Во-вторых, они были современниками человека. Это подтвердили рисунки, обнаруженные во Франции в Дордоньских пещерах, где перед взорами открывателей предстали настолько тщательно выписанные изображения мамонтов, что не оставалось сомнения: они были сделаны с натуры. Но если мамонты исчезли из Европы, а человек остался, то ставится под сомнение универсальность закона Кювье, согласно которому полная смена видового состава фауны происходит вследствие крупных природных катаклизмов.

Если какое-либо грандиозное наводнение или землетрясение не было причиной исчезновения лохматых слонов, то что же тогда стало причиной их гибели?

Отступление мохнатых орд

Наукой установлено, что на Крайнем Севере мамонты появились позднее, чем в Центральной и Западной Европе. Это вполне понятно, если исходить из климатических условий, которые, как известно, не так давно претерпели значительные изменения.

Известно, что сибирские тигры покрыты более длинной шерстью, чем бенгальские, а аляскинские гризли имеют более теплую шубу, чем их сородичи из Малайзии. Длинная шерсть, безусловно, — одно из главных приспособлений для существования в холодных условиях. Точно так же и мохнатость мамонтов не случайно контрастирует с почти голой кожей африканских и индийских слонов.

Если мамонты были распространены когда-то на обширных территориях Северной Америки и Европы, то это потому, что в те времена там царил более низкая, чем сегодня, температура. Современные исследования показали, что ледники, которые в наши дни покрывают горы Скандинавии, в ту эпоху простирались по всему северу Европы. Они-то и превратили в сибирскую тундру некогда цветущий край, заполненный животными, которые ныне обитают в тропиках.

Останки мамонтов (*Elephas primigenius*) и шерстистых носорогов с ноздрями, разделенными перегородкой (*Rhinoceros tichorhinus*), найденные в Европе, соответствуют последнему периоду оледенения, который закончился, по данным ученых, около 12 тысяч лет назад.

Вполне логично предположить, что мамонты и шерстистые носороги следовали на север за отступающим ледником, который поддерживал так необходимую им прохладу. Но если холодолюбивые животные покинули бывшие пастбища, которые мало-помалу стали заполняться густыми лесами, то это не значит, что их ждала

неминуемая гибель на просторах Сибири. Ведь там до сего дня царит их любимый климат.

Что же погубило гигантов?

Ученые ломали головы над тем, что же вызвало гибель огромного поголовья животных, которые были не только хорошо приспособлены к холоду, но и предпочитали его теплому климату. Может быть, их снес в морг бурный паводок, вызванный таянием ледников? Но он не мог уничтожить сразу всех животных на двух материках.

В поисках ответа на этот вопрос французский зоолог Невилль поставил под сомнение морозостойкость мамонтов. Так ли уж были они хорошо защищены от холода, как кажется при взгляде на их густой шерстяной покров? Не послужил ли холод причиной их гибели? Должно быть, на их долю выпало невероятное похолодание, если их замороженные тела смогли сохраниться до наших дней.

В их желудках мы можем обнаружить частички растений, которые не смогли бы развиваться в условиях слишком сурового климата. Может быть, мы не осведомлены о внезапно налетевшей волне холодного воздуха, которая убила основную растительность, оставив крупных животных без пищи?

Нет, отвечает Невилль. Такое не могло произойти на столь протяженном пространстве. Кроме того, желудки обнаруженных мамонтов, как правило, полны пищи, а слой подкожного жира довольно толст, чтобы предположить возможность наступления голодного периода.

Создается впечатление, что исчезновение гигантов не было вызвано внешними факторами. Невилль стал внимательно изучать кожу мамонтов и сравнивать ее с кожей современных слонов. Он пришел к выводу, что они идентичны. В частности, ни та, ни другая не имеют потовых и сальных желез [Сейчас эти данные подвергнуты сомнению – Ред.] Таким образом, при отсутствии жировой обработки густая шерсть мамонта теряет свойства, предохраняющие животное от холода и влаги. Сквозь нее может спокойно проникать дождь со снегом, превращая ее из теплой шубы в ледяную корку.

Невилль заметил также, что знаменитые бивни имеют форму почти круга, что делает их бесполезными в качестве оружия, наоборот, они только отягощают животное.

Кроме того, ноги гигантов были «обуты» в мощные роговые наросты, что, по словам ученого, делало движение мамонтов неуклюжим и медленным.

Короче, исчезновение мамонтов стало следствием постепенного, но неуклонного вырождения. Они оказались не приспособленными к сильным морозам и были отягощены другими недостатками в устройстве тела. Таково мнение знаменитого зоолога.

Мне же, пожалуй, ни один из аргументов Невилля не кажется убедительным.

С одной стороны, проницаемость шубы с лихвой должна была бы компенсироваться мощной жировой прослойкой, которая, как известно, является превосходной защитой от холода. Кроме того, наличие, как мы уже отмечали, специальной кожной складки у основания хвоста, предохраняющей анальное отверстие, говорит о довольно совершенных механизмах защиты от ледяного воздуха. Наконец, можно задать вопрос: не помогали ли, наоборот, роговые наросты нашим тяжеловесам ступать по вязкому грунту и глубокому снегу?

Впрочем, возражение можно построить намного проще: если мамонтов так угнетал холод, почему же они не остались в Европе после отступления ледниковых языков? Стоило ли им бежать от наступающего потепления, чтобы перемерзнуть в Сибири!

Аргумент же, согласно которому оружие мамонтов превратилось в бесполезный груз, имеет мало оснований, так как известно, что слоны, защищаясь бивнями, стараются не проткнуть, а сшибить противника. А для этого закругленные бивни вполне подходят.

Действительно ли они исчезли?

Наиболее популярная в наши дни гипотеза утверждает, что мамонты погибли вследствие катастрофы. Не несчастный ли случай погубил мамонта Березовки? Исследование обнаружило перелом одной из лап и таза. Очевидно, мохнатый слон сделал неверный шаг и свалился с обрыва, запорошенного недавним снегопадом. Барахтаясь в оползне, он спровоцировал новую лавину снега, которая и погребла

его навечно.

Не могли ли подобные несчастные случаи сделаться массовыми в определенных условиях? Например, при отступлении ледника возникло множество промоин, скрытых и явных, подстерегающих исполинов.

Но можно ли всерьез считать причиной исчезновения целого вида столь редкое для животного явление, как падение с кручи? Наоборот, животные инстинктивно стараются избегать подозрительных мест. Вряд ли мамонты, отправляясь на новые территории, чтобы выжить, стали бы слепо бросаться со склонов.

Лось, северный олень, россомаха, полярная лиса и лемминг жили бок о бок с мамонтами в эпоху оледенения, а вместе с ними и мускусный бык, и лошадь Пржевальского. Всем им нашлось убежище в Сибири и на Аляске. Почему же исключение составили мамонты?

Большинство ученых согласны с тем, что они могли дожить до самого недавнего времени. А дальше? Почему небольшая часть их не могла сохраниться где-нибудь в землях якутов и якутиров?

Мамонт – лесное животное

В науке часто многое зависит от того, как поставлен вопрос, на который мы ищем ответ. До сих пор мы пытались ответить на вопрос: живут ли мамонты в тундре в наши дни, а если нет, то почему они вымерли?

Почему именно в тундре? Только потому, что их останки попадают только среди заболоченных равнин? Но это не доказывает, что мамонты не жили в других местах. Ведь если в Европе находят останки обезьян и львов, это не означает, что эти животные нигде больше не жили.

Вполне вероятно, что тайга простиралась раньше намного севернее, чем сегодня, как раз там, где находят наибольшее количество останков мамонтов.

Впрочем, то, что мамонт – животное в первую очередь таежное, а не тундровое, подтверждает сдержанное количество желудков найденных животных. В тундре основная растительность – мох. Но рацион гигантов, как мы выяснили, был намного разнообразнее.

Мы выяснили также, что кожа их была лишена солевых желез, но оказалась в то же время снабженной жировым слоем. То есть животное было плохо защищено от дождя и снега, но хорошо переносило холод.

К этим свойствам лучше всего подходит лесной ландшафт, где густые кроны хвойных пород служат хорошим укрытием от осадков.

Монстра видели живым

В этом огромном лесу, состоящем из березы и хвойных, пересекаемом многочисленными реками, мамонты нашли бы себе идеальные условия для жизни. Зачем им понадобилось покидать эти сытные и безопасные места, чтобы воцариться среди ледяной пустыни? Но наверняка местным племенам изредка удавалось видеть своих рослых соседей. Если читатели относятся к свидетельствам этих оторванных от цивилизации народов с недоверием, то для них мы приберегли рассказ двух русских охотников, которые в 1920 году встретили на опушке леса следы огромного зверя. Это случилось между речками Чистой и Тасой (район между Обью и Енисеем). Овальные по форме следы имели от 60 до 70 сантиметров в длину и около 50 в ширину. Передние ноги животное ставило в четырех метрах от задних. Кучи навоза, попадающиеся время от времени, свидетельствовали о мощных размерах животного.

Взволнованные охотники пошли по этим следам. В лесу они заметили обломанные на высоте трех метров сучья. Через несколько дней погони они встретили наконец двух чудовищ, за которыми наблюдали с расстояния около 300 метров. Они различили белые загнутые бивни. Животные имели бурую окраску, длинную шерсть; передвигались они неторопливо.

Волосатые слоны Ермака

В пользу этого свидетельства говорит то, что события рассказа происходили там, где мамонта «не принято было» встречать. Обманщики обычно выбирают для своих рассказов самые достоверные детали. Традиционный образ мамонта приурочен к снежной пустыне или тундре – таким его изображают во всех научных трудах и учебниках. Хотя, на мой взгляд, это самая неестественная среда обитания для мохнатых колоссов. Может быть, зимой, когда в тайге нечего было есть, мамонты

выходили в тундру в поисках ягеля? Там-то они и попадали в коварные ловушки вроде подмерзшей топи.

В заключение вспомним, что знаменитый покоритель Сибири Ермак Тимофеевич упоминал о встрече среди Уральских гор с «волосатым слоном». Эту «гору мяса» местные жители, по словам казака, считали символом богатства их страны. Это происходило в то время, когда славяне еще не знали о существовании мамонтов.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ

Ex Africa semper aliquid novi
(Африка всегда преподносит что-нибудь новое).
Греческая поговорка, переданная Плинием

Глава 1
ЛЕВ-ЛЕОПАРД, СЛОН-ГИППОПОТАМ И ДРУГИЕ ТВАРИ

Африка — земля удивительных секретов. Отчего? Из-за испарины ее непроглядных ночей, ее безжалостного солнца, выжигающего все живое, из-за обнаженных ее обитателей и бесстыдства ее танцев. Этот Черный континент всегда ставил всех и вся с ног на голову. В этом влажном климате, полном эротики и загадочности, и нужно искать ключи к зоологическим тайнам.

Жаркие ночи Черного континента

В средние века, когда монахи впервые увидели в пустыне огромного страуса, они подумали, что это продукт любви верблюда с кем-то из царства пернатых. И не поэтому ли арабский писатель аль-Касвини приписал жирафу аналогичную генеалогию, в которую многие африканцы до сих пор верят.

Добавим к этому, что, по Аппиану, гиена, как в саге Терезия, одновременно и самец и самка и это помогает ей бесстыдно оборачиваться в любовных утехах. Брунетто Латини, учитель Данте, считал, что «йенса», как он ее называл, может менять пол по желанию. Вот и удивляйтесь после этого легендам африканцев, считающих, что гориллы и даже бабуины выращивают своих детей только для того, чтобы удовлетворять с ними свою похоть...

Трезвый европейский путешественник пытался найти рациональные объяснения всем нападкам на природу. Андре Теве, космограф Карла IX, побывавший в Африке на пути в Бразилию в 1555 году, оставил такой пассаж, восходящий еще к традициям Аристотеля: «По причине скудности вод многие звери собираются в местах, где воды сколько-то имеется, и часто общаются друг с другом из-за жары, которая делает их податливыми и доступными друг другу. Отсюда и получают некие монстры, разные виды, произошедшие от одного. Что и породило поговорку, что Африка всегда преподносит что-то новое».

Да и сегодня, африканцы, если встречают животное, соединяющее в себе характер двух определенных видов, хотят видеть в них гибриды, как в легенде о леопарде-гиене и кукуламбе (шимпанзе-горилле).

Но сегодня наука доказала, что половые контакты между животными разных видов не дают результатов и все эти легенды африканцев — не что иное, как красивые сказки. Конечно, против науки не пойдешь, но свидетельства свидетелствам рознь. Не кажется ли вам естественным и даже забавным, что африканцы, которые не знали никаких научных теорий, пытались сами доказать эти черты «скрещиванием» разных существ? [В начале XVIII века великий Реомюр считал, что если курицу оплодотворит кролик, то родится птица, покрытая мехом.]

На самом деле, невзирая на аксиому о невозможности произведения потомства разными видами, случается и обратное. В мюнхенском зоопарке Хеллабрюн производились удивительные опыты по гибридизации — гуся скрестили с лебедем, а белого гуся — с бурым. Лисицу — с кобелем померанской собаки. И «продукты» этого брака вовсе не были стерильными и тоже давали потомство. Дитя последней пары скрестили с койотом. И брак этот дал смешных щенков — лисособак, унаследовавших одинаковые черты и тех и других.

Многие ученые настолько убеждены в невозможности получения таких гибридов, что Морис Бертон из Британского музея написал в своей известной книге «Тайны

мира зверей»: «Гипотеза, по которой в собаках живет лисья кровь, невзирая на сообщения о таких случаях, не имеет под собой никаких оснований». Что до меня, то я знаю собачку, родившуюся в Северной Африке от... фенека и суки фокстерьера. И я не столь категоричен в своих выводах!

На самом же деле ученые знают ничтожно мало о возможностях скрещивания между разными животными, и ненаучно отрицать такие возможности. Поэтому мания африканцев приписывать разным животным черты сразу нескольких зверей не кажется такой уж невероятной...

Мир глазами африканцев

Название — имеет ли оно значение? Способ, которым африканцы пытаются обозначить некоторых существ, кажущихся им странными, вовсе не означает, что они не существуют. Может быть, из-за этого и возник тот скептицизм, который сопровождает местные легенды?

Никто не хотел верить в полосатого осла пигмеев вамбути — лесную зебру, оставляющую следы раздвоенных копыт, да и окапи вовсе не миф. Считали мифом нингбве — лесную свинью черного цвета с клыками, и млуларука — шакала, которого принимали за летучую мышь, и оба имеются в наших зоологических коллекциях. Улыбались, когда слышали рассказы жителей Южной Родезии [Сегодня — Республика Зимбабве] о метисе гиены и леопарда, и именно поэтому королевского гепарда не могли открыть до 1926 года.

И сегодня многие натуралисты продолжают закрывать глаза и нечленораздельно мычать, когда им напоминают о марози-коддоело, чемисете, мнгва, агогве, мокелембембе, лау, конгамато и многих других существах, чье существование пытаются доказать некоторые европейские авторы. И все это потому, что многие истории оказываются приправленными небылицами, без которых африканцы по своей природе просто не могут обойтись.

То, что черные люди изъясняются особым манером, мыслят иррационально, что ими владеют магия и страх, заставляющие по-своему передавать подлинные факты, — несомненно. Но в основе их рассказов всегда лежат конкретные наблюдения — не сны и не галлюцинации.

Я часто вспоминаю рассказ о конголезском мальчике, которого хозяин отправил на каникулы посмотреть на море из дебрей Африки. Оно его поразило, это море, но вместо того, чтобы послать домой матери красочные почтовые открытки с видом побережья с пальмами, он закупорил бутылку с морской водой и послал ее домой с оказией — пусть в деревне попробуют на вкус. Эта история мне доказала раз и навсегда, что африканцы ближе, чем мы, к материи как таковой, чем к абстракции.

Когда семейная пара встречается на улице красивую элегантную женщину, она обычно обращает внимание на ее туалет, а мужчина на то, что «внутри». Не абсурдно ли при этом утверждать, что прав тут кто-то один из них?

Африканцы давно уже доказали, что они прекрасные наблюдатели и их манера интерпретации фактов не так абсурдна, как мы привыкли думать. Ну, а что касается гиены, способной менять свой пол, то разве не доказано уже, что самка пятнистой гиены нередко демонстрирует феномен псевдогермафродитизма: ее половые органы имитируют деятельность мужских...

Похищали ли гориллы женщин?

Мы закончили предыдущую главу разговором о межвидовых браках. Чем подтверждаются эти легенды? Дадим слово профессору Йельского университета Клеллану С. Форду и Ф.А. Бичу: «Имеются случаи, когда животные проявляют интерес к мужчинам и женщинам. Есть много свидетельств половых связей между самцами животных и женщинами. Кроме того, имелись случаи наблюдения в неволе связи бабуина с собакой. У обезьян всегда есть тенденция спариваться с людьми или другими животными, даже рептилиями, например, морскими черепахами».

В Африке циркулирует множество легенд о похищении людей гориллами и бабуинами. Предрассудок? Но между животными тоже бывают сложности во взаимоотношениях. Таково не происходит в многочисленных группах, где обезьяне нетрудно выбрать нового партнера. Но у горилл, живущих маленькими группами? Когда самец гориллы становится взрослым, он покидает родную семью и ищет новую группу. Там он затевает бой не на жизнь, а на смерть. Один из нас имел возможность лицезреть скелет жертвы — старого самца, погибшего в зарослях

банановых кустов, со сломанной рукой и ребрами.

А что бывает, если горилла не находит подходящего партнера? В джунглях часто видят самцов-одиночек. Лишенные искомого, они сильно страдают. Надо быть обезьяной или воспитываться в их семье, чтобы понять силу их любви, тягу к общению, к компании. Просто невероятно, чтобы гориллы, проявляющие в неволе такую четкую сексуальную ориентацию по отношению к людям противоположного пола, не хотели бы этого в природе. Желание провоцирует их на многое. Каков бы ни был страх перед человеком, озабоченный самец, без сомнения, нападет на одинокую женщину и утянет ее в лес...

Спику в 1860 году в Руанде рассказывали о таких случаях, когда самец гориллы так сильно обнял женщину, что она умерла. И если женщина не оказывает сопротивления, у нее есть шансы остаться в живых.

Легенды, по которым некоторые из них подолгу жили с гориллами и те с ними хорошо обращались, вовсе не так уж невероятны. Но что в результате – можно только предполагать. Во всяком случае, скепсис в разговоре на эту тему неуместен.

Континент консерваторов

Можно посмотреть на некоторые легенды африканцев с иной точки зрения. Они нередко сообщают об очень редких животных, между тем как вряд ли знакомы с трудами барона Кювье и его последователей-палеонтологов. Но они утверждают, что это видят. И проблема выживания ископаемых в Африке актуальна.

Не забудем, что климатические условия здесь не менялись с древнейших времен. Великие оледенения, потрясшие Европу, Азию и Северную Америку, не затронули африканские земли к югу от экватора; все, что здесь имело место, так это лишь длительные сезоны дождей.

С геологической точки зрения континент тоже не знал катаклизмов десятки миллионов лет. Он избежал подвижек земной коры, потрясших Европу. Когда Альпы рождались в Европе, Кордильеры, Скалистые горы и Анды – в Новом Свете, а Гималайский массив – в Азии, африканский рельеф был долгое время стабильным. Поэтому неудивительно, что здесь сохранились животные, когда-то процветавшие в Европе, – макаки, слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы, львы и гиены.

И с точки зрения фауны, и что касается флоры – вспомним хотя бы хрестоматийную вельвичию. Африка всегда отставала от других регионов в геологическом смысле. Приведем один лишь пример. В Центральной Африке откопали останки динотерия в «возрасте» 199 тысяч лет, в то время как эта группа гигантских животных исчезла в Европе 5 миллионов лет назад.

Отметим, наконец, таких африканских реликтов, как окапи, исполинская лесная свинья и водяной оленек, доказывающих своим наличием, что этот континент – резерват живых ископаемых, уцелевших только здесь. И так как проникнуть без треска и шума в этот глубинный мир невозможно, то можно предположить, что эти и другие животные скрываются здесь неоткрытыми очень долгое время. Лишь местные жители, обитающие на кромке леса, подозревают, что там что-то есть. И неудивительно, что именно влажные тропические леса хранят больше всего тайн и оживших легенд.

Карликовый носорог с гор и водяной слон

Когда Ханс Шомбургк в 1913 году решил проверить слухи о загадочном карликовом бегемоте, его подняло на смех пол-Европы – мало ли какие мифы рождаются в далекой Африке! Но Шомбургк поехал в Либерию и обнаружил карликового гиппопотама.

Однако был и другой слух – о карликовом носороге, жившем в горных районах той же Либерии. Сначала Шомбургк думал, что речь идет о крупной черной свинье с клыками (она оказалась гигантской свиньей Мейнерцхагена), которая действительно там водилась. Более пристальное изучение вопроса позволило ему сделать вывод, что племена кру четко различают клыкастую свинью и горного носорога-карлика. Но все попытки обнаружить его ни к чему не привели. Он был как иголка в стоге сена.

Однако возможно ли вообще существование карликового носорога в этой части Африки? Для положительного ответа есть, похоже, все основания.

Говоря о карликовом бегемоте, профессор Труэссан утверждал, что «наличие вида в уникальном регионе излучины Нигера позволяет предположить, что эти земли образовывали остров в эпоху эоцена». И животные, обитавшие здесь, были меньше

ростом по сравнению с теми, что жили по соседству, на «континенте». Аналог — копытные и носороги Зондских островов, которые мельче тех, что обитают в Индокитае. В третичном периоде на островах Средиземноморья — на Сицилии, Сардинии, Корсике, Мальте и Кипре — жила целая группа видов карликовых слонов и гиппопотамов. Такое странное уменьшение роста видов Мориц Вагнер назвал сегрегацией. Генетические нарушения из-за малого выбора производителей, однообразная пища, менее благоприятные климатические условия — все это сыграло свою роль в создании феномена карликовости.

И почему тогда здесь, в Африке, не могут водиться карликовые носороги? Если посмотреть на карту распространения ископаемых и ныне живущих форм, можно заметить, что они каким-то образом исчезают в районе к югу от рек Сенегал и Нигер. Это странно, потому что *Hypopotamides* и *Proboscidiens* в контакте с *Rhinocerotides* должны были здесь обитать. Может быть, действительно, карликовые носороги ускользнули от нашего взгляда по причине своей карликовости? Не доказывает ли это, что карликовые носороги находятся в этой ограниченной зоне?

Аборигены экваториальных лесов рассказывали Шомбургку о животном с черной шерстью величиной с овцу, с зубами собаки и скверным характером, которое они называли «тоо». Может быть, речь идет о том самом загадочном звере, которого кенийцы называют медведем найди и к которому мы еще вернемся?

Один человек из района Лефини на Верхнем Конго передал торговцу Карла Гагенбека кусок кожи, похожий на кожу обычного слона, но покрытый рыжеватой шерстью. Она принадлежит, объяснял он, так называемому речному слону с привычками гиппопотама. Слухи о нем ходили вокруг озера Леопольда II, и его считали продуктом любви тембо, слона и кибоко, гиппопотама. Сам Шомбургк оказался неспособным проверить эту легенду, но все это, однако, не помешало в 1914 году Анри Шутедену, директору Музея Конго в Тервюрене, Бельгия, описать под названием *Elephas africanus fransseni* карликового слона, ведущего водный образ жизни, из района озера Леопольда II, известного жителям под названием вакавака.

До сих пор существование вакавака остается под вопросом.

Маленький пятнистый лев с горы Кения

Тем, кому предыдущие байки показались слишком скудными, чтобы насытить свое любопытство, предлагаем еще одну — о марози, пятнистом льве с горы Кения. Тот самый капитан Мейнерцхаген, который первым обнаружил шкуру гигантской лесной свиньи, получил в 1903–1908 годах сведения о пятнистом льве. Но только в 1931 году странное животное заставило говорить о себе, что называется, официально, при этом использовались сведения заготовителей дичи в колонии Кении.

В тот год Р. Дент, возглавлявший рыбный отдел этой администрации, заметил четырех кошек, пересекавших тропу впереди него недалеко от истоков реки Кагита близ Серу. Было это на высоте 3–3,5 тысячи метров над уровнем моря. Львы показались капитану Денту более мелкими, чем обычные. Через несколько месяцев ребята, ставившие капканы на леопарда у восточного склона Абердэрских гор, сообщили тому же Денту, своему начальнику, что поймали какое-то странное животное. То был не лев, не леопард, а некий метис этих двух зверей. К сожалению, по какой-то причине осмотреть его не удалось.

Через некоторое время европейский фермер Майкл Трент чуть было не заполнил этот пробел. Следуя за водяной антилопой, там же, в Абердэрских горах, на высоте 3 тысяч метров, он убил трех мелких львов, попавшихся в ловушку. Но он, не будучи натуралистом, не придавал этому ни малейшего значения. По счастью, одному чиновнику из управления досуга удалось увидеть законсервированные куски кожи. И они поразили его, о чем он и сообщил в Найроби капитану А. Ричи.

Тот сообразил, что речь идет о чем-то экстраординарном — самце и самке, правда, если судить по гриве, несколько уменьшенных размеров. По возрасту они соответствовали львам-трехлеткам, видимо, то была пара. Но они были пятнистые!

Известно, что львята рождаются с крупными пятнами, но они исчезают с возрастом, и довольно быстро. Или кто-то, значит, подкрасил эти шкуры...

Ясно одно — без скелета, черепа и других деталей, которые позволили бы определить возраст, факт остается недоказанным.

Блейн Персиваль, заготовитель дичи и замечательный натуралист, рассказывал, что в 1924 году убил львицу и двух львят, все были пятнистые. Может быть, некоторые особи и в зрелом возрасте продолжают сохранять детскую окраску? Все может быть. Независимый эксперт Кеннет Гайдар Доуэр, обследовавший шкуры, высказался по этому поводу так: «Похоже, они принадлежат львам двух или трех

лет, и похоже, пятна совсем не собираются исчезать. Известно, что некоторые львы сохраняют пятнистость до значительного возраста, но их окраску нельзя сравнивать с этой, когда пятна распространяются на лапы, бока и идут вдоль всего спинного хребта».

Доуэр был настолько уверен в существовании нового вида, что организовал в 1933 году особое сафари, чтобы отловить загадочного зверя. Ему попадались кошачьи следы, но слишком крупные или слишком маленькие...

Проигрыш не обескуражил уже известного нам Гандара Доуэра, и он выпустил в 1937 году книгу о поисках мифического льва, наделавшую много шума в английской прессе.

Есть симба и есть марози

В нашем деле очень важны свежие свидетельства. Самое интересное из них – рассказ Гамильтона-Сноубилла, побывавшего в горной цепи Абердэр. В письме, адресованном в «Филд», журнал английских охотников, он пишет, что однажды убил животное, которое принял за леопарда. Хотя оно было крупнее размерами, но темной окраски. Сопровождавшие его мальчики кикуйю сказали, что это дамазия, а не шуи (леопард), подчеркнув, что он отличается от леопарда так же, как лев отличается от марози.

Когда он спросил у чернокожих, что такое марози, то ему сразу же сказали, что это животное поменьше ростом, чем лев, что их чаще встречают парами, что они редки и появляются только на большой высоте. И, наконец, это пятнистый зверь.

«Однажды весной 1923 года, – продолжает Гамильтон-Сноу-билл, – я пересекал Абердэрские горы пешком из Л накипи в Нджбини, по плато Кинангоч, и на второй день, часов в 16, при довольно плохом освещении в кустарнике на высоте 2500 метров я заметил в двухстах метрах от себя нечто, напоминающее леопарда светло-бежевой окраски и как будто «полинявшего». Обернувшись к помощнику за карабином, я услышал, как чернокожие возбужденно перешептываются:

– Марози! Марози!

Пока я тянул винтовку к себе, пара кошек исчезла в кустах. Я спросил у африканцев, как эти животные могли так высоко подняться в горы, на такой холод.

– Конечно, львы не могли, а марози мог! – последовал ответ.

Следы существ напоминали больше львиные, чем леопардовые, и окрас шкуры был бежевый, с пятнами. И если бы не носильщики, я никогда бы не поверил в существование пятнистых львов!»

Опрос среди кикуйю подтвердил, что они четко различают симбу (льва) и марози (малого горного пятнистого льва).

Узел свидетельств

Согласно Р. Хуку, белому охотнику, сопровождавшему Доуэра в высокогорный район Кении, марози – мифическое существо. Но, добавляет он, вовсе не невозможное теоретически.

Вполне может статься, что небольшая группа мелких львов, отделившаяся от равнинных и загнанная высоко в горы, выжила в заброшенных уголках дикой природы. Этот подвид, если он только существует, мог претерпеть трансформацию по цвету – в соответствии с новым районом обитания. Но все же Хук считает, что одних свидетельств недостаточно.

Другие эксперты не столь пессимистичны. П. Кобб из Элементейты, знающий разных животных, считает, что неизвестный вид обитает в древнем лесу Мау – очень густом и неисследованном. Это предположение основывается на довольно точных данных.

Однажды, привлеченный шумом в углу фермы, он увидел странное кошкоподобное существо, напавшее на скот. Он прищипорил лошадь и бросился в погоню, «проводил» животное до самого леса. Потом оно скрылось, но остались следы – отпечатки лап маленького льва.

А вот мнение другого соратника Гандара Доуэра, восточно-африканского колониста Дж. Полларда: «Мое собственное мнение, основанное на разговорах кикуйю, таково, что неизвестный вид семейства кошачьих живет в горных дождевых лесах, ибо те районы избежали визитов человека».

И, наконец, упомянем, что аборигены местечка Эмбу описывали майору Дж. Одду-Брауну «лесного леопарда, похожего на льва», живущего на юго-восточных склонах горы Кения. Конечно, это не означает, что речь идет именно о нашем с

вами пятнистом льве...

Короче говоря, вот уже полвека в горах Кении циркулируют слухи о таинственных кошках. И это несмотря на упорные утверждения ученых о том, что «это обычные львы, сохранившие детскую окраску». Каждый раз наблюдатели говорят об одном и том же: маленький рост и пятна, напоминающие скорее гепарда, пятна, похожие на маскировку леопарда, и рудиментарная грива...

Неубедительные возражения

Отношение многих натуралистов и специалистов к этой теме неоднозначно. Реджинальд Покок, знаток диких кошек, относится к версии положительно. Интересно и мнение полковника С. Питмэна, охотника и знатока животных: «До сегодняшнего дня свидетельства не очень-то убедительны. Я лично склоняюсь к теории, по которой в Восточной Кении имеется порода маленьких горных львов».

Дж. Флетт, хорошо знающий район Абердэрских гор, показывает нам, каким образом рождается миф: «В двух случаях за два года мне удалось побывать в самых удаленных местах Кении, и я видел львов достаточно близко. Каждый раз тела животных были пересечены тенями от кустов и деревьев. И это производило впечатление пятнистости. Я тоже было подумал, что увидел не известный науке вид льва. Так же, наверное, ошибся и Поллард».

Вообще-то мне очень хотелось бы понять, как тени от листьев остались на шкуре особой, убитых фермером Трентом...

Более импонирует мне мнение майора У. Роберта Форана. В статье «Пятнистый лев из легенды» он пишет, что это животное нельзя рассматривать как новый подвид, но не преминул подлить воды на мельницу сторонников марози. «В двух случаях в 1906 году, — рассказывает он, — я убил льва и львицу недалеко от горы Кения, и каждому было лет по пять. Пятна отчетливо проглядывались на животе, боках и лапах, а самец был еще и украшен гривой. Мне показалось, что звери эти необычны из-за того, что у них сохранились пятна, но это очень большая редкость».

Спрашивается, почему Форан утверждает, что речь идет об индивидуальной изменчивости, а не о видовой принадлежности?

В другом месте он делает еще одно замечание, которое противоречит его собственным утверждениям: «Нет ничего странного в том, что львы водятся на такой высоте: это лесные львы, и ростом они меньше, чем обычные кошки, которые водятся на равнине».

Итак, нет ничего удивительного в том, что они встречаются в горах, но то, что они обосновались в лесах к востоку от горы Кения, — дело необычное. Лев — животное саванны, и его не тянет в леса. Так что там могут водиться особые львы — более мелкие и более темного окраса.

Майор Форан так объясняет легенду о марози. В Восточной Африке зоологи знают две разновидности — масайского и сомалийского львов. Второй мельче, не имеет гривы, и у него более длинные уши, а окрас более светлый, почти буланый. «Может статься, что сомалийские львы обосновались в Кении». Но ведь о них неизвестно, что они сохраняют детскую окраску шерсти!

И все-таки новый вид?

Доктор Фречкоп склонен отрицать наличие большого числа подвидов, которые рождаются по вине систематиков, не разбирающихся в африканских животных. И приводят пример, что в одном лишь парке Альберта в Бельгийском Конго водятся несколько разновидностей льва — с короткой гривой и пышной шевелюрой и пучками волос на передних лапах. Но этих отличий еще недостаточно, чтобы говорить об отдельных подвидах.

Ситуация парадоксальна: сами систематики, столь скорые на создание новых видов на основе зыбких данных, никак не хотят утверждать пятнистого льва как новый вид.

И все-таки вероятнее всего, что порода львов с детскими признаками сформировалась в Кении и скрылась в горах. Изолированные от других животных, эти звери, по законам сегрегации, претерпели значительные изменения. Это выразилось в некоторой карликовости: 1 метр 40 сантиметров от кончика носа до основания хвоста. Не забудем о карликовых бегемоте и носороге, гиббоне-сиаманге...

Его место в зоологической систематике могло бы быть определено зоологами на основе исследования скелета и внутренних органов.

А если это гибрид?

Вспомним, что мальчишки кикуйю говорили о дамазия, тем-ноокрашенном леопарде, который так же отличается от обычного леопарда, как лев от марози. Вполне вероятно, что дамазия — обычный леопард черного окраса (пантера), который может родиться у нормальных родителей. А не проявляется ли меланизм у львов в виде детских пятен? И горные леса способствуют появлению этих свойств.

И еще остается гипотеза о гибридизации. Помните, как часто проводились скрещивания между львами и тиграми? Раньше их считали двумя видами одного рода фелис. Однако различия в черепе и по внешности позволили ученым отнести их к двум разным родам. Так что возможно и скрещивание между леопардом и львицей (но не наоборот — между львом и самкой леопарда, ибо размеры новорожденных будут слишком велики для нее). И получится гибрид, который соберет черты тех и других.

Медведь нанди, или Африканский ужас

В Кении местные охотники, даже самые опытные, тряслись от страха, услышав имя «чемозит (чемосит)». А когда они случайно набредали на свежие огромные следы, сразу же ретировались. И говорили, что любой человек, который услышит рычание этого зверя, не забудет его никогда...

Не пытайтесь просить колонистов — будь то охотники или профессиональные зоологи, — чтобы те дали вам точные сведения об этом живом кошмаре. Они вам поведают только гипотезы, скептически пожимая плечами. И тем не менее понадобилась бы целая книга, чтобы собрать все рассказы о нем, циркулирующие по английской Восточной Африке и приграничной зоне Бельгийского Конго среди чернокожих и белых, — о жестоком медведе большого роста. Британские поселенцы окрестили его найди, по названию племени, которое живет в месте его обитания.

Что же это за зверь?

Большой африканский медведь? Но на Африканском континенте неизвестен ни один представитель семейства медвежьих.

[Единственное исключение может составить территория Марокко, где в горах близ Тетуана когда-то водились бурые медведи *Ursus actors crowtheri*, пришедшие с Иберийского полуострова, когда Гибралтар являлся еще сухопутным мостом между Европой и Африкой].

И нет ни одного достоверного свидетельства, что нанди — действительно медведь, хотя сходство явно имеется, и черты, описанные многими наблюдателями, настолько характерны, что заслуживают серьезного внимания. Удивительно то, что несмотря на полное отсутствие медведей в Черной Африке, суахили и соседние племена с берегов Таны используют арабское слово «дуба» — «медведь», имея в виду зверя, живущего в окрестных лесах. (С другой стороны, в древних свидетельствах тоже есть упоминания медведей в сердце Африки. Геродот говорил о медведях в Ливии, называя также питонов, львов, слонов, ослов с рогом — носорогов или, может быть, либитериев, вымерших родственников окапи. Плиний же оспаривал наличие медведей в Африке. О. Даппер тоже упоминал в 1668 году медведей в Конго среди прочих реальных животных.)

На протяжении веков натуралисты были едины во мнении, что на Черном континенте никаких медведей нет. Но в 1905 году впервые был поставлен вопрос о том, что на плато Уазин-Гишу видели нечто, называемое сегодня медведем нанди. Более полное свидетельство появилось только в 1912 году, после того как распространились постоянные слухи среди колонистов. И именно один из них, Джоффри Уильямс, участвовал в начале века в знаменитой «Экспедиции нанди» и записал свои впечатления в «*Journal of the East Africa and Uganda Natural History Society*». Его статья стоит того, чтобы привести ее почти полностью: «Меня просят описать странное животное, которое я увидел на плато Уазин-Гишу. Это дело довольно рискованное, но я постараюсь».

Мы расположились лагерем в Матайе и пошли к скалам Сир-гоит, там-то и увидели зверя. Он возвышался над кустарником. Мой кузен и бой шли впереди всего сафари, когда трава вдруг расступилась. Кузен закричал: «Что это такое?» Повернув голову в ту сторону, я увидел животное в десяти метрах от нас. Оно было похоже на обычного зоопаркового мишку, а роста достигало 1 метра 50 сантиметров. Правда, в таких условиях рост определить довольно трудно. Приблизительно оно

было равно нашему медведю. Потом оно скрылось в кустах в направлении Сиргоита таким характерным галопом. Заря тогда только занималась, но зверя мы хорошенько рассмотрели.

Я вскинул свой карабин и выстрелил поверху, прежде чем он скрылся в скалах. Я подождал, он остановился и повернул голову, чтобы нас рассмотреть. В этом положении он был виден лучше всего. По росту он явно превышал медведей из зоопарка, был более мощным. Вся передняя часть оказалась покрыта густой шерстью, и четыре лапы тоже, а спина была сравнительно голой. Такое несоответствие поразило нас. Голова была слишком вытянута для медведей и не соответствовала телу. Точно не помню уши, но запомнил, что они маленькие, а хвост почти неразличим. Шерсть показалась нам темной, как у гну, но это могла быть игра бликов. Почва была сухой и скалистой – следов не осталось... Спустя несколько недель, – продолжает Дж. Уильямс, – мы показали бою, который нас сопровождал, книжку с картинками, изображающими животных разных стран, и попросили его указать в ней увиденное недавно. Он указал на рисунок бурого медведя и заявил, что это тот самый зверь.

Так я узнал, что среди нанди он известен под именем чемозит и его описания совпадают с моими.

Спустя несколько дней в Найроби один друг привел ко мне юношу нанди, и я показал ему иллюстрированную «Книгу джунглей» Киплинга – не покажется ли кто-нибудь ему здесь знакомым? Он сразу же указал на Балу – малайского медведя!

В районе Какумега, недалеко от Кабраса, как мне рассказывали, люди тоже знают нечто подобное и даже спят в палатках с поднимающимся пологом из страха перед шивуверре. Они описывают его как ночное животное, немного похожее на гиену, крупнее и более дикое. Говорят, что у жителей даже есть шкуры этих животных. Нанди утверждают, что убили одного много лет назад, когда оно забралось на крышу хижины. Оно провалилось внутрь и убило тех, кто был в хижине, но другие подожгли дом, и оно сгорело. Убить его трудно, ибо это ночное животное и весьма редкое, нападает только на одиночек».

Приток свежих свидетельств

Надо думать, что такое обстоятельное свидетельство было выслушано со всей серьезностью, особенно во времена, когда страна наполнилась слухами о таинственном животном. Давайте прислушаемся к тому, о чем говорили тогда. Читатель не может не заметить некоторых противоречий в описаниях нанди-бэра – все зависит от обстоятельств. Многие авторы подсознательно стремились показать, что речь идет всего лишь об обычном животном.

Прежде всего надо отметить, что имя «медведь нанди» – изобретение колонистов, основанное на первых наблюдениях, и эти колонисты чем дальше, тем более верили в то, что это мифическое животное. Заблуждения перемешались с реальностью.

Британский антрополог С.У. Хобли собрал много данных, среди них – свидетельство майора Тулсона, известного на плато Уазин-Гишу и поведавшего нам следующее: «Вечер уже опускался на лес, когда один из моих боев вошел в комнату и в возбуждении сказал, что возле кухни бродит леопард. Я тут же поспешил наружу и увидел странное животное: у него были длинные волосы сзади, а впереди шерсть чуть удлинялась. Мне показалось, что оно 18–20 локтей высотой, черного цвета, а манера ходить напоминала медвежью – нечто вроде приволакивания ноги. К сожалению, было уже довольно темно, и я не успел рассмотреть подробности – особенно голову.

Многие голландцы незадолго до этого спрашивали меня, что это за странное животное водится на плато, они говорили лишь, что оно похоже на медведя и издает жалобные звуки. Другие свидетельства исходили от инженерного персонала и других строителей железной дороги в Магади. Они утверждают, что видели странные следы при прокладке шпал. Один из инженеров, Шиндлер, не только увидел следы, но и снял копию.

В марте 1913 года местный чиновник Н. Корбетт видел нечто, что и описывает в рапорте: «Я позавтракал возле ручья около Сиргои, у фермы Тулсона, потом спустился к воде, чтобы немного порыбачить, и тут-то нос к носу столкнулся со зверем. Он находился в метре ниже меня, наклонился к воде, чтобы попить. Я сделал движение, чтобы убежать, а зверь рванул влево и исчез в кустарнике. Со мной не было очков, местность была немного заросшая, и единственное, что я понял, что такое животное никогда не видел. У него были длинные красно-

коричневые волосы со слабой белой полосой вдоль позвоночника. Длинную лапу я видел от коленного сустава до ступни, и он был больше гиены ростом, но по внешнему виду животное не так чтобы очень уж мощное... Происходило это днем, около 12.30».

Через несколько дней после этого случая некто Хикенс, инженер-дорожник, тоже встретил это животное. «8 марта 1913 года я ехал один на дрезине по дороге из Магади. В 9 часов на 16-й миле в 50 метрах от дороги я увидел животное, которое вначале принял за гиену. Оно находилось прямо на путях, но потом сдвинулось вправо. Мне было довольно чудно видеть гиену в столь ранний час, но скорость дрезины была довольно приличная, километров 40 в час, и меня быстро пронесло мимо. Было довольно светло, кустарник не превышал 45 сантиметров, земля черная с прогалинами бурого латерита. И все же я заметил, проезжая, что это не гиена, ведь размером оно было со льва. По виду оно напоминало бежевого льва-черногривку, но с длинными ниспадающими волосами. Тело коренастое, шея короткая, нос приплюснутый. Тварь даже не удосужилась на меня посмотреть, а пустилась бежать, выбрасывая сразу и передние, и задние ноги. Ноги покрыты волосами – я заметил это, когда оно их вскидывало. Остановиться я не мог в силу обстоятельств, хотя при мне была винтовка «Rigby-350». Скорее всего, это то самое животное, о котором много говорили на дороге.

За ним наблюдали многие рабочие при постройке трубопровода, видели и следы в лужах. Следы были очень похожи на медвежьи. Описания очевидцев были похожи на мои.

Мне довелось изъездить всю Африку, и я видел сотни самых разных зверей и птиц. Но такое – никогда!»

У страха глаза велики?

Последнее из свидетельств, собранных Хобли, на первый взгляд, не относится к нашему подопечному. Судите сами. «Имеются истории, – сообщает нам известный антрополог, – и о другом звере, живущем в речных долинах в нижнем и среднем течении Таны. Мистер Кабербатч, полицейский офицер этого округа, рассказал мне, что немецкие миссионеры, жившие долгое время в районе Нгао, утверждают, что местные жители по комо знают лесного зверя коддоело. Одного даже застрелили возле Нгао несколько лет назад.

Однажды миссионеры заметили, что все жители в районе комо покинули деревню и перебрались на другой берег, ибо близ поселка появился коддоело. Местный житель описал его как существо ростом с человека, но ходящее на четырех лапах, иногда оно поднимается только на задние, внешне слегка походит на бабуина-гиганта, жестокого и сильного. Скорее всего, – заключает Хобли, – речь идет о каком-то не открытом пока антропоиде в долине реки Тана».

Неизвестный антропоид? Вот уж действительно, скажете вы, далеко от нашего «медведя»!

Не так далеко, как кажется поначалу. Мы увидим дальше, что сами найди называли чемозитом и большую обезьяну. С другой стороны, когда мистер Хобли получил немного спустя дополнительные детали о коддоело, добытые анкетированием местных жителей, то выяснилось, что речь идет о тех же чертах, что и в рассказах дорожников в Магади.

Цвет от красноватого до желтого; длина около 1.80, высота в холке 1.05; шерсть длинная, все информанты сходятся на наличии гривы, шея короткая, крепкая; когти длинные, морда вытянутая, зубы большие, но не такие, как у льва, передние лапы толстые.

По комо утверждают, что многих таких зверей убивали, главным образом, за то, что они воруют из деревень овец. Когда зверя замечают возле деревни, местные жители перебираются на другой берег реки и бьют в барабаны, чтобы испугать его. Охотники вабоне хорошо знают его, но предпочитают не трогать.

Так не одно ли это и то же – коддоело и чемозит? Что очевидно – слухи, исходящие из Кении, крутятся вокруг существа, одинаково не известных науке.

Прибрежные жители, говорящие на суахили, испытавшие на себе арабское влияние и, следовательно, знающие о медведях, как мы уже говорили, называют это животное арабским словом «дуба» – «медведь». В более глубинных районах животное именуют на языке лумба – гетейт (герейт, кетейт, керит). В Руанде слово звучит как иеимизи, в других местах – кткамбангве. Жители в районе горы Элгон предпочитают употреблять слово сальруку. Но какое бы ни было прозвище, надо признать, что образ зверя сильно «поэтизирован». Али, проводник знаменитого

охотника Роджера Куртни, говорил о нем как о «белом пушистом звере, который ходит только на задних лапах и питается мозгом своих жертв». Уильям Хиченс же из административной службы Кении считает, что это «полузверь-полугорилла, с глазом, горящим посреди лба, исторгающий нечеловеческое рычание». Такие описания, конечно, не следует принимать всерьез.

Как становятся людоедами?

Тем временем наблюдения, сделанные европейцами – колонистами, инженерами и даже натуралистами, высветили проблему под новым углом зрения. Если описания местных жителей были окрашены в мистические тона и сделаны под воздействием религиозного страха, это вовсе не значит, что они лишены реальных оснований. То, что в глазах белых людей было лишь мифическим монстром, постепенно обрастало реальными костями и шерстью. Родилась легенда о медведе найди. Но это породило еще одну сложность. Теперь все непонятное относили на счет нанди-бэра. За ним прочно укоренилась дурная слава кровавого хозяина леса. Он не только похищал домашних животных, но и нес ответственность за смерть жителей, найденных со свернутой шеей и разбитым черепом, – считалось, что нанди-бэр охотится ради добычи головного мозга.

Надо сказать, что таким способом не убивает своих жертв ни одна дикая кошка.

Это могло бы быть какое-то иное стопоходящее животное большого роста. Медведи, атакуя, могут встать на задние лапы и когтями сорвать скальп с человека. Но критику здесь вызывает не способ нападения, приписываемый медведю найди, а сам факт агрессии. Дело в том, что большинство диких животных никогда не нападает на человека первым и всегда старается скрыться подобру-поздорову. Поэтому я считаю, что можно выделить такое правило: животное становится опасным с ростом страха. Чаще всего, пишет Хайатт Веррилл, людоедами становятся старые львы или тигры: не способные больше охотиться на сильных копытных, они находят более легкую добычу – человека. Были целые эпидемии антропофагии, поразившие львов в 1860 году и с 1904 по 1909 год, что привело к настоящему террору в Кении. В период дождей львы тоже могут голодать, но бывает это в течение сезона. А в сухой период лев держится у источника воды и должен питаться тем, что имеется у него «под лапой». Словом, причин для людоедства много...

Паника на востоке

Факты людоедства довольно редки. Репутация людоеда у того или иного зверя все-таки вызывает у натуралистов недоверие. Но в случае с нанди-бэром он покоится на надежной и проверенной информации. Если верить А. Блейну Персивалю, знаменитому таксидермисту и охотнику, единственный пример жестокости чемозита был в провинции Макарет в 1914 году: «В один «прекрасный» момент животное стало настолько злобным, что потребовалось его убить. Несколько охотников соорудили манекен и расположились возле хижины. Сели внутри и стали поджидать зверя. Его убили стрелами».

Для нас более интересно другое сообщение, исходящее от чиновников колониальной администрации. В 1925 году одна деревня подверглась настоящему террору такого вот «медведя», и жители вынуждены были обратиться к властям за помощью. Зверь унес ночью девочку, проделав дыру в крыше хижины. И он же пробрался в загон для скота и задушил несколько крепких коров. Значит, он может не только скальпировать людей, но и преодолевать высокие загородки. Чего, кстати, не скажешь о львах, которые ни за что не совершат таких действий. Значит, у зверя должна быть густая шерсть, чтобы преодолеть острые колючки на высокой загородке.

Испуганные жители решили, что зверь обосновался в соседнем лесу, в сорока километрах. Чиновник, прибывший из провинции, посоветовал установить наблюдение за песчаной полосой, отделяющей лес от поселка, – уж там-то следы проявятся. Охотник, прибывший с чиновником, был в недоумении от рассказов жителей, которые представляли бестию полузверем-полуптицей с мордой обезьяны. На следующее утро охотник был разбужен предсмертными хрипами своей собаки, а потом некто быстро удалился от палатки. Нанди-медведь не побоялся – по иронии судьбы – задушить даже собаку охотника.

Страшное удалявшееся рычание заставило волосы встать дыбом на голове. Земля дрожала от его топота, будто бежал слон или носорог...

Конечно, страх и возбуждение наложили отпечаток на состояние свидетелей. Но когда нашли его следы на песчаной почве, размеры оказались действительно поразительными. Лапы были раза в четыре больше, чем ладонь человека. Отчетливо видны три загнутых когтя. Ни у одного льва не было такой лапищи.

Сравним это описание с тем, что оставил в своей книге «Зов Африки» Р. Куртни: «Однажды, когда я охотился в лесу, один следопыт дрожащим пальцем указал мне на огромные, будто блюда, следы, вдавленные в глиняную почву. Следы были направлены внутрь. Когти были невтяжными, ибо я отчетливо видел зазубрины, оставшиеся в земле. Этот факт свидетельствует о том, что следы несомненно принадлежали медведю. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что их могла оставить прабабушка гиен. Гигантская гиена – не она ли хозяйка этих следов?

Все, кому довелось осматривать следы чемозита, едины в одном: речь идет не о кошке. Как подчеркивает капитан Хиченс, среди этих людей есть много старых лесников, которые могут отличать по следу льва и леопарда, не говоря уже о запахах и других показателях. Что касается следа из Магади, то тут мнение всех единодушно – речь идет о прямоходящем животном. Только медведь может так ходить.

[Одно время распространялись слухи, что у нанди-бэра шесть пальцев. Они возникли оттого, что следы были комплексные – задние лапы зверь ставил в следы передних. Повторяем – все мифическое выплывает только тогда, когда не ясна четкая зоологическая принадлежность].

Террор на юге

Кем бы он ни был, абсолютная таинственность не могла не вызвать законных подозрений. Это только в сказках страшные чудища являются под видом разных людей, и всех их рано или поздно побивает добрый молодец. Нет ли у него родственников – самок, детей?

Да, надо прежде всего найти в этом «животную» основу. Далеко не все тигры и львы – людоеды, почти никто из них не нападает на домашний скот, не выискивает жертв в деревнях, это монополия старых, немощных, вкусивших «человечины» животных. Значит, и чемозиты есть разные – «добрые» и «злые». И о тех и о других приходят слухи из разных концов Африки. Так нужно ли приписывать именно нанди-бэру все злодеяния, имевшие место на огромном протяжении к северу от Трансвааля в 30-е годы? Никто толком не видел это животное, пишет капитан Хиченс, изучавший все, связанное с загадочными африканскими зверями, но многие видели следы и слышали крики. Местные жители зовут его кодумодумо – то есть «лесное чудовище с огромной глоткой». Под покровом ночи этот мародер пробирается в краали, преодолевая заграждения до двух метров высотой, хватая ягнят, телят и даже взрослых животных, снова перебирается через загородку и исчезает с жертвой.

Его отпечатки, округлые, в форме подковы, со следами длинных, в пять сантиметров, когтей, так до сих пор никто не может идентифицировать. Они не подходят к следам ни одного из известных животных. Рейды кодумодумо чаще всего отмечались в районе Грааф-Рейнета, где даже был создан отряд в сто охотников, а его голову оценили в круглую сумму.

Эти рассказы позволяют заключить, что ареал существа очень широк, однако его видовая принадлежность по-прежнему остается загадкой. Здесь уместно вспомнить описания двух англичан – майора Бресуэйта и Кеннета Арчера, имеющих самые добрые рекомендации. Они имели возможность рассмотреть нанди-бэра в саванне. Сначала они подумали, что это львица, но когда посмотрели в профиль, усомнились – уж слишком нехарактерным для кошек был нос. Да и голова была очень крупной. В холке оно достигало где-то около 130–137 сантиметров. Походка напоминала медвежью. Шерсть – коричневая, длинная. В конце концов оно быстро скрылось в кустах у реки...

Официальное признание

За последнее десятилетие накопилось такое количество сообщений, что известный английский натуралист Ф. Лейн не преминул заметить: «В этот период, пожалуй, не нашлось ни одного белого человека в тех районах, который каким-то образом не оказался причастным к какому-то приключению, с медведем связанным...»

Среди знаменитых осталось припомнить Ф. Селоуса, знатока африканской фауны, А. Блейна Персиваля из Кении, капитана У. Хиченса из той же страны. Их мнение высказал один охотник и таксидермист из Уганды: «Я думаю, что медведь

найди может быть гигантской гиеной, неким неведомым нам существом. Но кем бы он ни был, его нужно прежде всего поймать и идентифицировать». Еще два описания. Первое принадлежит капитану Хислопу, региональному комиссару из Капсбета: «Я, конечно, не на сто процентов уверен. Это произошло на рассвете, в 800 метрах от перекрестка дорог из Лондиани и Элдамы. Мы вдруг заметили в стороне от дороги, на краю леса, темную тень, обладатель которой был около метра высотой, с маленькой тупой головкой. Он передвигался на четырех лапах, но задние казались более мощными. Так он пробежал метров пятьдесят, а потом, найдя отверстие в сплошной стене леса, исчез.

Трудно назвать какое-либо еще животное, кроме медведя. Но что это не гиена и не бабуин — точно. И вообще я не видел похожего животного. Только медведей в зоопарках».

Второй рассказ принадлежит Гуннару Андерсену и относится к области Каймози, на территории Зинга.

«Однажды в дождливый день я услышал крики моих боев. Взглянув, я заметил их в нескольких сотнях метров от дома: они носились вокруг трупа лесного кабана, лежащего в огромной луже крови. Видимо, его убило какое-то очень сильное животное, которое было весьма недоволено, что его согнали с жертвы.

Я попросил боев пойти за ним по следу, но те категорически отказались, ибо не хотели иметь дела с «шайтани», как они называли его на диалекте найди. А одному в лес идти не хотелось... Позже, когда мальчишки успокоились, я расспросил их о происшедшем. «Он был очень большой, с черной шерстью и длинным хвостом». «Шерсть черная, длинная, хвост держал как собака, голова небольшая, но *baua sana*».

Черные волосы мы заметили, они клочьями лежали на месте битвы. И принадлежать свинье никак не могли. Вауа — очень плохая. Мальчишки не могли объяснить, почему они так охарактеризовали его голову... В траве отпечатки были нечеткие и походили на следы старого леопарда, у которого уже не втягивались когти.

Свинья была убита странным образом, как будто проколота неким клювом, пронзившим позвоночный столб. А потом перевернута, чтобы когти приникли в живот, который был разворочен.

Я спросил, не гиена ли это, у которой задние лапы короче передних. Они слышали о гигантской лесной гиене, но у той другого цвета шерсть. Нет, то был настоящий дьявол! Пошел дождь, и отпечатки на траве потеряли форму».

Слово за экспертами

Таково досье на нанди-бэра. Выслушав свидетелей, перейдем к мнению экспертов. По мнению Персиваля, если сообщения и варьируют, то в чем-то они все-таки совпадают: животное большого роста, иногда встает на задние лапы, ведет ночной образ жизни, весьма хищное, убивает людей и животных.

Чтобы воссоздать облик твари, капитан Питмэн пользуется всеми сообщениями: «Днем существо имеет красно-коричневую шерсть, похоже на гигантского антропоида, чаще всего его видят издали, в высокой траве. Ночью оно представляется покрытым шерстью и больше похоже на медведя или гигантских размеров гиену, или же на южноамериканского муравьеда».

Да, облик довольно размыт, ведь нельзя походить одновременно на всех животных сразу. Но давайте наберемся терпения и разберемся. И начнем с самого невероятного.

Это не трубкозуб

Начнем с гипотезы «муравьед» как с самой невероятной. Речь идет о представителе отряда неполнозубых Нового Света. Думаю, гут всему виной недоразумение. Речь идет об африканском «муравьеде» (в кавычках!). Это редкое животное и проводит весь день в подземельях, называется оно трубкозуб, или аардварк, «земляная свинья» на языке буров. Снизу он слегка покрыт шерстью, и в этом отличие южного подвиды от эфиопского. И никоим образом эта шерсть не напоминает медвежью. Он иногда может вставать на задние лапы, опираясь на хвост на манер кенгуру, и это второй пункт сходства с медведями.

Итак, может ли медведь найди быть трубкозубом? Ясно, что последний очень мало известен и поэтому вокруг него много предрассудков. Особенно у племени ватуси в Руанде. Те совершенно искренне считают, что это «адское животное».

Наверняка потому, что живет большей частью под землей. Но питается оно вовсе не грешниками, а муравьями и термитами.

В физическом плане трубкозуб не отвечает требованиям семейства медвежьих. Все описания свидетелей противоречат характеристикам трубкозуба. И к тому же аардварк ведет себя слишком характерно при опасности: начинает быстро зарываться в землю, поднимая тучи пыли, как экскаватор. В то время как все мифические животные бегут со всех ног...

Это не медведь?

Кажется логичным и само собой разумеющимся, что нанди — медведь. Разве большинство свидетелей не связывают его с таковым и суахили не давали ему арабское имя «дуба»?

Конечно, можно не верить зоогеографам, утверждающим, что в Африке нет медведей. Они ведь жили даже в Марокко. Действительно, если они могли перейти из Европы в Северную Африку, почему бы им не оказаться на востоке и в центре Черного континента?

Аргумент вроде бы убедительный, но свидетельства говорят о другом. Наблюдатели указывают на видимый хвост. Другие, правда, его не замечают... А что делать с гривой и шерстью на загривке? Бегают медведи очень характерно, и многие свидетели говорят именно о медвежьем галопе. Ни одна обезьяна так не бегают. Единственное более-менее удовлетворительное описание монстра было составлено Хиченсом после поездки на дрезине. Помните — выбрасывал передние и задние ноги одновременно? Снова неясность. И мы подходим к следующей гипотезе. Нанди-бэр — не обезьяна ли?

Гигантский бабуин

Напомним сначала, что африканцы племени найди называют именами «чемозит» и «керит» вид гигантской обезьяны, а «коддоело» у племени покомо — огромный бабуин. И не имеет ли значения эпизод, описанный найди, — о существовании, забравшемся на крышу? Это скорее могла сделать обезьяна, нежели лев или гиена.

«Во многих свидетельствах, — пишет Б. Персиваль, — сходство этой твари с обезьяной заметно. Но ночной характер охоты вроде бы, на первый взгляд, сводит это предположение на нет».

Я хочу возразить Персивалю. Имеется много данных о ночной жизни приматов, прежде всего это касается долгопятов и лемурув. В Новом Свете особенно много ночных обезьян. Дурукули (*Nyctipithecus*), как явствует из названия на латыни, ночные животные. Отмечены ночные похождения и у других обезьян, например плосконосых. Мой капуцин в Бразилии выходил из своего убежища и делал все, что ему заблагорассудится, именно ночью. А если есть какая-то ночная африканская обезьяна, не известная науке?

Капитан Хиченс отнесся к этой гипотезе с интересом: «Многие из нас, охотников, разделяют мысль о некоем неизвестном антропоиде. Его следы неоднократно находили в тропических лесах этого района. А тем, кто считает, что антропоиды не питаются животной пищей, можно возразить следующее: собако-головая обезьяна чакма плотоядная и представляет опасность для овечьих стад Южной Африки. Или же на них нападают стада бабуинов, выхватывают ягнят и раздирают их своими острыми и длинными, как кинжалы, когтями в клочья — когти у них не хуже, чем у львов...»

Совершенно очевидно, что у большинства людей, даже у многих натуралистов искаженное представление о питании обезьян. Среди них мало исключительно растительноядных, большинство — всеядные, едят ящериц, насекомых, мелких птиц.

Доказано уже, что даже гориллы отчасти плотоядные. А иначе как объяснить нахождение в желудках горилл паразитов, которые встречаются исключительно у плотоядных животных? И все же представление о кровожадном антропоиде вызывает улыбку. Гориллы, почему-то повсеместно считающиеся жестокими, беспощадными зверями, на самом деле пугливы, хотя и сильны физически. Но что их сила перед винтовкой?

Взаимоотношения их с человеком лучше всех сформулировал Альбер Махейдер, французский исследователь: «Контакт между ними весьма затруднен, ибо человек очень боится гориллы, а та боится человека».

Имелись сигналы об агрессии со стороны горилл. Например, в Кайоне в 1920 году онди самец без видимых причин убил местного жителя. Без видимых? А может

быть, причины все же были? Разве абориген не подошел к дереву, под которым располагалась семья с детенышами?

Это на самом деле пугливое животное, но умом превосходит собратьев. И разве удивительно, что горилла, у которой убили семью, станет нападать на людей, мстя за смерть близких? Не следует превращать животных в роботов, действующих по внутреннему физиологическому приказу. Кстати, кибернетики подсказывают нам, что и роботы, случается, совершают непредсказуемые действия...

Но не в правилах горилл нападать на деревни. Это просто исключено.

Этого, однако, не скажешь о собакоголовых обезьянах — южноафриканской чакме, абиссинской геладе и мандрилах центральноафриканских экваториальных лесов. Они, как мы говорили, нападают на ягнят, потрошат и пожирают их. Гамадрилы — об этом писал еще Брем — отличались жестокостью даже при нападениях на людей. Пропадали девушки в лесу — в этом обвиняли старых самцов. Рюппель прямо называет этих обезьян самыми опасными противниками человека. В районе Буньоро пятеро людей подверглись нападению гамадрилов. И были буквально выпотрошены живьем.

Я считаю, что причиной такого поведения обезьян является их исключительная похотливость. То, что обезьяны возбуждаются от вида женщин, не вызывает сомнения... И так как зачастую эти обезьяны ростом с человека, все превращается в кровавую драму.

Зубы взрослых собакоголовых обезьян ничем не отличаются по размерам и остроте от зубов леопарда и гиены. И стоит ли удивляться тому, что эти хищники боятся обезьян.

Не походит ли описание медведя найди на облик какого-нибудь бабуина? В случае кодоело у племени покомо вопрос просто не стоит — их данные прямо указывают на это животное. Длинные волосы на шее и спине, образующие гриву, более короткие задние лапы, вытянутая морда, клыки, короткая шея. И способ передвижения — все это подходит бабуину, он может вставать на задние лапы, не ведет древесный образ жизни.

Так что за зверь появился на плато Уазин-Гишу в Магади под названием чемизет или корит?

Если мы сравним три наиболее веских европейских свидетельства, они совпадут в следующих чертах:

1. поджарое тело;
2. выгнутая спина;
3. грудь покрыта шерстью, по бокам более лысая;
4. морда вытянутая, суженная;
5. уши маленькие;
6. хвост не виден (отмечено, что у мандрилов и дриллов он не более длинен, чем у медведей);
7. окрас от бежевого, как у льва и гиены, до темно-коричневого цвета.

Эти черты дополняются некоторыми деталями, сообщенными Хиченсом, например лапами, поросшими шерстью, широким крупом и более приплюснутым носом.

Впечатляют внушительные размеры животного. Уильяме называет цифру 1,5 метра и говорит, что размеры близки к человеческим. Хиченс сравнивает его и со львом — в холке тот достигает метра. Бресуэйт и Арчер называют цифры 1,3 метра и 1,37 метра — это рост быка. А сами ва-покомо приписывают кодоело такие «параметры»: длина тела 1,8 метра и высота в холке 1,05 метра.

Между тем размеры самых крупных собакоголовых, например гелады (*Theropithecus gelada*), не могут претендовать даже на самые скромные прикидки. Наиболее крупные бабуины не превышают самые скромные прикидки. Наиболее крупные бабуины не превышают роста 90 сантиметров, да и стоя на задних ногах, они ненамного выше. Но некоторые натуралисты все же утверждают, что, бывает, самцы достигают роста человека.

Таким образом, получается, что таинственное животное оказывается вдвое больше всех возможных претендентов на его роль.

Можно понять, почему свидетели спутали собакоголовых с медведями. Это происходило еще в древности. Топфель «обозвал» мандрилу *Arctosyon* — «медведь-собака» и считал это результатом скрещивания обоих.

С какой стати, воскликнете вы. Не бывает бабуинов таких больших размеров. Погодите, однако, с выводами. В современной фауне, по имеющимся данным, нет собакоголовых обезьян такого роста. Но раскопки показывают, что в древности в Индии обитал гигантский бабуин (*Synopithecus*) ростом в два раза больше, чем сегодняшние его родственники. Не могли ли такие монстры сохраниться в

африканских экваториальных лесах? Ведь Брум в свое время находил в Южной Африке останки гигантских бабуинов. Не они ли во всем виноваты? Тогда это были бы существа с силой гориллы и хитростью и ловкостью бабуина...

Медведь нанди — бурая гиена?

Скептически настроенные зоологи припасли для нас более прозаическую версию о гигантской гиене, «привычном» африканском животном. Именно к этой версии тяготеет известный британский ученый из Зоологического общества Р.И. Покок. Он уверен, что это даже не гигантская гиена, а обычная пятнистая.

Что касается жестокости, идентификация не совсем верна. Трусливая гиена боится нападать на стада, где запросто может погибнуть под копытами и ударами рогов. Она предпочитает подбираться по ночам к хижинам африканцев и утаскивать слабых животных. Иногда ее жертвами становятся дети. У многих африканцев лица изувечены с детства — это последствия типичного ночного рейда гиены.

Как и все трусливые создания, гиены отваживаются иногда на невероятные подвиги. Так, случается, они нападают на одиноких путников в саванне — обычно то бывают дети, отошедшие от лагеря или поселка по нужде или что-то в этом роде.

Шерсть медведя нанди, описанная разными свидетелями то как красноватая, то как черная, по мнению Покока, наводит на мысль о пятнистой гиене, окрас которой весьма варьирует (от альбинизма до эритризма — красной окраски). Бывают черные (меланисты) особи. И в некоторых областях животных с редкими цветовыми вариациями местные жители могут принимать за неведомых зверей.

В качестве доказательства реальности зверя английские натуралисты часто демонстрируют шкуру, доставленную из Ньясаленда, — якобы шкуру нанди-бэра. На самом деле это, несомненно, шкура пятнистой гиены необычного бурого цвета. А череп, который прислали вместе с ней, принадлежит леопарду непривычно больших размеров.

Но не все кабинетные зоологи разделяют скептицизм Покока. Писатель Ф. Лейн собрал тысячу сообщений о неведомых явлениях природы, большинство которых не подчиняются никакому объяснению. Пококу возражают: гиены столь же многочисленны у границы лесов и саванн, как зайцы в Англии. Их привычки прекрасно известны жителям, равно как и следы и внешность. И спутать с нанди-бэром гиену африканцы так же не могут, как британцы — перепутать лису с зайцем.

Никогда у гиены не может быть гривы, и она не встает на задние лапы, не говоря уже о многих других чертах. Она не может перелезть через ограду высотой 1,8 метра. К тому же она шумная — нападая кричит.

Портрет по-прежнему расплывчатый

Если нанди-бэр не гиена, не трубкозуб, не обезьяна, то может быть, это дьявол?

Несомненно, наиболее трезво свою позицию насчет чимизета высказал Блэйни Персиваль: «Уже много лет я пытаюсь дознаться, что же скрывается за легендами о животном, известном под именем «чимизет». Чем больше о нем рассказывали, тем труднее становилось мне отнести его к какой-нибудь конкретной группе. Я склоняюсь все же к мнению, что речь идет о древесном (?) существе с ночными повадками в лесах племени нанди. Его научное открытие, описание и латинское наименование — все это еще впереди».

Интересно, что в 1914 году, когда распространились слухи, Персиваль был далек от таких мыслей: «Лично я в полном неведении относительно этого зверя, хотя выслушал о нем немало. Мое мнение — это описание совокупности многих животных, причем шимпанзе лежит в основе, и плюс к нему леопард, лев, бабуин, гиена... Но главный довод в пользу его существования такой — у него есть местное название, и он очень хорошо известен найди...»

Но сведения, идущие от нанди и магади, относятся, по-видимому, к разным животным и никак не могут рассматриваться вместе».

Как видим, с годами мнение британского натуралиста сильно эволюционировало. Он уже не ставит под сомнение наличие мифического существа.

Медведь нанди — черный медоед?

Добавим несколько штрихов в наше досье. Речь идет о свидетельстве одного этнографа из Бельгийского Конго, которого трудно заподозрить в предвзятости. Это

Джордж Сэндрафт, долгое время живший в Руанде-Урунди [Теперь государства Руанда и Бурунди].

«В 1936 году я оказался на водоразделе Конго – Нил на высотах между 2400 и 3599 метрами над уровнем моря, где сохранились последние оазисы первичного девственного леса. Однажды, ближе к полудню, возвращаясь с маршрута, я увидел при ярком солнце маленького медведя. Ростом он был меньше, чем карпатский медведь. Цвет его был почти черный с коричневым отливом, с треугольником серебряных волос на лбу, отчетливо наблюдалось полное отсутствие хвоста, форма головы, маленькие ушки, изгиб спины, относительно длинные ноги – все напоминало медведя. Но – в Африке?»

А ведь Сэндрафту это не приснилось. Сопровождавший его местный чиновник в точности подтвердил сказанное ученым.

Чуть позже оказалось, что его же видели двое пигмеев батуга. У них оно известно под названием исата – поедатель меда. Они даже добыли шкуру этого существа. Оказалось, что это редкий зверь, но тем не менее прекрасно известный охотникам и зоологам – медоед *Mellifera ratel*. Живет он по всей Африке, в Аравии и Индии. Он, кстати, тоже может становиться на задние лапы и обладает мощными когтями, похож одновременно на представителей и куньих, и медвежьих.

Я всегда был убежден, что медоед – некрупное животное, меньше размером, чем европейский барсук, но заинтересовавшись рассказом Сэндрафта, я выяснил, что некоторые шкуры медоедов в Африке имели размеры 1 метр 10 сантиметров. Это почти как у некоторых медведей. Меня поразило другое. Серо-серебристая полоса, которая пересекает голову и спину медоеда, как, скажем, у зориллы из семейства виверровых, – как это сочетание контрастных цветов черного и белого осталось незамеченным столькими свидетелями?

В 1906 году Лидеккер описывал в Западной Африке полностью черного медоеда и посчитал это проявлением меланизма. Такое случается у леопардов. Мне кажется, что можно сказать о некоем новом виде, тем более что имеются сведения о целых семьях черных медоедов – без серебряной полосы. Но о ком бы мы ни говорили, у нас есть доказательство того, что в Африке водится какой-то некрупный зверь, похожий по всему на маленького черного медведя. Свидетельства Тулсона, Хислопа и Андерссена доказывают, что речь идет о медоеде. Но ведь есть и другие наблюдения...

Осталось упомянуть таинственного тоо, о котором Г. Шом-бургк собрал сведения в Восточной Африке. Размером с овцу, с зубами, как у собаки, черной шерстью и мерзким нравом. Не о нашем ли это старом знакомом – черном медоеде?

Нужно ли опровергать версию Сэндрафта о гигантском рателе? Необязательно. Доктор Уэшп отмечает, что медоеды сильно различаются ростом. Основываясь на измерениях пяти живых зверей и 26 шкур и черепов, привезенных из разных мест, он замечает: «Различие в размерах настолько велико, что я склоняюсь к мысли о двух разных видах».

Медведь нанди – два разных животных?

Мой друг, писатель Девис, тоже занимающийся загадочными животными, предложил такую гипотезу: легенда о нанди-бэре основывается на версиях о двух зверях – пятнистой гиене и медоеде. Кровавые подвиги первой приписываются некрупному, но агрессивному зверю, видимому крайне редко. Не обвиняют ли безосновательно животное во всех смертных грехах?

И второе животное в Африке достигает больших размеров, чем, скажем, в Индии. Это – медоед. Манера убивать у него тоже похожа. А у него, в свою очередь, много общего с медведем как в одиночной охоте, так и вообще по кровному родству...

Это – люди?

Патрик Боуэн, известный английский охотник и путешественник, полагает, что мифический нанди берет на себя зверства, вершимые местными колдунами и знахарями. Они способны наводить на ложный след. Они искусственно создают следы якобы убийства, совершенного животным.

Если в Бельгийском Конго и Нигерии существуют секты людей-леопардов, знаменитых аниото, если у нас, в Европе, были люди-волки – оборотни, жертвы ликантропии, почему бы в Кении и Уганде не быть людям-медоедам или людям-медведам, воспетым еще арабским фольклором? (Надо сказать, что в мифах

африканцев подобные животные считались выходцами из преисподней.) Известно, что аниото надевают шкуры этих животных, пользуются также высушенными лапами, для того чтобы оставлять следы. С помощью когтей можно запросто симитировать те ранения, которые медведь наносит людям.

Эта гипотеза объяснила бы некоторые описания чемозита, сделанные местными жителями, характеризующими его как получеловека-полуптицу, с лицом обезьяны и сверх того прямоходящим.

Можно предположить, что за часть загадочных убийств ответственна и секта мау-мау, члены которой – в основном это представители народности кикуйю – вознамерились бороться против белых и местных коллаборационистов.

Медведь нанди наших дней – не медведь. Это местный апокалипсис. Явившийся к нам из темноты собирательный образ четырех живых существ – огромного бабуина, старого черного медоеда, бурой гиены и колдуна. Из всех них только один представляет загадку – первый, чемозит, ходящий на задних ногах дьявол, охотящийся ночью, персонаж фольклора племен нанди.

Френк Лейн рассказывал, что один энтузиаст построил несколько хижин на разных высотах от 3000 до 3800 метров над уровнем моря, чтобы поймать невидимку. Но – увы. Единственное, что остается сегодня, – кусок шкуры с длинными коричневыми волосами в Британском музее. Его до сих пор никто не может идентифицировать.

Глава 2

МНГВА, АФРИКАНСКИЙ ТИГР РОСТОМ С ОСЛА

Истошный крик женщины нарушил тишину маченькой деревеньки на берегу озера Танганьика. В тусклом утреннем свете на еще свежем от росы песке лежала бесформенная куча костей и мяса, только что бывшая человеком. Постепенно вокруг останков собрались жители. Все молчали. И один, подойдя ближе, подобрал несколько серых волос.

– Мнгва!

Это слово эхом отозвалось среди остальных жителей.

– Мнгва! – повторил другой, склонившись над следами на влажном песке.

Оно нашло себе новую жертву.

Мнгва – еще одна тайна Африки. На языке суахили она называется *mu-ngwa*, что значит «невидимый».

Очень часто африканцы путают это животное (его еще называют нунда) с нанди-бэром. В то время как чемозит представлен в виде многих образов, мнгва исконно кошачье создание – механизм из точных мускулов, действующих при прыжке как стальные рессоры, мощных безотказных когтей и зубов. И в то время как место действия первого распространено на юг аж до Трансвааля, второй имеет очень ограниченный ареал – берега озера Танганьика.

Африканский тигр ростом с осла... Неизвестное животное размерами со льва...

«Можно предположить, что такое животное не существует, – пишет У. Хиченс. – Но я столько раз слышал о его жертвах, что для меня не представляет сомнения, что это неведомое существо водится в глухих лесах у озера. Многие уголки этого леса еще не знали человека».

Легенды султана Маджнуна

Можно сказать, что мнгва – такое же мифическое животное для рыбаков Танганьики, как оборотень для наших западноевропейских лесов. Он фигурирует во многих сказаниях и стихах на суахили. Капитан Хиченс приводит песню воина Леонго Фумо ва Ба-Уриу:

Sikae mnyini kuwa kitu duni
nangie mwituni haliwa na mngwa.

(Я не живу в городе, чтобы не стать ленивым.

Я погружаюсь в лес, чтобы быть сожраным мнгвой.)

Этой песне 1150 лет. Сегодня этот образ по-прежнему живет среди местного населения.

Если обратиться к легенде о султани Маджнуне, приводимой Эдвардом Стилом в «Сказках суахили», можно убедиться, что там этот образ занимает то же место, что и дракон в легендах Востока. Судите сами.

Однажды кот султана сбежал из дому и пошел «малость» поохотиться в

курятнике. Охрана спросила у султана разрешения убить кота, но тот ответил: «Кот мой и куры мои». Кот покончил с курами и принялся за овец и коров, не забыл даже верблюдов. И каждый раз султан не давал убить кота, говоря, что все, кого он убивал, принадлежит ему, султану. Все это длилось до тех пор, пока однажды кот не задрал трех сыновей султана. На этот раз Маджнун изменил свою политику: «Это больше не кот, это нунда!»

Седьмой сын султана решает убить злое животное. Он убивает крупную собаку и возвращается домой с песней:

Mama wee niulaga

Nunda mia watu.

(О, мамп, я убил нунду-людоеда.)

Но мать засомневалась. Юноша затем убил циветту, зебру, жирафа, носорога, слона, думая каждый раз, что убил нунду, и каждый раз мать говорила, что он ошибся.

И вот однажды, предупрежденный о том, что его не пустят домой без трупа нунды, юноша углубился в лес и там увидел настоящего убийцу: «Это должна быть нунда. Мать мне говорила, что у нее маленькие уши, и они маленькие. Мать мне говорила, что она должна быть широкая в кости, а не продолговатая. Она такая и есть. У нее должны быть два пятна, как у циветы, и у нее они имеются. Хвост такой короткий, как у той, что упоминала мать, и все признаки налицо».

Молодой человек убил ее из ружья. Мать встретила его песней:

Mwanangu ndiyiyi

Nunda mla watu!

(О, сын, она твоя, нунда-людоед!)

Конец у истории классический: сын наследует власть отца, женится на красивой девушке и долго живет в любви и согласии с народом. У этой легенды есть один важный аспект. Она пытается сблизить нунду со всем известным животным — кошкой.

Монстр не любит полиции

Что такое мнгва? Какое-то мифическое животное, рожденное воображением африканцев. Так думали до 20-х годов. Сегодня, как со свойственным ему юмором говорит Фрэнк Лейн, ряд событий, происшедших на берегах озера Танганьика, перевели нунду из страны фантазии в разряд правительственных сводок. Досье, собранное по этому поводу капитаном Хиченсом, наиболее подробное. Первое сообщение вводит нас в 1922 год в городок Линди.

«Местные торговцы каждый вечер оставляли все свои товары на главной площади городка, чтобы утром возобновить торговлю. Дабы уберечь товары от воров, возле них оставался аскари — полицейский из местных, сменявшийся с двумя коллегами через каждые четыре часа. Придя на смену товарищу, аскари не обнаружил его на месте. Поискав рядом, он увидел его — разодранного на куски. Белый офицер, прибывший на место убийства, констатировал, что солдат стал жертвой льва. Рука убитого судорожно сжимала прядь серой шерсти из гривы льва. Но возле городка уже много лет не было замечено ни одного льва.

Наутро мы сидели и обсуждали эту историю у местного старосты, когда к нам пришел ливали, арабский губернатор, с двумя испуганными жителями. Они видели ту самую гигантскую кошку, которая растерзала аскари.

Ливали рассказал, что нунда уже навещалась в поселки. Это не лев и не леопард, а тип гигантской кошки ростом с осла и окраской «табби» (как наша обычная кошка). В ту ночь другой полицейский был разодран в клочья. В его скрюченных пальцах была та же самая шерсть...»

В поселке установилась атмосфера страха и подозрительности. Число солдат удвоилось. Заговорили о колдовстве. Уверенный, что речь идет о льве, Хиченс послал в штаб-квартиру эти волосы, которые должны были принадлежать льву. Ответ был неожиданным. Волосы нехарактерны для гривы и вообще льву не принадлежат. Это должна быть какая-то другая кошка.

Повсюду разложили отравленное мясо, расставили ловушки — не попался никто. Полиция прочесала всю местность вокруг. Увы! Убийства продолжались. И однажды неожиданно как начались, так и кончились.

Возобновились только после десятилетнего перерыва, в конце 30-х годов. Снова обратимся к записям Хиченса: «Довольно давно в Мчинге, небольшой деревушке на берегу Танганьики, меня позвали к носилкам, на которых лежал человек, на которого напало животное больших размеров. Он сказал, что то была мнгва. Это был

опытный охотник на львов, леопардов и других хищников. Он не мог ошибиться, признав нападавшего на него хищника за неведомого монстра. Да и врать ему было не с руки: ведь на карту поставлена его честь. У местных жителей четко разделены в языке три названия – simba (лев), nsui (леопард) и mngwa— нечто среднее между всеми крупными кошками».

Доктор Патрик Боуэн, высказавший столько скептических замечаний по поводу действий медведя найди, приписывая их злодеяниям колдунов, оказался совершенно иного мнения в отношении мнгвы. Дело в том, что он своими глазами видел след этого существа.

В сопровождении известного охотника-бура Боуэн пришел в деревню, где незадолго до того мнгва убила человека. Идя по следам виновника несчастий, оба сначала думали, что следы принадлежат крупному льву. Но петом они дошли до песчаной почвы, где отпечатки были отчетливо видны. Следы больше походили на отпечатки лап гигантского леопарда, но никак не льва.

Шерсть, найденная на кольях крааля, где орудовала мнгва, была крапчатая, но совершенно не похожая на волосистой покров леопарда.

Вот и все. Под конец этой неоконченной главы приведем поговорку суахили, до боли напоминающую известное высказывание Гамлета:

Si taayabuni waane Adanu, mambo yalio dumani.

(Не удивляйтесь, дети людей, вещам, что происходят в этом мире.)

Глава 3

АГОГВЕ, ВОЛОСАТЫЕ КАРЛИКИ МОЗАМБИКА

Самые ужасные монстры древности имели человеческие черты. Вспомните циклопа, сфинкса, сирен, горгону, более странную, чем обычные головоногие, целый легион гарпий, стригов и иных существ. Все наши сегодняшние оборотни, вампиры, Франкенштейны и мистеры хайды – тоже люди. Можно посчитать парадоксальным, но то, что нас сегодня больше всего пугает, известно нам больше всего. А страх перед неизвестностью? Жестокость – удел животных, а злоба – людей. Может быть, поэтому медведя найди гуманизировали, – а чемозит, по некоторым данным, наш родственник?

Так или иначе, в Африке охотники и путешественники свидетельствовали о присутствии человекообразной обезьяны не известного науке вида. Правда, описывали множество видов шимпанзе, хотя сегодня зоологи склоняются к двум. Но географические вариации все же имеются – из Верхней Гвинеи – *Pan troglodytes verus* – с пигментацией на морде, похожей на очки; из Нижней Гвинеи – *P. t. troglodytes* – с темно-коричневой шерстью; из Центральной и Восточной Африки – *P. t. schweinfurthi*. Их черты в целом схожи.

Гориллы не намного более известны, чем шимпанзе. Есть единственная *Gorilla gorilla* и ее географические формы – береговая (западная) и горная (восточная) – более крупная и волосатая, чем первая. Карликовая горилла – предмет особого разговора.

Новый антропоид?

Пришло время, и из Африки стали поступать сведения о крупных приматах, которые не были ни гориллами, ни шимпанзе. Сам Поль де Шайю, первым сообщивший нам о горилле, верил в существование двух других антропоидов из Африки – нчигомбуве и кулу-камба – оба величиной с самку гориллы. В первом быстро признали старого самца шимпанзе из Нижней Гвинеи, которых местные жители часто называют лысыми.

Черные пятна на морде этого антропоида долго еще волновали натуралистов. В конце прошлого века в Дрезденском зоопарке жила горилла Мафука, похожая на взрослого шимпанзе. Этот случай вошел в мировую литературу по зоологии.

В 1926 году Эрнст Шварц исследовал в Британском музее шкуру и три черепа якобы антропоида, которого жители среднего течения Конго называли дидиека. Внимательный анализ материала показал, что шкуры принадлежат лысому шимпанзе мужского пола, а два других черепа – самкам гориллы.

В своем «Романе о горилле» в 1936 году Джордж Триал выдвинул теорию о метисах кулу-камба от самца гориллы и самки шимпанзе.

Много рассказывают об одиноких самцах гориллы, прекрасно приживающихся в группах шимпанзе, в результате чего появляются метисы, которые по движениям напоминают шимпанзе, а ростом достигают размеров гориллы. Последние сообщения

такого рода относятся к 1936 году. В тот год доктор Рейн-терд описал антропоида из Габона, происходившего от шимпанзе и гориллы. Он опирался на свидетельства очевидцев из местных жителей. Спустя год на основе фотоснимков Эрнст Шварц установил, что коба-нгуя – не что иное, как шимпанзе с черной мордой обычного вида.

Так что все эти местные названия оказались синонимами, обозначавшими одно и то же реальное животное. Но тут интересно другое: карликовая горилла, и горный подвид, и карликовый шимпанзе, которых никто еще не наблюдал в природе (ученые обладают только их шкурами и скелетами), еще в прошлом веке не были известны исследователям. Не может ли статься, что этот век еще преподнесет нам открытия в Африке новых антропоидов?

Что сказать о mulahu – огромной обезьяне, о которой рассказывают пигмеи вамбути из леса Итури? Она абсолютно черная, только лицо белое... Если бы речь шла о средних размеров обезьяне, то можно было бы приписать эти черты шимпанзе, однако речь идет о гиганте.

Аттилио Гатти, охотившийся на горилл многие годы, считает, что мулаху – неизвестная обезьяна крупных размеров. В книге «Тамтамы» он рассказывает, что ему довелось исследовать шерсть «интересного красноватого цвета». Не о коричневых ли волосах идет речь? Тогда ничего особенно в этом нет, ведь шерсть на голове у гориллы иногда бывает каштанового цвета, что, кстати, позволило в 1862 году Слэку выделить ее в отдельный вид *Gorilla castaneiceps*. Проза жизни все же такова, что Гатти, пустивший слухи о новом виде, получил разрешение на отстрел и поимку новых экземпляров горилл. Этого отъявленного браконьера до сих пор считают персону нон грата в Бельгийском Конго.

Очень интересна, с нашей точки зрения, версия охотников племени мбети в Келле, Французская Экваториальная Африка: они утверждают, что есть совершенно белые гориллы, но они весьма редки. Скорее всего, речь идет об альбиносах. А если новый вид?

Странные истории

Самые таинственные истории, циркулирующие по Африке и касающиеся существ с человеческими фигурами, относятся не к гигантам, а к карликам агогве – маленьким, высотой в четыре локтя, покрытым шерстью людям, живущим на востоке и юго-востоке континента. Капитан Хиченс, которому мы обязаны очень интересной информацией, рассказывает: «Несколько лет назад я участвовал в охоте на львов в лесах Уссуре и Симбити (на западной границе плоскогорий Вембере). Поджидая людоеда, я заметил двух коричневых, маленького роста существ, выбиравшихся из чащи. Что о них можно сказать? Рост – около одного метра двадцати сантиметров, они шли прямо, были покрыты красноватой шерстью. Местный охотник, стоявший рядом, смотрел на них со смешанным чувством страха и удивления. «Это агогве, – сказал он мне, – маленькие волосатые человечки, которых можно увидеть лишь раз в жизни...»

Капитан Хиченс предпринял попытки разыскать неведомых существ, но в таких обширных лесах это оказалось сродни поискам иголки в стоге сена. «Может быть, то были обезьяны, – заключает он, – но в таком случае – необычные, ибо не походили ни на бабуинов, ни на колобусов, ни на одно из известных в Танганьике животных. Кто же они такие?»

Когда расспросили местных жителей, они рассказали об агогве странные истории: если оставить на плантации бутылки пива нтули или еду, эти существа станут полоть и пахать грядки в благодарность за подарки. «Это, я думаю, из области мифов, – говорит Хиченс. – Но то, что я видел, явно к мифам не относится».

Лично я не нахожу эту легенду очень уж странной. Не согласуется ли она с преданиями, бытующими на северо-западе Европы, о домовых, эльфах, гномах? Эти подземные бородатые жители любят помогать людям, особенно в домашних делах.

Одно очевидно – эти истории поразительным образом совпадают в разных районах Земли. Вспомним, как в конце прошлого века в Швейцарии, около Шаффхаузе в Швейцарии обнаружили кости людей – настоящих пигмеев каменного века. Кольман, их изучавший, утверждал, что их карликовость ни в коем случае не является патологией. «Вполне может быть, что эти мифы – отражение реальности карликов и гномов, живших в горных пещерах и бывших как бы отражением неолитических пигмеев», – говорит Джек Чейки, шотландский геолог. Но то уже иная история...

В поддержку заявления Хиченса Ф. Лейн приводит письмо, полученное от Катберта Бергойна. «Это было в 1917 году. Мы с женой находились на борту японского судна у берегов Португальской Восточной Африки. Мы стояли довольно близко к берегу и осматривали в подзорную трубу подробности прибрежной зоны. Пляж был наклонным, покрытым невысоким кустарником. Многие бабуины собирали там крабов и другие дары моря, если судить по их движениям. Среди них находились два бабуина чисто белого цвета. Они довольно редки, но я слышал о таких. Пока мы ими любовались, из чащи вышли два коричневых человека и направились к обезьянам.

То не были обезьяны в нашем понимании, но они, видимо, были близки к ним, иначе бабуины разбежались бы. На расстоянии трудно было разглядеть детали, но рост их составлял около метра десяти – метра пятидесяти, держались они высокомерно. Мы несказанно удивились, ибо они были и не животные, и не люди, а что-то среднее. Позже один охотник на крупную дичь рассказал мне, что видел семью – маму и ребенка, таких же. пересекших поляну в лесу. Жители всегда просят не стрелять в них».

Пигмеи или бабуины?

Эти описания, без сомнения сходные, потому и убедительные, ибо на свете нет ни одного вида обезьян, ходящих на задних конечностях. Если и встанет какая обезьяна на задние ноги, то совсем ненадолго – это необычное для нее положение. Честно говоря, только гиббоны из Юго-Восточной Азии способны на это, им помогают балансировать длинные руки, но это древесные обезьяны, и спускаются они на землю только в исключительных случаях.

Правда ли, что аготве – маленькие человечки? Во многом они походят на пигмеев. Вспомним, что чистокровные негр-ли достигают 1,45 сантиметра и кожа их не такая гладкая, как у остальных африканцев. Она покрыта красновато-коричневыми волосами, особенно на конечностях. Руки сравнительно длинные, а ноги, наоборот, короткие, как у некоторых обезьян.

То, что они могут жить в мире с бабуинами, странно, но не удивительно. Это подтверждает опыт взаимоотношений с животными на протяжении всей человеческой истории. С другой стороны, наличие негр-ли в Мозамбике еще не доказано. Но это не означает, что какая-то ветвь не могла там сохраниться. Ведь могли они добраться до Великих озер, в область проживания масаи.

Уже известный нам Дж. Сэндрафт говорил, что мифические карлики Мозамбика могут быть чистокровными бушменами, их рост не превышает рост негр-ли. Кожа у них с желтоватым оттенком, даже медного цвета, по сравнению с другими африканцами. Сегодня область их обитания ограничена пустыней Калахари, но раньше была обширна. Зулусы зовут их аба-тва, тсвана – ба-роа, готтентоты – саан. Влияние их языка на языки банту ощущается на огромных территориях Южной Африки – до Замбези. Сэр Гарри Джонстон нашел их следы даже на берегах озера Танганьика – в виде каменных орудий.

Они редко строят хижины, предпочитая жить в природных укрытиях – на земле, пещерах, в полной дикости. [Жан Моджи участвовал в экспедиции в Калахари и сообщает, что старые бушмены понимают язык бабуинов. Это доказывает возможность их контактов и взаимопонимания].

Вполне может быть, что, спасаясь от захватчиков банту, они укрылись, с одной стороны, в песках Калахари, с другой – в лесах и горах Танганьики и Мозамбика.

В своих традициях жители Восточной Африки делают четкое различие между пигмеями и прямоходящими существами маленького роста, которых они считают родственниками обезьян. Здесь важно выслушать мнение носильщика Роджера Куртни, черного оруженосца Али. «Ты слышал когда-нибудь о карликах, которые живут в Мау и ходят больше на людей, чем на обезьян?» – спросил он своего хозяина. И рассказал, как его отец, который пас овец на склонах горы Лонгенот, попал однажды в руки этих гномов, когда пошел по кровавым следам.

«Они ростом даже меньше лесных людей, хвостов не было видно, но я подумал об обезьянах. Их кожа была белой, как брюхо леопарда, а лицо и тело покрыто густыми черными волосами». К счастью, отец заметил копье, лежащее неподалеку. Этого мау не ожидали, не думали, что я воспользуюсь оружием и убью несколько человек».

Конечно, этому рассказу можно не верить, но мы уже убедились, что большинство легенд имеет под собой реальную историческую основу.

Итак, если маленькие волосатые человечки не идентифицируются ни с одним из

«подопечных» зоологов и антропологов, может быть, они известны палеонтологам? Я имею в виду австралопитеков. Они жили в Южной Африке 500 тысяч лет назад, в эпоху, когда африканское животное царство уже сформировалось.

Прометей животного царства

Сегодня известно, что австралопитеки, населявшие поросшие кустами плато в долине Вааля, были маленькими созданиями около 120 сантиметров высотой, лица их напоминали морды шимпанзе, зубы почти как у человека, а походка и пропорции тела совсем как у людей. Первый череп такого гнома был найден в 1924 году рабочими в пещере в Бакстоне, в области Таунг, в Бечуаналенде. Широкая долина Харгс-Ривер изобиловала известняковыми новыми пещерами, и туф здесь разрабатывали со времен первой мировой войны. Фрагмент черепа был отправлен Раймонду Дарту в Витватерсрандский университет, и тот назвал его обладателя *Australopithecus transvaalensis* – по месту находки.

Человеческие черты этого черепа были настолько очевидны, что сначала думали, что он принадлежит бушмену. Но его «крестный отец» утверждал, что существо, белее вероятно, чем яванский питекантроп, является связующим звеном между обезьяной и человеком.

На первый взгляд, он действительно напоминает череп молодого шимпанзе: зубы говорят о шестилетнем возрасте, но объем мозга – около 500 кубических сантиметров – значительно больше, чем у сегодняшнего шимпанзе (у него около 370 – у самки и 280 – у самца).

У взрослых австралопитеков он достигал 650 «кубиков» – это подтверждают последние палеонтологические исследования.

После находки черепа из Таунга в Трансваале обнаружили останки десятков австралопитеков, среди которых были и дети, и взрослые особи.

Очень большое значение имеет характеристика зубов австралопитека: зубная дуга полукруглая, как у человека, клыки не превышают по размерам других зубов, в верхней челюсти между клыком и первым премоляром нет особой обезьяньей диастемии – пространства, в которых входит нижний клык, когда пасть захлопывается.

Но самое интересное в черепе австралопитека – выступающее положение затылочной впадины, расположенной выше, чем у антропоидов.

Она доказывает, что голова австралопитека свободно покоилась на позвоночном столбе, как у нас, людей, что свидетельствует о прямохождении. Это же подтверждают и иные анатомические особенности.

Конечно, относительно больший вес головного мозга еще не говорит о развитости психики, но это, тем не менее, важный признак.

В 1948 году Дарт обнаружил достаточно полные останки австралопитека в Макапаногате, в самом сердце Трансваала. Тот факт, что рядом были следы костра, доказывает, что он знал огонь, и потому он был назван *Australopithecus prometheus*.

Уничтожал ли человек низкорослых соперников?

За этим «Прометеем» не замечено никакой полезной деятельности – ни с камнем, ни с утварью. Однако профессор Дарт полагает, что он пользовался костями животных, применяя их головки как молотки. Антилоп такие существа загоняли в ямы-ловушки коллективно, так как орудий охоты у них еще не было.

Рядом со стоянками находят также разбитые черепа бабуинов. Значит, австралопитеки ели их мозг? Но есть и другая версия – они были каннибалами.

Напомним, отворение черепа и поедание мозга «родственников» распространено у примитивных народов, особенно у охотников за головами на Борнео и Новой Гвинее, где этот обычай приобрел форму магии – поглощение души пораженного врага.

Конечно, за австралопитеком такого еще не водилось. Но не занимаются ли бабуины сходными вещами? Некоторые исследователи склоняются к выводу, что наличие в пещерах останков бабуинов и австралопитеков одновременно означает, что и те и другие были добычей человека той эпохи. Против этой гипотезы восстали южноафриканские антропологи, которые хотели сделать австралопитека «недостающим звеном» дарвиновской теории, прямым предком человека. (Доктор Р. Брум настолько в этом уверен, что осмелился окрестить австралопитека *Paranthropus* – «сосед человека».)

Останки австралопитека были открыты в пещерах, а не в геологических слоях,

что затрудняет подсчет их возраста. Его высчитывали по костям животных, найденных рядом, но это не научный метод.

Сегодня большинство палеонтологов признают, что австралопитек должен быть современником человека и именно ему это существо обязано своим исчезновением. То, что они исчезли, в отличие от своих древесных сородичей, — неудивительно, утверждает Лорен Эйсли, руководитель отдела антропологии Пенсильванского университета. Они жили близко к человеку, слишком близко, и поэтому были уничтожены...

Это произошло около полумиллиона лет назад. Но если австралопитеки обладали разумом, то как они могли позволить себя уничтожить? Ясно, не позволили бы. И наверняка попытались бы укрыться в районах, где у них имелся шанс выжить. Почему бы не предположить, что они удалились в леса, как это позднее сделали пигмеи восточноафриканских лесов под натиском масаи. [По исследованиям доктора Окли, в Южной Африке люди, современные австралопитекам, жили вдоль долин рек, в то время как маленькие люди-обезьяны населяли ущелья, покрытые кустарниками, — клоофы.]

Спросим себя — возможно ли такое? Австралопитеки выжили в девственных африканских лесах, и наши с вами аготве очень напоминают тех, кого доктор Дарт охарактеризовал как «умных, энергичных прямоходящих существ с приятными для глаза пропорциями». А их сожительство с бабуинами — не напоминает ли это тот факт, что их останки всегда находятся рядом? Не существовало ли между ними некоего «джентльменского» соглашения, что нередко случается с животными. [Среди южноамериканских приматов известны подобные случаи, например, у капуцинов и саймири, у тамаринов и капуцинов. Надо сказать, что уровень интеллекта этих животных весьма различен.]

Среди обезьян социальный инстинкт бабуинов получил наиболее сильное выражение — их общество отличает строгая иерархия. И ассоциация австралопитеков и бабуинов была бы полезна для обеих групп. Ум и «духовность» первых в сочетании с жестокостью и предприимчивостью вторых прекрасно кооперировались. Они могли помочь им выжить перед лицом нового покорителя саванн — голого прямоходящего существа, использующего разные типы новых, неведомых им орудий...

Глава 4

ДРАКОН, КОТОРЫЙ ЖДЕТ СВОЕГО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Застывшее в жарком мареве болото кажется мертвым. Полная тишина. Даже солнечные лучи, пробившись сквозь стены эпифитов и лиан, становятся блеклыми. Только большие пузыри воздуха, время от времени появляющиеся на поверхности воды, напоминают о какой-то неведомой жизни. Неизвестная нам химия распорядилась минеральными веществами на дне болота...

Но это болото — сама жизнь, причем неожиданная и поразительная, жизнь червей и членистоногих, ракообразных и пауков, прозрачных головастиков и светящихся насекомых, рыб с мальками во рту... На поверхности тут и там плавают пена — саван неизвестной жизни, кувшинки, икринки, горки слизистой массы.

Не скрывает ли этот полог неведомые нам гигантские формы жизни — ростом с гиппопотама или крокодила? Даже внимательный взгляд ничего не различит между разводьев. Что это там плавают зеленое? Всего лишь всплыло, разогнав со спины потоки мутной воды. Выгнутый горб, покрытый чешуей, шея, которая, похоже, никогда не кончится, а в конце маленькая зубастая головка. Кто это? Выходец из мезозоя? Реконструкция монстра вторичной эпохи?

Нет, это день сегодняшний. Такая сцена могла бы разыграться в любой день в одном из болот Конго. Сотни свидетелей утверждают, что такие существа водятся здесь и сегодня. Здесь — это на огромном протяжении от истоков Нила до Анголы и Южной Африки.

Динозавр? Да, это он или нечто похожее.

Эта тема заведет нас в такие дебри в прямом и переносном смысле слова, что выбраться из них будет совсем не просто. Мы не в состоянии сделать это на сегодняшний день.

Когда речь шла о гигантских бабуинах, неведомых кошках и карликовых носорогах, было проще. Все-таки эти звери были родственниками тех видов, которые нам хорошо известны, и особых усилий для доказательства их существования не требовалось. Мы вели беседу о тех животных, которые исчезли век-два назад — моа, дипродоне, гигантском ленивце Южной Америки. Но сейчас мы говорим о диплодоках и цератозаврах. А может быть, о зауролофе?

Давайте обратимся к фактам. Отметим, что все слухи и легенды об африканском драконе вовсе не обязательно относятся к одному и тому же виду, семейству и отряду...

Гигантский пловец торговца Хорна

Первым европейцем, собравшим в Центральной Африке рассказы о неведомой рептилии, был Альфред Алозиус Хорн. По мотивам его книги голливудский режиссер У. Ван Дайк сделал в 1935 году приключенческий фильм.

«Недалеко от горы Камерун я видел существ, о которых ничего не знаю. Ягонины — о нем рассказывают, что он водится в болоте и реках окрест. «Гигантский пловец» — так его здесь зовут. Он выходит из воды и нападает на людей. Старики вам расскажут, что их деды его видели. Я всегда думал, что это то же, что и амали. Однажды я видел следы величиной с хорошую сковороду, с тремя когтями...»

Далее старый путешественник отмечает: «Я видел портрет этого амали в одной из пещер бушменов. Даже подарил рисунок, сделанный с этой скалы, президенту Гранту на память. Это маленькие люди, которые изображены невольниками в цепях вместе с динозавром, вылезавшим из болота...»

Надо сказать, что Хорн зарекомендовал себя отличным натуралистом, все его заметки о тех местах, где он побывал, подтверждают это. Кто это сказал? Доктор Альберт Швейцер, нобелевский лауреат, гуманист из Ламбарене. Весомое свидетельство!

Луквата из озера Виктория

Сэр Гарри Джонстон был первым, кто привлек внимание научной общественности в 1902 году, опубликовав в книге об Уганде сведения, касающиеся таинственного животного, обитающего в озере Виктория. Приведем отрывок: «Среди местных жителей живет легенда о том, что в водах озера живет дракон луквата. Это может быть небольшое китообразное, или ламантин, или, что более вероятно, крупная рыба. Одному европейцу удалось увидеть это существо. Сэр Клемент Хилл пересекал озеро в 1900 году на небольшом паровом катере и видел огромную квадратную голову, похожую на рыбу».

Свидетельство Клемента Хилла важное. Более подробное сообщение пришло благодаря антропологу С. Хобли. «Несколько лет назад, — писал он в 1912 году, — Клемент Хилл ехал из Кисуму в Энтеббе на паровой катере, на широте горы Хома, когда из воды высунулась голова и попыталась схватить туземца, сидящего на носу судна. Это ей не удалось, и Клемент Хилл увидел голову уже за кормой. Она была округлой формы, темного цвета. Речь, видимо, шла не о крокодиле».

Хобли не в первый раз слышал подобные рассказы об агрессивности существа. Жители по берегам Виктории часто рассказывали ему о крупной пресноводной твари, которую баганда называют луквата. Она гоняется за пирогами и позволяет себе другие шалости. Но наш антрополог считает, что речь идет о крупном питоне, возбуждавшем воображение африканцев.

Мистер У. Грант, экс-комиссар провинции в Джинге, однажды обратил внимание на странное существо, плывшее по заливу Наполеона, высунув голову из воды, но находилось оно слишком далеко.

Прошли годы, и американский спортсмен Бронсон в книге «На запретных землях» поведал любопытную историю. Когда он охотился в землях к западу от Сотика, то встретил другого охотника по имени Джордан, который подробно описал ему, как он увидел странное существо по имени дингонек. Это произошло на реке Гори, впадающей в озеро Виктория с востока. По Джордану, животное было около 4,5 метра длиной, имело голову размером с львиную, но пятнистую, как у леопарда. Два длинных белых клыка выходили из верхней челюсти. Оно было покрыто чешуей, как броненосец, спина широкая, как у гиппопотама, и тоже пятнистая. Хвост довольно толстый и длинный. Следы таких же размеров, как у гиппопотама, но видны отпечатки когтей, как у рептилий.

«Когда эти истории были опубликованы, — пишет Хобли, — их сочли сказками для привлечения туристов. Но спустя некоторое время я встретил человека, который ездит по этим землям. Он мне рассказал с волнением, что сам видел животное в месте, где река Мера пересекает границу английских и немецких территорий и уровень воды очень высок. Оно опиралось на ствол дерева, и по тому, что было видно на поверхности, удалось определить его длину в 4,8 метра. Но хвоста не было видно, поэтому данные неточные. Он рассказал, что тело выглядело как у

леопарда, было покрыто чешуей, а голова похожа на голову выдры; клыков, описанных Джорданом, не было. Рассказчик стрелял в животное и ранил его. Оно соскользнуло со ствола в воду и больше не показывалось».

Соседние масаи называют это животное ол-имайна и приводят такое описание: длина около 15 локтей (4,5 метра), голова, как у собаки, маленькие ушки схожи с таковыми у рогатой гадюки. Лапы короткие, с когтями. Ползает, как ящерица, по песку по берегам рек и соскальзывает в воду, причем видна только голова.

Это описание почти полностью совпадает со сведениями о лувате и дингонеке. Несомненно, «маленькие ушки, как у рогатой гадюки» — то, что Бронсон принял за роia, растущие из верхней челюсти.

Слухи о нем продолжали распространяться, особенно после того как офицер увидел с катера «странное доисторическое животное с длинной шеей». А Арнольд Дрюммон-Эй, известный путешественник, видел на берегу животное, напоминающее... морского змея. Правда, эксперты решили не без оснований, что он видел просто крупного питона. Ведь эти рептилии достигают 6 и даже 6,7 метра. И толщиной они с тело человека. Они отличные пловцы и могут преодолевать огромные расстояния по воде. Но все прочие описания никоим образом не могут относиться к питонам, особенно то, что касается лап.

Около 1935 года Дж. Вейланду, директору геологической службы Уганды, показали фрагмент кости лувата. Он подтвердил, что вера в это существо живет в землях кавирондо. Жители заявляют, что лувата ведет смертельные схватки с крокодилами и при этом «теряет части тела», из которых туземцы делают амулеты. Они иногда слышат крики монстра, распространяющиеся на большие расстояния, и Вейланд утверждает, что сам их слышал. Эти звуки не похожи ни на один из известных криков в джунглях.

Уточним, что сегодняшние рептилии абсолютно лишены вокальных данных и могут издавать в лучшем случае только свист. Поэтому загадочная рептилия, о которой идет речь, имеет больше всего шансов оказаться крупным млекопитающим или — что еще более вероятно — амфибией.

Лау с истоков Нила

Новый эпизод в этой истории открывается с публикации в 1923 году книги британского губернатора провинции Верхний Нил Х.С. Джексона о нуэрах. В ней он пишет о пресмыкающемся огромных размеров по имени лау, которое обитает в болотах истоков Белого Нила. «Ему приписывают всякие фантастические черты. Это могут быть просто выдумки нуэров, но мы не исключаем возможности существования некоего животного в действительности. Некоторые говорят, что у него копна волос сверху, похожая на эгретку цапли. Другие утверждают, что волосы эти скорее напоминают усы нильского сомика, с помощью которых тот ощупывает добычу в мутной речной воде. В сезон дождей его желудок издает трубные звуки похожие на крики слонов, такие слышали в 1918 году в области Бахр-эль-Араб.

Нуэры утверждают, что существо живет в норах по берегам рек и болот, проводя там светлую часть суток. Если нуэр первым заметит животное, то все обойдется, но если оно окажется первым, нуэра ждет смерть.

Болота Аддара простираются на 1800 квадратных миль (4600 квадратных километров), а в Бахр-эль-Газале они еще обширнее. Ни одно из них еще не исследовано, и зоологические загадки могут встречаться там на каждом шагу».

Настало время обратиться к другому английскому натуралисту, Джону Джолю Миллэ, который поднялся в ту же эпоху в верховья Нила. Во время путешествия он слышал от сержанта Стивенса об огромной рептилии, которую местные жители называли лау. Сам Стивенс был старым опытным охотником, много раз исходившим эти районы. Он охранял значительную часть телеграфной линии на восточном берегу Нила, и это позволяло ему часто общаться с африканцами. Миллэ много раз расспрашивал Стивенса в Малакале, и вот что он у него разузнал: «Говорят, что лау живет в огромных болотах долины Нила — от Малакаля до Реджафа. Местные жители — шиллуки, динка и нуэры — называют так крупную рептилию (питона). Она очень редкая, и видит ее раз в жизни. Кому доводилось находить ее труп, говорят, что он длиной от 40 до 100 локтей (12–30 метров), а само тело крупное, как у осла или лошади. Цвет темно-желтый или коричневый, а не зеленый, как у питона. На голове два отростка или осязательные волоски, которыми он ощупывает жертву. Если кто-то увидит его первым, то ему ничего не будет, но если человек увидит лау, человек умрет.

По сообщению Бимбаши Б. (известного инспектора телеграфной службы), некто

Абрахим Мухаммед, клерк компании, видел, как убивали лау возле деревни Богга. Я знаю этого человека и доверяю ему. Он мне несколько раз в одинаковых выражениях давал описание рептилий. За какое-то время до этого такая же бестия была убита шиллуками в Джоро-а-та, в болотах Аддара. Мне подарил один шиллук по имени Билантут несколько позвонков этого существа. Я послал их губернатору Джексону, который, в свою очередь, отослал их в Британский музей, но никаких разъяснений не получил. Впрочем, эти позвонки могли принадлежать и обычному крупному питону.

Динка из Кило (телеграфная станция у Зерафа) говорил мне, что лау живет в болотах возле станции и по ночам оглашает окрестности громкими криками. Недавно я встретился с одним бельгийским колониальным чиновником в Реджафе. Он только что вернулся из Конго и уверен в существовании лау, потом он сам видел одного такого в болоте, стрелял в него, но пули не возымели действия. Он также сказал, что зверь поднял большую волну, уходя на глубину...»

Уже известному нам У. Хиченсу тоже довелось заниматься лау, и он опубликовал в журнале «Дискавери» фото скульптуры головы чудовища. Это скорее всего танцевальная ритуальная маска, сделанная из древесины рафии художником Лешенгу ше Гунда. В письме Ф. Лейну он написал по этому поводу: «Лешенгу жил на юго-восточном берегу болота Вамбаре. В детстве он охотился и рыбачил на Виктории – в болотах Нила. Когда я ему сказал, что лау нет в природе, он ответил: «В детстве я считал, что на свете нет автомобилей, потому что я ни одного не видел. Но вот они перед моими глазами. Так же и с лау».

Не одно ли это и то же – лау и лувката? Ведь они живут в едином районе континента, связанном общими географическими и климатическими узлами... Но можно ли говорить об этих рептилиях как о гипотетических динозаврах? Наверняка нет. Свидетельства не позволяют сделать такой вывод. Это может быть и варан, и крокодил. Но давайте обратимся к другим районам Африки.

Полуслон-полудракон из Бангвеулу

Когда в 1910 году Ханс Шомбургк прибыл в сердце Черной Африки, на озеро Бангвеулу в Северной Родезии [Теперь – Замбия], он сделал любопытное открытие: в то время как все реки в округе кишели гиппопотамами, в районе озера их не было совершенно! Едва он поделился с местными жителями своими наблюдениями, как те поведали ему, что в озере водится странное животное, которое хотя ростом и меньше гиппопотама, но ими и питается. Это что-то вроде амфибии, ни разу не выходящей из озера, потому что жители никогда не видели его следов. А потом, когда он переехал на другое озеро, Дилоло, в 800 километрах к западу, его спутник Карл Гагенбек собрал слухи о чипекве. «К сожалению, – пишет Шомбургк, – я счел его рассказы за байки и не продолжил исследования. Но потом мы с Гагенбеком решили, что речь идет о каком-то неведомом млекопитающем. Данные, собранные мной и Гагенбеком, совпали».

Вот что писал Гагенбек в книге «О зверях и людях» (1909): «Я получил из двух разных источников известия об огромном и совершенно неизвестном животном, обитающем в сердце Родезии. Во-первых, это рассказы путешественника, во-вторых, сообщения английского джентльмена и охотника на крупную дичь. [«Мистер Сэндфорд из Форт-Джейссона сообщает, что два европейца видели это животное в двух маленьких озерах» (Г. Шомбургк. «Мои Друзья из буша»)].

Африканцы рассказали двум моим информаторам, что в глубине болот живет огромный полуслон-полудракон. Но это не единственное доказательство. Не так давно Менгес, которому можно доверять, получил от африканцев ту же информацию и, что очень важно, видел наскальные рисунки зверя в пещере. [Речь идет о Йозефе Менгесе, знаменитом немецком охотнике, собиравшем животных для зверинцев Карла Гагенбека. Его сведения совпадают со сведениями торговцев Хорна о бушменской живописи]. Мне кажется, речь может идти о разновидности динозавра, без сомнения родственника оронтозавра. Я верю, что этот зверь существует в действительности».

Карл Гагенбек был уверен в существовании такого животного. Настолько, что велел готовить экспедицию. Но, увы, тропическая лихорадка не позволила ее участникам добраться до озера Бангвеулу...

Чипекве с истоков Конго

К счастью, британский колониальный служащий, прошедший восемнадцать лет на берегах озера, сообщил нам в книге воспоминаний очень точные сведения о таинственном обитателе Бангвеулу – чипекве. Думаем, что название, переданное им,

более точное, чем то, что дает Шомбургк, – чепекве. Подробно расспросив местных, Дж. Хьюг собрал много важных сведений. Самое интересное удалось узнать у вождя племени ва-уши, чей дед принял участие в убийстве такого существа в реке Луапула, которая вытекает из озера Бангвеулу и впадает в озеро Мверу.

«Подробности охоты передаются устно. Они хотели заколоть его гарпуном – вивинго, таким, что и сегодня в употреблении у местных африканцев, охотников на гиппопотамов. У него темное и гладкое тело, без волос, с одним рогом белого цвета, похожим на рог носорога. К сожалению, он не сохранился».

Хьюг собрал и другие сведения, в частности от британского служащего Х. Кроуда. «Когда однажды он установил палатку на берегу озера, ночью его привлек сильный шум. Он вышел и обнаружил огромные следы неизвестного вида, а ведь Кроул считал себя опытным следопытом». Согласно Хьюгу, животное живо и поныне.

Выслушаем мнение другого специалиста, о котором говорил Дж. Миллэ. «Я встретил одного охотника, который полностью разделяет веру в неведомое существо. Это Денис Лайэлл. Он написал несколько книг об охоте в Центральной Африке. И он уверен, что такая бестия с повадками гиппопотама живет в болотах, но у нее рог на голове. Она водится в болотах и озерах Бангвеулу, Мверу и Танганьика. Ее называют «водяным носорогом». Думается, что «водяной носорог» – не что иное, как чипекве, ведь описание их совпадает в деталях.

Что касается последнего, то есть свидетельство охотника Х.С. Мейзона, которое он излагает в письме к Ф. Лейну. «Я встретил охотника в Ливингстоне (Родезия). Так вот, он видел монстра в озере Мверу и изучал его следы».

Мверу, или Моеро, расположено на границе Бельгийского Конго и Северной Родезии [Заира и Замбии], туда впадает Луапула, вытекающая из Бангвеулу. Это та самая река, где ва-уши убили чипекве. И наконец Танганьика также связана с этой системой, а именно с Моеро и с Бангвеулу, ибо река Лукунга, которая из него вытекает, вливается в Луалабу в 125 километрах от места, где к ней присоединяется Лувуа, выходящая из озера Моеро.

Короче говоря, речь может идти об одном и том же существе.

Сообщение правителя Баротсе

Именно Джону Миллэ и мы обязаны самыми интересными сообщениями об африканском драконе. Речь идет об империи Баротсе в среднем течении Замбези, между ее притоками Шобе и Кафуэ, то есть в районе, удаленном от озер Бангвеулу и Моеро на 700 километров.

Вот что сообщает Миллэ: «Король Леваника интересовался всякими животными на территории своей империи, часто говорил о крупной рептилии размером со слона, живущей в болотах у его города. К нему не раз приходили люди, рассказывающие о встречах с этим существом, которое вылезало на берег, а потом соскальзывало в воду на брюхе. Лапы у него были, как у гигантской ящерицы, и имелась длинная шея, голова рептилии и рост с человека».

В сообщении британскому резиденту в Зулуленде полковнику Хардингу король написал о параметрах тела существа – оно размером с бурский фургон, снятый с колес. Напомним, что обычный бурский фургон имеет в ширину около полутора метров. Миллэ ничего не говорил о названии существ, но У. Хиченс приводит его название – иисикукумадеву.

Фото дракона из Дилоло

Американский натуралист и исследователь, знаток фауны мира Айвен Сандерсон написал несколько отличных книг о своих поездках в Западную Африку по командировкам Британского музея, а также в Английскую Гайану, Британский Гондурас и Мексику.

В статье «Это мог быть динозавр» он пишет: «Известный охотник на крупную дичь Южной Африки Ф. Гоблер вернулся из поездки в Анголу и написал в газете «Кейп Аргус» о животном огромного роста, по описаниям похожем на динозавра, живущем в болотах Дилоло и известном местным жителям под именем чипекве».

Он говорит: «Вес его достигает четырех тонн, он нападает на носорогов, гиппопотамов и слонов. Охотники видели, как ночью он задрал носорога и вырывал из него огромные куски мяса. Голова у него, как у ящерицы».

Я отправился к болоту, чтобы увидеть его, но жители мне объяснили, что он встречается очень редко и мне ничего не удалось найти. Но я верю, что чипекве существует. И вот снимок».

Увы, Сандерсон не сообщил, в каком номере «Кейп Аргус» помещена эта статья.

Издержки бельгийского юмора

Зоологам часто приходится извиняться. Правило науки — не принимать ничего на веру. Часто вроде бы все надежно, а оказывается — фальшивка. В свете всего этого нужно осторожно подходить к теме динозавров в Африке. Часто нас уверяют, что «свидетельства абсолютно надежны», «охотник опытен», «натуралисту можно доверять»... Книги полны упоминаний надежных свидетельств, а библиографии нет.

В досье конголезского дракона есть интересная история. И есть все основания вписать ее в наше повествование. В 1920 году некто Лепаж вернулся из экспедиции в Бельгийское Конго и заявил, что в одном болоте видел странное существо. Оно бросилось на него, и он разрядил в него карабин. Но видя, что это не дало результатов, он пустился бежать. Когда тварь прекратила преследование и удалилась на приличное расстояние, Лепаж рассмотрел ее в бинокль. Она была метров восьми в длину, имела вытянутую морду, короткий рог выше ноздрей и чешуйчатый горб. Лапы были массивные, причем на отпечатках четко выделялись отдельные пальцы. На первый взгляд похоже на динозавра, но некоторые детали подозрительные.

Прежде всего, если монстр действительно напал на нашего охотника, речь должна идти о бегущем типе динозавра (тероподе или орнитоподе), а не о завропое (вроде диплодоков). Скорее всего, последний постарался бы скрыться, почуяв опасность. Значит, речь идет об агрессивной быстроходной рептилии. Это не обязательно означает, что она плотоядна.

Почему он прекратил преследование? Ведь восьмиметровый гигант мог легко нагнать человека, и потом, как Лепаж разглядел в подробностях строение задних лап? Тем более в лесистой местности. Вилли Лей высказался о сведениях Лепаж как о «сомнительных». Поэтому мы склонны отнести этот рассказ к бельгийскому юмору.

Водяной лев с верховьев Кванзы

Продолжая наше воображаемое путешествие, мы оказываемся в Анголе, в верховьях реки Кванза. Некто Ильза Нольде, жившая десять лет в Анголе, рассказывала, что жители говорили о существовании какой-то амфибии, которую называли койе йа мения (водяной лев). Она получила свою кличку за рев, который издает. Не раз африканцы обращали внимание фрау Нольде на раскаты, слышимые вдали.

Животное обычно живет в воде, но появляется и на берегу. В сезон дождей койе йа мения путешествует по рекам и болотам, и именно тогда больше всего шансов его увидеть. Как луквата и лау, водяной лев издает определенные звуки. Как и чипекве, он охотится на гиппопотамов, хотя и ненамного превосходит их по размерам.

Однажды фрау Нольде встретила туземца, обутого в сандали из кожи бегемота. Она спросила его, где он добыл этого толстокожего, на что тот ответил, что не он убил его, а нашел уже мертвым: его убил койе йа мения!

Португальский торговец рассказал фрау Нольде другую историю.

Однажды в Луанде ему поведали, что «лев» разодрал гиппопотама прошлой ночью. Взяв охотников, он отправился на место происшествия. Они пошли по отпечаткам огромных лап, похожих на слоновьи, где четко различались пальцы. Следы эти и гиппопотамьи перемежались, пока наконец преследователи не вышли на поляну, где все было вывернуто и подрыто. Кожа животного была самым садистским образом содрана, однако само мясо не тронута.

Мокеле-мбембе барона фон Штайн цу Лаузница

Мы завершаем наш «перипл» в Камеруне, откуда и начали. В 1913 году германское правительство послало в Камерун экспедицию для геодезических и картографических работ, а также разведки минеральных запасов колонии. Во главе ее стал барон фон Штайн цу Лаузниц, капитан колониальных войск. Он взялся за дело с присущей немцам тщательностью. Его официальный отчет так и не был опубликован, потому что после первой мировой войны Германия лишилась колоний. Но сообщение сохранилось в виде рукописи. Благодаря Вилли Лей мы ознакомимся с отрывком из него, где говорится о существе, которое наводит страх на жителей

отдельных районов Конго, Нижней Убанги, Санги и Каломбы, существе по имени мокеле-мбембе. Капитан подчеркнул, что информация основывается на надежных показаниях. Сведения были даны совершенно идентичные, хотя друг друга эти люди не знали. «Сообщают, что оно не живет в речках наподобие Ликуюлы; там встречаются только отдельные экземпляры. Во время нашей экспедиции отмечен только один экземпляр в непроходимой части Санги. Это где-то между речками Мбайо и Пикунда, там, куда нам, увы, не добраться. Рассказы жителей позволяют нам восстановить его облик.

У животного грязно-коричневый цвет гладкой кожи. Оно размером со слона, может быть, гиппопотама. У него длинная подвижная шея, один зуб, очень длинный, некоторые говорят, что это рог. Сообщают и о длинном мускулистом хвосте, как у крокодила. Утверждают, что зверь без предупреждения нападает на лодки, убивая людей, но не пожирает их.

Живет только в пещерах, вырытых в глинистых берегах рек, за добычей охотится даже днем, ведя вегетарианский образ жизни. Его любимый корм мне показывали: это разновидности лианы, с белыми цветками, содержащими молокообразный сок, а также плоды этого растения величиной с яблоко. На реке Ссом-бо мне показывали тропу, проделанную животным в поисках корма. Но так как на берегу было много троп разных животных, трудно было выделить следы монстра».

Сколько гигантских рептилий живет в Африке?

Настало время сделать некоторые выводы из нашего путешествия. Давайте составим воображаемую таблицу, где против каждого существа мы по колонкам расположим его основные черты и повадки. Что же у нас получится? В первой колонке у нас было полное единодушие – что касается мест обитания. Все они носят явные черты амфибий.

Что же касается размеров, то тут тоже есть сходство. Все они в целом одинаковы. Различия минимальные, они могут быть отнесены за счет возраста и пола животных. Единственно выделяется лау, который имеет «параметры» от 12 до 30 метров, но есть и сравнения его с питоном.

А другие сведения?

В то время как у дингонека пятнистая кожа, к тому же она покрыта чешуей, у чипекве и мокеле-мбембе она гладкая и темной окраски.

Тогда как дингонек несет на верхней челюсти два боевых клыка (или два рога), у чипекве и мокеле-мбембе наблюдали один рог, а у лау нечто вроде щупалец.

В то время как у дингонека короткая шея, у иисикуку-мадеву и мокеле-мбембе она длинная и подвижная.

Дальше двигаться бесполезно. Ясно, что у дингонека нет ничего общего с чипекве, мокеле-мбембе, иисикуку-мадеву и лау. Если бы не было лап, можно было бы подумать о гигантской рогатой гадюке рода *Bitis*: у нее такое сбитое тело, что не вяжется с классическими формами змей. Если бы речь шла о чешуе и хвосте, то можно было бы подумать о какой-то увеличенной форме водяного оленька. К тому же отчетливо видны пятна, как на коже у леопарда – только навыворотку, желтым по темному. Ни первая, ни вторая версия не совпадает с гигантскими размерами существа: 4,5 метра.

Что касается окраски, то опять же есть совпадения: темные тона, темно-коричневый, коричневый и темно-желтый цвета. В то время как по форме тела лау и луквата представляются пресмыкающимися со вздутым телом на рудиментарных лапах, остальные выглядят массивными, с длинной шеей и мускулистым хвостом. Это в принципе все одно и то же.

Более значительные различия видны в описании украшений головы. У мокеле-мбембе и чипекве речь идет о маленьком белом роге, тогда как видевшие лау говорят о гребне или эгретке, или массе щупалец, или осязательных волосах. Вполне может оказаться, что все эти признаки соединяются у одного животного, как это бывает у некоторых агамовых. Такие особенности не отмечены, впрочем, ни у лукваты, ни у иисикуку-мандеву.

Даже если такие разные гигантские рептилии или амфибии живут в Центральной Африке и принадлежат к одному роду (что маловероятно), странно, что они так разбросаны друг от друга. Но с другой стороны, на самом деле все эти речки и болота связаны в единую систему. Я уже говорил, что озеро Виктория соединяется с болотами Нила с помощью озер Альберт и Бахр-эль-Джебел, а Моеро и Бангвеулу принадлежат к той же речной системе. Истоки Кванзы, Замбези и Касаи расположены

близко. Санга, Конго и Убанги сливаются, а истоки последней находятся вблизи нильских болот. Миграции по этому бассейну вполне возможны для амфибий, особенно в отдаленные исторические эпохи. Сегодня можно лишь предполагать, что раньше ареалы этих животных были обширнее. Скрываясь во все более изолированных болотах и озерах, они обрекли себя на медленное вымирание.

Кажется, что из всех существ, о которых мы говорили, есть одно, которое четко отличается от других, — лау. Лапы рудиментарны, имеется гребень на макушке, особенности его поведения несколько отличаются от повадок остальных существ. Один взгляд на карту ареалов монстров показывает, что это высоты от 500 до 1000 метров над уровнем моря. Единственное исключение составляют болота Нила — именно места обитания лау.

Портрет конголезского дракона

Надо сказать несколько слов о режиме питания упомянутых существ.

Свидетельские показания сходятся на их агрессивности, однако о плотоядности нет ни слова. Торговец Хорн говорил об особенности яго-нины нападать на людей и тюленей (читай — ламантинов), и он подозревает амали в нападении на слонов. Но основывается при этом на сомнительных свидетельствах. В привычках лау отмечается умение опутывать жертву щупальцами и утаскивать в реку, но о съедении никто не сообщает. Чипекве охотится на бегемотов, чтобы их есть. Койе йя меняя рвет их на части, но не ест. Мокеле-мбембе признанный вегетарианец, что не мешает ему убивать пловцов на пирогах... Африканцам непонятно, почему животное убивает, а не ест. Им неведомо такое понятие, как своя территория, на которую нельзя пускать чужаков. Разве не таков генетический код этого монстра?

Сейчас мы можем набросать приблизительный портрет дракона-амфибии, обитающего по краям гигантской конголезской кюветы. В целом это животное, напоминающее по форме пресмыкающееся, но тело у него вздутое, как у лошади или осла. У него конечности с когтями, как у ящерицы, но более массивные. Оно не тащит брюхо по земле, как крокодил, у него длинная и подвижная шея, мощный мускулистый хвост. По всем оценкам, его размеры колеблются от 7 до 10 метров. Голова короткая, закругленная, как у большинства рептилий, может быть рог чад ноздрями и горб на верхушке головы. Кожа гладкая, как у гиппопотама, темной окраски в гамме серо-коричневых оттенков. Светлую часть дня оно проводит в пещерах под водой, но днем пускается на поиски растительной пищи. Оно убивает любых пришельцев, зашедших на его территорию, пуская в ход мощные когти. Лодки, которые оно, видимо, принимает за себе подобных существ, оно переворачивает по природной глупости. Звуки, издаваемые им, служат для привлечения особей противоположного пола в сексуальной игре.

Это динозавр?

Попробуем идентифицировать условно названное животное. Превратить его в рептилию априори. Мы помним, что Денис Лайэлл называл чипекве «водяным львом», — такое определение не выдерживает критики. Но другие люди, более искушенные в зоологии, утверждают, что ранее существовали млекопитающие с растительноядными замашками, когтями и длинной шеей, ведущие водный образ жизни. Это, по Хиченсу, может быть халкотерий, живший в конце миоцена, с лошадиной головой, пальцами на ногах и т.д., но его портрет до конца не вырисовывается.

Да, гладкая кожа заставляет некоторых исследователей видеть в нем млекопитающее, а не рептилию. Но у некоторых ящериц сегодня тело покрыто настолько мелкими чешуйками, что они фактически незаметны. А потом, разве доказано, что крупные водные рептилии должны быть обязательно покрыты чешуей?

Но если рептилия, то какая? Не исключено, что это может быть ящерица из группы варанов, распространенных во всех теплых регионах Старого Света. Можно вспомнить, что у варанов Австралии шея довольно длинная и подвижная, что варан с острова Комодо обладает массивными лапами и что в Австралии в недавние времена обитал гигантский варан восьмиметровой длины — *Varanus priscus*.

Важная деталь: натуралисты, признающие, что в Африке может сохраниться какая-то неизвестная крупная рептилия, более склонны считать, что это скорее варан, чем небольшой динозавр. Отчего так? Может, вараны принадлежат к более молодой группе, чем динозавры? Отнюдь. Среди последних имеются две большие группы, одна — ящерообразные (самые крупные), другая — птицеящеры — полетче.

Первая группа была распространена в триасе и юре, вторая – в юре и меле. Нашего дракона можно отнести ко второй группе.

Есть взгляд на динозавров как на гигантов. Это мешает экспертам признать, что такой гигант выжил, оставшись незамеченным. Но среди них были и животные средних размеров, и даже карлики, этикие карманные динозавры размером с голубя.

Что же сенсационного в том, что среди десятиметровых крокодилов-людоедов сохранились мелкие формы динозавров? Ведь нашли же гигантского варана на острове Комодо в Индонезии в 1912 году, гигантских черепах, наконец...

Сиррух с портиков Иштар

Интересный аспект истории конголезского дракона поднял в своих книгах Вилли Лей, мой уважаемый коллега. По его мнению, изображение животного представлено не только на рисунках бушменов и других художников, но и на фресках Вавилона.

В 1902 году профессор Роберт Колдевей после трех лет напряженной работы откопал арку, возведенную царем Навуходоносором в честь бога Мардука. Ее стены были украшены изображениями туров и драконов. Клинопись поведала, что царь расположил ужасающих рими и диких сиррухов на стенах портика, чтобы люди восхищались ими и дивились [По поводу произношения слова «сиррух» есть разные мнения].

Что касается рими, то в Библии их зовут «реем», тут зоологи определили, что речь идет о турах вида *Bos primigenius*, доживших в Европе до средневековья. Последний был убит близ деревни Янтаровка в Литве в 1627 году. Но с определением сирруха оказалось сложнее. Он представляет собой покрытое чешуей четвероногое существо с передними лапами, как у льва, задними – как у орла, с головой на длинной шее, есть и язык, имеется грива, как у лошади. Более странной мешанины не придумаешь.

Явно у архитекторов ворот было задание изобразить реальное животное, а не мифическое, а иначе почему рядом фигурирует обычный прозаический тур? Да и львы подле тоже реальны.

«Если бы портик богини Иштар раскопали на век раньше, – пишет Вилли Лей, – эта мешанина разных конечностей была бы доказательством того, что «змей» – такой же объект мифов, как и летучие быки с человеческой головой в ассирийской мифологии. Но за эти сто лет Жорж Кювье успел стать отцом палеонтологии, а профессор О. Марш заслужил честь называться в Америке «отцом динозавров». И наши представления о возможностях природы резко изменились. Палеонтологи откопали останки таких странных животных, что и самая богатая фантазия не могла вообразить. Они открыли особую группу птицеголов, которые ходили на «курьих ногах», держа передние на весу. Сам Колдевей опубликовал записки по Вавилону в 1913 году. Там он признал, что большинством черт сиррух соответствует какому-то исчезнувшему млекопитающему, но скромно добавил: «Если бы передние лапы не были такими кошачьими, такое животное могло бы существовать». Во всяком случае, Ветхий завет четко высказывается за наличие такого животного в Вавилоне.

«Можно представить, – пишет Колдевей, – что у жрецов было некое похожее животное, рептилия или нарвал, которое они избрали прототипом сирруха». В роскошной книге «Ворота Иштар в Вавилоне», вышедшей в 1918 году, профессор высказался более определенно по поводу отображения рептилий древнейшей эпохи. «Если бы жила на свете такая тварь вроде сирруха, ее можно было бы поместить в разряд динозавров, а точнее, в группу орнитоподов. Игуанодон мелового периода из Бельгии больше всего походит на нашего сирруха. [Опираясь на физические показатели, можно заключить, что сиррух напоминает цератозавра из-за маленького роста. Но дальше мы увидим, почему это сравнение неприемлемо]. По причине того, что халдеи не имели ни малейшего представления о палеонтологии, их сирруха можно назвать реконструкцией. Не результат ли это некоего коктейля из разных мифологических животных? Похоже, что нет. У сирруха долгая жизнь, в отличие от мифических животных, он появился с первыми образчиками халдейского искусства в 2800 году до нашей эры и жил еще до эры Навуходоносора (1146–1123 гг. до н. э.).

Наивное отображение конголезского дракона?

Очевидно, изображение сирруха во многих экземплярах на стенах портика и на других вавилонских монументах – не точное воспроизведение бегущего динозавра – игуанодона или цератозавра. Это отличная стилизация. По Лею, оба эти животные –

тур и дракон – считались монстрами дальних стран. Ведь реем тоже был удален от Месопотамии, как и сиррух...

По всем данным, сиррух должен быть родом из Центральной Африки. Осталось только доказать, что халдеи ходили так далеко в дебри Черного континента. Ханс Шомбургк, тот самый, что доставил в Европу слухи о чипекве, привез несколько покрытых эмалью изделий, похожих на вавилонские. Он считает, что между этими находками есть связь.

Значит, кто-то из этой «команды» – чипекве, лау или мекеле-мбембе – был известен жителям Древнего Двуречья около пяти тысяч лет назад? Если вы сомневаетесь в этом, предложу вам следующий опыт.

Попробуйте попросить кого-нибудь, кто никогда не видел динозавров, нарисовать вам, скажем, конголезского дракона. Многие говорят за то, что у него получится то же самое, что вышло у художников, оставивших нам рисунок на портике богини Иштар в Вавилоне. Сначала появится какое-то четвероногое с туловищем обычного животного – лошади, собаки, быка или кошки, потом его снабдят хвостом, шеей, головой змеи, лапами с когтями. Возникнут рог и грива. А если вы добавите, что это рептилия, подрисуют чешую. Сделаем выводы.

1. Облик дракона родился не от прямого описания амфибии из Центральной Африки, а от устной традиции, свидетельств, оставленных путешественниками-халдеями.

2. Портрет сирруха мог «укомплектоваться» поздними добавлениями.

3. Описания самих африканцев говорят о рептилии, сильно напоминающей динозавров, на птичьих лапах. Само собой, что все это не означает, будто в конголезских болотах живет настоящий динозавр. Но можно принять версию априори.

Группа орнитоподов, включая игуанодона, не единственная, представители которой оснащены птичьими лапами. Они характерны и для тероподов, например цератозавра с рогом. Поэтому-то я и говорил, что сиррух мог быть именно им.

Зоологии нужны реакционеры и авантюристы

В декабре 1953 году Вилли Лей опубликовал в «Энимал лайф» свою работу «Дракон из Конго», в которой утверждал, что это может быть не обязательно динозавр, а другая рептилия. На эту статью обрушился доктор Эдвин Колберт, сотрудник отдела ископаемых рептилий Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, говоря, что Лей реанимирует старую версию о выживании динозавра в наши дни. Он возмущался, почему эта несусветная чушь помещена в солидном зоологическом журнале. Хорошо, что эра Кьюе и Оуэна еще не кончилась.

Конгамато, последний крылатый ящер

Где грань между мифом и реальностью? Конан Дойл в «Затерянном мире» стер эту грань, доказав, что такие животные могут существовать в действительности.

В 1923 году в Лондоне появилась книга Фрэнка Мелланда «В зачарованной Африке», одна из глав которой была посвящена будоражащей воображение теме. Находясь в Африке, автор собрал множество слухов о таинственном животном по имени конгамато. Оно живет, считали аборигены, в болотистой местности Джиунду на северо-западе Замбии, на границе с Конго и Анголой.

Заинтересованный Мелланд спросил африканца:

– Что такое конгамато?

– Это птица.

– А какая?

– Это не точно птица. Это, точнее, ящерица с крыльями, как у птицы, как летучая мышь.

Мелланд тогда не задумался над этими словами, но потом ему все же пришла мысль: а не летающий ли это ящер? Он задал новые вопросы и узнал, что животное в размахе крыльев достигает 1,20–2,15 метра, лишено перьев, кожа гладкая, во рту есть зубы. Он изучил книги, где приведены изображения летающих ящеров, и показал жителям несколько рисунков. Без тени колебания те ткнули пальцами в... птеродактиля.

– Конгамато!

У этой твари довольно плохая репутация, она переворачивает лодки, глядящий на нее может умереть.

Местные жители убеждены, пишет Мелланд, что эта бестия жива и поныне.

Портрет летающего ящера

Сам факт того, что птерозавр мог дожить до наших дней, идет вразрез с мнением палеонтологов. Останки большинства этих ящеров находят в отложениях юры и реже — меловых. С тех пор прошло 70 миллионов лет. Вот что написал об этом Дж. Янг из Лондонского университета в книге «Жизнь позвоночных»: «Почти все виды открыты в донных отложениях и представляются ихтиофагами, но это не означает, что они жили не на Земле, где шансов для ископаемой формы сохраниться куда меньше».

До сегодняшнего дня дожил вид «крылатого» ящера *Draco volans* в индо-малайском регионе. Но он не соответствует названию в полном смысле этого слова, ибо не летает, а планирует с дерева на дерево благодаря перепонкам на ребрах. Максимальная длина таких полетов — метров пять с потерей высоты при этом около полутора метров. У этого животного, конечно же, нет ничего общего с птерозаврами древности, которые летали на манер летучих мышей.

Настоящий полет, становящийся возможным благодаря крыльям, требует значительных затрат энергии. Для этого и чтобы не замерзнуть, птерозавры должны были обладать системой химического обеспечения, как летучие мыши и птицы.

Представляется маловероятным, что летающие рептилии были снабжены перьями. Их останки доказывают, что у них были перепончатые крылья, и все. А была ли у них шерсть? Изучение останков рамфоренка доказывает, что это вполне вероятно.

Размеры птерозавров существенно варьировали. Главным образом, это были существа размером с орла, но был и птеранодон с размерами крыльев 7,5 метра, вдвое больше, чем у сегодняшнего рекордсмена — альбатроса *Diomedea exulans*. Этот птеранодон был в самом деле замечательной тварью. Голова у него была устроена таким образом, что на ней появился гребень, заменявший своими функциями хвост.

Слухи о существовании в Африке летающей рептилии предусматривают более скромные размеры этой бестии — не большее двух метров. Речь идет о некоем существе, близком к птеродактилю, — маленьком летающем крокодиле.

По следам конгамато

Оказалось, что Фрэнк Мелланд — не единственный свидетель событий, связанных с летающим ящером. В томе 4 сочинений «Вдали от проторенных троп» неутомимый путешественник Стани рассказывает почти ту же историю, что и английский писатель. Дело тоже происходило в болотах Джиунду, в те же годы. Мне лично Стани назвал 1920–1921 годы.

Познакомившись в Северной Родезии с английским чиновником, он узнал у него следующее:

- Где-то по соседству от нас живет птеродактиль.
- Где? — живо спросил Стани, разворачивая карту.
- Вот здесь, в болоте, впадающем в реку Джиунду, приток Замбези в ее верхнем течении.

Сам англичанин существо не видел, так как эта территория не входит в его район, но африканцы утверждают, что оно там есть.

- А как они называют его?
- Конгамато.
- Величина?
- 6–7 локтей длиной.
- Ого! Около двух метров.

Стани решил добраться до места обитания конгамато.

- На это понадобится около недели.
- Я могу потратить месяцы, лишь бы увидеть его.

По счастливому стечению обстоятельств Стани познакомился со старухой Нзаке, могучей женщиной из племени мулуба, которая согласилась отвести его в нужное место. Но на вопрос о конгамато местные жители отказались отвечать, а один заявил:

- Белый, нельзя даже произносить его имя!

Но, получив подарок, разговорился:

— Конгамато злой. Он ест руки, уши, нос. Отец моего отца погиб, отправившись на болото...

— А какого цвета большая летающая ящерица? — спросил Стани, думая о том, что дед этого человека попал в плен к жестокому племени, которое его пытало и убило.

- Красный, как кровь.
- А ты видел его?
- Нет, ведь я жив!
- А на что похоже?
- Лучше встретиться лицом к лицу со львом или слоном.

На том собеседник закончил свой рассказ.

Стани встретил в Джиунду старого рыбака, и тот ему рассказал о конгамато, а потом это же повторил старик, тело которого было обезображено монстром.

– Это могло быть корневище или бегемот, – заключил Стани. – Опиши, как оно выглядело.

– Тело из перьев, длинный клюв, зубы, как у крокодила. Крылья немного напоминают крылья летучей мыши, но большие-большие. – Он развел руками. – Кожа красная, блестящая. Он испускал громкие крики. Я бы лучше умер, чем еще раз увидел конгамато.

Остановившись в деревне, Стани расспросил богатого старика, видел ли он когда-нибудь мертвого конгамато. Тот ответил, что в болоте все исчезает мгновенно и без следа.

«У меня в рюкзаке был томик Ларусса, – пишет Стани. – Я показал старику маленький рисунок птеродактиля».

– Конгамато! – воскликнул он, ткнув пальцем в страницу. – Но у него не хватает мяса, крыльев и зубов. А наш больше.

Изображение было два на два сантиметра.

Наконец Стани добрался до болота.

«Денде, моему бою, понадобилось два дня, чтобы соорудить пирог. Вместе с ним мы обследовали значительный район с помощью компаса. Заходили в реки и ручьи, где только было достаточно воды. Никаких следов птеродактиля».

«И все же я верю, что он есть. Во-первых, потому что разные люди давали одинаковые портреты. Если бы это была легенда, описания были бы разные. Никто не описывал его как слона в три-четыре роста человека, носорога более чем с тремя рогами. Речь шла об обычном животном, но более опасном, чем леопард, лев или мамба, извечные враги африканцев». Придя в деревню к своей старой знакомой Нзаке, он застал ее больной – сердечный приступ. Он дал ей лекарство, она почувствовала себя лучше и ответила на его вопросы. Ее муж – лучший охотник. Для него нет невозможной добычи. Да, он убил трех конгамато с помощью стрел. Да, о них еще сегодня вспоминают, но их уже нет.

– А вам приходилось видеть их кости? – спросил Стани в тайной надежде заполучить останки.

– Нет, их все очень боятся...

Да, дело зашло в тупик. Спустя несколько лет, в 1942 году, профессор С. Питмэн написал: «В Северной Родезии я слышал о мифическом животном, за которым держится прочная слава вестника несчастий, оно меня весьма заинтересовало. Говорят, что оно живет в болотистой лесной местности на границах Анголы и Конго. Увидевший его умирает. Но самое странное, что оно похоже на летучую мышь или птицу и еще напоминает птеродактиля. Дьявол ли это или реальное существо?» На этот вопрос в 1928 году и пытался ответить профессор Питмэн из университета в Упсале. Один из его сыновей, живущих в Северной Родезии, обратил внимание отца на книгу Мелланда. Для шведского ученого решение проблемы представилось довольно простым: в Музее естественной истории в Берлине есть кости птерозавров, найденных в Восточной Африке в отложениях нижнего мела немецкими палеонтологами. Целые семьи из племени тандагуру участвовали в тех раскопках. Доктор Питмэн считает, что легенда о конгамато родилась именно на этих раскопках, а распространилась с миграциями этих племен по Северной Родезии... Этим-то и объясняется, почему Стани не обнаружил конгамато в болотах Джиунду.

Тема закрыта? Но не стоит так быстро складывать оружие. Есть один пункт, по которому можно согласиться с профессором Питмэном: в Африке информация распространяется все-таки медленно, обрастая новыми «подробностями». Но как свидетельства о крылатом драконе разошлись по Африке на 1500 километров без изменений? Как могло получиться, что жители Северной Родезии расположили ареал конгамато в болотах Джиунду, если слухи о нем родом из Танганьики? И кроме того, сходная легенда есть и в Камеруне, на другом конце Африки! Как она могла попасть сюда с другого конца континента, за три тысячи километров?

Так что тема не закрыта!

Нападение олитии

Настало время обратиться к результатам экспедиции 1932–1933 годов, в которой участвовал А. Сандерсон. Однажды, когда они находились в горах Ассумбо, Сандерсон с товарищами разбили лагерь в лесистой зоне у подножья гор. Вблизи протекала быстрая речка, и двое пошли осматривать, что за ней. Перепрыгивая с камня на камень, они продвигались все дальше. Сандерсону удалось подбить летучую мышь, которая упала в реку. Пытаясь достать ее, он поскользнулся на чем-то – возможно, то была водяная черепаха – и рухнул в поток. Выбираясь оттуда, он услышал крик: «Осторожно!»

«Я поднял голову, – пишет Сандерсон, – и в тот же момент инстинктивно скрылся с головой под водой. В нескольких десятках сантиметров над поверхностью речки прямо на меня летело нечто темное, похожее на орла. У меня не было времени рассматривать ее, но я заметил нижнюю челюсть с рядом белых острых зубов, отдаленных друг от друга тем же расстоянием, что занимает сам зуб.

Когда я вынырнул, тварь улетела.

Незадолго до конца дня она вернулась, снова летела вдоль русла. Зубы пощелкивали. Ветер свистел в крыльях.

Мое оружие было разряжено, а она летела прямо на Джорджа. Ему не оставалось ничего, кроме как заслониться ладонями. Тварь спланировала на него и скрылась в сумерках.

Сандерсон с другом вернулись в лагерь, где застали нескольких местных охотников, заготовителей леса.

– Что за летучие мыши с крыльями вот таких размеров? – спросил натуралист, разведя руками.

– Олитиу, – закричали сразу несколько охотников на диалекте ассумбо.

– Где вы видели это существо? – спросил наконец один из охотников, когда наступила тишина.

– Там, – ответил Сандерсон через переводчика, указывая пальцем в сторону реки.

Большие летучие мыши слишком мирные, а хищные – чересчур мелкие

Сандерсон говорил о нем как о летучей мышь, однако далеко не уверен, что так оно и есть. Летучие мыши делятся на две крупные группы – большие и малые. Первые питаются плодами растений, наиболее типичный представитель – летучая лисица, ее максимальные размеры 1,7 метра. Это мирные пугливые создания. Маловероятно, чтобы местные жители прочно закрепили за ними славу агрессивных тварей.

Но маленькие, как мы говорили, – хищники, питаются они прежде всего кровью крупных млекопитающих. Самая большая из них мышь имеет 80 сантиметров в размахе крыльев, она родом из Австралии. Но в Африке мегадермы размерами не превышают 40 сантиметров. Да и окраска у них совсем не та, что описывает зоолог.

Итак, ни те и ни другие не соответствуют понятию «олитиу».

Нужно сравнить конгамато Северной Родезии и олитиу Камеруна. Описание в целом совпадает. Но окраска разная. В рассказе Сандерсона – черная, у местных жителей – красная. Может быть, речь идет о разных видах? Может быть, африканцы приводят красную окраску специально, чтобы придать священный характер этому животному?

Какое бы оно ни было, оно остается для нас загадкой. И может быть, какому-нибудь натуралисту будущего, как в романе Конан Дойла, удастся открыть ящик с неизвестным существом на заседании зоологического общества и приоткрыть тайну живого птеродактиля...

Глава 5

ТРЕТРЕТРЕТРЕ, ВУРУПАТРА И К°

Поразительная ситуация сложилась в зоологии. Пока наши зоологи собираются изучать то или иное животное или хотя бы проверяют слухи, эти живые ископаемые (возможно, это последние особи!) исчезают с лица Земли. И изучать можно будет только останки. Может быть, именно из-за этой глухоты многие вопросы науки до сих пор остаются нерешенными. То же и в истории зоологии Мадагаскара, «удивительной страны», как о ней сказал натуралист Филиберт Коммерсон, спутник знаменитого Бугенвиля.

Вурупатра сира де Флакура и птица арабских эмиров

Когда в 1658 году адмирал Этьен де Флакур выпустил «Историю Большого острова Мадагаскар», подытожившую его долгое пребывание в этом уголке Земли, в ней оказалось множество самых невероятных сведений, воспринимаемых как басни путешественников, и их правдивость была установлена лишь спустя века. Говоря о птицах, «населяющих леса», Флакур, например, писал: «Вурупатра — большая птица, живущая в Ампатрах, кладет яйца, как страус, в наиболее пустынных местах. [Слово *voiroupatra* — плохо понятое Флакуром местное слово ворон — «птица» по-мальгашски].

После Флакура и другие путешественники писали об огромной птице, и их тоже называли фантазерами. И она тоже несла яйца, большие, чем те, что «производят» страусы, и местные жители использовали их как посуду. Вот что пишет Фердинанд фон Хохштеккер: «Мадагаскарцы приехали на Маврикий, чтобы купить ром. Тара, которую они привезли с собой, представляла собой скорлупки яиц, в восемь раз больших, чем страусиные, и в 135 раз больше, чем куриные; они вмещали более 9 литров. Они рассказали, что яйца эти иногда находят в пустынных районах, да и птиц изредка видят».

Ясно, что все это воспринималось как анекдоты. Если страус высотой в 2 метра 50 сантиметров считался гигантской птицей-монстром, то что же говорить о великане, несшем яйца в восемь раз большие, чем страус?

Как полагали востоковеды, эти слухи были не чем иным, как эхом легенды о птице Рухх из сказок «Тысячи и одной ночи», страшного существа, заслужившего сомнительную репутацию у арабских мореходов. Она так огромна, говорили о ней, что, когда появлялась на небе, возникала тень: крылья закрывали солнце. Она так сильна, что может схватить слона и поднять его в воздух, а на рог наколоть сразу несколько животных. Бывало, она уносила целые суда с экипажами...

Во время своего второго путешествия Синдбад Мореход встречался с этой птицей, после того как нашел яйцо. Оно было 50 шагов шириной!

Когда Геродот писал о гигантских африканских птицах, их размеры казались более скромными: египетские жрецы говорили ему о расе летучих гигантов, живших по ту сторону истока Нила, и у них была сила поднять человека. Вспомним, что самый крупный орел в состоянии поднять существо не больше кролика...

Марко Поло в четырнадцатом веке из уст Кублай-хана услышал отголоски той же сказки. Азиатский властитель показал ему перья птицы «длиной около 20 метров» и два яйца значительных размеров. И добавил, что Рок происходит с острова Мадагаскар на южной стороне. Таким образом, рассказы о птице Рухх и мальгашские легенды совпали во времени и пространстве. Но казалось невероятным, что птица весом в несколько сотен килограммов может подняться в воздух. А ведь считалось, что если птица — должна непременно уметь летать. И птица Рок, она же вурупатра, была объявлена басней.

Яйца эпиорниса

Шли годы, и в 1834 году французский путешественник Гудо подобрал на острове половинки скорлупы невероятных размеров, служащие бутылками для местных жителей. Он сделал рисунок и послал его в 1840 году в Париж орнитологу Жюлю Верро. Тот, исходя из одного лишь вида яйца, нарек птицу, его снесшую, эпиорнисом, «большой птицей».

Через несколько лет это имя, вызвавшее поначалу подозрения, было узаконено, когда Дюмарель в 1848 году увидел целое яйцо в окрестностях Диего-Суареса. «В него вмещалось 13 бутылок жидкости».

И вот в 1851 году наконец было официально признано, что на острове водились гигантские птицы: капитан торгового судна Малавуа привез в Парижский музей два яйца 32 сантиметра длины и 22 — ширины. Они вмещали около восьми литров (8 страусиных и 140 куриных яиц). Из одного такого яичка можно сделать омлет для 70 человек.

Спустя еще несколько лет известный путешественник Альфред Грандидье вывез из болот Амбалисатры неопределенного вида кости, принадлежавшие, на первый взгляд, какому-то толстокожему. Но исследования показали, что это птичьи кости («птицы-слона»). Если честно, то орнитологи не очень удивились, ибо еще за несколько лет до этого Р. Оуэн описал моа по костным остаткам из Новой Зеландии. Основываясь на имеющемся материале, Исидор Жоффрей Сент-Илер описал вид *Aepyornis maximus*.

На самом деле эпиорнис вовсе не больше моа по росту (рост моа – 2 метра 50 сантиметров). В Парижском музее имеется восстановленный скелет эпиорниса – 2,68 метра. –Но и это очень большой рост.

Если честно, то прямой связи между ростом птицы и ее яйцом нет. Вспомните киви из Новой Зеландии: ее яйца сравнимы со страусиными, а сама птица не крупнее курицы. А по весу получаются такие данные: 440 килограммов для самого крупного эпиорниса и 329 – для моа средних размеров.

Когда исчезают гиганты?

Изучение костей эпиорниса показало, что в отличие от легендарной Рухх эта – настоящая – птица не умела летать. Как и другие килевые птицы, ее родственники – казуар, моа, эму... Крылья у них были недоразвитыми.

Но ту ли птицу обозначил Флакур под именем вурупатра? Яйца, которые находили в песке в дюнах юга и юго-востока или в тине болот, были подозрительно свежими, будто их снесли только что. Да и кости не казались ископаемыми...

Стали расспрашивать жителей. Те отвечали, что птицы водятся в глухих углах острова, но видят их очень и очень редко. Но натуралисты, находящиеся все еще под влиянием Кювье, не хотят в это верить, поэтому никто сегодня не занимался не только поисками птицы, но и не изучал причины ее исчезновения. Одно очевидно: человек не мог явиться единственной причиной ее гибели, в отличие от истории с моа вурупатру, или воромпатру, не истребляли ради мяса. В легендах об этом нет ни слова (вспомним, как маори с удовольствием рассказывали об охоте на моа с помощью простых пик с каменным наконечником).

В попытке объяснить гибель эпиорниса доходили до асфиксии, вызванной выходами газа в отдельных областях острова. Но не слишком ли сложно? Скорее всего, дело в самих районах обитания. Климат менялся, человек осушал болота, исчезли последние убежища. Высыхали гигантские болота на высокогорьях Антсирабе и Бетафо. Эпиорнисы забирались все дальше в трясины и гибли там, не находя пищи. Это доказывают их останки, найденные в торфяниках. Ясно, человек ускорил конец воромпатры, она дожила до недавних времен, до 1862 года (когда жители ясно видели ее), не дотянув совсем немного до наших дней.

Снова о конголезском драконе

Разные факторы способствовали гибели не только эпиорниса, но и других видов, например мюллерорниса, гигантского казуара района Анкаратра, центрорниса и многих других. Но не рано ли мы их хороним?

Так же как и на соседних островах – Сейшельских и Маскаренских, – здесь водилась гигантская черепаха *Testudo grandidieri* весом до одной тонны. Она, видимо, стала жертвой засухи. Но если верить Раймону Декари, знатоку фауны Мадагаскара, истребление черепахи не было повсеместным.

«Имеются слухи о наличии в отдельных пещерах юго-запада загадочного существа, которое может оказаться гигантской черепахой, – не идет ли речь о последних представителях *Testudo grandidieri*?» – пишет зоолог.

Другой вид: на Мадагаскаре водились гигантские крокодилы, череп которых достигал 80 сантиметров ширины. Есть сведения, что они еще остались здесь.

Тотальное осушение болот привело к исчезновению на острове гиппопотамов. Раньше здесь водились гиганты, напоминающие плейстоценовых бегемотов Африки. Не о них ли писал в 1829 году в книге «Путешествия вокруг света» великий странник Дюмон Дюрвиль, плавая по мадагаскарским рекам? С другой стороны, есть предположение, что именно гиппопотам или, вернее, его образ, трансформированный легендой, послужили основой мифа об цогомби или омбирано – водяном быке, полумуле, полулошади с горбом. Если речь идет о бегемоте, то он сильно изменился в легендах, ибо у цогомби появились огромные висячие уши. К тому же его «одарили» криком, приводящим в ужас кого угодно, а также агрессивными людоедскими повадками. Племена махафали и антрандон, по словам Р. Декари, приписывают ему яйца, на самом деле принадлежащие эпиорнису.

Есть слухи и о райлаломена, что означает «отец или предок гиппопотама». Живет он якобы в болотах, и во лбу у него рог. Все это очень напоминает нашего знакомого – конголезского дракона. Может быть, захватчики банту, появившиеся здесь, привезли с собой описания загадочного существа с континента. Обе гипотезы имеют право на существование, и в обоих случаях есть сходство с конголезской рептилией – тело гиппопотама, рог, висячие уши (которые на самом деле могут быть

мясистыми наростами по краям головы и видны у дракона с портика Иштар), яйцерождение, говорящие о рептилии, болотное обитание, агрессивный характер и, наконец, дикие крики.

Если это существо жило на Мадагаскаре, то наверняка могло бы стать одной из первых жертв высыхания болот и озер. Если это, конечно, не гигантская черепаха. Или же гастролер-крокодил с континента...

Третретьре и человек с собачьей головой

Мадагаскар называют землей полуископаемых животных. Ни один другой остров не может стать такой витриной древней истории. Останки зверей, птиц, рептилий нередко оказываются настолько свежими, что многие задаются вопросом: а не живы ли их «обладатели»? Часто легенды и устные традиции утверждают, что люди знают их до сравнительно недавнего времени. Вспомним принцип Геннепа, по которому воспоминания о событиях теряются за два века там, где нет устной традиции. Поэтому настолько велик интерес к воспоминаниям путешественников.

Флакур кроме эпиорниса писал еще об одном загадочном животном: «Третретьре, или тратратра, величиной с быка и с лицом человека. Он напоминает танахта Амбруаза Парэ. Это одиночное животное, и жители той страны боятся его и бегут от него...»

Первая реакция натуралистов была, естественно, однозначная – миф. Никогда на Мадагаскаре не жило ничего подобного, там и обезьян-то настоящих никогда не было. Тем более такого удивительного вида. Значит, кто-то повторил наивные басни Марко Поло и Ктесия?

Первый камуфляж был снят, когда открыли индри (*Indris brevicaudatus*), самого крупного из лемурув, отвечающего описанию «человека с собачьей головой». Высотой он около метра, почти без хвоста (обрубок), встает часто на задние ноги, будучи на земле, удивительно напоминает человека. Вытянутая его морда похожа больше на лисью, чем на собачью. Глядя на него, понимаешь, почему члены клана Бетсимарака одновременно и убивали его, и обожествляли, называя бабакото (отец-дитя), считая потомком человека, удалившегося в леса. Добавим, что все лемуры для мальгашей – фадя (табу), ибо считается, что это другое воплощение человека. Но, повторяю, индри – самый «человечный» из них.

Затухающее сердце Гондваны

По логике, на Мадагаскаре можно было бы искать ту же часть Гондваны, что и на Африканском континенте. На самом же деле остров не является африканской зоологической провинцией. Мальгашские животные характеризуются, с одной стороны, оригинальностью форм, а с другой – являют родство с формами Южной Америки и индо-малайского региона.

Среди типичных форм Мадагаскара – лемуры, отличающиеся от других приматов рядом анатомических признаков. Именно за эту внешность ученые и дали им имя «лемуры», как римляне называли фантомов умерших людей. Но лемуры живут не только на Мадагаскаре. Часть распространена и в Африке – галаго, потто и ангвантибо, и в Малайзии – лори и толстые лори. Но на Мадагаскаре живут формы, совершенно неизвестные в Африке. Более того, они известны на... Антильских островах! И в Южной Америке...

Весь этот коктейль объясняется наличием когда-то огромного континента Гондваны.

Изучение ископаемых останков лемурув показало, что еще в недавнюю эпоху их было великое множество. Магадолы были настоящими носорогами, лазавшими по деревьям. Они делали это несмотря на свои размеры, благодаря цепким пальцам. А было и множество других... И глядя на них, думаешь, что описания Флакура не представляются такими уж фантастическими...

Кто такой токандия – «прыгун-четвероног», живущий на деревьях и издающий человеческие звуки? А кто такие колоноро, мальгашские гномы?

«Все племена, – пишет Декари, – верят в некое подобие наших карликов, домовых и гномов. Их имена меняются по районам: бибиалона, котокели и так далее. Колоноро – что-то вроде амфибии. На озере Алкатра они обитают как сирены или русалки с длинными распущенными волосами, живут в воде, тянут руки к пирогам, хватают детей.

По верованиям бетсилео, колоноро, наоборот, сухопутное существо высотой в два локтя, покрыт длинными волосами, у него есть жена по имени котокели, живет в

пещерах. Она ворует детей у людей и заменяет их своими.

В районе озера Кинконг у сакалава другая концепция колоноро. Это существо мужского пола, живущее по берегам прудов. Размеры меньше метра. У него сладкий женский голос, питается рыбой, вечерами гуляет по окрестностям. Встречает человека, заговаривает с ним и заманивает в пруд.

Дальше на севере колоноро живет в лесу и пещерах, не нападает специально на людей, но имеет острые когти и может сильно ранить, когда его пытаются схватить.

Странные легенды, распространенные по всему острову, свежие кости, найденные на юго-западе, и условия их залегания указывают на то, что гадропитеки могли дожить до недавних эпох в области Бара, Анказоабо. Многие районы Мадагаскара еще совершенно не исследованы, и на этих миллионах гектаров леса могли выжить и гигантские лемуры... Вспомните окапи – он долго жил инкогнито.

Неведомые копытные или особые лемуры?

Р. Декари, посвятивший загадочным животным мальгашского фольклора много страниц, считает, что в большинстве своем они родом из мифа, хотя частично ответ можно найти в полуископаемых формах гиппопотамов, лемуров, населявших леса и воды еще века назад, воспоминания о которых еще живут, порождая самые невероятные легенды. Среди них есть несколько таких, которые, по мнению Декари, дают надежду на реальность.

Упомянем для начала хабеби, которого бетсилео зовут фотсиаондре, или белым бараном. Это чисто ночное животное, которое появляется лунными ночами в горном массиве Исало. У него копыта и шерсть, как у барана, иногда с пятнами бежевого или черного цвета. Уши длинные, заросшие, морда вытянутая, глаза большие. Кое-кто приписывает ему кровожадность, однако, судя по всему, он вегетарианец (это наивность – придавать неизвестному животному заведомо сомнительный характер хищника).

В самом ли деле хабеби – баран? Я очень сомневаюсь, ибо бараны – не ночные животные. Да и о рогах нет никаких сведений.

Адмирал Флакур писал еще об одном загадочном животном: «Мангарсаок – крупный зверь, у которого крупная ступня, как у лошади, и очень длинные уши. Когда он спускается с гор, то с трудом может осматриваться, ибо уши закрывают ему глаза. Он испускает громкие крики наподобие осла. Я полагаю, что это разновидность дикого осла».

Спустя сто лет, в 1776 году, граф Модавский «расположил» загадочное животное в дюжине миль от Форт-Дофина. Вот что сообщает он в корреспонденции, так и не изданной: «Это животное сильно истреблено неграми, и они возводят на него всякие небылицы, на самом деле это всего лишь дикий осел, их, много в этой части острова, но искать надо в лесах, ибо не покидает оно уединенных мест...»

Сегодня, по Декари, в Анози говорят о животном мангарса-ока (буквально: «тот, у кого уши покрывают подбородок»). Скорее всего, это и есть мангарсаок мсье де Флакура. Интересно, что многие натуралисты, готовые признать на Мадагаскаре наличие дикого осла и лошади, никогда не виденных бельми, останков которых никогда не находили, отказываются поверить в существование гигантских лемуров, а ведь у них, по понятным причинам, гораздо больше шансов на выживание.

Время гигантов прошло

Легендой о райлаломена мы возродили на Мадагаскаре эхо мифа о конголезском драконе. С мифом о колоноро вспомнили о цейлонских ниттаево, об оранг-пендеке Суматры, об агогве Мозамбика и мау из Кении. У Большого острова есть свой конгамато, или олитиу, в форме фангагабело. У мальгашей своя версия о встречах с буньипом и йемишем, принадлежащим к мифам Австралии и Патагонии соответственно. Верят мальгашаи и в гигантскую гидру – семиглавую трехцветную тварь, похожую на «небесное пресмыкающееся» австралийских аборигенов. Считается, что это поэтическое отражение штормов, которые случаются на больших озерах. Но кто может гарантировать, что это на самом деле так?

Сегодня под влиянием селекции на Земле выживают наиболее приспособленные, компактные, проявляющие большую жизнеспособность животные. Давно прошло время гигантов. Титаны мира – амфибии, рептилии и птицы – уходят. Млекопитающие продержатся дольше, но и они исчезнут. Нам нужно позаботиться о том, чтобы они прожили как можно дольше. Дух Аристотеля и Плиния, Геснера и Альдрованди,

Бюффона и Кювье – не угас ли он в лабиринтах сегодняшней зоологии?

Думаю, не сегодня-завтра у нас появится все же новый родственник в лице «снежного человека» – кем бы он ни оказался. Может быть, им будут маленькие атогве или неуловимый оранг-пендек. Но пусть знакомство с ними не будет связано с убийством. Осторожно с монстрами! Настоящие монстры живут среди нас...